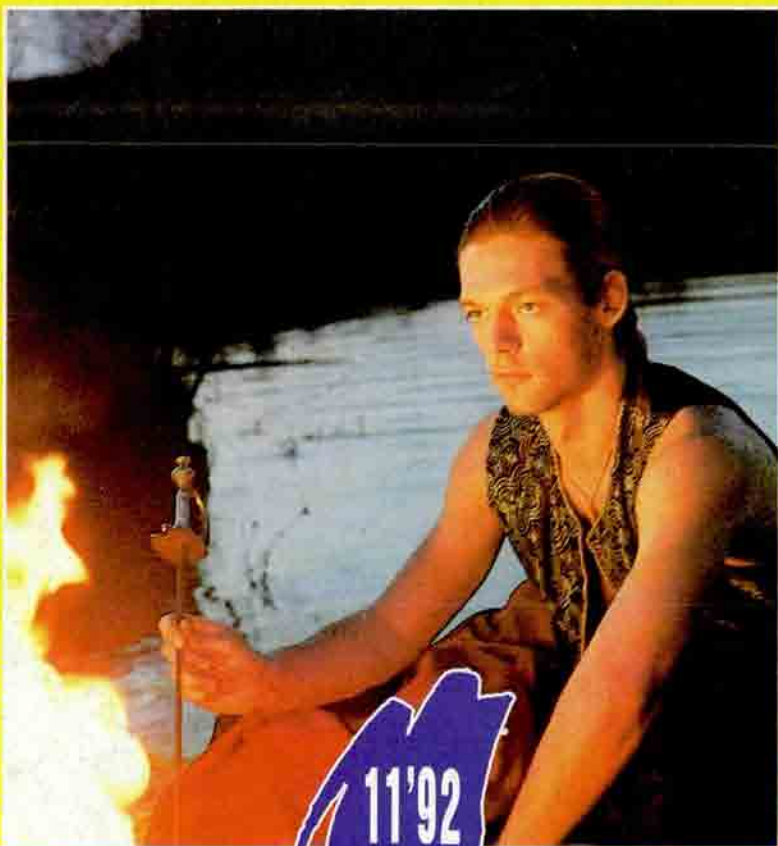

ISSN 0131—6656

СМОЛНА

ДНЕЙ МИНУВШИХ АНЕКДОТЫ КОЛИН УИЛСОН • МИР ПАУКОВ

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ •

СТАРОСТЬ ПУШКИНА

(Читайте стр. 20.)

11'92

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
Художественно-
технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 31.08.92.
Подписано к печати 29.09.92.
Формат 84×108¹/₂.

Бумага газетная

Печать офсетная

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 224500 экз.

Заказ № 1988.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

212-11-27 — отдел писем

212-23-79 — отдел молодежных
проблем

251-04-10 — отдел литературы
и искусства.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

11 (1537) НОЯБРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1992.

В НОМЕРЕ:

Проза

4

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ. СТАРОСТЬ ПУШКИНА
Рассказ

36

КОЛИН УИЛСОН. МИР ПАУКОВ
Фантастический роман

192

ХЬЮ ХОЛПОЛ. МИССИС ЛАНТ
Рассказ

218

ИГОРЬ КОЗЛОВ. ТЯЖЕЛЫЙ ПАР
Рассказ

Поэзия

31

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

115

КАРИ УИКСОВА, ВАЛЕРИЙ МАКАРОВ

163

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ

Человек и общество

20

ВАЛЕРИЙ МАЙСРОВ. ТЕ ЖЕ КВАСОВЫ...

130

ДВА БЕРЕГА
Фоторепортаж из Приднестровья

148

ОЛЕГ БУРМИСТРОВ. ОДНАЖДЫ — В АМЕРИКУ

166

ДНИ МИНУВШИХ АНЕКДОТЫ

204

МИХАИЛ РОМАНОВ: «Я — ИЗ ТРУППЫ АНТИТЕРРОРА»

На нашей
обложке
актер -
МИХАИЛ
МАМАЕВ.
(Читайте
стр. 160.)

Культура, музыка, искусство

120

ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ. ЕВРОПЕЙСКОЕ КИНО: ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

160

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА. КТО ТАКОЙ ВЕАМАМ?

252

АЛЕКСАНДР НАЛОВЕВ. «РУССКАЯ РУЛЕТКА» ФРЕДДИ МЕРКЮРИ

274

АНДРЕЙ БАТАШЕВ. «РЫЖИЙ» ВСЕГДА ВЫВЕРНЕТСЯ

287

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВА. ИГОРЬ НОВИКОВ

144

ВАШИ ПИСЬМА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

12•92

■ ЭД МАКБЕЙН. «В ГЛУХОЙ ЧАС»

Автор повестей о работе 87-го полицейского участка американский писатель Эд Макбейн — непревзойденный мастер триллера. Напряженный детективный сюжет в его произведениях сочетается с почти документальными описаниями будничной работы следователей, трагических, а порой и абсурдных происшествий, характерных для любого большого города.

В повести «В глухой час» уже знакомые вам герои сериала Стив Карелла, Коттон Хоуз, Майер Майер блестяще раскрывают очередное запутанное преступление.

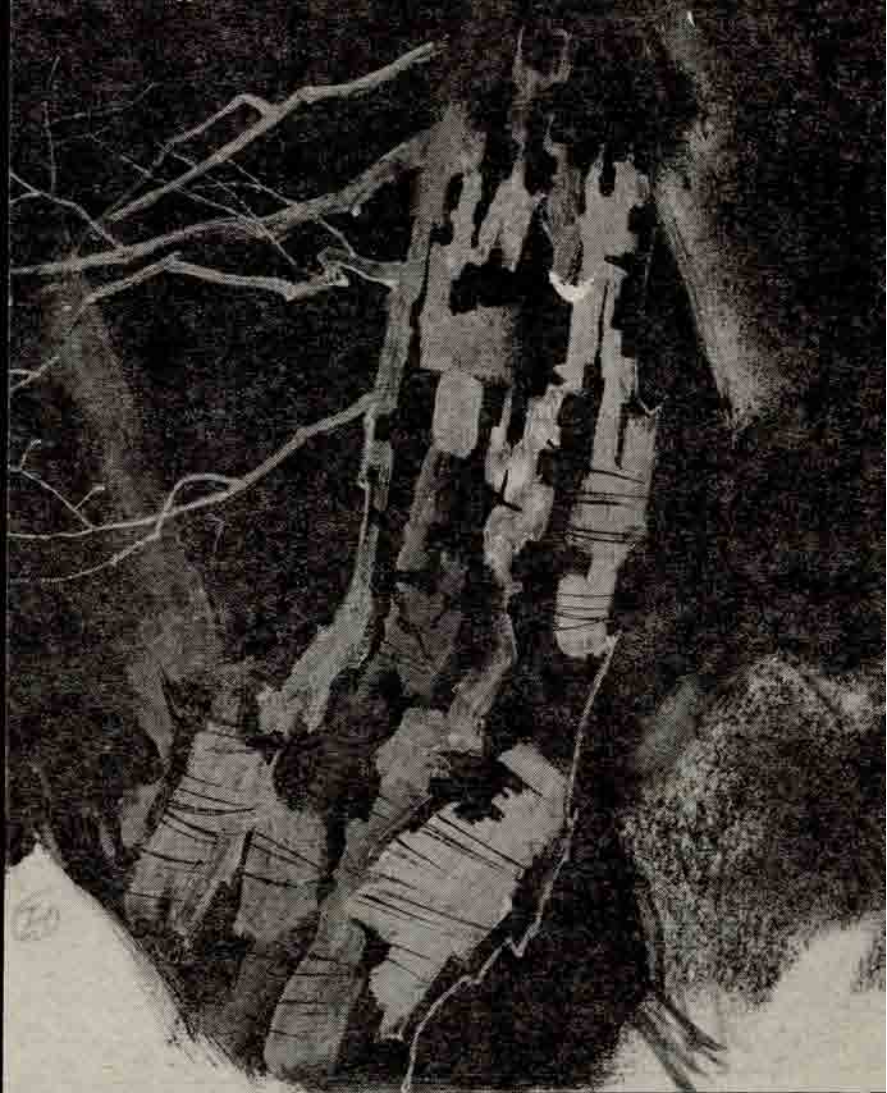
■ ЛЕОНИД ГРОССМАН. «КАЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО»

«Помню, как стоял на Семеновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовления, знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так, казалось, предстояло мне долго жить...»

АНОНС:

СТАРОСТЬ

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ

ПУШКИНА

Рисунок Геннадия Лобовикова

Под солнцем морозные узоры окна сливались и расходились, открывая белую площадь сада и заснеженные деревья парка. Тяжело ступая, прошел по коридору истопник, заряжая печь дровами, стуча заслонкой, потом прошла девушка, неся в кувшине теплую воду для умывания Натальи Николаевны. Пушкин потянул за шнурок, и в открытую форточку понесло ядреным январским воздухом. Зевнув и потянувшись, Пушкин подошел к надкаминному зеркалу, доставшемуся после смерти матери. Оно отразило сморщенное, несколько обезьянье личико, каштановые с сильной проседью выющиеся высоко надо лбом волосы, склерозную желтизну белков. Глаза же оставались голубыми, живыми и быстрыми. С раздражением вспомнил о недавно полученном известии и подумал: в мае пойдет все вертеться.

Горько, страшно, а многим из нас, видит Бог, и стыдно возвращаться памятью к чудовищной российской трагедии, но что поделаешь — болит она, память, хоть и восьмой уже пошел десяток...

Февраль 1920-го, крики чаек, душераздирающие гудки над пустеющим, вымирающим на глазах новороссийским портом, пароход курсом на Константинополь. Когда, да и приведет ли Господь вернуться — никто из его пассажиров знать не мог. Не знала того и четырнадцатилетняя Зинаида Шаховская, с матерью и сестрами по скользкому, отяжелевшему от тысяч беженцев трапу поднимавшаяся тогда на борт.

С последнего краешка российской земли увозила она то, чего грабители, отнявшие у нее родину, и зубы обломав бы, вырвать не могли, — увозила она с собой русский язык. В нем была сила. В нем и будущее оказалось.

Константинополь, Брюссель, Париж — города и годы ученья. Но языки европейские, раскрытые ей до последней кровиночки, мировая культура, под небо которой входила она на правах законной уже наследницы, при всем баснословном их величии, не потеснили и притушить не могли того, что со старинным родом даровано было России. Позже Зинаида Шаховская напишет: «Задача, вставшая передо мною, была такая: как жить в трехмерном мире, помнить прошлое, питающее настоящее, и различать в них зерно будущего. Я была частью зарубежной России, той самой, которая молилась, трудилась, ссорилась, пела, танцевала и... шисала».

*Русский пожар горит над нами,
О Русь, я связана с тобой
Тысячелетними снегами
Над черной русской землей.*

*.....
С тобою связанная снами,
Твой гнев и боль твою дела,
Я помню — дышит под снегами,
Все та же черная земля.*

Разве одним лирическим даром рождены эти строки? Они выстраданы. Три сборника русских стихов в много-

Нашли что праздновать, какой праздник — семидесятилетие! Придется еще в Петербург ехать, собратья академики чествовать будут. Может, сказаться большим, провалиться в постели? Да что толку! Сюда награнут, и добро бы друзья, а то так, всякие... Тютчев, тот не приедет, хворый стал. Вспомнилось, как навещал его в Германии, хорошо тогда поговорили о поэзии. И сразу выплыли в памяти уже и не существующие друзья и недруги. Книжки их были вот тут, под рукой, на полках библиотечных шкафов, имена на корешках, как на надгробных плитах.

Размышления прервал стук в дверь. Как всегда, в 9 утра явился управляющий Сашка, здоровенный мужик с вьющейся каштановой бородой, живыми светлыми глазами и толстыми губами, отдаленно, но явно похожий на барина. Водились и дру-

книжной Европе не затерялись, не стерлись и в памяти, — живет в них истинно русская муза. Нет причин удивляться, что страницы лучших русских зарубежных изданий стали для Зинаиды Шаховской пространством ее жизни — и прозаический талант беспорочен. Нет, конечно, причин удивляться и тому, что война, расколовшая мир, привела ее во французское Сопротивление — русским-то сердцем как не почувствовать, на чьей стороне правда. Если подумать, не будет причин и тому удивляться, что почти двадцать лет — с 49-го по 68-й — писала она исключительно по-французски — вторая родина пускай не мать, но и не мачеха; мудрею ль, что за эти годы в Париже вышло и на разных языках по миру разбрелось шестнадцать ее книг; в числе их романы, исторические работы и четыре тома воспоминаний (1910 — 1950 гг.), для русского читателя бесценных, но в России не переведенных. Все это не исключает, но даже дает нам право числить Зинаиду Шаховскую по разряду русской литературы. А новый бросок — с 1968 года и по сегодня — в родную стихию, чем обязаны мы русским ее рассказам, очеркам, воспоминаниям и блистательному эссе «В поисках Набокова», только подтверждают истину, что для русского писателя, несмотря и на самые крутые повороты его судьбы, родное — это неизбежно.

Чему же мы действительно можем и должны дивиться, так это тому, что книги Зинаиды Шаховской до сих пор не поставлены на русскую полку! Досадную и, конечно, обидную эту лакуну, быть может, отчасти восполнит публикуемый рассказ, для первого знакомства из богатого творчества русской писательницы выбранный не случайно.

То, что одну из своих работ Зинаида Шаховская и начинает словами: «Пушкин наше все — это бесспорно, хотя и до Пушкина была Россия...», — весомый, конечно, к тому довод. Но и другого со счетов не сбросим — сколько уже поколений задает себе роковой и сакраментальный вопрос: «Если бы пули Дантеса...» И вот перед нами ответ.

Что это — рассказ-фантазия, рассказ-воображение? Возможно. Но так ли, иначе, все-таки это — второе пришествие Пушкина, пускай и рожденное воображением и фантазией.

гие толстогубые в Михайловском и Болдине, но к Сашке Пушкин чувствовал особенную близость. Большую, смешно сказать, чем к законным своим детям. И каждый раз, увидев входящего Сашку, теперь уже Александра Михайловича, в улыбку его Пушкин угадывал и Глашеньку, крупную чернобровую девушку, усладившую его Михайловское сиденье, и тогда поднималась в нем жалость и нежная память. Шутница она была, хоть и с норовом, и где плакала, когда выдал он ее замуж за Михаила Волкова, смиренного и непьющего садовника. Но хоть и дал он Глашеньке и ее мужу вольную, Глашенька уйти не захотела и сына вырастила в Михайловском, постоянным укором своему барину. А сам Сашка, легко выучившийся у священника грамоте, тоже никуда не ушел, и, когда по утрам разговаривали они уже в кабинете Бончарова о хозяйстве, тянулась от одного к другому ниточка отцовства и сыновства.

В хозяйстве бывший Сашка понимал лучше барина и отца и вел его примерно. Нрав же пушкинский ему все же передался, а не только физическое сходство, и жена его зачастую ревела из-за его любвеобильного сердца. Александр Михайлович был также знаменитым на весь округ охотником и книжки любил почитать зимою — летом было некогда, на гнев был скор, но и добр. Пушкин был рад, что Сашка писать стихи не пытался, этого дьявольского призвания у него не было. Единственный из дворни Александр Михайлович звал Пушкина не барин, а по имени и отчеству — Александр Сергеевич.

— Хорошо сегодня, морозно, безветренно, не захотите ли верхом проехаться, Александр Сергеевич?

— Да нет, спасибо. На коне поздно, а на кляче не по нутру.

Позвонев ключами, Сашка вышел, и Пушкин как-то осиротел. Михайловское Пушкин отдал старшему сыну, Болдину — младшему, выкупил и Захарьино, где провел детство у бабушки. А на авторские, идущие к нему потоком (книги его расходились по всей Руси, изучались в университетах, зубрились в школах, давались как приложения к журналам), купил он у вдовы генерала Чирикова, Зинаиды Карловны, урожденной Росси, псковское поместье Бончарово.

Усадебный дом был построен отцом Зинаиды, зодчим Росси, с которым Пушкин в молодости встречался. Дом с колоннами, с доброй землей, с парком и садом и прочими угодами нравился ему особо тем, что был в ампирном стиле его молодости. Дочь Росси и в пятьдесят лет была красива до чрезвычайности, и Пушкин любил ее воображать молодой хозяйкой дома, где он жил.

В тулупе и валенках мелькнула и скрылась, протопав по сугробикам сада, судомойка Груша. «Вот и живу я во времена, когда пало рабство по манию царя», — подумал Пушкин. «Тоже, свободная... Муж бьет, как напьется, тарелки грет, радости не знает. На что и свобода такая? Людей-то не переменишь. Тайная свобода, кто до нее дорос, а другой, признаться, и нет. Да и я ведь, пока был молод, был рабом своих страстей, пока не понял, что мотал добро не по назначению, назначение же мое одно — служить искусству».

Все реже возвращались к нему образы Анны Керн, Раевской, Амелии Ризнич, Долли Фиксальмон, и не счесть других... Случалось ведь, что врал и себе, и им, одно говорил про них, другое им писал, — «ну ничего, зато вошли через меня в земное бессмертье». Чаще думал о Ласточке, черноокой Россети, может быть, потому, что страстью к ней не пылал, напрасно Натали ревновала. Дружба дольше жила в нем, чем влюбленность. Но о Россети думать было тяжело. Саму себя пережила...

Пушкин сидел в кресле, смотрел на снег, слушал голос памяти. В эти часы шла в доме немудреная дневная забота. Вставая, крепко опирался на старую палку с набалдашником, сильно прихрамывал: пуля Дантеса пробила колено. Когда ночью нога болела, вспоминал дуэль на Черной Речке. Раньше улыбался — как ловко, не убив, изуродовал Дантеса. Теперь же не улыбался, сожалел: зря все это было. «Ну, отвез бы дуру Натали в деревню, забрюхатил бы ее еще раз, и злые бабы, Идалия Полетика, Нессельродиха и прочие, остались бы с носом. А так остался бедный Дантес без носа и без глаза изуродованным навсегда, а ведь Дантес не Пушкин, только и была у него, что красота. И то сказать, ведь Натали была мне верна, я сам мучил ее своими изменами. Глупое это было время. Вот и Лермонтов погиб, а ведь как был талантлив. Да тоже, как я, лез под пулю — то ли по молодчеству, то ли по озлоблению. Право, признаться, я бы на месте Мартынова сам бы его пристрелил, и не хотел бы, да пришлось бы... Греха таить нечего, несносные люди поэты. Сколько народа я эпиграммами без жалости колол, как бандерильями».

И хотя казалось теперь Пушкину, что и эпиграмма глупая штука, сами собою все новые приходили к нему на ум и язык, то на собратьев академиков, то на нынешних министров, то на губернатора и даже на Царя-освободителя, льющего на него свои благодеяния.

Да, дуэль последняя в его жизни оказалась ни к чему. Расположенная, все еще красивая и навсегда безмятежная Наталья Николаевна стала прекрасной хозяйкой и примерной бабушкой. Впрочем, по-прежнему любила наряды и комплименты и неожиданно пришедший к мужу и на нее переходящий почет. Как сердилась она, когда Пушкин отказался от графства. «Я, душа моя, царевича Алексея не душил», — сказал он ей, намекая на графство Толстых. И хотя по званию и по чину был теперь Пушкин «Его Превосходительство», в Бончарове было приказано так к нему не обращаться. Ну, а в столице пускай и «превосходительство» для удовольствия Натали.

Лежа бессонными ночами рядом с дородным телом жены, пышущим теплом и бездумием на его легкое сухонькое тело, Пушкин вспоминал свояченицу, косенькую Александрину. «Не на той сестре женился», — думалось ему. Правда, лицом не удалась, зато остальное все хорошо было, да еще и ум. С Александринной было не скучно...

Спал Пушкин мало и плохо. Все казалось, что чего-то не успеет дописать, додумать... Вставал рано, шел умываться (всегда холодной водой), прислуги не беспокоил, в кабинете же,

запершись, как в крепости, пил чай с бубликами, пока не созреет в нем, а созревало не быстро, то самое важное, для чего он жил. Шли к нему привидения и воспоминания, светотени памяти, питающие творчество.

«Много напраслины возводили на Николая I, да и сам я к этому руку приложил. Ну, какой он был тиран? Ведь много раз хотел меня спасти от меня самого...» И так живо вернулась к нему его последняя аудиенция у царя 23 ноября 1836 года... Ведь дал слово не драться, да не выдержал. Строгий голос государя все еще звучал в ушах, говорил он повелительно, но и заботливо, и выпуклые глаза его смотрели, как бы стараясь понять, что делает Пушкина особенным, опасным и нужным человеком. А царь, он что ж, был не плох, скорее по долгу царствовал, чем по желанию власти. Разве плохой человек стал бы терпеть вблизи себя добрейшего Жуковского, всегда за кого-то ходатайствующего, да денег для других достоящего. Злой добрых не терпит, а Жуковский — небесная душа. «Вот я Наполеона возвеличил, а тот почище тиран будет, чем Николай, и людей сколько перебил, да и Россию, нас дворян, да крестьян на долгие годы разорил из-за властолюбия».

Но декабристы, друзья в оковах, как за них простить? Годы меняют перспективы, как нынче говорят. Российский Кромвель-Пестель, Наполеон *au petit pied*, народ русский не любил. Холодная bestia был. Трубецкой честный, но дурак и мямля. Да, ничего не скажешь: при допросах мало кто героем оказался, разве один Шаховской. Из малодушных людей хороших правителей не сострояешь. А любезные сердцу Пушкин, Кюхля, Волконский, Муравьевы, — все чистые люди, поэтому и обреченные не на власть, а на обличение власти. Пушкин вот вернулся в 56-м, но совсем другим, и не узнать его.

10
Трудно сознаться, а почему-то предпочитал теперь Николая I Александру II, хотя Александр оказывал ему полное расположение. Благодаря Александру смог Пушкин осуществить свое заветное желание: поехать за границу. И в Дрездене, и в Риме, и в Париже побывал. Что ж, вернувшись, подумал: в чужих странах много что поучительно и прекрасно, но все же мечтаниям не соответствует. И просто сказать, русскому человеку там чего-то не хватает. К тому же сердился, путешествуя, что иностранцы так мало и так плохо знают Россию и русских. «Все по мерзавцу Кюстину равняются, вертихвосту и мужеложцу. Наука нашему двору: «не ласкай всякого маркиза...»

«Что народ наш несчастен, это правда, а что дары в нем заложены — это тоже правда. И сила, вот и Буонапарту показали. Силен, впрочем, не просто силой, а чем-то, чего на Западе нет. Запад, что игрушка, особенно Франция и Италия. Германия — дело другое, да, пожалуй, скучновата. А народ наш долго спать может, а как проснется, не только свою страну перевернет, да еще другие страны потрясет», — и подумав это, ощутил почему-то жалость к Европе.

Все так же страстно и утробно любил Пушкин Россию, хоть и ругал ее и ее нравы, все хотелось ему сказать о ней какое-то окончательное слово, придать ее расплывчатости форму. Впро-

чем, сознавал, что и так многое для нее сделал. Вспоминая о Николае I и о Наполеоне, вспомнил и о «своем» Петре. «А Петра никому не отдам. Впрочем, и я его в «Медном всаднике» выявил сугубо грозным», — и про себя улыбувшись, подумал: «А не будь Петра, не было бы и Пушкина».

Случалось, что Александр Сергеевич брал с полки то один, то другой том своих сочинений — не полных, когда-то еще будут полны, и вспоминал, как в молодости при удаче радовался, прыгая по комнате и восклицая: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!», но чаще что-то ему не нравилось, и карандашом он делал отметки, все подправлял уже напечатанное, не всегда его улучшая. Напрасно бережливая Наталья Николаевна его призывала: «Друг мой, не чиркай в лучших изданиях, возьми себе из новых, дешевых». Пушкину было приятно держать именно эти, в темно-красный сафьян переплетенные, тома, напечатанные на прекрасной бумаге, с художественными заставками...

День проходил в рассеянии. Не нравилась мысль коть и об отдаленном, но предстоящем чествовании. А отказаться — придется не только сказать больным, но еще и принимать тех, кого принесет к нему болящему нелегкая. А вдруг опять пожалует из Москвы журналист, молодой развязный человек, уже побывавший в Бончарове летом. Он поначалу как будто собирался похлопать Пушкина по плечу, но вскоре так смутился под острым взглядом поэта, так безнадежно запутался от быстрых и умных высказываний его, что начал молчаливо и покорно записывать все в тетрадь и даже раз назвал Пушкина Сергеем Александровичем. Получив впоследствии номер «Московских Ведомостей», Пушкин звонко расхохотался: «Матушки! Неужели я такую чушь напорол!»

Да, денек семидесятилетия не прельщал. К тому же вся семья съедется. «Глупая это затея иметь потомство», — думал Пушкин. Дети вышли вялые, тихие, меньше на него похожие, чем Сашка, умом, пожалуй, в мать, но притворялись, что любят литературу. Пушкин же больше всех любил свою дочь Марию Гартунг, полную, с вьющимися черными волосами и сдержанно страстную красавицу, живущую на Сивцевом Вражке, где посещал ее граф Лев Толстой. Что-то волновало его в ее судьбе.

Внуков тоже, настраивая их, вероятно, дедом, привозили, в его именины. Разряженные, особо чистенькие, они были научены читать перед дедом то «Полтавский бой», то «На чужбине свято соблюдаю», то «Зима, крестьянин торжествуя» (до торжества-то крестьянину еще далеко, может быть, в XX веке случится). Внуки читали кто нараспев, кто барабанил слова, выпучив от усилия глаза, и часто запинались. Чиновниками станут, вероятно, но навряд ли поэтами, не из того же теста, хоть и той же крови.

Не очень ему нравилось, что другие писатели приезжали к нему на поклон, как будто он был средневековой башней, величавой руиной, свидетелем прошлого, мало связанным с настоящим. Слишком был умен, чтобы поддаваться на лесть, и все казалось ему, что хвалят его не за то, что он сам в себе ценит. Литераторы все пошли серьезные, а в присутствии важных или

много мнящих о себе посетителей в Пушкине просыпался юношеский задор — он все верил, что и ум высокий, и сердце можно скрыть «безумной шалости под легким покрывалом» — он озадачивал гостей шутками, непристойностями, двусмысленностями. Без шутки беседы не понимал, а они шли к нему как к патриарху, потолковать о судьбах мира и народов...

С Тургеневым-европейцем было, впрочем, легко, говорили больше о французской литературе. «Здорово он выдумал новое слово «нигилисты», и вообще средь кажущегося прекрасногодушия есть у него пророческие предчувствия чего-то трагического, что может произойти на Руси, «в топоры белоручек»... Вот у меня, — подумал Пушкин, — ногти длинные, не то, что у графа Льва Толстого, но руки-то ведь рабочие, писать ли, сено ли косить — того же порядка».

Вспомнил о Толстом («Война и мир» только что появилась) — «как же он может отрицать значение личности в истории? Тогда можно сказать что я, да и другие — Карамзин, Державин, Ломоносов, Баратынский, да и сам Толстой, не имеем значения в истории литературной. А это уж простите!»

Всегда казалось Пушкину, что народ русский он знает лучше, чем все остальные, даже Лесков, и самого себя знает лучше, чем все те, кто о нем пишет. Белинский вот попал пальцем в небо, а беспутный Аполлон Григорьев, умерший лет шесть тому назад, верно угадал, что именно он, Пушкин, «завязал основной узел» русской литературы и указал ей путь.

12 Книги заполнили уже давно все библиотечные шкафы, стоящие вдоль стен, перелились в соседнюю комнатку, добрые друзья, свидетели трудов и соратники. Тут и «Английская история» МакКоллея, и «Силас Марнер» Джоржа Элиота, «История Англии» Тэна и бодлеровские «Цветы зла». Пушкин чувствовал их магию и старался в нее проникнуть. Гейне, и Дарвин, и Гизо, «Римская история» Момзена, и Ренан, и Диккенс — все читал в подлинниках, вот только «Пера Гюнта» Ибсена пришлось читать по-французски, скандинавских языков не одолел. Прозу-то переводить можно прекрасно, а вот стихи не даются. Когда читал переводы своих, они казались ему чужими.

Летом приезжал из Москвы студент Обручев, филолог, приво-дил библиотеку в порядок, а заодно наполнял в свободные часы страницы своих тетрадей высказываниями Пушкина, готовил диссертацию. Другим Пушкин не доверял и сам тщательно рассовывал каждую книгу, где ей полагалось быть, и, хотя вообще был беспорядочен, всегда находил нужную. Новые же нарастали на специальном столе, пока все не будет прочтено. Случалось, конечно, что, читая иные книги, газеты, журналы — и позевывая — шептал Пушкин стишки Дениса Давыдова — «но смешались шашки, и полезли из щелей мошки и букашки». Да, новые времена ему и нравились, и не нравились. Новые слова просились на перо, он их не гнал, если входили сама, как бы танцуя в ритме фразы, но перечитывая, хмурился, проверяя, удачно ли сливается нынешний язык с языком его молодости. Вспоминал споры Беседы и Арзамаса и не собирался стать Шишковым семидесятых годов.

В час дня ворвались удары гонга, привезенного из Индии каким-то поклонником. В столовой уже сидела Наталья Николаевна и стояли у своих стульев, ожидая его, крестница ее Алина и гость, сосед по имению, привезший по пути почту из Пскова для Пушкиных, Петр Павлович Тучков. Почта лежала на столике в углу столовой, и Пушкин, садясь, все косился на кипу столичных журналов, на розово-желтые обложки распакованных номеров *La revue des Deux Mondes*, и книги, которые он выписывал из разных стран. Сосед был молод, мил, один из тех помещиков, которые, хоть и воспитаны французскими и немецкими гувернерами, но и русскими остались, и от Европы не отказались. Его присутствие очень оживило Натали.

«В Париже было прелестно, — говорила она, — где мы только с Александром Сергеевичем не побывали, и посол был очень мил, устроил нам прием, на котором был весь Париж».

«Да, мне было скучновато, — улыбнулся Пушкин, — весь Париж — многовато, не знаешь, с кем говоришь». И пока Натали, вдруг помолодев, рассказывала, какое на ней было в тот день платье от М-те Hortense, Пушкин вспомнил, в какое бешенство он пришел, когда, развернув «Журналь де Деба» в первый же день своего приезда в гостинице «Палэ Руаяль», он прочел следующую заметку: «Русский поэт Александр де Пушкин, герой известной дуэли, на которой был ранен французский шуан Жорж д'Антес, находится в нашей столице». Н. Н. газет не читала, а Пушкин, скверно выругавшись, скомкал листы, — он с удовольствием высек бы журналиста.

«Что нового в театрах? — спрашивала Натали, — мы ведь знакомы с Дюма-сыном, жена его Нарышкина, конечно, немного *declassée*, но очень элегантная и любезная женщина. Мы были вместе с ними в театре, на комедии Лабиша «Путешествие господина Перришона». Ах, тебя, впрочем, мой друг, на этом представлении не было...»

«И впрямь не было, я Сент-Бева посетил в этот вечер».

У Сент-Бева он действительно побывал, но затем с племянником Вяземского, младшим секретарем посольства, отправился в места, куда Н. Н. повести не мог. Знакомился с ночными прелестницами Парижа просто из любознательности. Самые знаменитые, на которых разорялись парижские львы, показались ему уже не первой свежести, хотя и не совсем в летах Жорж Санд, которой он тоже нанес визит и, вернувшись, сказал жене: «Шопена и прочих не понимаю».

Литературной братии — Тэну, Банвиллю, Виньи и другим — посвящал часы, когда Н. Н. с женой посла отправлялась заказывать и покупать всякие платья, шляпы, шали, веера, духи, о которых, вернувшись в Россию, со вздохом скажет «на что они мне в нашей глуши?».

«Мериме умер недавно», — сказал гость.

«Да, жалко, я с ним в дружбе был, он первый, с кем завязалась связь. А вот Дюма-отец — вран, но забавник первостепенный, все жив. Надеюсь, что с почтой, что вы были так любезны нам завезти, пришло наконец «Сентиментальное воспитание» Флора, оно в этом году вышло, а до меня все еще не дошло».

«Ну как же вы, Александр Сергеевич, решили? Поедете в Петербург?» — спросил сосед.

«Все раздумываю. Ежели в Питер, тогда и в Москву. Кое-что и в столице прельщает. Лицей посетить, посмотреть, не выводятся ли там поэты? Вяземский жив, да стал брюзгой. Соллогуб пишет, зовет».

Опять про себя вспомнил прошлую глупость, — и Соллогуба ведь пристрелить хотел в свое время, просто так, ни за что ни про что.

«Роскошно человек живет, — заметил сосед, — такая пышность, что глаза разбегаются. Вот вы ему меня рекомендовали, и с вашей легкой руки граф отнесся ко мне с большим вниманием, просил запросто заходить».

«Да, Соллогуб, — сказал задумчиво Пушкин, — удивляюсь, ведь он моложе меня, а ко всякому новому относится без интереса, а ведь и теперь у нас есть достойное внимания».

«Некрасов царит», — попробовал сосед.

Пушкин засмеялся: «Только это он напрасно, «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». К свободе мы обязаны, и ежели не хотим быть гражданином, то и на это имеем право. А поэтом быть, право, никто не обязан. Поэзия — стихия, с ней не поспоришь. А уж раз вспомнили о Некрасове, тут к месту и Чернышевский, черт мне с его идеями, а вот что пишет до смерти нудно, скучно; будто бревна ворочает, это уж не писательство. На вопрос «что делать?» отвечу: не пиши, коль стиль и мысли у тебя дубовые, на низах культуру не вырастишь, как жизнь на идеях, пусть передовых, не построишь, тут что-то иное надо. Впрочем, пусть и бездарен, но честен, за убеждения свои готов и наказание нести».

Завтрак, вкусный и обильный, — сам Пушкин ел мало — затянулся, и уже позевывала в кулачок Н. Н., привыкшая на полчаса вдремнуть после завтрака. Гость собирался уже раскланяться, поцеловав ручку хозяйки, но тут внезапно с потемневшего неба посыпались хлопья снега, «мятель поднялась, — сказала Н. Н., — переждите, право, не дай Бог — заплутаете, а вечером тоже не след уезжать. Алина, скажи девушкам, чтобы приготовили гостю комнату угловую. А вы пока посидите в гостиной». — И повела его туда, извинившись за мужа: — «Александр Сергеевич все работает, — ну, иди, иди», — с улыбкой, как говорят ребенку: «Беги, беги, играй, мой милый». И точно школьник, отпущенный с урока, пошел Пушкин снова в свой кабинет, унося книги и письма.

Улегшись там на диван, кавказским кинжалчиком начал вскрывать конверты. Узнав почерк гр. Алексея Толстого, первым открыл его письмо. Стихи Толстого Пушкина скорее развлекали, чем восхищали, но самого поэта он любил за остроумие, барство, непринужденность и независимость мысли. «Как это он ловко историю российскую от Гостомысла до наших дней, а Прутков его прямо прелесть!». Было и письмо в голубом конверте от Анны Петровны Керн, впрочем уже не Керн, а Марковой-Виноградской. Она, как и раньше, уговаривала его навестить ее, намекала, что и сама бы приехала, но Пушкин от свидания уклонялся,

настоящее при встрече победило бы прошлое навсегда. По слухам, она жила счастливо с мужем, на 20 лет моложе ее (первый, генерал, был на 30 лет старше). Отложил в сторону счета книгопродавцев, пусть подождут, да и другие отложил, начал просматривать журналы, зажег толстую свечу на столике у дивана, так как потемнело из-за метелицы. Сквозь чтение услышал звон бубенцов. «Неужто Тучков уехал?» — подумал. А через некоторое время, постучавши в дверь, вошла легонькая, тонкокостная Маша, неся лампу под зеленым абажуром. Башмачки ее поскрипывали, поскрипывали и половицы. Поставила лампу на большой стол, и в зеленоватом отблеске ее лицо стало похоже на русалочье. Обернулась: «Отец Архимандрит прибыл с заднего крыльца, сказал, чтобы не беспокоили. У Настасьи Яковлевны греются, чаек пьют». Фыркнула: «Уж такой заснеженный приехал, что ужас, говорит: сбился, да Божьей милостью куда ехал, туда и попал».

«Да зови его сюда».

«Сию минуту, барин, вот только портьеры задерну, а ставни Никита уже вышел закрывать, ужас как холодно».

Маша все не уходила.

«Ну, чего ты жмешься? Рассказывай».

Закрывши ладонкой рот от смущенья: «Да, барин, все вот Александр Михайлович пристаёт, боюсь ему на глаза попадаться...»

«Вот сукин сын, — сказал Пушкин, улыбаясь, — завтра скажу ему, чтобы бросил это».

«Уж так благодарна буду вам, барин, я-то ведь промолвлена за Василия, так, как свидимся, так заместо ласкового слова от него одни попреки, а чего не знает? Стар-то ведь Александр Михайлович, нешто он мне может нравиться...»

«Так и не нравится, ни «сапельки?»

«Ай, что вы, барин!» — И опять фыркнула и затопала к двери.

Старый брегет, носимый Пушкиным в кармане, показывал шесть часов, два часа до ужина. Встал, чуть-чуть потряхивая ногой, — когда долго сидел, колено каменело — и подошел, прихрамывая, к двери встречать отца Корнилия, келаря Псково-Печерского монастыря, крепкого, высокого, еще не старого человека, говорящего на том простом выразительном языке, который Пушкин так любил.

Перекрестившись на икону, благословив Пушкина, о. Корнилий сел в предназначенное ему кресло, снял шапочку. Густые рыжеватые его волосы как ореолом его окружили. Лицо от морозного пути и от жары барского дома пылало.

«Что же это к вечеру? — спросил Пушкин. — Дальше не пуцу, вдруг лихие люди попадутся на дороге».

Отец Корнилий улыбнулся, сверкнул белизной зубов.

«Ну, Александр Сергеевич, на лихих людей, кроме молитвы, в случае нужды и мои кулаки помогут. Да только нетути у нас тут лихих людей, в города переселились, там им вольготнее. Но, по правде, дальше ехать и не собирался. Надеюсь, что позволите тут у Александра ночь провести, да с ним и его хозяйкой отужинать».

Из деликатности о Корнилий избегал приглашения за барский стол. Порылся в кармане рясы, вытащил конверт, из конверта грамотку.

«Вот в Пскове побывавши, кое-что для вас заполучил. Смотрите, разобрать трудно, да думаю, не без интереса будет, так на первый взгляд письма 16-го века — как будто торговый договор, может, для истории вашей и не пригодится, да думаю, а вдруг пригодится... вы вот в ваше увеличительное стеклышко все рассмотрите, а уговор старый, все эти грамотки вы в духовной своей нашей обители откажите. Не мое ведь, хоть и мне дано было, только я думаю, у нас пока и разобрать-то некому все, что у нас такого хранится, а у вас не пропадет».

«Да откуда вы это все добываете?» — Пушкин бережно держал пожелтевшую грамоту, всматриваясь в нее, разглаживая ее рукой.

«Эту вот, а потом и другие получу, получил от Пряникова Василия, племянника скопца, купца, который недавно преставился. Грех сказать, вы уж не разглашайте. Скопец-то был человек непьющий, работающий, а племянник, наследник его, в православие вернувшийся смолоду, как унаследовал от дядюшки, так и пошел кутить, деньги проматывать. Каяться-то приходится, эпитимью налагаю, да все возвращается на безобразия свои. Ну, а такие вот бумаги ему ни к чему, целый сундук где-то имеется, обещал мне дать».

«Чудесно, чудесно, вот смотришь, и напишем вы да и историю Псковщины».

16 «Большой дар у вас, Александр Сергеевич, и служате вы ему верно, ведь писатель, он и утешать и в отчаяние ввергать может, и соблазнять ничтожным и вдохновлять на полет духовный, вот с него много и спрашивается».

Хоть и далек был Пушкин от юношеского «афеизма» и когда после дуэли, думая, что умрет от начавшейся гангрены, к смерти приговорился, исповедовавшись и причастившись, с тех пор на страстной всегда говел у о. Корнилия, пылливый его ум все пытался проникнуть в тайны, уму недоступные, а о. Корнилий споров не допускал, впрочем, ни на чем не настаивая, — «кто сколько вместить может, то и хорошо, — главное же, чтобы злобы ни на кого не иметь». — Это Пушкину не было трудно, гневен он был, но не злопамятен, и только посмеивался над тем, что покойный Белинский о нем написал — «попал пальцем в небо», — а о Писареве и о Булгарине даже и не вспоминал.

«Сердиться не на кого, отец Корнилий, даже скучновато как будто, и то — прощать другим дело не трудное, как себя простить, как смерть принять, это дело другое. В молодости, мне казалось, умирать легко. О ней пишешь, о ней думаешь, а она все далека — как-то даже и тогда, когда чумных навещаешь».

«Это оттого, что в старости и жить трудновато, так вот одна трудность к другой ведет. Насчет смерти своей и чужой, что греха таить, у вас в молодости забот много не было, а, Александр Сергеевич?»

«Да, немало я постреливал в своего ближнего».

«Это вас бес пугал».

«Да не бес, а дворянская честь».

«Да много ли чести в чести, право слово, больше в прощении. А честь что, вот и царь Ирод бесу чести подвержен был и голову праведнику приказал отрубить, хоть и любил его».

«А сами-то вы, о Корнилий, ведь с турками-то дрались».

«Я-то, Александр Сергеевич, по присяге. Турки меня ничем не обидели, зол на них не был, долг исполнял и свою жизнь отдавал безо всякой охоты к тому. Молод был, жить хотелось».

«Вот странность, ведь, может, мы с вами и повстречались под Арарумом».

Отец Корнилий улыбнулся: «Да я по правде и не слышал тогда о вас, Александр Сергеевич, осмнадцать лет мне тогда было, а вам где было меня заметить среди солдат?»

Взгляд о. Корнилия упал на книгу, лежащую на столике. Взял в руки — «Идиот» Достоевского. — «Вот эту не читал еще, не дадите ли до следующей встречи?»

«Берите, берите, она уже год тому назад как вышла, мне там один пассаж захотелось перечесть».

«А что вы думаете о Достоевском?»

Губы Пушкина поджались: «Зачастую сердит он меня, стиль не строгий, и что за герои, все чем-то схожие люди, уязвленные. Талант большой, да мне он как голос из другого, чужого мира, не то, что Тургенев или Толстой, те хоть и моложе меня, и не похожи, да мне понятнее... Сейчас мечется Достоевский по Европе, Тургенев сказывал, не находя покоя и бедствуя, утомительный человек, во всем нервический...»

«Читать его мне трудновато, — сказал о. Корнилий, — да все же по хорошему он волнует, все в глубину берет, над бездной стоишь, но небо над собою видишь. Ну, не буду вас утруждать, Александр Сергеевич, захопотаюсь я за два дня в Пскове, собеседник никакой, только и хватит меня, что Александра Михайловича отчитывать, к тому же от работы вас отрывать не хочу».

«Да, я в ажитации нахожусь, хоть и глупо. Получил вот известие на днях, что чествовать меня хотят, и хоть до мая далеко, а вот чего-то заволновался уже и сейчас».

«Отчего же вы так. Три месяца — срок большой. Да и отчего вам не согласиться? Вам-то, может быть, и утомительно, да подумайте о тех, которым до смерти хочется речи там всякие произнести, статьи написать, около вашего имени погреться... А сами вы не всерьез ставьте все это, суета, конечно. Ну, храни Господь!» — встал о. Корнилий, провожаемый хозяином до двери.

«Завтра по первопутку отправлюсь, помолвившись о доме сем».

Стоя у порога, спросил Пушкин: «А зачем в Псков ездили?»

«Оброк собирал, — улыбнулся о. Корнилий, — с губернатора да с купцов: подправлять кое-что в обители следует, зима-то ведь лютая, а тут еще школу для ребятишек затеял, так новые расходы».

«Отчего с меня оброк не берете?»

«Да вы и так нас не забываете, Александр Сергеевич».

«Нет, уж на школу кому-кому, а мне, академику, следует дать».

Весной сам приеду, экзамен ребятишкам учиню, только условие, чтобы пушкинских стихов они мне не читали...» — Подошел к столу, выдвинул ящик, где лежали никогда не пересчитываемые им деньги. — «Тут у меня заветное, от жены прячу, — засмеялся детским смехом, протягивая сложенную ассигнацию, прибавив строго, — и никому ничего! Сами знаете, одна рука про другую забыть должна».

«Спаси Господь», — сказал о. Корнилий. Пушкин, взяв свечу в тяжелом медном подсвечнике, посветил гостю, уходящему в темноту коридора.

Не успел усесться, как опять гонг. Гребешком расчесал бакенбарды и пригладил волосы, и пошел в спальню умываться. В зале Алина играла на рояле. Постарался угадать, что она играет, особой музыкальностью не отличался и скучал в былое время на концертах «царицы муз и красоты». Все-таки узнал Берлиоза, его встречал у Глинки и у Смирновой. Берлиоз совсем недавно умер и снова вошел в моду.

«А мы по тебе соскучились, друг мой, — как каждый вечер, промолвила Натали. — Алина с Петром Павловичем в шапки играли, а я вышивала, скоро бержеру обить можно. А потом читали вслух «Мистерии Парижа», очень развлекательно. Вот еще лежит у меня «Дама с камелиями», да боюсь, что Алине это рановато».

Алина вспыхнула под взглядом Пушкина. «Наверное, уже прочла, — подумал он, — право, мила, не то что красива, зато ей 16 лет».

Лампа над столом закоптила, и лакею пришлось встать на стул, чтобы ее заправить.

После ужина перешли в гостиную попить на сон земляничного чая. Сосед заговорил о судебных реформах 64-го года, очень его интересовавших.

«Я встречал молодого Кони, кажись, в 66-м году, секретари Петербургской судебной палаты, умница, далеко пойдет. А право, радостно было слышать государевы слова — право и милость да царствуют в судах».

«Дай Бог ему жизни, — воскликнул Тучков, — он новые пути раскрывает России».

«Да много у нас и темных, те на другие пути Россию тянут, и реформы выше им не по душе, а от бунтов, так нашему характеру любезных, упаси нас Бог. История учит их бесполезности, хаос не только у нас в душе, как Тютчев пишет, шевелится, но и в общественной жизни».

В 10 часов, посмотрев на свои эмалевые с бриллиантами часики на золотой цепочке, спускавшейся на ее высокую грудь, Наталья Николаевна сказала: «А не пора ли нам отдохнуть», — и к мужу: — «Не засиживайся долго», поцеловав его в лоб, Алина подошла ему к ручке.

«Ну что же, еще один денек прошел», — сказал Пушкин.

На звончок вошел поджидавший дворецкий, бывший крепостной Чириковых, человек положительный, но иногда и запивающий. Как светоч, он понес перед бариним канделябр с двумя свечами по коридору, покрытому дорожкой из пестряди.

В кабинете теперь стоял на геридоне граненый графин с мадерой и рюмка богемского хрустала. Тут же в вазочке леденцы и клюква в сахаре на блюдечке. Пушкин сласти любил. Дворецкий удалился. И такая настала тишина, только сверчок сверлил молчание ночи. И такая свобода! Пушкин сел в кресло перед столом, подвинул лампу, перебрал на подносике карандаши и гусиные перья, выбирая оружие труда, проверил, есть ли чернила в чернильнице, вытер перо холстяной тряпочкой и так с пером в руке и замер на несколько минут. Стены комнаты раздвинулись и открылись на то, что таилось в нем весь день, ожидая этой тишины, чтобы к нему войти. Пульс участился. Снова просыпалась, стирая годы, чудодейственная сила, в нем живущая. Секунда, минута, вечность — блаженство, когда слушаешь одно лишь вдохновенье. Потом настанут часы труда, забота ремесленника, когда уже простывший, трезвый Пушкин будет проверять умом то, что вырвалось из подсознания, и вычеркивать, и менять, искать снова и снова, лучший ритм, лучшее слово, определяя потоку его русло. «Блажен, кто словом твердо правит и держит мысль на привязи свою...»

Снег все кружил и кружил над полями, лесами, над Бончаровом, над русской землей, окованной белой дремотой, над оледневшими озерами и реками. Спали гранитный Санкт-Петербург и златокупольная Москва, и бедные деревни, и казалось, что худенький человек с живыми глазами, салонный над белой бумагой, с пером в руке, отгадывает судьбы в них живущих, подведет итог их злодейств, величия и святости, откроет смысл русской истории и русских жертв, и заснет — уйдет — только тогда, когда откроет своему народу пути надежды и добра.

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ
Фото **ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

Те же

КВАСОВЫ

20

Два года назад в сентябрьском номере нашего журнала был напечатан очерк о братьях Квасовых, зоотехниках птицеводческого совхоза на Орловщине, которые, сделав крутой поворот в жизни, взяли в аренду ферму в соседнем колхозе «Заветы Ильича» и стали хозяйствовать, полагаясь прежде всего на самих себя.

Напомним читателям: оба они молоды — Валерию сейчас 32 года, Игорю 28 лет, закончили сельхозинститут. В аренду получили (с правом выкупа) не какую-то бесхозную развалюху, а жилую и производственные постройки, выполненные по финскому проекту, импортное доильное оборудование, трактора и механизмы. Плюс к этому два десятка коров и пятьдесят гектаров земли...

Прошло два года. Срок хотя и небольшой, но вполне достаточ-

ный, чтобы укрепились — или, наоборот, в прах развеялись — надежды, жизненные планы, перспективы. А если вспомнить еще, какими были эти годы, изменившие политический и социальный облик страны, то станет понятен пристрастный интерес к нынешней жизни наших героев...

После «сменовской» публикации читательские отклики буквально обрушились на ферму Квасовых. Письма доходили без почтовых индексов, зачастую лишь с указанием области, района и фамилии. (Прямо как в классическом сюжете про Ваньку Жукова.)

Письма шли разные. Одни содержали слова поддержки и пожелания успехов. В других просили совета. Откликнулись юные горожанки, обратившие внимание на то, что Валерий холост. (Сразу скажу, что тут надо вносить коррективы: в конце 90-го Валера женился, у него и Светланы подрастает по-

луторагодовалая Симочка.) Одна девушка из подмосковного города после длинного лирико-эпического предисловия написала без обиняков: «Валера, возьми меня в жены». И, наконец, были письма, содержавшие одинаковые просьбы-предложения: поработать у Квасовых на ферме в летние месяцы во время отпусков.

— Возвращаюсь как-то из райцентра, — рассказывает Игорь, — у поворота на колхозную дорогу «голосуют» двое с рюкзаками. По всему видно, отец с сыном. Парнишке лет пятнадцать. Подсаживаются. В дороге спрашивают, как потом от села добраться до фермы Квасовых. Оказалось, это Маркеловы из города Полярный, что в Мурманской области, зимой еще писали... Два месяца были у нас, работали в охотку. Остались довольны.

— А как с ними рассчитывались?

— Денежного расчета не было, — отвечает Валера. — Мы, понятно, завели об этом речь. А они — ни в какую. Ехали, мол, не подзаработать, а пожить в деревенских условиях... Ну, само собой разумеется, питались одной семьей — с продуктами, как ты понимаешь, у нас проблем нет. Все свое, покупаем лишь хлеб да сахар... Тут надо учесть и такой нюанс: я как раз перед приездом Маркеловых вернулся из Франции, где работал у тамошних фермеров. Получал там по французским меркам немного. Но если это перевести в наш масштаб... Короче, если бы мы расплачивались даже по самому низкому мировому стандарту, то из долгов не вылезли бы до скончания не только этого, но и следующего века.

К «батрачеству» старшего Квасова у фермеров-французов мы еще вернемся, а сейчас следует вспомнить о том, что могло на-

прочь перечеркнуть все старания и устремления братьев...

— Можешь себе представить, в какое смятение поверг нас августовский путч? — это говорит Валера, возясь с дочкой. — О нем мы узнали с небольшим опозданием. Я поехал в колхоз сдать молоко. Вдобавок хотел переговорить с председателем. Захожу в контору. Его нет. Где искать?.. Все сельское начальство, оказывается, с раннего утра вызвали в райцентр. Якобы на экстренное совещание по вопросам уборки. Чего или кого убирать собирались?.. Ну, а вечером у себя сидим гадаем: то ли теперь «раскулачивать» будут и в Сибирь. То ли еще что..

В общем, обернись в августе все иначе — не сидеть бы мне, может, вновь с Квасовыми на просторной кухне, где за общим столом сходятся две дружные семьи, где нередко коротают вечера их друзья из ближних и не очень ближних сел; куда нередко заглядывают из райцентра или из соседней деревушки Советская.

Помню, в прошлый приезд первым делом отметил тот разительный контраст, что представляла собой Советская рядом с квасовской новостройкой, выглядевшей щеголеватой и как-то даже неуместно на фоне унылого запустения и безнадёги. Сейчас контраст смягчился. Нельзя сказать, что деревня сильно преобразилась. Но стала чище, опрятнее. Кажется, в нее вернулся дух человеческого обитания...

А вот что точно преобразилось — так это пруд.

Среди задумок Квасовых была и такая: расчистить, подстроить этот некогда живописный пруд, заиленный и захламленный настолько, что никакая вольная птица не касалась воды.

Так вот, на сей момент пруд очищен и уже зарыблен. И я получил приглашение приехать в следующем году порыбачить.

Но самое-то любопытное в том, что основной виновник этих приятных метаморфоз — колхоз «Заветы Ильича». Его председатель Алексей Иванович Романов, дальновидец, хитрец и умница (а для настоящего-то хозяина эти качества — особенно в нынешнюю пору — наипервейшие), можно сказать, перехватил у своих фермеров-арендаторов инициативу (благо располагал неизмеримо большими возможностями для реализации идеи) и вывел свое хозяйство в победители в отдельно взятом случае нарождающейся конкуренции.

Сидим, пьем чай. Разговариваем. Про дела, и просто так, ни о чем особенном. В сборе, можно сказать, все да еще «с прицепом». Валерий, Светлана и их неугомонная Симочка. Игорь с Татьяной (правда, их Илюша, окончивший уже первый класс, гостит у бабушки). «Прицеп», кроме фотокорреспондента и автора этих строк, составляет на сей раз молодая, под стать Квасовым, чета — Игорь и Люсинэ Зайченко. Он украинского происхождения, она армянка.

Последние три года Игорь Зайченко работал в колхозе главным ветврачом. И стал первым специалистом в этом хозяйстве, кто решился ступить на фермерский путь. На двоих с Люсинэ получил он в частное владение, как предусмотрено законодательством о земельной реформе, пятнадцать гектаров земли. Есть у Зайченко семьдесят голов свиней, кормящий их приусадебный участок при достраиваемом доме. И еще мотоцикл, как средство передвижения и осуществления деловых контактов...

В городе «проходимец-ловчила»

еще может какое-то время продержаться за счет афер, махинаций, коррумпированных связей. Можно даже выбиться в некие элитные верха. В сфере сельского предпринимательства такое исключено. Во всяком случае, на нынешнем этапе его становления. Конечно, в силу тех или иных причин кому-то из фермеров или арендаторов повезло больше, кому-то меньше — и по стартовым условиям, и по отношению к ним местных властей, руководителей-хозяйственников, с которыми их связывают отношения, не всегда являющиеся по сути своей партнерскими. Все так. Но тем не менее «естественный отбор» предпринимателей на селе проходит без криминальных «разборок» и участия теневого капитала. (Во всяком случае, пока — подчеркну.) Практика Орловской области тому свидетельствует.

Вячеслав Серов, председатель ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Орловской области, назвал несколько характерных цифр. На 1 января 1991 года здесь было 353 фермерских хозяйства. В первой половине года нынешнего таких хозяйств стало более восьмисот. Отсеялось всего семь — это те, кому оказалась не под силу новая форма жизни и трудовой деятельности: кто-то попросту переоценил свои возможности, кто-то оказался неспособным грамотно, толково распорядиться землей и орудиями производства, кому-то поперву показалось, что вольный крестьянский хлеб может достаться без особого труда.

Любопытно, что обнаружился и тот, кто собирался, не выезжая из города, вложить в дело большие деньги, нанять работников и специалистов и получать со своих гектаров навар. Но его до «фермерства» не допустили —

пусть этот факт возьмут на заметку наши законодатели, продолжающие работать над пакетом документов о земельной собственности... Еще одно: производительность труда на фермах в пять — семь раз выше, чем в колхозах и совхозах.

Говорю Серову:

— Восемьсот — большая цифра. Два года назад некоторые областные и районные начальники убеждали меня, что охотников фермерствовать сыщется от силы несколько десятков. — Выходит, те, кто доказывал невозможность частного хозяйствования, просчитались?

— Выходит... — дипломатично замечает Серов.

И это при том, что условия для фермеров сейчас непомерно тяжелы. В прошлом году еще можно было наскрести несколько тыщенок на трактор — нынче самый дешевый стоит полмиллиона! Одна надежда — на государственную программу помощи в развитии фермерства. Такая существует. Согласно ей, например, Орловская область должна была получить в первом квартале этого года восемь с половиной миллионов рублей. Не получено ни копейки.

Но, помимо сложностей материально-финансового свойства, сельские предприниматели сталкиваются и с давлением властных структур. Причем уже не проследивается даже флер идеологический, видны же цели чисто прагматического характера.

Вот случай, о котором рассказала мне Лидия Петровна Можина, глава крестьянского хозяйства «Чибисы» (по названию деревни), что в Свердловском районе. В это хозяйство вошли все 18 человек (доярки, трактористы, рабочие), которые раньше здесь же трудились на молочнотоварной ферме. Можина на ферме выросла —

была и учетчицей, и бригадиром, и, наконец, заведующей. Отделившись от колхоза, повела дела, как заправский менеджер — всплыл прирожденный талант. Не буду утомлять цифровыми выкладками, как и что она предпринимала. Приведу лишь такую: в нынешнем мае заработки работников крестьянского хозяйства составили пять тысяч рублей. На каждого. Чего колхозникам и не снилось.

И тут председатель «Рассвета» (избранно-назначенный только в феврале) Семен Сергеевич Титров вдруг стал работников хозяйства «Чибисы» агитировать вновь вернуться в колхоз. Да какими методами! Главный аргумент: не вернетесь — пропадет весь ваш стаж работы, лишитесь права на пенсию...

Зачем Титрову все это надо? Из идейных соображений? Отнюдь! Просто без бывшего отделения «Чибисы» дела в колхозе — дрянь. А вот если ферма станет снова колхозной, то, может быть, и удастся удержаться на плаву...

А как же Квасовы в нерадостных условиях сегодняшнего дня? Что-то неблагодарно забыл их на кухне, где на столе рядом с покупным колотым сахаром стоит масленица, наполненная фирменными сливками, каких не пробовал отродясь...

Тут к месту их «отчет о проделанной работе». Итак. Первый год своего фермерства они закончили с минусовым результатом. При высокой жирности молока средние надои на корову оказались ниже предполагавшихся: всего около трех тысяч литров за год. По арендному договору молоко Квасовы сдавали в колхоз по 36 копеек за литр. Вырученная сумма не покрыла годовую долю установленных выплат. Но зато следующий, 1991 год позволил погасить эту задолженность. Удойность об-

новленного стада увеличилась почти в полтора раза: 4196 килограммов молока в год от каждой коровы. В колхозе — 3667 килограммов. Возросли и расценки на сдаваемое молоко и мясо. И сегодня Квасовы надеются, что если не случится чего-нибудь из ряда вон выходящего, то все будет нормально.

Как-никак техникой они обеспечены и даже успели до подорожания прикупить к двум имевшимся еще один мини-трактор с набором агрегатов и приспособлений. Горючее подорожало? Но это заставляет более экономно расходовать его.

Рубежным для них стал февраль нынешнего года. Во-первых, они осуществили то, что было задумано с самого начала: Валера, отделившись от Игоря, зарегистрировался как самостоятельный фермер-арендатор, обзаведясь в банке собственным кредитным счетом и круглой печатью. Во-вторых, оба, получив поддержку председателя, вышли из колхоза, став теперь уже полностью независимыми фермерами. И приплюсовали положенные по закону земельные наделы: Игорь — 15 гектаров, а Валерий — 7,2 гектара (его жена в колхозе не состояла).

...Нет уже, правда, и самого колхоза. «Заветы Ильича» превратились в ассоциацию крестьян «Русь», которую возглавляет знакомый нам Алексей Иванович Романов. Название изменилось. Вывеска — пока нет, при въезде в Больше-Сотниково как стояла, так горделиво и высится колонна с названием уже бывшего колхоза. Насколько мне известно, ассоциации «Русь», как прежде колхозу, спущен в этом году план по заготовкам. Называется это, правда, обязательными поставками. А право спрашивать за их выполнение перешло от бывшего райкома пар-

тии к структуре, которая называется с бесхитростной прямоотой администрацией района. И возглавляет ее Леонид Кретов, бывший секретарь райкома партии...

К Квасовым все это имеет непосредственное отношение. Но меня интересуют не названия, не смена вывесок. Дело в ином. Когда братья выходили из колхоза, встал вопрос о сумме, что они должны выплатить ассоциации в качестве долга за усадьбу и за то, что два года назад им передано было колхозом под выплату в рассрочку. Тогда все это стоило 358 тысяч рублей, их предстояло погасить в течение двадцати лет. Ныне «Русь» оценила ту же самую недвижимость в 4 миллиона 300 тысяч рублей.

— Если суд утвердит эту сумму, начисленную по высшей, а не по остаточной стоимости, то ничего не останется делать, как снимать ся и уходить, — говорит Валерий.

Но и он, и Игорь убеждены: до арбитражного суда дело не пойдет. Юристы, с которыми их связывают деловые отношения, скрупулезно изучив ситуацию, указали на неправоту кредитора. Это знает и Романов, незадолго перед своим приездом предложивший Квасовым разобраться во всем самим, без участия арбитражного суда. Дополнительный резон: в пользу арбитража придется платить десятипроцентную налоговую ставку. А это выльется в такую сумму, которую пожалеет впустую выложить каждый уважающий себя хозяин. Да и потом: Романову во всех смыслах невыгодно разорять и изгонять Квасовых. Это ж какая слава тогда о нем пойдет! С десяток тех, кто возразит от исхода фермеров, в бывшем колхозе найдется. А остальные?

Народ уже не тот, что был даже два года назад. И начитанный, и наслышанный. Не видит в фер-

мерах мироедов и кровопийц. Кого-то, возможно, и гложет зависть, без этого на Руси (и в «Руси»!) прервалось бы что-то «историческое». Да только замечает председатель, как все чаще ссылаются на пример Квасовых по части результативности работы, бережливости...

Так отчего ж тогда завязался конфликт с Квасовыми? Ведь не кто иной, как Романов, и был инициатором фермерства в районе. Это благодаря ему появилась и ферма финского проекта, и импортное оборудование при ней. Да и сами Квасовы в бывшем колхозе «Заветы Ильича».

— Был бы я на его месте, — сказал вдруг Игорь, — наверное, точно так поступил. Мы — за свои интересы и выгоды. Он — за свои...

Что ж, так и должно быть в цивилизованном мире. И если, несмотря на имущественный спор, две стороны, встречаясь, не воротятся друг от друга, а, наоборот, сходятся в беседе за дружеским столом (чему я свидетель), может, действительно мы уже сделали малый шагок в сторону от заско-рузлой, дикарской нетерпимости к тем, кто не похож на нас?..

Под занавес — и про Францию можно рассказать.

Поехал туда Валера в составе областной группы учиться и перенимать тамошний фермерский опыт...

Два месяца теории в сельскохозяйственном лицее Ретеля. Потом четыре месяца практической работы у фермеров. Организация — на высшем уровне. Перед практикой объявление в местной газете: кто желает принять на стажировку...

— Сначала я попал, — вспоминает Валерий, — к Жан-Пьеру Лапорту, в местечко Лони-Бони.

Все бы хорошо. Но не сошлись мы с ним характерами, что ли.

Французский я уже подучил (и здесь перед отъездом, и там месяц усиленных занятий), так проблем в общении не было. Но, знаешь, этот симпатяга Жан-Пьер оказался больно уж фанаберистым человеком. У него все больше на шутки, а насмешки. И все по адресу России, русских. Чувствую, что злость во мне может закипеть. Говорю ему об этом открытым текстом, он подсказывает выход: надо поехать в лицей, найдут другого фермера. Так и сделал.

Другим фермером был Бернар Рико. Тут была совсем иная обстановка. И Бернар, и его супруга Анна-Мари, и трое их детей приняли Квасова так, как Квасовы принимали Маркеловых.

Но теперь о главном. Что дала в практическом плане эта полугодовая командировка, которую финансировал тогдашний обл-агропром?

— Кроме впечатлений о хорошей, культурной жизни, практически ничего, — с категорической определенностью говорит Валерий, — все, кто входил в нашу группу, имеют высшее сельскохозяйственное образование. Что мы могли почерпнуть нового в лицее? Нам преподавали то, что каждый хорошо знает. А что мы могли почерпнуть для себя во время практики? Мы что, не умеем держать вилы или лопаты? Или трактором управлять? Управленческий, менеджерский опыт? Но он в наших сегодняшних условиях просто неприменим...

Вот смотри, как строится день у Рико. Имея такую прекрасную технику, он со всем управляется сам. Жена же сготовит завтрак, садится за руль одной из трех машин и разъезжает по магазинам. Сыновья уже самостоятельны: один работает механиком в ремонтной мастерской фирмы «Ситроен», другой — фермер-вино-

дел. Дочь учится в кулинарном лицее. Все трое иногда по мере надобности помогают отцу... Но им не приходится делать того, на что у нас уходит львиная доля усилий и времени. За продукцией к нему придут скупщики. Поставщики вовремя привезут удобрения или материалы... Все решается в считанные минуты по телефону. У нас в прошлом году на одном из тракторов сломался коленвал. Две недели ушло на поиски нового...

Слушая Валерин рассказ о поездке в прекрасную Францию, не мог я не соглашаться с ним: еле наскребаем валюту для помощи зарождающемуся фермерству и тратим ее на долгосрочную экскурсию...

Составляем многотомные программы, ведем парламентские дебаты, а все заканчивается тем, что создается наверху еще одно управленческое звено. Потом оно обрастает структурой на местах. Требуется новых ассигнований...

А сломайся трактор у фермера — где вы сыщете службу, которую можно было бы вызвать для ремонта?

В нашей жизни куда ни ткнись — везде проблемы...

Вот недавно Александр Руцкой в одной из телепередач по Российскому каналу, посетовав на то, что несколько месяцев не подписывается готовый президентский указ, касающийся преобразований на селе, говорил об «агропромышленной реформе». Но это, если вдуматься, никак не означает реформу земельную.

А между тем именно к такой вот нивелировке понятий пытается партийно-бюрократическая гвардия на местах свести реформирование отношений земельной собственности, в чем как раз и заложен ключевой момент намеченных и уже законодательно оформлен-

ных преобразований российского сельского хозяйства.

Есть показатели, фундаментально отражающие его нынешнее состояние. Из множества цифр приведу две: в России лишь за последние двадцать лет утеряно сорок процентов пахотной земли; ежегодные потери сельскохозяйственной продукции доросли до пятидесяти двух процентов. Я проецирую приведенные цифры на Квасовых, на все 120 тысяч имеющихся сейчас в России фермеров и задаюсь простеньким вопросом: возможны были бы указанные потери, если б на земле хозяйствовали не временщики, а истинные собственники?

Ответ, как говорится, лежит на поверхности...

Но пусть он, даже соотнесенный с нарождающимся фермерством, нас не обольщает. Фермеры все равно, покамест, — одиночки. Им одним не под силу поднять, накормить такую громадную страну. Ее возрождение возможно только в том случае, если владельцами, хозяевами, станут все. И те, кто работает на земле — не важно, на своей ли ферме, или в коллективном хозяйстве. И те, кто в городах будет создавать товары и услуги, спрос на которые формирует, в том числе и деревня...

Любой другой вариант станет лишь разновидностью очередных кремлевских мечтаний о светлом будущем.

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗЛЬВИРА КУКЛИНА
АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ
СЕРГЕЙ ПАШИН
СЕРГЕЙ ТУРКУЛЕВИЧ
НИКОЛАЙ БАЖАН

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ
ВЛАДИМИР РУБЦОВ
ДИНА НЕМИРОВСКАЯ
АНДРЕЙ АГАРКОВ

ЗЛЬВИРА КУКЛИНА,

25 лет, педагог,
Нижний Новгород

ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

*Деревенское кладбище. Нравы просты:
Деловитые куры снуют меж оградок,
Лишь дырявый забор отделяет кресты
От веревок с бельем и запущенных грядок.*

*У недавней могилки собрался народ.
Шесть недель не прошло, а ни плача,
ни жалоб,*

*Помянули, вздохнули:
— Засушливый год.
— А на водку-то цену спустить не мешало б.*

*По сто грамм — вот и весь поминальный обряд.
Разучились мы, видно, скорбить и молиться.
А вокруг — не старухи с надгробий глядят,
А такие произительно юные лица.*

*Распрошу — объяснят: ту — сожигатель ножом,
Эту в петлю вогнал обестыжевший отчим,
А того в пьяной драке — полез на рожон,
После армии только пришел, между прочим.*

СЕРГЕЙ ТУРКУЛЕВИЧ,

43 года,
художник-оформитель,
Киев

ЧЕРНЫЙ ДЕД

*От деревни до погоста
пролегла верста кривая,
вкруг, косою огибая*

деревеньку...

*Кляча воз, брезентом крытый,
трудно тянет, чуть живая.
Рядом с клячей дед шагает,
честным заработком сытый.
Что ж, поди, и то работа,
не зазря паек казенный:
люди, на голод обреченный,
хоронить — его забота.*

*Мимо уродивших пашен
деревнями бродит мор,
заползая в каждый двор,
следом — дед угрюм и страшен.
Ужас — немота — ни звука —
наваждение застит свет!
Кто б молился? — мочи нет.
Смерти ждут.*

Войдет без стука...

*Черный дед глядит в окошко —
молча взглядом вопрошает.
Так же, молча, отвечают:
— Будет... покури немножко.*

НИКОЛАЙ БАЖАН,

34 года,
литератор,
Барнаул

*Я это видел, может быть, во сне:
костлявый дождь всю ночь ходил по крыше,
и листопад лисицей ярко-рыжей
метался в незашторенном окне.*

*Не верилось мне в то, что я один,
ты уходила горько, без оглядки
по листьям, что лежали, как заплатки,
на всем, что оставалось позади.*

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ,

29 лет,
экономист,
Краснодар

—
Наверное, достаточно руки
для каждого несбывшегося жеста,
как достает течению — реки;
наверное, довольно совершенства
в привычной неустроенности нас —
подсолнечных, подлунных, подневольных,
готовых каждый день и каждый час
давать отпор; наверное, довольно
летучих линий брошено в ладонь
на паперти вселенского лекала
(о, скольким принесла судьба огонь,
но ни одной прямой не отыскала!).
Моя ладонь! В тебе довольно льда
для выше обозначенного круга
явлений; но довольно ли (тогда
храни его) тепла? Ведь друг без друга
так призрачны, так беззащитны мы
перед бегом линий; вольно и невольно
на каждого из нас довольно тьмы.
(Вот только света было бы довольно
пылинкам мироздания, сквозь дни
летающим вопреки любым теченьям.)
Ладонь моя! Спаси и сохрани
идущих по твоим пересечениям!
И я, скользя по линиям чужим,
соприкасаясь — радостно и больно, —
давно уже от них неотторжим...
И этого, наверное, довольно.

ВЛАДИМИР РУБЦОВ,

31 год,
врач,
Саратов

ЗИМА

Начну с зимы, она в начале,
Она кудесница снегов
И друг мечтательных оков,
Что появляются в печали.
Она немые холода
Для испытанья посылает
И Бог весть что еще желает,
Но не оттает никогда.

Она своим покровом снежным
Всю грязь мирскую обелит.
Зимой надежда наша спит
И только сном приходит нежным.

ДИНА НЕМИРОВСКАЯ,

27 лет,
преподаватель,
Астрахань

ВЫВОД

Проиграть, размазаться по снегу,
Кануть в небо шариком воздушным,
Стекла бить, кидаться дважды в реку,
Придушив свою шальную душу,
Ничего не есть, не спать помногу,
Замерзать в пространстве беспредельном.
Значит, время помолиться Богу —
Видно, у него другие цели.

АНДРЕЙ АГАРКОВ,

29 лет,
квантан-лейтенант,
Севастополь

МАЙСКИЙ НАБОР

В час, когда старики не спеша расстилают
газеты,
Чтоб присесть на места,
что испачканы днем пацанвой,
Чтоб смущаться от вида девчонок,
что полураздеты,
Чтоб с соседом курнуть и припомнить:
«Как там, под Москвой...»
И закашляться трудно,
чтоб были нестыдными слезы
В час, когда вспоминают
на войны ушедших друзей,
И когда так банально (как рифма)
трепещут березы...

СТОЛ ЗАКАЗОВ.

И очередь ждущих наборы людей.

КОЛИН УИЛСОН

МММ

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕЩКОГО.

DAYKOB

В тот миг, когда холодный ветер рассвета коснулся плоского камня, закрывающего вход в пещеру, Найл, прикинув ухом к щели, с напряженным вниманием вслушался в доносящиеся снаружи шумы. Всякий раз в такой момент ему казалось, что в голове вспыхивает крохотный солнечный зайчик, а все вокруг внезапно замолкает и каждый звук обретает обостренную четкость. Вот сейчас, к примеру, он различал частую поступь крупного насекомого, с тихим шелестом спешащего сверху через песок. Проворство невесомых движений подсказывало, что это фаланга, а может, и паук-верблюд. Мгновение спустя насекомое мелькнуло в поле зрения. Точно, паук: бочкообразное мохнатое туловище, в непомерно больших челюстях остатки ящерицы. Мгновение, и его уже нет; опять тишина, только ветер монотонно шумит в ветках кактуса-юфорбии. Впрочем, насекомое дало ответ на то, что Найлу требовалось знать: именно, что поблизости нет ни скорпионов, ни жука-скакуна. Паук-верблюд — ненасытнейшее из созданий, жрет до тех пор, пока утроба не раздувается настолько, что и бегать неспособен. Этому — прошмыгнувшему, — судя по всему, еще есть да есть. Если б поблизости находился хоть кто-нибудь, подающий признаки жизни, паук бросил бы недоеденную добычу и кинулся на очередную жертву.

Осторожным движением, напоминающим гребки пловца, Найл развел руки в стороны и смахнул песок, после чего, лавируя поджарым телом, выбрался наружу. Солнце на горизонте едва забрезжило, от песка еще веяло ночным холодом. То, из-за чего он оставил жилище, находилось метрах в пятидесяти, возле самой кактусовой поросли. Растение уару, зеленая часть которого, толщиной и податливостью напоминающая мочку уха, скапливает росу и удерживает ее, как в чаше. Вот уже полчаса, как Найл лежал без сна со свербящей от жажды глоткой и вожделенно представлял, как припадает губами к льдисто-холодной влаге. Вода у них в жилище была — ее таскали из подземной глубины муравьи-трудяги, но она имела железистый привкус. Льдистая же роса уару в сравнении с ней просто нектар.

Чаша растения — два сведенных воедино листа — была полна росы, поблескивающей по краям кристалликами изморози. Опустившись возле растения на четвереньки, Найл окунулся в чашу лицом и сделал первый глоток — долгий, медленный, сладостный. От удовольствия мышцы дрогнули и расслабились. Ледяная вода для жителя пустыни — величайшее из наслаждений. Возник соблазн выпить все до последней капли, но опыт подсказывал: не надо. Мелко сидящим корням уару эта влага необходима для жизни; если выпить все, растение погибнет и одним источником воды станет меньше. Поэтому Найл отвел губы, хотя воды оставалось еще порядочно. Однако уходить не спешил, а все смотрел на прозрачную влагу. В уме ожила

* Журнальный вариант. Все книги трилогии К. Уилсона «Мир пауков» будут изданы санкт-петербургским издательством «Позисофт».

странная, неведомо от кого и как унаследованная память о «золотом» веке, когда воды было вдосталь, а люди не прятались, подобно насекомым, под покровом пустыни.

Когда Найл поднял голову, взгляд его остановился на шаре, скользящем по призрачно-бледной восточной части небосклона. Шар двигался в его сторону, быстро одолевая разделяющее их расстояние. Найл мгновенно, не успев даже этого осознать, подавил в себе инстинкт безотчетного, слепого ужаса. Он мельком подумал о семье — там, внизу, в пещере. Хорошо, если они спят.

Между тем шар опустился ниже, завис сверху, и тут Найл впервые в жизни пережил ощущение невероятно зловецей угрозы, излучаемой охотящимися пауками-смертоносцами. Будто чья-то чужая воля — непреклонная, враждебная — хлестнула покров пустыни подобно лучу прожектора, с почти осязаемой силой пронизывая каждую выемку, каждое затененное углубление, намеренно нагнетая ужас, пока тот, переполнив человечью душу через край, не хлынет верхом, словно раздирающий горло истошный вопль. Найл старался не смотреть наверх; он перевел глаза на чашу уару, пытаясь уподобить ум чистой недвижной глади воды. Сама земля, казалось, обрела прозрачность; Найл ощущал, где именно находится его семья: родители, брат, две сестренки. Все спали, лишь отец беспокойно шевельнулся, когда полоснул зловеций луч.

Прошло несколько секунд, и все кончилось: шар, успев уже отдалиться на десятки метров, заскользил в сторону гористой возвышенности, поднимающейся к небу на горизонте. Луч враждебной чужой воли стегал пустыню теперь уже на расстоянии. Найл сидел неподвижно, следя взглядом за маячащим в воздухе шаром; любопытно, что луч осмотрительно вильнул, огибая выпирающий из земли острый выступ заматерелой скальной породы.

Когда шар скрылся, Найл поспешил обратно в пещеру, двигаясь проворно и бесшумно, как приучен был с детства. Тем не менее звук его поступи разбудил отца: пружинисто подскочив, тот застыл в напряженной позе с кремневым ножом в руке. Поглядев на сына, Ульф понял: что-то произошло.

— Что там?

— Паучий шар, — произнес Найл шепотом.

— Где?

— Уже прошел.

— Он тебя заметил?

— Думаю, нет.

Ульф издал протяжный вздох облегчения. Пробравшись к выходу, он внимательно прислушался, затем рискнул выглянуть. Солнце уже взойшло над горизонтом, придав безоблачному голубому небу белесоватый оттенок.

Из темноты послышался голос Вайга, старшего брата:

— Что там?

— Охотятся. Они... — отозвался Найл.

«Они» могло означать лишь пауков-смертоносцев. Их охотничьи облавы составляли наисущественную часть в жизни горстки

людей, большей частью хоронящихся под землей. Сколько люди себя помнили, на них все время охотились. Скорпионы, жуки-скакуны, полосатые скарабеи, кузнечики-гиганты. Но чаще всех — пауки-смертоносцы. Жуки и москиты были естественными врагами, с ними порой удавалось и совладать. Убить же смертоносца значило навлечь на себя страшную мечь. Джомар, дед Найла, когда был у них в рабстве, видел, какой каре они подвергли небольшое поселение людей, убивших смертоносца. Тысячи и тысячи восьмилапых выползли на облаву. Живая цепь из пауков растянулась по пустыне более чем на десяток миль, сверху нависали сотни шаров. Когда людей наконец изловили — их оказалось около тридцати, — всех доставили в городище Смертоносца-Повелителя и устроили мрачный церемониал. Несчастных парализовали ядом; жертвы находились в полном сознании, но были лишены возможности двигаться, могли только водить глазами и моргать. После этого их принялись поедать заживо: нарочито медленно, растянув удовольствие на несколько дней. Главный зачинщик оставался в живых почти две недели, пока не превратился в бесформенный огрызок.

Никто не знал, отчего пауки так ненавидят людей, даже Джомар, проживший среди них столько лет, прежде чем бежал на паучьем шаре. Насколько известно было Джомару, пауки, специально занимающиеся отловом людей, исчислялись тысячами. Может, потому, что человечина почиталась у них за изысканнейший деликатес? Но зачем оно им, если смертоносцы и так держали на пищу определенное людское поголовье? Судя по всему, им должны были нравиться те, что пожирнее. Тогда на что им, спрашивается, худосочные обитатели пустыни? Видимо, для беспросветной ненависти к людям у смертоносцев была иная причина.

Теперь пробудились и остальные — мать Найла, Сайрис, и две младшие сестренки, Руна и Мара.

Вайг примостился у камня при входе в пещеру и поманил отца к себе. Найл тоже перебрался ближе к лазу. Прежде чем две головы — отца и брата — сдвинулись вплотную, заслонив вид, он успел заметить белый шар, проворно скользящий высоко над верхушкой трубчатого кактуса.

Улф тихо произнес:

— Маленьких надо усыпить.

Вайг, кивнув, исчез в недрах пещеры, там, где держали муравьев. Минут через десять возвратился, неся долбленную посудину, полную сладкого комковатого вещества, которое муравьи выделяют из зоба. Сайрис вытряхнула содержимое посуды на деревянные тарелки. Малышки, неизбалованные такими щедрыми порциями, жадно набросились на лакомство. Найл, получив свою тарелку, вдохнул исходящий от нее тяжелый, приторный аромат ортиса — растения из лесов Великой Дельты. Однако засыпать ему не хотелось. Он теперь был уверен, что не потеряет самообладания. Проглотив немного пищи, чтобы не досадить отцу, и улучив момент, Найл незаметно сунул тарелку под травяную подстилку. Минут через пять девочки уже спали. Найл тоже чувствовал приятную осоловелость, вызванную нар-

котиком: ровное млеющее тепло, приглушающее чувство голода. Ум, однако, оставался начеку.

Острый шуп страха пронизал жилище как раз в тот момент, когда Сайрис проглатывала первый кусочек пищи. Возникло ощущение, будто сейчас в самом деле кто-нибудь ворвется в пещеру. На какую-то секунду Найл сам едва не лишился самообладания, однако вовремя понял, что неизъяснимый этот страх на самом деле ничего под собой не имеет. Пещеру наводнила напряженная, тяжело вибрирующая тишина. Малышки безмятежно посапывали. По мере того как страх истаявал, подобно исчезающему звуку, Найл ощутил короткую вспышку удовлетворения. Не успели они маленьких, те разом бы выдали всю семью волнами беспомощного ужаса, исходящими из несмышленных умишек; так случалось уже с сотнями человеческих семей. Сок ортиса был поистине даром провидения, хотя и стоил жизни Торгу и Хролфу, дяде и двоюродному брату Найла. Оба не совладали с хищным растением и достались ему на съедение.

Еще пять раз в тот день колючее жало страха пронзало жилище, но люди не выдавали своего присутствия ни единым звуком. Опершись спиной о гладкую стену пещеры, Найл сидел будто окаменелый. По мере того как разгорался день, температура в пещере неуклонно повышалась. Обычно они заваливали вход сучьями и камнями, а ветер довершал работу, забивая щели песком. Но Улфу хотелось понаблюдать за приближением паучьих шаров: зная об атаке заранее, легче противостоят ей. Поэтому проем под плоским камнем оставили открытым, и в горловину входа задувал теперь жаркий ветер пустыни. Девочки разметались во сне, все в поту. Взрослые внимания на жару не обращали: напряженное ожидание заставляло забыть обо всем. Дважды Сайрис приносила еду: плоды опунции и сушеное мясо мелкой живности. Однако ели мало, глаза неотрывно следили за полоской выпцветшего от жары неба.

После полудня ведущий наблюдение Найл заметил на горизонте очередной шар. Две-три минуты спустя слева возник второй, затем еще один, справа. Вскоре шары заполнили все небо; насчитав двадцать шаров, Найл бросил это занятие. Сердце холодело от одного их вида. Обернувшись, он шикнул остальным. Те тотчас подобрались к нему, остановившись неподалеку от проема.

— Почему так много? — недоуменно спросил Улф.

Найл удивился недогадливости отца. Пауки почувствовали, что откуда-то снизу их пристально рассматривают человечески глаза. Смертоносец-Повелитель, наверное, пришел в ярость от того, что где-то там, в недрах пустыни, из тайного укрытия за ними наблюдает их же добыча, а выманить ее наружу никак не удается.

Со своего места Найлу было видно, что среди шаров соблюдается любопытная симметрия. Втайне он догадывался, что тому причиной. В одиночку им трудно определить, где именно скрывается добыча. Шар охватывает сравнительно большой участок местности, покрывая его будто колпаком. Но, чтобы установить, откуда именно исходит отклик на импульсы страха, пауку необ-

ходимо сузить диапазон поиска до определенной точки. Если сигнал паники поймут сразу два шара, каждый из них возьмется прочесывать свой собственный сектор и добыча окажется замкнутой в ножницы перекликающихся импульсов. А если в поиск вовлечена не пара, а целое сонмище шаров, задача тем более упрощается.

Мельком подумав об этом, Найл испытал странное злорадство. Похоже, он начинал уяснять содержимое паучьих умов; его больше не донимал страх неизвестности. Но инстинкт подсказывал: обольщаться не стоит.

В предвечерний час очнулись от сна малышки. Лица у них раскраснелись от жары, губы запеклись от сухости: обычная картина после сока ортиса. Сайрис дала девочкам попить, а затем последовало и угощение: по сочному куску терпкой на вкус, вяжущей опунции. После этого детей снова накормили дурмящей кашей, и те забылись сном. Мара, младшенькая, прерывисто дышала, длинные волосы повлажнели от пота. Мать сидела рядом, бережно обняв ребенка. Мара была общей любимицей в семье.

Очередная облава паучьих шаров, четвертая по счету, состоялась через час. Отец легонько коснулся плеча Найла, и до юноши дошло, что он, оказывается, дремлет. Все еще находясь под спасительным покровом дремоты, он почувствовал импульс страха, словно дуновение холодного ветра, от которого кожа покрывается пупырышками. Когда это ощущение прошло, Найлу подумалось, что смертоносцы, в сущности, не такие уж и смекалистые, как он раньше считал: накатывая так часто, они поневоле дают людям освоиться с импульсами страха и тем самым ему противоборствовать.

Наихудшее произошло во время последнего налета. Ветер стихал. Похоже было, что пауки на сегодня уймутся. Внезапно откуда-то со стороны входа донеслись скребущие звуки, издаваемые крупным насекомым. Это мог быть скорпион или жук-скакун, а может, и паук-верблюд, волочащий какую-то тяжелую ношу. Слышно было, как он постепенно приближается ко входу в пещеру. Державший наблюдение Вайг тревожно встрепенулся. Посмотрев поверх его головы, люди заметили плывущие в их направлении шары, совсем низко над землей. В эту секунду сверху в пещеру потоком заструился песок, и стали видны здоровенные клешни скорпиона. Это никого не удивило: мало ли их рыщет по округе в поисках пищи. Но вот скорпион остановился, и в пещеру обрушилась еще одна струя песка. Плоский камень сдвинулся, и Найл понял, что тварь пытается протиснуться внутрь. Случилось самое худшее: паучьи шары зависли над самой головой. Найл чувствовал смятение остальных, усугубляемое боязнью, что их выдаст собственный страх. Мелькнула мысль, что смертоносцы все же одержат верх.

Действовал Найл машинально, не раздумывая. Возле стены стояло копьё Улфа с наконечником из шакальей кости, острой как игла. Ни Улф, ни Вайг не решались пустить его в ход из опасения, что вспышка слепой ярости выдаст их присутствие смертоносцам. Найл совершенно естественным и произволь-

ным образом «задернул» сознание, как задерживают шторой окно, уверенно подошел ко входу, оттеснил в сторону Вайга и что есть силы саданул копьём меж клешней, расширяющих проход. Послышалось шипение, потянуло едким, удушливым запахом. Тварь отпрянула, открыв взору шар, летящий в их сторону в какой-нибудь сотне метров. Найл безмолвно застыл, не давая невидимому шупу проникнуть через преграду. А шуп был теперь так близко, что казалось: Найл чувствует дыхание врага, его физическое присутствие. Спустя мгновение ощущение схлынуло, и Найл высунул голову наружу. Шары маячили вдалеке, зыбко покачиваясь на багряном фоне заката над горами. Исчез и скорпион. Наконечник копья был измазан кровью и еще какой-то белой пакостью, похожей на гной. Через десять минут все вокруг утонуло в толще мрака, непроницаемого, словно вода в омуте, внезапного, словно тропическая ночь. Ульф и Вайг завалили вход камнями. Затем Вайг зажег светильник, наполненный добытым из насекомых маслом, и семья села за ужин: сушеное мясо и плоды кактуса. Найл сидел, уткнувшись спиной в угол, и смотрел, как движутся по стене людские тени. Он понимал, что сегодняшшний его поступок спас всем жизнь и что семья тоже сознает это...

С тех пор, как их семья перебралась в свое теперешнее жилище, минуло без малого десять лет. До этого они обретались в норе у подножия большого скалистого плато, милях в сорока к югу. Температура днем нередко достигала сорока градусов. Пища была скудная, и у мужчин на поиски добычи уходила уйма времени. Паучий шар, на котором Джомар бежал из неволи, превратился в защищающий от солнца зонт, что позволяло сравнительно благополучно переносить немилосердной зной. В пересохшем русле пролегающего неподалеку ручья росли полые кактусы, сок которых годился для питья. И тем не менее жизнь горстки людей (в ту пору Торг с женой Ингельд и сыном Хролфом жили вместе с ними) состояла из сплошных хлопот: где добыть пищу, чем утолить жажду, как перенести удушающую дневную жару.

Как-то раз, забредя от норы дальше обычного, охотники заметили здоровенного жука-скакуна, залезающего в пещеру-логово. В сравнении с их каменным мешком возле подножия плато эта местность казалась просто райским уголком. Растение уару могло давать свежую воду, и цвет травы-альфа, по-настоящему зеленый, недвусмысленно указывал, что ночной воздух здесь бывает влажен, даруя влагу в виде бисеринок тумана. Стебли травы годились на то, чтобы вить веревки для силков, плести корзины и подстилки. Более того, случайно обнаруженная оболочка испанской мушки означала и готовый источник масла для светильников.

Мужчины были измотаны, от жары голова шла кругом. Может, это и натолкнуло их на несуразно дерзкую затею напасть на жука-скакуна. Челюсти насекомого могли перекусить человеку руку или ногу. Кроме того, эти создания вызывали страх своим проворством и фантастической прозорливостью. Правда, если насекомое выманить наружу и напасть в тот момент, когда оно

выбирается из тесного для него лаза, то можно с ним справиться. Первым делом мужчины насобирали кучу кустов креозота, отхватывая их возле корня кремневыми ножами. Подсушенный час-другой на солнцепеке, креозотовый куст с его хрупкой, пахнущей смолой древесиной полыхает, как факел. Нарвали также травы альфа и сложили охапками, а чтобы не унесло ветром, придавили сверху камнями. Затем, натаскав камней поувесистей, сложили их возле логова в кучу. Насекомое, почуяв неладное, затаилось и пристально наблюдало за приготовлениями, но вмешиваться не решалось: слишком их много, этих бестолково снующих двуногих. Стоило Хролфу подойти ближе, как из-под камня, что возле лаза, угрожающе высунулись похожие на когти челюсти.

Для того чтобы жук ослабил бдительность, решили отдалиться к кактусовой поросли. Используя кусочки сухой коры, Джомар развел огонь, затем поджег пучок травы. Солнце светило так, что языки пламени были невидимы, но, когда занялись огнем кусты креозота, в воздух черными клубами повалил едкий дым. Охотники отдавали себе отчет, что этот момент особенно опасный: на дым может обратить внимание любой из паучьих дозорных. Подхватив пламенеющие кусты за корневища, мужчины проворно потащили их через песок. Одним мощным движением копыя Ульф приподнял и сдвинул прикрывающий вход камень, ожидая, что насекомое тотчас бросится наружу. Но ничего подобного не произошло. Свой куст Джомар швырнул в горловину лаза. Это же самое проделали следом за ним остальные и отпрянули, отирая лица, обильно сочащиеся едким потом.

44
Прошло около минуты, прежде чем жук, встревоженный огнем и дымом, дал наконец о себе знать. Пролететь наружу мешал перегораживающий лаз камень, и насекомому пришлось приложить усилие, чтобы из-под него выбраться. Там уже караулил, заведя руки за голову, изготовившийся к удару Торг. Когда жук почти уже высвободился, он что есть силы метнул в него тяжелый обломок скалы. Камень ударил насекомое в грудь, чуть не задев выпуклые глаза. Другой камень, брошенный Хролфом, разможил жуку сустав передней лапы. Жук раскрыл продолговатые крылья, собираясь взлететь, и тут Джомар, метнувшись, вогнал копые в жесткое брюхо насекомого. Туловище жука скорчилось от боли, а его мощные челюсти неожиданно схватили Джомара за ногу. Пронзительно вскрикнув, тот забился, сиюсь высвободиться. В этот миг ухнул еще один камень. Он высадил твари глаз и сокрушил толстый покров, защищающий череп. Челюсти разомкнулись и выпустили Джомара, у которого из бедра ручьем хлестала кровь. Хролф вогнал копые глубоко в плоть жука там, где крыло срастается с туловищем. Насекомое судорожно дернулось, смахнув наземь Ульфа и Джомара, и, подскочив, повалилось на спину в нескольких метрах от пещеры. Прошло еще минут пять, прежде чем оно окончательно затихло.

Вглядываясь в горловину лаза, Вайг заметил, что в недрах пещеры, за горящими кустами креозота, что-то шевелится. «Там еще один!»

Все мгновенно насторожились, изготовившись к очередной

схватке. Однако враг медлил. Джомар кое-как доковылял до зонта и, пристроясь там в тени, припал губами к посудине с водой. Хрольф бережно осмотрел его рану, остальные, запалив оставшиеся кусты креозота, побросали их в лаз. Однако жара брала свое: тяжело отдуваясь, люди прилегли возле входа в пещеру и стали дожидаться, что будет дальше. Спустя полчаса, когда кусты креозота превратились в груды угольев, в горловине слышалась возня и наружу показались длинные усы-антенны. Из норы выбралась самка жука-скакуна, гораздо меньших размеров. Следом выкатилось с полдюжину личинок, каждая длиной с человеческую руку. Люди наблюдали, как насекомые пробираются через раскаленный песок, удаляясь в сторону глубокой балки. Оглядев несколькими часами позже пещеру, охотники пришли в изумление от ее глубины. Джомар высказал предположение, что здесь когда-то обитало семейство пауков-каракуртов. Это была настоящая пещера со стенами и сводом, сцементированными слюной жуков. В самом глубоком углу валялись полузадохшиеся личинки, угоревшие от дыма: ветер пустыни, задувая в горловину, вместе с искрами и дымом нанес в пещеру угарный газ. Охотники прикончили личинок, а трупы повбрасывали наружу: мясо жука-скакуна неприятно на вкус и в пищу не годится. Затем они забросали вход и заснули в прохладной глубине логова, где все еще остро пахло дымом и креозотом.

Следующим утром, за пару часов до рассвета, Ульф, Торг и Хрольф отправились в обратный путь. Надо было забрать женщин и семилетнего Найла. Джомар и Вайг остались караулить пещеру на случай, если жуки вознамерятся вдруг снова сунуться в свое жилище...

Семья добралась к пещере за час до сумерек. Первое, что приковало взор Найла на новом месте, были верхушки акаций на горизонте и исполинский разлапистый кактус. Прежде Найл деревьев никогда не видел, знал о них только по рассказам отца. Когда подошли к тому месту, мальчик разочарованно обнаружил, что никаких цветов там нет, равно как и плещущейся воды, о которой так мечталось. Собственно, была лишь голая каменная земля, присыпанная тонким слоем песка. Местами из нее торчали блеклые пучки травы, кусты креозота и окустья травы альфы. В отдалении возвышались все те же непривычные глазу колонны красного скального грунта, а сзади, с южной стороны, на горизонте вздымалась отвесная стена плато, всходящая ввысь словно горная цепь. Несмотря на унылость, этот пейзаж был, безусловно, интересней и разнообразнее, чем бесконечные песчаные дюны, окружавшие их прежнее жилище.

Навстречу им вышли Джомар и Вайг. Горловина пещеры была с другой стороны, но Джомар угадал их приближение с той безошибочностью, какую жители пустыни воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Он двигался с большим трудом. Задетое челюстями жука-скакуна бедро распухло, словно диковинная черная тыква. Вайг обработал рану тертым корнем дяволова листа, росшего неподалеку, — растения с мощными целебными свойствами. Но восстановить рассеченную мышцу оно не могло, и Джомар до конца своих дней прихрамывал.

В тот вечер у них был пир; по крайней мере людям, едва одерживающим верх в извечном поединке с голодом, такая трапеза казалась роскошной. Вайту удалось прибить крупное млекопитающее вроде белки и поджарить его, выложив тушку в полдень на раскаленные солнцем камни. Найл раньше вообще ничего подобного не пробовал. Ели еще плоды кактуса, желтые и терпкие, пили кактусовый сок. Несмотря на кажущуюся скудость, в здешних окрестностях водилось куда больше живности, чем на прежнем месте обитания возле плато. И, конечно же, опасностей здесь было тоже куда больше: песчаные скорпионы и жуки-скакуны, полосатые скараabei с ядовитым жалом, тысяченожки и серые пауки-пустынники, неядовитые, но очень сильные и проворные. И, конечно же, практически все обитатели пустыни — насекомые и млекопитающие — служили добычей громадной фаланге либо пауку-верблюду — жутковатому на вид, похожему на жука созданию с огромными челюстями. Последний передвигался с такой скоростью, что невольно напрашивалось сравнение с перекачиполем, гонимым через пустыню сильной бурей. Довольно странно, но не было случая, чтобы пауки-верблюды нападали на человека. Наблюдая за ними, Найл проникался впечатлением, что те относятся к человеку с каким-то скрытым благодушием, воспринимая людей не то как союзников, не то как ровню.

В течение многих недель после того, как они перебрались в новое жилище, Найла невозможно было оттащить от входа в пещеру, откуда он наблюдал за снующими мимо существами. Многих насекомых он научился различать по звуку. Так, он мог в первую же секунду отличить скорпиона или паука-пустынника от жука-скакуна или тысяченожки. А услышав шелест паука-верблюда, понимал, что можно без всякого страха выбираться наружу.

На первых порах Найл подолгу оставался один. Женщины были в восторге от новых окрестностей, в них проснулась страсть первооткрывателей. Под охраной мужчин Сайрис и Ингельд забредали довольно далеко, возвращаясь обратно с грузом всяческих деликатесов, переполняющих свиты из травы корзины. Мужчины наловчились ставить силки, в которые нередко попадались зайцы, суррикаты и даже птицы. Ингельд, не отличавшаяся умеренностью ни в чем, круглела на глазах.

Найлу, пока семья охотится, наказывали сидеть в глубине пещеры; но стоило взрослым удалиться, как мальчик тотчас разбирал прикрывающие вход сучья и камни и, выбравшись на выступ заматерелого грунта, образующего возле лаза подобие крыльца, во все глаза смотрел на диковинных созданий, спешащих мимо.

Как и у всех детей, чувство страха у Найла было и чрезмерно преувеличенным, и неправильно ориентированным. Вначале он безумно боялся всего, что быстро движется; позже, когда уяснил для себя, что все обитатели пустыни боятся незнакомого и предпочитают избегать нежелательных встреч, он стал излишне самоуверенным...

Едва Найл начал ходить, его научили остерегаться паучьих шаров. Прежде чем он впервые вышел на свет из норы у подно-

жня плато, ему велели вначале смочить палец и определить направление ветра, затем пристально оглядеть горизонт — не бликует ли там что в солнечных лучах.

Если вдруг появится шар и полетит на тебя, наказывали Найлу, надо, пока есть время, тотчас зарыться в песок или просто застыть без движения. Ни в коем случае нельзя следить за шаром, лучше уставиться вниз или сосредоточиться на том, что у тебя сейчас перед глазами. У пауков-смертоносцев, разъяснил Ульф, не ахти какое зрение, так что, может статься, тебя и не заметят. Добычу они высматривают не глазами, а усилием воли и умеют чують страх. Последнее вызвало у Найла недоумение. Он не мог уяснить: как это — страх, и вдруг имеет запах? Ульф объяснил, что страх образует как бы невидимую упругую дрожь, поразительно напоминающую по свойствам пронзительный крик ужаса, именно на нее смертоносец и реагирует. Так что, когда сверху проплывает паучий шар, надо, чтобы ум сделался таким же неподвижным, как и тело. Поддаться страху — это все равно что с криком скакать вверх-вниз и махать руками, чтобы паук заметил.

Будучи здоровым и жизнерадостным ребенком, Найл не сомневался, что это все легче легкого. Надо как бы зажмуриться и повторять про себя, что бояться нечего. Однако к ночи такая уверенность улетучивалась. Иной раз, когда случалось лежать без сна, вслушиваясь в тишину, Найл вдруг испуганно настораживался: а что это скребется снаружи по песку? Воображение тут же рисовало громадного паука, который силится разглядеть, что там за камнем, прикрывающим вход в пещеру. Сердце начинало стучать чаще, громче, и мальчик сознавал, что это он сам источает сигналы паники. И чем сильнее старался их подавить, тем неодолимее они становились. Но молодость и уверенность в конечном итоге одержали верх. Найл научился противостоять страху усилием воли, сдерживая удары сердца прежде, чем адреналин устремлялся в кровь.

Однажды паучий шар пролетел едва не над самой пещерой, и люди всерьез задумались, не возвратиться ли обратно в пустыню, где было намного безопаснее. Ульф и Сайрис действительно на это настроились, даром что Сайрис опять была беременна. Но Ингельд не пожелала и слышать об этом. Она заявила, что лучше умрет, чем возвратится туда, где во всей округе, помимо опунций, и поест нечего. Найл втайне был признателен ей за упрямство: он тоже предпочитал пищу и опасность голоду и скуке.

Когда на свет появилась сестричка Руна, Найл перестал быть общим любимцем. Ему было почти одиннадцать лет, и он начал ходить на охоту вместе с мужчинами. Поначалу это было изнурительно. Приходилось отмахивать порой до двадцати миль под косматым безжалостным солнцем, постоянно высматривая шары смертоносцев, выискивая скрытые признаки логова тарантула или желтого скорпиона. Довольно скоро мужчины уяснили, что у Найла чутье на опасность развито сильнее, чем у них.

Как-то раз они все вместе отправились к зарослям колючего кустарника, где были расставлены силки на птиц. Внезапно

Найл ощутил, что его туда почему-то «ноги не несут». Замедлив шаг, он положил ладонь на руку Хролфу. Постепенно этим чувством прониклись все. Остановившись, охотники внимательно вгляделись в поросль. Минут через десять Улф уловил легкое, почти бесшумное движение. Остальные, хотя и секундой позже, успели заметить длинную тонкую ногу сверчка.

— Это всего лишь декта, — сказал Улф, имея в виду безвредное создание, обитающее в пустыне. Но смутное чувство опасности не оставляло Найла, и он напрочь отказался приближаться к той поросли. Мужчины, недоуменно пожав плечами, решили в конце концов обойти кустарник стороной и двинулись каменной пустошью к растущим в отдалении плодоносным кактусам.

Возвращаясь назад, они вновь прошли в сравнительной близости от кустарника. Двигались охотники почти бесшумно, но нечаянно потревожили сверчка. Все вздрогнуло от неожиданности, когда тот, выпрыгнув, помчался десятиметровыми скачками к деревьям. Мгновенное взвихрение пыли, и вот уже декта беспомощно барахталась в удушающих объятиях кошмарного на вид существа. Существо напоминало невиданной величины сверчка — ростом, наверное, метра три, только серые ноги были покрыты не то шипами, не то жесткой щетиной. Странной формы голова напоминала чопорно вытянутое лицо; по бокам — большие выпуклые глаза. Снизу лицо израсталось в длинные заостренные челюсти, имеющие отдаленное сходство с когтями скорпиона. На глазах у изумленно застывших охотников исполин притиснул добычу к животу, затем мощным, мгновенным ударом челюстей-лезвий вскрыл сверчку горло. Пораженные этим зрелищем, люди не двигались с места. Существо не обращало на них никакого внимания. Оно все глубже вгрызалось в горло сверчку, голова которого заломилась под неестественным углом. Круглые, навывкате, глаза смотрели куда-то вдаль. Потрясенные увиденным, люди заторопились в сторону жилища.

Джомар, оставшийся в тот день в пещере, догадался по их описанию, что речь шла о самом агрессивном из сверчков под названием «сага». Подступи охотники чуть ближе к деревьям, и одного из них он непременно бы сожрал с такой же быстротой и жадностью, как и сверчка-декту.

После этого происшествия мужчины оценили чутье Найла, и он стал незаменимым участником охотничьих вылазок.

Жизнь постепенно налаживалась. У большинства обитателей пустыни она сопряжена с постоянным поиском пищи, не составляла исключения и горстка людей. Им ничего не стоило отмахать за день по двадцать миль единственно с целью насобирать опунций или съедобных плодов кактуса. Улф сделал в стене пещеры глубокую нишу под хранилище и выложил ее камнями. В таком прохладном месте плоды могли храниться целыми неделями. А если и портились, то все равно не шли на выброс. Джомар вспомнил давно забытую вещь. Если испорченный плод замочить в воде, настояв, забродив, приобретает особый кисловатый вкус, а выстоявшись несколько недель, превращается в напиток, одновременно и утоляющий жажду, и создающий в голове приятную, ирривую легкость. Когда стужался сумрак, мужчины

усаживались посреди жилища в круг и, потягивая напиток, непринужденно беседовали. Уютно трепетал огонек светильника, отбрасывая на стену непривычно большие тени. У мужчин развязывались языки. Прежде такие беседы были редкостью: охотники возвращались измотанные и такие голодные, что не тратили остаток сил на разговоры. Теперь же тягот поубавилось и голод не донимал, поэтому собеседники, случалось, засиживались до тех пор, пока не прогорало масло в светильнике.

Вот тогда-то Найл впервые услышал рассказы о былых временах: об Иваре Сильном, укрепившем город Корш и отражавшем любые попытки смертоносцев выжить людей в пустыню; о Скапте Хитром, что пошел на смертоносцев войной и спалил их главный оплот; о прожившем вдвое дольше обычных людей Вакене Мудром, что обучал серых пауков-пустынников наушничать и выведывать замыслы смертоносцев. Постепенно Найл начал уяснять, отчего смертоносцы так ненавидят и боятся людей и идут на все, чтобы истребить или закабалить их.

Оказывается, между людьми и пауками шла долгая и жесткая борьба и пауки одержали в ней верх лишь потому, что научились понимать людские мысли.

Со слов рассказанной Джомаром легенды, перелом произошел, когда принц Галлат влюбился в красивую девушку по имени Туроол. У самой Туроол уже был избранник, не особо знатный вассал Басат. Галлат с ума сходил от ревности, образ Туроол день и ночь стоял у него перед глазами, и он задумал похитить девушку из лагеря Басата. У Туроол был верный пес Ойкел. Сложилось так, что пес охотился возле лагеря на крыс и вдруг учуял чужака. Лагерь поднялся по тревоге, Галлата с позором выдворили. Принц пришел в неопишемую ярость и, поклявшись отомстить, направил стопы в городище смертоносцев. Там он добровольно сдался страже и потребовал, чтобы его провели к самому Смертоносцу-Повелителю, жуткому стоокому тарантулу по имени Хеб. Склонившись перед чудовищем, Галлат заявил, что в знак искреннего к Хебу расположения готов выдать своего союзника, короля Рогора. Так из-за подлой измены город Рогора оказался в лапах у смертоносцев, сожравших на своем шабаше около двух тысяч человек. Вслед за этим Галлат пообещал научить Хеба читать людские мысли, если только тот уничтожит Басата и захватит в плен Туроол. Хеб согласился, но вначале потребовал, чтобы Галлат выполнил свое обещание. Год Галлат раскрывал ему тайнства человеческой души. Как выяснилось впоследствии, до Великой Измены паукам недоступны были тонкости человеческого ума — души людей гораздо сложнее и утонченнее, чем пауков. Так понемногу Хеб научился проникать в секреты человеческой души. Говорят, он велел согнать людей-узников, и те часами стояли перед Хебом, пока тот вчитывался в их умы — до тех пор, пока не вырисовывались мельчайшие детали их жизни. Затем он велел каждому рассказывать историю своей жизни, пока не восполнялись упущенные детали и не наступала полная ясность. Вслед затем Хеб пожирал несчастных, чувствуя, что по-настоящему сможет познать их лишь тогда, когда впитает каждый атом их тела.

Познав тайны человеческого ума, Хеб сдержал свое слово. И вот однажды ночью тысячи пауков опустели на лагерь Басата. Нападение было таким внезапным, что уцелели лишь немногие. Басата и Туроол подвели к Галлату, и тот, велел Басату встать на колени, собственноручно снес ему голову. Эта бессмысленная жестокость сгубила то главное, ради чего все, собственно, затевалось: обезумевшая от горя Туроол не помня себя кинулась с ножом на ближайшего стражника. Через секунду она была уже мертва: смертоносец всадил в нее свои ядовитые клыки.

И была еще одна великая тайна, постичь которую Хебу было не под силу: тайна Белой башни. Она была воздвигнута людьми давно прошедшей эпохи и стояла в центре городища смертоносцев (сам город принадлежал когда-то людям). Башня не имела ни дверей, ни окон и сделана была из гладкого материала — судя по всему, непроницаемого. Невольникам жуков-бомбардиров было однажды приказано проделать в башне брешь. Подложили взрывчатку, грохнули — куда там! Ни трещины. Тогда Хеб пообещал, что дарует Галлату власть над всеми людьми, если только тот поможет ему овладеть тайной Белой башни. Галлат, отличавшийся непомерным, болезненным властолюбием, соблазнился предложением. Многих старых и мудрых замучил он, пытаясь проведать секрет башни. Наконец одна пожилая женщина, жена старейшины, вызвалась помочь мучителям, если те освободят ее мужа. Она раскрыла, что башня устроена по принципу, который был заведен у людей древности: «ментальный замок». В определенный момент ум человека стыкуется с атомной охранной системой стен, и те легко поддаются. Роль «отмычки» при подобной стыковке отводится специальному жезлу, которым человеку надлежит коснуться стены. Жезл этот старейшина держал при себе как символ власти. Галлат, отняв у старика жезл, устремился к башне (по преданию, местонахождение потайной двери в ней указывает первый луч рассвета). Но едва злодей попытался приблизиться к башне, как какая-то неведомая сила швырнула его наземь. Поднявшись, он повторил попытку, но опять был сбит с ног. Тогда он простер руки к башне и что есть силы крикнул: «Я приказываю тебе — откройся!» Едва он коснулся стены жезлом, как полыхнула яркая мгновенная вспышка и там, где стоял Галлат, осталась лишь куча пепла. Хеб, узнав о случившемся, предал смерти всех своих узников, не помиловав и старейшину с женой. А тайна Белой башни так и осталась нераскрытой.

Найла эта история буквально повергла в ужас. В ту ночь он проснулся в холодном поту. Ему привиделось, будто он, Найл, заслышав возле жилища шум, вышел наружу и увидел невероятных размеров тарантула ростом с кактус-цереус, с двумя рядами блестящих желтых глаз и челюстями, способными раскромсать дерево. Едва Найл проснулся, как страх улетучился. Будучи ребенком, Найл приходил в ужас при мысли о смертоносцах. Теперь же, узнав, что пауки на самом деле не такие уж и «неодолимые», он стал относиться к ним по-иному; достоверность облика умалила страх. Он не без злорадства думал о том,

что Смертоносцу-Поведителю пришлось брать уроки у Галлата, иначе бы он ничем не научился проникать в людские умы. А вот Найла, например, никто не учил понимать умы Улфа, Джомара или муравьев. Бывали моменты, когда он сознавал и чувствовал, что происходит у них в головах, все равно что сам там присутствовал. Так что если пауки затруднялись понимать людей, это могло означать лишь то, что у них совершенно иной образ мышления, абсолютно непохожий на людской. И от такой мысли смтение и радостный трепет рождались в душе. Смертоносцы, скажем, покорили человечество потому, что познали людские умы. Получается, что и человек, познав сущность паучьего ума, сможет одержать когда-нибудь верх над смертоносцами...

Найлу исполнилось пятнадцать лет, когда Сайрис родила еще одну девочку. Девочку назвали Марой, что значит «темненькая»: на крохотном сморщенном личике проглядывали забавные коричневые пятнышки. Жизнь ей, несомненно, спасла сладкая муравьиная кашпца. Первые шесть месяцев своей жизни девочка плакала по нескольку часов каждую ночь. Ингельд, никогда не отличавшаяся любовью к детям, начала приставать к Торгу и Хролфу, чтобы они подыскали ей другое жилище. Те действительно нашли вместительное логово где-то в миле от пещеры, неподалеку от красных скал. Вскоре мужчины прогнали оттуда прежних обитателей — навозных жуков. Однако в новом жилище Ингельд провела лишь одну ночь, решила, что там ей неуютно, и — к великой неприязни Найла — возвратилась на следующий же день.

Улучшение у Мары наступило, когда ей минуло полгода; тогда же выяснилось, что она очень беспокойный, нервный ребенок. От любого резкого движения она испуганно вздрагивала и принималась плакать, а от внезапного шума просто закатывалась. Как-то поутру Найл случайно услышал, что Ингельд и Торг, думая, что они в пещере одни, беседуют о Маре. Как все будет складываться, когда девочка подрастет и узнает о смертоносцах? «Из-за нее нам всем будет конец!» — воскликнула Ингельд, голос слезливо дрогнул. Хотя разговор этот вызвал у Найла гнев и презрение, тем не менее он понимал, как Ингельд права. Страх Мары мог выдать их всех. Но что делать? Не лишать же ребенка жизни!

Выход подсказал Джомар: сок ортиса. Когда Джомар был еще мальчишкой, десяток храбрецов рискнули отправиться в Большую Дельту и возвратились с флягами, полными сока этого растения. Если на цветок ортиса садится насекомое, растение выделяет всего лишь одну каплю чистой, прозрачной жидкости. Насекомое жадно припадает к ней и вскоре становится сонливым. Усики растения аккуратно переправляют добычу в большой, похожий на колокол цветок, затем лепестки смыкаются, и от насекомого не остается и следа. Охотники же специально выискивали растения помельче, которым не под силу умертвить человека. Охотник касался цветка пальцем, а проступающий сок сцеживал в маленькую чашечку. Если запах растения его одолевал, остальные кидались на помощь и оттаскивали одурманенно-

го в сторону. Главная беда в том, что некоторым начинал болезненно нравиться запах этого растения; люди поддавались дурману и пробуждались потом со странной блаженной улыбкой.

Слушая рассказ, Ульф то и дело задумчиво поглядывал на Мару, сосущую материнскую грудь. Затем повернулся к Торгу.

— Ты бы пошел со мной?

— Разумеется.

— Прекрасно. Отправимся в пору полнолуния.

— Можно, и я с вами? — попросился Найл.

Ульф положил ладонь на голову сына.

— Нет, мальчик. Кому-то надо остаться, оберегать женщин.

И вот через десять дней Ульф, Торг, Вайг и Хрольф отправились в Дельту. К той поре всплыла и еще одна причина отправиться за соком. У Ингельд по утрам случались приступы тошноты; стало ясно, что она беременна.

К походу подготовились основательно. От палящего зноя хорошо защищала одежда из шкуры тысяченожки, для того же служил и притороченный к ней капюшон. На ноги мужчины нацепили крепкие, с многослойной подошвой сандалии. У каждого на спине была легкая, удобная сумка, свитая из травяных стеблей. Брать с собой запас пищи и воды не имело смысла, всем этим можно было разжиться по дороге; с собой прихватили лишь немного сушеного мяса и по фляге с водой. Оружие составляли копья, пращи и ножи, прихватили еще и веревки. Двинулись на север, в сторону каменистой пустоши. Четверым вооруженным мужчинам не был страшен ни скорпион, ни жук-скаун, ни другие ночные хищники. Найл хотел проводить охотников до границы пустоши, но отец не велел: возвращаясь домой в одиночку, пятнадцатилетний мальчик мог стать легкой добычей.

Сайрис и Ингельд нервничали. Нередко случалось, что во время охоты мужчины отсутствовали по нескольку суток кряду, но на этот раз — женщины понимали — все было гораздо серьезнее. Охотники прекрасно знали повадки гигантских насекомых пустыни и умели избегать стычек с ними. Дельта же таила множество новых, неизведанных опасностей. Даже Джомар не бывал там никогда, разве что пролетал сверху на паучьем шаре.

На следующий вечер перед сумерками Сайрис уединилась в глубине пещеры; все остальные понимающе смолкли. Мару два часа назад как следует накормили, и девочка спала спокойно. Где-то через полчаса стало слышно глубокое и ровное дыхание: Сайрис вышла на контакт. Когда она вернулась обратно, Найл зажег светильник.

— С ними все в порядке, — сообщила Сайрис. — На Хрольфа напал ядовитый москит, но его тут же убили, присосаться не успел.

На случай борьбы с малярией или другой хворью у мужчин имелись целебные корни.

— Как там Торг? — осведомилась Ингельд.

— Подвернул ногу, но ничего серьезного.

Ингельд и сама могла установить связь с Торгом, если бы приложила к этому достаточное усилие. Но ей не доставало терпения, а потому трудно было расслабиться и сосредоточить ум.

К тому же она по натуре была ленива и предпочитала все сваливать на Сайрис, никогда не отказывающую в том, что ей по силам.

Наутро поднялся ветер. Злобный, колючий, он дул со стороны Дельты и задувал прямо во вход пещеры. Найл лишь раз рискнул высунуть голову наружу и моментально юркнул обратно, потирая кулаками слезящиеся от песка глаза. На зубах скрипел песок. Мара плакала весь день и вывела из себя Найла настолько, что он готов был ее придушить. В тот вечер не было связи в Улфом и Вайгом, даром Сайрис просидела больше часа. Джомар как мог успокаивал женщин: охотникам перед сумерками не до связи. Но связи не получилось и на следующий день. Тут волнение по-настоящему разобрало и Ингельд. Когда ступились сумерки, она, скрестив ноги, тоже села на пол и попыталась настроить ум на контакт. Но по дыханию можно было судить, что ничего у нее не получается. На следующий день тревога и нелегкое предчувствие охватили всех. С наступлением ночи Сайрис и Ингельд опять сели друг возле друга, упрямо склонив головы, а Джомар с Найлом затаились у себя на постелях, боясь лишним шорохом отвлечь женщин. Наконец у Сайрис изменилось дыхание: вступила в контакт. Найл вздохнул с облегчением. И тут, повергнув всех в ужас, мать пронзительно вскрикнула, тело ее глухо стукнулось об пол. Подскочив к матери, Найл увидел, что она без чувств лежит на спине. Ингельд начала бормотать что-то насчет смерти, но Джомар сердито прикрикнул, и она замолчала. Найл бережно усадил мать, прислонив спиной к стене. Джомар, пальцами стиснув женщине скулы, влил ей в приоткрывшийся рот немного воды. Звучно поперхнувшись, Сайрис закашлялась. «Их нет в живых. Торга и Хролфа нет в живых...» — обретая дар речи, выговорила она. Ингельд забилась в страшном припадке безысходного отчаяния. Проснувшиеся дети громко разревелись. Плакала и Сайрис, беззвучно сотрясаясь от рыданий. Она сообщила, что причиной гибели обоих стали цветы ортиса, а Ульф с Вайгом как-то сумели избежать этой участи. Горе Ингельд сменилось яростью.

— Почему умерли мои?! — зашлась она. — Почему не ваши?!

Несчастной женщине не стали мешать. Она проплакала почти всю ночь. Найлу стыдно было за свое счастье: его отец и родной брат живы.

Ульф и Вайг возвратились через десять дней, оба в полном изнеможении. Правую половину груди и плечо Ульфа покрывали крупные пятна-стигматы, похожие на ожоги. Вайг страшно исхудал, а в глазах его читалось выражение, вызвавшее у Найла тревогу и растерянность: будто бы брата преследует нечто, чего ему никогда уже не вытравить из памяти. Измотавшиеся охотники рухнули на постели и проспали весь следующий день и ночь.

Сок, стоявший Торгу и Хролфу жизни, находился в небольшой фляжке. Горлышко было плотно заткнуто листьями и обмотано доскутками кожи. Когда спустя несколько часов проснулась и по обыкновению своему опять завелась Мара, Сайрис бережно раз-

мотала доску, накренила горлышко фляги и поднесла к губам ребенка деревянную ложку с капелькой прозрачной медвяной жидкости. Не прошло и минуты, как девочка уже спала.

При первой же возможности Найл попробовал сок ортиса на запах. Жидкость имела изумительный медвяный аромат, было в нем что-то и от запаха розовато-лилового цветка, который он видел в стране муравьев. Хотя, если честно, запах обескураживал: после захватывающих дух рассказов деда Найл ожидал чего-то сверхъестественного.

Много дней прошло, прежде чем Ульф и Вайг как-то оттаяли от уныния и апатии. Вайг рассказал Найлу, что последние двое суток оба шатались, как пьяные, и не чаяли уже добраться. На той каменистой пустоши Вайг трижды терял сознание; на третий раз его уже нес отец, взвалив себе на плечи. К счастью, на пути не встретился ни один хищник.

Ингельд оправилась от первоначального потрясения и стала еще более язвительной и сварливой. Все жалели Ингельд и потому мирились с ее колкостями. Но как-то раз, хлебнув перебродившего сока, она зашла в упреках слишком далеко и обвинила Ульфа и Вайга в трусости, обернувшись якобы гибелью для Торга и Хролфа. Ульф стиснул ей руку с такой силой, что женщина вскрикнула.

— Никогда не говори таких слов, не то полетишь на пол, даром что ты жена моего брата.

Ингельд, свернувшись на полу калачиком, тихонько заскулила.

— Но ведь мне рано, рано быть вдовой! Неужели мне век теперь вековать без мужских объятий?

Ульф понял справедливость этих слов. Женщине нет еще и сорока, и многим мужчинам она приглянулась бы.

— Здесь мужчин для тебя не найти, — рассудил он задумчиво. — Но ты могла бы вернуться к своим соплеменникам.

Ингельд, вскинув голову, резко посмотрела на Ульфа (в глазах — радостный просверк).

— Как же я туда доберусь?

— Мы можем тебя проводить.

Ингельд бережно провела ладонями по животу.

— Скоро для путешествия я буду слишком тяжелой.

— Что ж, — сказал, подумав, Ульф. — Отправимся в следующую за полнолунием ночь.

Сайрис попробовала было вмешаться: надо же, еще не оправилась от похода к Дельте, а уже помышляют о новом переходе! Но, перехватив жесткий, упрямый взгляд Ингельд, Найл понял: эта от своего не отступится. Ингельд и думать не желала о каком-то промедлении, хотя и понимала, что Сайрис права: безопаснее переждать хотя бы с месяц. Впрочем, ей было все равно, что станет с Улфом и Вайгом на обратном пути, — сама-то она будет уже в безопасности, среди своих.

Ближе к полнолунью стало очевидным, что Вайг никуда пойти не сможет. Он был еще слишком слаб для перехода, к тому же его то и дело донимала лихорадка. Из-за хромоты (да и из-за возраста) не мог отлучаться на большие расстояния и Джомар.

Сайрис пыталась уговорить Ингельд повременить хотя бы с месяц; та же, отводя глаза, с притворной кротостью вздыхала, что если оттягивать, то она не сможет потом отправиться в такую даль. В конце концов Сайрис, передернув плечами, со всей откровенностью сказала, что скорей бы уж она оставила их всех в покое — раздоров значительно поубавится.

Найл мелком перехватил взгляд Улфа; отец задумчиво поглядывал на него. Найл знал, о чем он сейчас думает.

— Может быть, вместо Вайга пойду я?

— А ты сможешь вынести такую дорогу?

— В выносливости я Вайгу не уступаю.

— Но ведь это в лучшем случае пятидневный переход.

Улф начертил ему на песке план местности. Соплеменники Ингельд жили возле берегов соленого озера Теллам, примерно в двух днях пути к югу от большого плато. Самая трудная часть пути приходилась на пустыню, окаймлявшую подножие плато: там было очень мало ориентиров. Оконечность пустыни представляла собой сплошные голые камни и высохшие русла рек, постепенно нисходящие к соленому озеру. В окрестностях озера была и зелень, и вода, но в изобилии водились ядовитые сороконожки.

Найл указал на плато.

— А что, обязательно идти через пустыню? Разве нельзя попробовать через плато?

— Возможно, — не стал спорить Улф.

К поре полнолуния Улф в целом восстановил силы. У Вайга же щеки были все еще впалые, а в глазах сквозила усталость. Сайрис, понятно, беспокоилась, что в такую даль приходится отправляться младшему, но знала: иного выбора нет, идти обратно одному Улфу будет опасно.

Вышли за час до сумерек. Каждый нес за плечами по две плетеных сумки. Было все еще жарко, хотя ветер уже прекратился. Когда установилась темнота, путники устроили на песке часовой привал, но едва только взошла луна, они двинулись дальше. Ночь выдалась холодная, правда, ходьба согревала. В разливе призрачно-бледного лунного света пустыня выглядела красиво и загадочно. Впереди, на фоне горизонта, четко вырисовывалось плато, идти до которого оказалось куда дальше, чем думалось. Подножия плато достигли за час до рассвета и с восходом солнца вошли в каменный мешок, где Найл прожил первые семь лет своей жизни. Поели лепешек и жареных крылаток, а затем улеглись ждать, пока склынет дневная жара.

В прежний свой дом Найл ступил со смешанным чувством отрады и трепетного волнения; нора, казалось, стала с той поры как-то меньше, невзрачнее. К тому же за годы жизни на новом месте Найл успел позабыть, что значит здешняя жара и духота в светлое время суток, когда ветер неожиданно меняет обычное направление. Так что нору он покинул без особого сожаления.

Улф решил внять совету Найла и двинуться через плато. Отвесные склоны над пещерой всходили высоко в небо; чтобы подыскать место для подъема, надо было проделать путь с десятков миль.

К высохшему руслу реки добрались за час до сумерек. Вспотевшие, усталые, они решили передохнуть, прежде чем штурмовать высоту. Когда взошла луна, путники двинулись вверх. Вскоре извилистая дорожка сузилась, и карабкаться стало возможно только на четвереньках. А там склон и вовсе сделался таким отвесным, что у Найла при взгляде вниз голова пошла кругом. В отдельных местах приходилось всем телом прикипать к выходящим камням; тогда с особой явственностью представлялось, какая бездна отделяет их от земли. Пока добрались до вершины плато, Ингельд, судя по виду, не один раз успела позалеть, что не осталась дома.

Открываясь с плато панорама впечатляла своим величием. Впереди, уходя на юго-восток, медленно кренилась книзу поверхность плато — каменная, с разрозненными кривыми окустями терновника. Позади простиралась пустыня — безмолвная, залитая серебристым светом.

Проковыляв с полчаса по шершавому голому грунту, они опять вышли к речному руслу, устланному белой галькой. Идти по гладкой гальке оказалось неожиданно легко, так что шли даже тогда, когда луна села.

На рассвете Ингельд затребовала отдыха, но Ульф не стал ее слушать. Через несколько часов солнце будет уже над самой головой, а надо еще отыскать пристанище.

В конечном итоге перед тем, как зной набрал силу, путники заметили на горизонте древесную чащобу и напрямик устремились к ней. Это оказались не деревья, а скорее кусты — метра под три вышиной, — причем нижние ветви образовывали подобие сводчатой арки. Удалось разбросать по верху шелковистое полотно. Другое, пришиленное тяжелыми камнями к земле, защищало от ветра. Путники погрузились в тяжелую дремоту и пролежали до той поры, пока солнце не опустилось к самому горизонту.

Теперь путь лежал через участок застывшей лавы, из которой торчали большие округлые валуны. Ингельд начала сетовать, что натерла себе ноги. Ульф и Найл перекинулись понимающим взглядом: все, период покладистости кончился, теперь к тяготам пути добавляется еще и ворчание.

К рассвету ровная поверхность вновь перешла в подъем — плато в разрезе имело форму ванны. Путники поняли, что приближаются к южной его оконечности. Через час они уже стояли на самой вершине. Подойдя к краю, Найл глянул вниз. Перед глазами поплыло — высота, наверное, с полтысячи метров, не меньше. Более того, утес уходил книзу под тупым углом — злой пустынный ветер выдул скальную породу в прах. Обломись сейчас кромка, и лететь Найлу да лететь, пока не грохнется об ощерившиеся внизу острые камни. Глянув краем глаза на отца, Найл с тревогой заметил, что того буквально шатает от усталости — он ведь еще толком не оправился после похода к Дельте. Ингельд с плаксивым видом семенила рядом.

Через час в западной стороне над горизонтом медленно очертился массивный силуэт. «Неужто цитадель воинов?» — проговорил Ульф. Было заметно, что отец уже на последнем издыхании.

Найл даже не решился беспокоить его лишними расспросами. Цитадель постепенно приближалась. Размеры ее вызвали изумление: метров двести в высоту, никак не меньше. Она была сложена из огромных каменных блоков, каждый примерно три на полтора метра. Вздвигались к небу прямоугольные башни, некоторые наполовину уже разрушены. Снизу их подпирали огромные колонны. Чем ближе подходили путники, тем отчетливее была видна разрушительная работа неумолимого времени.

Обогнув примерно наполовину северный склон холма, они нашли то, что искали: петляющую цепочку выдолбленных в скале ступеней, уходящую вверх. Ступени были небольшие, чуть шире ступни. Ненадежная эта лестница казалась бесконечной. Но иного выхода не было, и путники начали потихоньку взбираться. Подвешенные за плечами сумки, покачиваясь, бились о каменную стену. Первым лез Ульф, за ним — Найл. Ингельд держалась сзади (из соображений приличия: юбка из паучьего шелка едва прикрывала бедра). Спустя несколько секунд путники устало втянулись под свод арки, ведущей во внутренний двор. Все здесь показалось Найлу таким удивительным, что он забыл об усталости.

Во дворе было полно битого камня, здоровенных перевернутых блоков, но и при всем этом он поражал воображение своими размерами и загадочным, осязаемым молчанием. В нескольких местах виднелись немые зевы арок, ведущие внутрь, в громадные залы. Главное здание выросло непосредственно из самой скалы, а рыжеватые и бурые блоки, довершающие строение, придавали ему сказочный облик. Вершина цитадели, как и в былые времена, по-прежнему вздымалась на высоту более пятидесяти метров.

Они пересекли двор и прошли под одной из сводчатых арок. Открылась зала — настолько громадная, что дальние стены и потолок в темноте не различались. Расстелив одеяла, путники молча улеглись, утомленно переводя дух и слушая заунывный шум ветра. Через пару минут Найл уже спал. Он видел странный сон, будто Смертоносец-Повелитель Хеб с явной насмешкой смотрит на него с какой-то запредельной высоты.

Проснулся Найл с ощущением, что кто-то коснулся его плеча. Где-то сверху, беспокойно жужжа, билась муха. Было холодно, одеяло соскользнуло с плеча. Найл потянулся рукой поправить одеяло, но это оказалось не так-то просто: что-то мешало. Жужжание наверху, разом преобразившись, зазвучало вопиющим сигналом тревоги: муха, угодившая в паутину! Приподняв голову, Найл посмотрел через пространство залы. Показалось, будто что-то суетливо прошмыгнуло в темноте. Да и темнота теперь была как бы живая, населенная россыпью ярких точек. Сна как не бывало; Найл решил привстать и тут разглядел, что именно ему мешает. Над ним стелились густые тенета, каким-то образом крепящиеся к полу. Паутина покрывала тело Найла почти полностью, словно мягкое, рыхлое одеяло. Он бросил взгляд на отца и Ингельд — и они покрыты мягкой, не успевшей просохнуть паутиной. Теперь Найл разглядел: светящиеся точки — это глаза десятков пауков, наблюдавших за людьми.

Его крик разбудил отца и Ингельд. Стоило им шевельнуться, как паутина облекла их словно влажная простыня.

Пауки выспали из тени, будто присматриваясь, и Найл с облегчением обнаружил, что по размеру это так, мелюзга — туловище не крупнее ладони, а лапы на спибе не длиннее руки. Он также определил, что у них есть что-то общее с серыми пустыннымиками — значит, насекомые не ядовиты.

Тут до Найла дошло, как все-таки удачно он поступил, не поленившись натянуть на себя одеяло. Паутина прилась в основном на одеяло, поэтому пристала лишь к плечу, правой руке и левой ступне. Потянувшись левой рукой, он сумел подвинуть к себе поклажу, вытащить кремневый нож и отпилить паутину, стягивающую запястье, затем примерно так же освободил плечо и левую ступню. Выскользнув из-под одеяла, Найл поднялся на ноги; пауки попятились в тень. Подобрал с пола увесистый камень, он швырнул его им вслед; стало слышно, как насекомые с глухим шелестом разбегаются.

— Не шевелись! — прикрикнул он на Ингельд.

Та с поскуливанием сидела разодрать паутину. Найл стал ножом отсекал ее в местах, где она крепилась к полу. Через несколько минут Ингельд удалось встать на ноги. Шелковистые тенета по-прежнему обвивали ее со всех сторон.

— Давай наружу! — скомандовал Найл. Подгонять не пришлось; женщина выскочила, волоча концы паутины. Затем Найл принялся за отца. Пока он освобождал его, насекомые снова выкарабкались наружу, и Найл бросил в них еще несколько камней. Пауки вновь рассеялись.

День был в разгаре, свет снаружи ослеплял. Найл помог отцу и Ингельд освободиться от тенет. Он мотал паутину в одну сторону, а те раскручивались в другую. На коже оставались прилипнувшие волокна и влажно поблескивающие следы. Прошло около часа, прежде чем Ульф и Ингельд освободились от тенет окончательно.

Поклажа оставалась внутри. Возвратясь за ней, снова разглядели россыпь блестящих точек: насекомые следили из темноты. Приставшие к полу обрубленные концы паутины отвердели, став заметно прочней; клейковина, выделяемая пауками, превратилась в подобие грубой резины.

Неожиданная опасность прогнала усталость; путники готовы были отмахать теперь сотню миль, лишь бы подальше от этого зловещего угла.

Перебравшись через плато, путники избежали худшего: кружного пути через самую гиблую часть пустыни. Открывшийся впереди пейзаж во многом напоминал родные места. Правда, растительности здесь было погуще. Воздух в сравнении с тем, что на плато, был удрушающе жарким. Найл глубоко сожалел, что они оставили цитадель так быстро. Для него это было нечто, с чем прежде никогда не доводилось сталкиваться: чудесная, чарующая тайна.

Солнце завершало свой круг по небу. Долгий спуск утомил путников. Ульф решил устроить привал, пока не взойдет луна. В подножии каменного склона местами встречались впадины —

некоторые, судя по всему, достаточно глубокие. В поисках места для ночлега путники прошли на запад уже больше миль, но все впадины были ничтожно мелкие. В конце концов набрели на рощицу, наподобие той, что на плато, и устроились на отдых. Ингельд демонстративно улеглась в стороне.

Когда солнце почти коснулось горизонта, Ульф пробрался в самую гущу поросли и, скрестив ноги, сел. Он решил установить связь с Сайрис. Под единым для всех небом они могли видеть закат одновременно. Связь между собой они условились устанавливать в тот момент, когда солнце касается горизонта. Этот миг должен приводить их умы в слияние.

Найл чуть придвинулся, чтобы лучше видеть отца. Ульф был измотан, мог просто заснуть. Поэтому Найл рассудил, что за отцом лучше приглядывать: если того одолеет дремота, можно будет издать какой-нибудь звук, и отец, заслышав, проснется.

Вдруг Найл остолбенел от ужаса. В полом корневище, как раз за спиной у отца, что-то грузно шевельнулось. Наружу прямо на глазах стало вымеваться длинное, извилистое туловище серой сороконожки. Длины в ней было около полутора метров, суставчатые антенны настороженно вибрировали: тварь учуяла на своей территории чужаков. Ульфа она не видела, он сидел неподвижно. Но стоило Улфу шевельнуться, как сороконожка неминуемо бы в него впиалась.

Пересилив тяжело взбухающий в жилах страх, Найл принудил себя успокоиться. В этот миг Ульф задышал глубже и реже: вступил в контакт. Сороконожка угрожающе вздыбилась, лишь считанные дюймы отделяли ее ядовитые клыки от незащищенной спины Ульфа. Отец сидел не шевелясь, и боевая стойка насекомого приослабла. Соблюдая предельную осторожность, Найл оглянулся в поисках копыя и потянулся к нему — медленно, очень медленно. Пальцы намертво стиснули древко, и Найл начал плавно возводить руку для мгновенного удара. Судя по дыханию, Ульф из контакта еще не вышел. Стояла полная тишина. И тут нестати пошевелилась во сне Ингельд, костяные браслеты на ее запястье глухо звякнули. Этого оказалось достаточно, чтобы сороконожка опять приняла боевую стойку. Через какое-то время насекомое снова расслабилось. Ульф вышел из контакта; глубоко вздохнув, пошевелился. Найл что есть силы метнул копые. Оно отшвырнуло насекомое на шаг-другой в сторону. Секунду спустя Найл уже стоял над конвульсивно извивающимся туловищем и яростно гвоздил его отцовским копыем... Ульф скупым движением взьеропил Найлу волосы: «Молодец, сын». Слышать подобное от отца доводилось крайне редко, и Найл просто зарделся от такой похвалы.

Через час взошла луна, и путники двинулись на юг. Одолев еще несколько миль, они вышли на дорогу, ведущую, судя по всему, к соленому озеру. По ней и шли остаток ночи. Время от времени то с одной, то с другой стороны дороги из недр пустыни доносились смутные, настораживающие звуки — шорохи, глухой шелест, а один раз и злое шипение. Однако прямой опасности не было, мало кто из обитателей пустыни отважится напасть сразу на троих.

Пройдя несколько миль, они приблизились к усеянным валунами склонам белой каменистой осыпи. Дорога была вымощена плитами известняка. Отсюда открывался вид на бликующую гладь соленого озера. Сколько воды! Впечатляющее зрелище, от него просто захватывало дух. Дорога постепенно спускалась в долину, уместившуюся меж отвесных каменных склонов. На одном из них, высоко, как на стене, виднелись исполинских размеров барельефы: люди в диковинных головных уборах и долгополых одеяниях, с угловатыми прямыми бородами.

— Кто это? — удивленно спросил Найл.

— Что-то не признаю, — ответил Ульф неопределенно.

— Я знаю, — сказала вдруг Ингельд, окинув своих спутников презрительным взором. — Это мои предки.

Тут послышался звук, от которого, подпрыгнув, гулко заколотилось сердце: приглушенный расстоянием крик человека. Вынырнув из-за поворота примерно в полумиле, навстречу шли люди, размахивая руками.

— Видите, мои соплеменники вышли меня встречать! — напыщенно воскликнула Ингельд.

— Как они, интересно, догадались, что мы на подходе? — недоуменно спросил Найл.

Ингельд в ответ улыбнулась снисходительно, как недоумку:

— Они много знают такого, что выше вашего разумения.

Губы Ульфа скривила усмешка, но он промолчал.

Через несколько минут людей можно было разглядеть уже отчетливо. Всего их было около десяти. Тот, что шел впереди, был высокого роста и облачен в какое-то замысловатое одеяние. Он поднял руку в приветственном жесте и, когда обе группы сблизились, громко воскликнул:

— Добро пожаловать на землю Диры! Мое имя Хамна, сын Казака. А это мои соплеменники. Мы посланы встретить вас и просить быть нашими гостями.

— А как вы узнали, что мы подходим? — с любопытством спросил Найл.

— Стефна, моя мать, получила от своей сестры известие, что вы вот-вот должны подойти.

Ульф с холодной иронией поглядел на Ингельд.

— Получается, не настолько уж это и выше нашего разумения. Сайрис тогда еще говорила, что попробует связаться со своей сестрой.

Ингельд уже не слушала. Сделав шаг вперед, она обнимала Хамну.

— Я Ингельд, твоя двоюродная сестра. Я так рада, что вернулась наконец к своим!

— Добро пожаловать, — сдержанно ответил Хамна.

— Мы тоже рады, что доставили ее, — сухо произнес Ульф.

— К счастью, никто не обратил внимания на язвительность его тона.

Встречающие начали поочередно представляться. Они вызывали у Найла искреннее восхищение. Каждый из них был крупнее и дороднее, чем родственники Найла; видно было, что здесь лучше питаются.

Хамна и его спутники вышли в путь на рассвете, так что дорога все еще предстояла неблизкая. Но усталость отошла теперь на задний план; окруженный новыми попутчиками, Найл жил предвкушением чего-то приятного, забыв даже о жаре.

Самым младшим из спутников Хамны был юноша по имени Массиг. Он, видимо, приходился сверстником Найлу, только ростом был сантиметров на десять выше, с широкой и сильной грудью. Массиг, судя по всему, был общительным, добродушным юношей и все расспрашивал Найла о подробностях их путешествия. Найл не сразу понял, что Массиг завидует ему, своему сверстнику, путешествующему в такой дали от дома. Не укрылось от Найла и то, что Массиг украдкой бросает мечтательные взгляды на Ингельд. Ему и в голову не приходило, что кто-то может считать ее привлекательной. Саму Ингельд окружение сильных мужчин, судя по всему, приводило в упоение — на щеках румянец, в глазах блеск. Найл никогда не видел ее такой счастливой. Единственное, что беспокоило по-настоящему, — хромота отца и его изможденный вид.

Найл спросил Массига, что за исполины высечены на скальных отвесах. Оказывается, Массиг сам толком не знал.

— Это сделали люди, которые давно уже сгинули. Так давно, что никто и не припомнит, когда они жили. В торцовой части есть еще и гробницы, где хоронили древних.

— А ты туда поднимался?

— Нет. Там бродят духи.

— Духи? Бродят?..

Массиг обмолвился о духах умерших, и у Найла захолонуло сердце; у них в семье никогда не заговаривали о привидениях.

Вдруг Хамна остановился на неприметном пятачке земли. Подняв тяжелый каменный обломок и опустившись на одно колено, он несколько раз увесисто стукнул по земле. Звук получился неожиданно полым. Через несколько секунд, отделившись от земли, приподнялась угловатая створка, и показалась... голова человека! Хамна, обернувшись, как ни в чем не бывало поманил гостей рукой, чтобы шли следом. Оказывается, вниз уводили ступени — узкие, всего с полшага шириной. Найл также с интересом отметил, что песок и камни с наружной стороны «крышки» очень хорошо прикреплены и не оползают даже в таком накрепком виде.

Хамна двинулся первым. Ступени спускались в темноту, так что пробираться приходилось буквально на ощупь. Узкий проход уходил вниз под таким крутым углом, что приходилось невольно упираться в стены обеими руками. В воздухе стоял характерный запах горелого масла для светильников.

Идущие впереди остановились, раздался отчетливый троекратный стук, и откуда-то сверху прощедился луч света. Стало видно, что они находятся в помещении с низким сводчатым потолком. Свет проникал через щель между гигантских каменных плит, которые постепенно раздвигались. Живительный поток прохладного воздуха обдал лица идущих, а глазам открылась обширная зала, освещенная десятком светильников. Хамна по-

вел гостей вперед, где виднелся вход в покой, каменные двери которого были предусмотрительно раздвинуты. Под его сводами стояла толпа людей, среди них женщины и дети. Толпа раздвинулась, уступая дорогу Хамне, и Найл увидел массивное каменное кресло, стоящее на возвышении. К нему вело несколько ступеней. На кресле восседал дородный, крупного сложения человек, седые волосы которого опоясывала золотистая лента. Полы длинного белого одеяния достигали пола. Седовласый с улыбкой поднялся и приветственно протянул руку Улфу.

— Добро пожаловать в Диру. Мое имя Каззак.

У седовласого было широкое энергичное лицо, слегка одутловатое.

Внимание Найла привлек не столько седовласый, сколько высокая грациозная девушка, стоящая возле кресла. Лицом она отдаленно напоминала Ингельд, только черты более тонкие, изящные. Обруч из блестящего металла охватывал рыжеватые волосы. Заметив, что и она с любопытством поглядывает в его сторону, Найл поспешно отвел взор.

Представились и гости — вначале Улф, за ним Найл и Ингельд. Седовласый посмотрел на Ингельд с оценивающим любопытством; взгляд прошелся по скрывающему формы короткому платью из паучьего шелка. Платье было гораздо короче туник, что на других присутствующих здесь женщинах, включая молодую особу, стоящую возле сиденья-трона.

— Это Мерлью, моя дочь, — представил Каззак. — Заведует у меня хозяйством.

Коснувшись Мерлью плечом, Найл ощутил в себе сладостный трепет — настолько нежна была кожа девушки, и аромат от нее исходил нежный, не то что его застоявшийся запах пота. Когда она улыбнулась, показав ровные белые зубы, сердце у Найла застыло от ощущения, похожего на страх, только почему-то приятного. Самообладание, однако, сработало безупречно, внешне он остался абсолютно спокоен.

Тут на него накинута и принялась тискать в объятиях какая-то женщина, большегрудая, с удивительно белыми плечами и строгим подбородком. Найл понял, что это, должно быть, Стефна, сестра матери. Она взъерошила парню волосы.

— Бедный мальчик! Устал, наверное. Сейчас поешь, и сразу отдыхать.

Она церемонно поклонилась Каззаку, чуть коснувшись пола правым коленом, и, взяв Найла за руку, вывела из зала. Мерлью махнула вслед рукой, весело крикнув: «Увидимся!»

Еще один коридор, идущий чуть под наклоном — вероятно, в жилые помещения. Найл очутился в широкой зале с отвлевающими от нее коридорами. Больше всего впечатляли прямота стен и четкие прямоугольники дверных проемов. Стефна остановилась возле двери в боковом проходе. Две ступени, спускаясь, вели в просторную квадратную комнату, где на полу лежала тростниковая циновка. Сиденья — широкие балясины из дерева; приземистый деревянный столик метра полтора в поперечнике. В комнату заглянула темноволосая девочка-подросток.

— Иди-ка сюда, Дона,— позвала Стефна.— Познакомься, это твой двоюродный братец Найл.

Девочка, подойдя, застенчиво потупилась. Большие карие глаза, смугловатая кожа. По возрасту, рассудил Найл, лет двенадцать.

Стефна принялась за стряпню. Неожиданно на Найла навалилась запоздалая усталость — глаза смыкались сами собой, а голова стала тяжелой. Приятно расслабившись, он лежал на постели из ливы и тростника и, как мог, отвечал на расспросы Доны. Из коридора в комнату то и дело заглядывали любопытные лица ребят, но Дона повелительным жестом отсылала их.

Проснувшись, Найл обнаружил, что она сидит возле его постели, терпеливо дожидаясь, когда он откроет глаза. Через час, сказала Дона, начнется пир в честь гостей, такова воля Каззака.

...Найл неспешно насыщался яствами, которые подносили на пиру одно за другим. Ему никогда не доводилось видеть такого изобилия, большую часть блюд он пробовал впервые. Джомар рассказывал о рыбе, но Найл и представить не мог, что это такое. В особый восторг он пришел от малюсенькой — чуть больше ногтя — мышки, запеченной с каким-то злаком. Из напитков подавали разбавленный водой нектар и перебродивший фруктовый сок. Найл заметил, что Ингельд явно хлебнула лишку и стала не в меру общительной. Она не скрывала интереса к Хамне, да и к Корвигу, его младшему брату. Где-то посреди трапезы привлекательной наружности девушка, прислуживающая гостям, невзначай споткнулась на ровном месте и обронила чашу с жирным салатом прямо Ингельд на голову. Ох, как хитрунья расшаркивалась! От Найла не укрылось, что все это не случайно. Перехватив украдкой взор девушки, он ободряюще улыбнулся ей. Ингельд, изо всех сил сдерживая ярость, вынуждена была удалиться в отведенную ей комнату, чтобы как-то привести себя в порядок. Однако не прошло и получаса, как она снова была на месте. От скованности и стеснительности вскоре не осталось и следа.

Каззак, несмотря на двойной подбородок и увесистый нос, наружность имел внушительную. Кстати, было заметно, что ему нравится демонстрировать свою власть. Он без конца теребил приказаниями слуг и вообще вел себя с подданными так, будто имел дело с непослушными детьми. К нему все относились с подлинным уважением, каждое слово венценосца встречалось поспешным одобрительным кивком. После третьей чаши вина в Каззак проснулась чванливость, и он принялся рассказывать истории, показывающие его мудрость и прозорливость. Правдивость рассказов, можно сказать, не вызвала сомнения, но было не совсем понятно, зачем такому авторитетному вождю выставлять напоказ собственные добродетели.

В завершение трапезы Каззак встал и произнес тост в честь гостей. Все сидящие дружно поднялись и осушили чаши стоя. Венценосец, по-простецки хлопнув Улфа по плечу, предложил ему привести всю свою семью в Диру. Найла такая мысль привела в восторг. А вот Улфа идея, похоже, прельщала куда меньше. И все равно юноша решил уговаривать отца до последнего. Вдруг уступит в конце концов!

Вслед за тостом Каззак попросил свою дочь Мерлью спеть. Голос у Мерлью был изысканно нежный, чистый. Когда она закончила, все дружно застучали кулаками по столешницам, выражая одобрение; громче всех грохотал, понятно, Найл. Теперь ему было ясно: конечно же, он не просто влюблен в Мерлью — он поклоняется, боготворит ее.

Мерлью спела еще пару песен. Одну грустную, про даму, оплакивающую сраженного в бою витязя, и веселую — о девушке, которая влюбилась в красавец кипарис.

Вслед за Мерлью на середину зала вышел Хамна и прочел великолепную балладу о короле, идущем в поход против неисчислимых вражеских полчищ. Найл облегченно вздохнул, узнав, что Хамна — брат Мерлью. Юноша был так красив и декламировал так мастерски, что устоять перед его обаянием не смогла бы, наверное, ни одна из женщин. Когда Хамна сел, Ингельд взяла его за руку и приложилась к ней губами. На лице Хамны мелькнуло недоумение.

Много песен и стихов звучало еще в тот вечер. Время шло незаметно. Наступил момент, когда появившийся откуда-то из глубины зала мальчик, приблизившись к Каззаку, что-то шепнул ему на ухо. Венценосец встал, воздел руку, требуя тишины, и громко напомнил, что пастухам пора выводить к озеру муравьев. Из-за стола поднялись шестеро молодых мужчин и дружно двинулись к выходу. У двери ненадолго задержались отвести поклон венценосцу. Похоже, это был сигнал к окончанию пиршества. Ушла и Мерлью; с ее уходом у Найла пропал интерес ко всему, что происходит в зале. Каззак, жестом подозвав к себе Ингельд, приглашающе похлопал по сиденью рядом с собой. Ингельд с покорным видом села. Люди один за другим начали исчезать из зала, не забывая при выходе кланяться Каззаку. Венценосец их словно не замечал, его внимание занимала Ингельд.

Найл спросил у Хамны:

— Слушай, а как вы различаете, какое сейчас время суток? Ведь вы безвылазно сидите под землей?

— У нас есть часы.

— Часы? Что это такое?

— Ведро с водой, а в днище малюсенькая дырочка. Пока вся вода вытечет, проходит ровно полдня.

Найл в очередной раз восхитился смекалистостью жителей Диры и пожалел, что сам не из их числа.

— Ты устал? — осведомился Хамна.

— Нет, спать вообще не хочу.

— Не желаешь прогуляться наверх вместе с пастухами?

— Еще как!

— Надо спросить у венценосца. Здесь никому не разрешается проходить без пропуска.

Подойдя к Каззаку, юноша почтительно склонился. Венценосец лишь раздраженно покосился и нетерпеливо махнул рукой: мол, ступай. Хамна возвратился с довольным видом.

— Пойдем, пока он не передумал.

Наружу выбрались через проход где-то на самых задворках.

Хамна сказал стоящим возле лаза караульным, что у них есть разрешение венценосца на выход, и получил два деревянных кружка. Он сунул их в небольшую кожаную сумку, притороченную к поясу.

— Если потеряем, обратно нас могут не впустить.

— К чему такие строгости? — недоуменно спросил Найл.

— Для безопасности. Входить и выходить без разрешения может только венценосец. Видел, сколько нас здесь в убежище? Вдруг кто-нибудь выйдет наружу без спроса, а тут — паучий дозор? Это же всем конец! Приходится идти на строгости.

— Но ты-то зачем подчиняешься?

— А как же иначе?

— Но ведь ты — сын венценосца?

— Мы все сыновья венценосца, — пожал плечами юноша.

Ясная звездная ночь была на исходе. Со стороны озера тянуло зыбкой прохладой. Удивительно приятно было вновь чувствовать на коже упругое дуновение ветерка.

Впереди шагал пастух, следом семеня с полдюжины муравьев. Хамна, догнав пастуха, разговорился с ним об афидах, которые в нынешнем году особенно изобильны. Найл рад был остаться наедине со своими мыслями. А думал он о Мерлью, о сказаниях и песнях, которые довелось услышать. От всего этого душа наполнялась трепетным, щемящим чувством.

— Почему ты говоришь, что вы все сыновья венценосца? — продолжил разговор Найл.

— Потому что все у нас в городе имеют равные права. Кроме того, у венценосца много детей.

— Сколько?

— Ну... примерно с полсотни.

— Так сколько же у него жен?

— Где-то с полтора.

Найлу показалось, что он ослышался.

— И где они все живут?

— Как положено, с мужьями.

— Но ты же сказал, что их муж — венценосец?

Хамна терпеливо разъяснил:

— Само собой, у них есть мужья. Но они принадлежат еще и венценосцу. Он может выбрать любую, какую предпочтет.

— И мужья не возражают?

— Выходит, что нет. Они вольны: не хотят жить здесь, могут идти и обустраиваться, где им вздумается. Но они предпочитают не уходить.

— А если бы мы перебрались жить сюда, моя мать тоже стала бы женой венценосца?

— Думаю, да. Если бы приглянулась.

— А у принцессы Мерлью есть муж?

— Пока нет. Ей только семнадцать лет. К тому же у нее дел невпроворот. С той поры, как умерла ее мать, она заправляет всем хозяйством венценосца.

Хамна, широко зевнув, сел.

— Пора подаваться обратно. Скоро наведаются смертоносцы.

— Они прилетают сюда каждый день?

— Нет, что ты! Тем более в это время года. Сейчас пора песчаных бурь.

...В жилище Стефны сидела за вышиванием одна Дона. Стефна, вероятно, находилась на работе в швейном цеху. Завидев Найла, девочка засияла от радости и тут же спросила, не желает ли он с ней сыграть.

— Во что?

Вместо ответа Дона достала горшочек, в котором лежало несколько цветных камешков. Вот камешки лежат на ладони, а надо их подбросить и изловчиться, чтобы все до единого упали на тыльную сторону ладони. Потом играли в отгадки — кто точнее угадает, сколько камешков спрятано в руке.

Вечером, когда укладывались спать, отец сказал:

— Завтра отправляемся домой.

— Завтра?! — В голосе Найла слышались удивление и разочарование.

— Ты что, не хочешь домой?

— Хочу. — Голос Найла звучал без особой уверенности. — А можно задержаться еще на денек-другой?

— Ты хотел бы остаться здесь? — Насупив брови, Ульф посмотрел на сына и покачал головой.

— А то нет! — готовно воскликнул Найл. — Вот если бы все наши перешли сюда вместе с нами!

Ульф покачал головой.

— Это невозможно.

— Но почему, отец? Тебе здесь так уж худо?

— Почему же? Просто я не думаю, что смог бы здесь прижиться. Если хочешь, оставайся, я пойду один.

— Ну зачем уж так! — воскликнул Найл.

— А что? Обратную дорогу я знаю. Хамна вызвался проводить до дальнего конца плато. А там до дома уж рукой подать.

— А я что, останусь здесь?

— Тебя можно будет забрать позднее. Стефна говорит, что очень была бы рада, если б ты погостил у них.

Соблазн был велик. Остаться в доме, где живет очаровашка Дона, каждый день видеть Мерлью...

— А что венценосец?

— Как раз он это и предложил.

— А ты что об этом думаешь?

— Я бы хотел, чтобы у моего сына была своя голова на плечах.

Через несколько минут дыхание Ульфа стало ровным и глубоким. А у Найла пропало всякое желание спать. Не давала покоя мысль, что семья без него осиротеет. Он задумался над тем, что именно его здесь держит...

Осторожно, чтобы не разбудить отца, Найл выскользнул из-под одеяла и на цыпочках прокрался к двери. Соседняя комната оказалась пустой. Пробравшись через нее, Найл остановился возле занавески, ведущей в комнату Стефны и Доны, и прислушался. Они спали, дыхание было ровное, глубокое. Бесшумно ступая босыми ногами, он поднялся по каменным ступеням, по обе стороны тянулись занавешенные дверные проемы. Из одной

комнаты доносились женские голоса. Найл, нерешительно приблизившись, хотел было спросить: «Здесь есть кто-нибудь?» В этот момент одна из женщин громко рассмеялась. Голос он распознал тотчас же: Ингельд. Найл уловил, что речь, собственно, идет о нем.

Ингельд говорила:

— ...сам он здесь ни при чем. Во всем виноваты его отец и брат.

Голос Мерлью:

— Как это случилось?

— Не знаю. Они не рассказывали. Я подозреваю, что дело нечисто. Разве можно рассказать женщине, как потиббли ее муж и сын!

— Может, они просто щадили твои чувства?

— Они-то! — воскликнула Ингельд презрительно. — Можно подумать, им есть до этого дело! Я вот что скажу. Они чуть не бросили меня на произвол судьбы в той крепости на плато.

— Да ты что? Как можно!

— Я не переношу высоты, а как глянула со склона на ступени, у меня просто ноги подкосились. Они же просто повернулись ко мне спиной и начали спокойно спускаться вниз.

— Ужас какой! И что же ты?

— Зажмурилась и отпривилась следом. Провожатых моих уже и видно не было, а я вспомнила о страшилищах-пауках...

В голосе Мерлью прозвучал неподдельный гнев:

— Так обойтись с женщиной!

Ингельд презрительно фыркнула:

— Что им вообще до женщин? Дикари... А тебе, похоже, нравится этот парнишка?

— С чего ты взяла?

— Венценосец рассудил, что он тебе приглянулся.

— Приглянулся? Этот, тощенький? Да ты шутишь!

— А остальным он, похоже, нравится.

— Ну и что. Это потому, что он здесь новенький, вот всем и любопытно. Но это ненадолго. Скоро к нему привыкнут и перестанут выделять среди других.

Найл, стараясь ступать как можно тише, с пылающим лицом пошел по коридору. Кровь стучала в висках, он чувствовал себя униженным. В голове звенело гулким эхом: «Приглянулся? Этот, тощенький? Да ты шутишь!» Все ясно. Разумеется, дочери венценосца он кажется не более чем заморышем, «Не-навижу», — решил Найл, и это было лучше, чем изнывать от безысходной сосущей тоски, от которой того и гляди из глаз брызнут слезы.

— Где был? — голосом отца спросила темнота, когда Найл возвратился в спальню.

— Не спалось, решил прогуляться.

Поворочавшись, юноша устроился на травяной постели и натянул одеяло до подбородка. Помолчав, сказал:

— Я подумал насчет завтра. Пойдем вместе.

Ульф кашлянул.

— Давай-ка спи. Выходить спозаранку.

Город оставили за час до рассвета, выйдя вместе с муравьиными пастухами. Путников сопровождали Хамна и Корвиг, получившие на то особое разрешение венценосца. Сам Каззак проводил гостей до выхода.

— Помни,— сказал он Улфу,— ты получил от меня приглашение вернуться сюда со всей своей семьей.— И добавил задумчиво: — Сайрис в последний раз я видел, когда она была еще совсем девочкой.

Улф почтительно кивнул.

— Мы все с ней обговорим, властитель. (Найл знал наперед: никакого разговора не будет.)

— Уж ты постарайся.— Каззак заспешил обратно. Предрасветный ветер для него, видно, был чересчур прохладен.

Полоска неба на востоке чуть засветлела, а над головой все еще стояла непо потревоженная мгла. Впереди свет звезд отражался на недвижной глади озера. Зрелище так очаровывало, что даже горькие мысли о Мерлью на время забылись. Но вскоре в памяти снова всплыли слова об «этом, тощеньком», и настроение опять упало.

Неожиданно поднялся ветер. Его направление менялось несколько раз, в конце концов возобладал северо-западный. По мере того, как утро разгоралось, он окреп, сделался сухим и жарким. И вот уже пахло раскаленным дыханием пустыни. Хамна и Корвиг сникали на глазах; было видно, что увеселительная прогулка все больше превращается для них в испытание на выносливость. Свои накидки они обернули вокруг лица, оставив лишь узкую щель для глаз. Примерно через полчаса Улф предложил им повернуть назад. Те вначале отнекивались, считая делом чести сопровождать путников хотя бы первый день пути. Но постепенно Хамна поддался уговорам. Они обнялись, пообещали друг другу непременно встретиться вновь и расстались. Хамна с Корвигом повернулись к ветру спиной с явным облегчением.

Внезапно буря стала ослабевать, небо прояснилось, насыщаясь светом, напоминающим рождение зари. Отец с сыном выбились из сил и прикидывали, где можно устроиться на ночлег. Вдруг у Найла отнялось дыхание. Перед ними открылся вид на руины незнакомого города. Обнаженные бурей останки зданий находились по меньшей мере на десяток метров ниже стены. Напротив стояло здание с высокими колоннами, а по центру находилось нечто, светящее под солнцем.

— Отец, скорее сюда, посмотри! — крикнул Найл.

Уже через секунду Улф стоял рядом.

— А-а, вот оно что. Мне доводилось кое-что слышать, — задумчиво произнес отец. — Это город, которым правил Бейрак, отец Каззака.

— То есть как, они жили над землей?

— Пока их не выжили смертоносцы.

— И построил город тоже Бейрак?

— Нет. Он стоит здесь с незапамятных времен. Его построил какой-то древний народ.

— А вот это что, не знаешь? — Найл указал на сверкающий предмет. Улф пожал плечами.

— Не знаю. Во всяком случае, видно, что сделано из металла.

Около десяти минут, пядь за пядью одолевая щербатые стены, они спускались вниз, на песок. С наружной стороны было заметно, что крепость представляет собой квадратное строение, сложенное из обтесанных блоков, скрепленных меж собой цементом. Окна были высокие и узкие. Высоким и узким был дверной проем, а сверху на стене выдолблены непонятные символы. Проход был завален разрушенной каменной кладкой и забит песком. В город от него вела двойная колоннада.

Пока Ульф осматривал развалины домов, Найл расхаживал по зданию с колоннами. В пространстве между колоннами находились уместенные в ряд внушительные короба, высеченные из камня. Ступени, шириной метров пять каждая, вели к остаткам массивных ворот. От храма, в который некогда входили через эти ворота, не осталось, по сути, ничего, кроме расположенных вкруговую колонн. Найл самозабвенно разглядывал цветастые квадратники напольной мозаики, изображающей птиц и зверей. А в самом центре выложенной мозаикой площадки стояло загадочное нечто, околдовывающее своим блеском. Оно напоминало громадного жука на металлических лапах-подпорках, с прозрачными выпученными глазами впереди.

В округлом боку располагалась, судя по всему, дверь. Найл почуял это сразу, будто какая-то память, древняя-предвечная, незаметно ожила в сознании. Он осторожно притронулся; металл под лучами солнца нагрелся, но, вопреки ожиданию, не сильно. Наружу неброско выдавалась изогнутая металлическая ручка. Найл, ухватившись, принялся крутить ее во все стороны. Он смутно догадывался, что именно благодаря этому выступу можно проникнуть в чрево причудливого насекомого. Вдруг дверь плавно отъехала в сторону. Осторожно заглянув в открывшийся проем, Найл забрался внутрь. Он находился в тесном помещении, где места хватило лишь на небольшие сиденья. Все здесь было так необычно, что в пору рот раскрыть от изумления, и вместе с тем сбивало с толку. Понятное дело, Найл никогда не видел усеянный тумблерами и кнопками пульт управления или рулевую колонку возле одного из сидений. Одно было бесспорно: создано это металлическое чудище с мастерством и взыскательностью.

Найл осмотрительно опустился на теплое от солнца сиденье и, заведя над пультом руку, чуть дыша коснулся его стекловидного покрытия растопыренной пятерней. Ничего особенного; чудище смирно стояло, никак не реагируя на его любопытство. А вот над пультом была соблазнительно откинута крышка, и в углублении виднелись необычные предметы, которые Найл один за другим дотошно рассмотрел и оцупал. Набор отверток и гаечных ключей вызвал недоумение: зачем все это? Его очаровала короткая, длиной в полруки и сантиметр в обхвате, металлическая трубка вроде жезла. Вот так вес! Тяжелее заматерелого гранита. Найл не колеблясь решил, что эта вещь должна принадлежать ему; не уступит он ее ни брату, ни отцу, ни самому Каззаку. Концы трубки опоясывали концентрические ободки, а на одном имелся еще и кружок, который можно вдавливать, — с тонкой насечкой,

диаметром около сантиметра. Найл решил зачем-то попробовать трубку на зуб, сунул ее в рот и прикусил. Вот те раз! Трубка сама собой начала удлиняться, выдвигаясь, словно складная сигара. Конец ее случайно чиркнул по пульта управления. Внезапно послышалось гудение, а сиденье внизу начало слегка вибрировать. Миг, и Найл был уже снаружи. Сидя на земле, он оторопело таращился на неожиданно ожившее, подрагивающее чудище.

На шум примчался отец. Найл спохватился: внутри осталось оружие. Решимость пересилила. Юноша дерзнул сунуться обратно и появился с раздвижной трубкой-жезлом, в которой длины теперь было около трех метров.

— Это еще что такое? — растерянно пробормотал Ульф.

— Сам не знаю.

На пульте управления мелькнул зеленый огонек, и гудение смолкло.

Отец с сыном обошли вокруг диковинного устройства, тщетно попытались сдвинуть его с места, пробрались вниз и в конце концов решили: ну его. Улфу захотелось посмотреть трубку, и Найл неохотно уступил. Ульф с хмурой сосредоточенностью осмотрел вещь, со свистом рубанул ею воздух и в конце концов, к облегчению Найла, протянул обратно.

Принимая трубку от отца, Найл взялся за нижний конец, что пошире. Тут раздался звонкий щелчок, и жезл быстро сократился, вновь обретя форму продолговатого цилиндра.

Еще раз внимательно осмотрев предмет, Найл догадался, что секрет в кружке с мелкой насечкой. Стоило его утопить, как цилиндр вырастал в длинный заостренный прут. Благоговейно и вместе с тем несколько недоуменно оглядывая предмет, Найл кончиками пальцев ощутил исходящее от него тоненькое иглистое покалывание. Это покалывание почему-то казалось знакомым.

Время шло, уже изрядно перевалило за полдень, пора было собираться в дорогу. Возвратись к стенам крепости, они взобрались наверх, и Ульф стал подавать сыну поклажу...

...Шли третьи сутки пути. Проснувшись утром в укрытии, сооруженном из камней и кустов терновника, Найл учуял странный запах. Как от шкуры гусеницы, когда ее выкладывают сушиться на солнце. Ветер дул с северо-запада. Откуда запах? Отвечая сыну, Ульф пожал плечами и сказал: «Не знаю. Это запах Дельты». Запах преющей растительности, перемешанный с тошнотворно-сладким запахом тления. От Найла не укрылось, что, пока ветер не изменил направления, вид у отца был тревожно-растерянный.

На следующее утро с Улфом случилась история, которая могла плохо кончиться. Расположившись на привал в тени дерева, они заметили движение в кустах. Выгнувшись на задних лапах, там стоял куцехвостый зверек и силился дотянуться до веточки с лакомыми ягодами. Так как люди сидели не двигаясь, присутствия их животное не замечало. Ульф, подхватив копые, стал незаметно подбираться к зверьку. Внезапно он резко вскрикнул, а животное, испуганно встrepенувшись, исчезло.

Ульф стоял на одном колене. Правая ступня и голень угодили, похоже, в какую-то дыру. Найл сначала подумал, что отец просто споткнулся и попал в обыкновенную трещину на сухой земле. Но следом за ступней наружу выволокло темное, поросшее волосами создание, напоминающее гусеницу. Найл не мешкая бросился на помощь и всадил острый конец трубки-железа в змеевидное туловище. Тварь и не думала отцепляться. Резко и мощно сократившись, она чуть не утянула ногу Ульфа обратно в дыру. В конце концов отцу удалось высвободиться — правда, уже без сандалии, а из щиколотки сочилась кровь.

— Что это такое?

Ульф сел, взыскательно осматривая стопу.

— Личинка львиного жука. В норах прячется, как тарантулы-затворники.

С час ушло на то, чтобы обработать раны — несколько глубоких продольных царапин, след не то зубов, не то челюстей. У Ульфа имелась с собой мазь, сделанная из чертова корня. Раздрав на полоски кусок ткани, он смочил их и перевязал себе ступню и голень. Жаль было переводить на это добротную ткань — подарок Сайрис от Стефны. Ульф переобулся в сандалии, подаренные Хамной, и, прихрамывая, двинулся дальше. Спали опять на голой земле, наспех соорудив укрытие из камней и кустов. А к утру ступня у Ульфа безобразно напухла и начала синеть. Найл взял отцовский кузов и взвалил себе на свободное плечо; Ульф ковылял сзади, опираясь на древесный сук, как на костыль. Оба сознавали, что надо во что бы то ни стало добраться к пещере до темноты: на следующее утро, не исключено, яд расплзется настолько, что Улфу идти станет неважно. Так что мучиться, но шли и прошли под палящим зноем не меньше десятка миль. Затем устроили короткий привал в тени большого камня. Ульф ненадолго вздремнул. Нога у него к этому времени так раздулась, что на нее уже невозможно было опереться. Когда солнце начало понемногу клониться к горизонту, у Ульфа словно прорезалось второе дыхание. Шел равномерными тяжелыми скачками, не допуская остановок. Справа открылся вид на красные столбы, вдали показалась кактусовая поросль. К этому времени отец и сын уже так выбились из сил, что представляли собой легкую добычу для жука-скорпиона, не говоря уже о тарантуле-затворнике. Найл опирался на свою складную трубку-желез и брел, пошатываясь под тяжестью двух кузовов, мотающихся туда-сюда за спиной.

И вдруг — навстречу через песок уже спешат к ним Вайг и Сайрис, а сзади усердно топчет ножонками Руна. Плечи Найла освободили от кузова. Сайрис, бережно обняв мужа за пояс, помогла ему одолеть последние полсотни метров до жилища. Уступая дорогу при входе, Найл бросил взор туда, где отдаленное простором пустыни синело на горизонте плато, и невольно изумился. Как-то не верилось, что его могло занести в такую даль.

Радость встречи все же была омрачена. Дедушка Джомар так сдал, что у него не хватало сил подняться с постели и обнять возвратившихся. За те две недели, что не виделись, Джомар

совсем одряхлел: щеки ввалились, глаза запали, тронулись слезой. Он, казалось, с интересом прислушивался к рассказу о подземном городе Каззака, но когда спросил: «А там все так же водятся крысы среди развалин?» — стало ясно, что рассудок уже изменяет старику.

Без Торга, Хрольфа и Ингельд пещера сделалась удивительно пустой. А теперь, когда дни Джомара были сочтены, в груди Найла возникло горькое, безотрадное чувство утраты. Старика переместили в глубь пещеры, чтобы не нарушать его сон. По утрам ему помогали выбираться на свет; он сидел, поклевывая носом под жужжание мух, пока не сгущался зной. Единственной отрадой в те последние дни была малышка Мара, не дававшая старику угаснуть окончательно. Девочке исполнился год. Сок ортиса превратил ее из нервного, капризного младенца в любопытного живчика. Она часами не слезала с дедовских колен, вымогая, чтобы он что-нибудь рассказывал. Если тот медлил, она принималась барабанить его кулачками в грудь, дескать: «Ну же, ну!» Дедушка рассказывал о том, как сам был маленьким, пересказывал легенды о великих охотниках прежних времен. А Найл сидел в углу, обхватив колени, и старался понять все, что рассказывает старик. Он и раньше был внимательным слушателем, а как побывал в Дире и наслушался разных историй, так вообще увлекся прошлым не на шутку.

Однажды, когда Мару на коленях у Джомара сморил сон, Найл стал спрашивать деда о заброшенном городе. Джомар рос неподалеку от тех мест, и среди загадочных руин проходили его детские игры. В тех местах водились птицы и мелкие грызуны, мальчишкой Джомар часто ставил на них силки.

Найл поинтересовался, что там было за здание с высокими стройными колоннами. По словам Джомара, это какое-то святилище.

— А сколько тебе было, когда смертоносцы забрали тебя в свой город? — спросил Найл.

— Это было, пожалуй... Я отживал тогда свое восемнадцатое лето, примерно так... То был черный день для людей Диры. Они нагрянули на рассвете. Целые полчища напозлали. Я понял, что это они, как только проснулся.

— Как именно?

— Я не смог пошевельнуться на постели. Решил сесть, а на груди словно громадный камень. Хочу двинуть ногой, а не могу — будто отлежал.

— А почему так?

— Они нас все равно что пригвоздили. Все мы оказались в одинаковом положении.

— Но чем пригвоздили? Как?

— Волей своей.

У Найла мурашки побежали по спине. В голове мелькнула мысль о городе Каззака.

— И что потом?

— А ничего. Искали, куда не шли.

— Покуда не нашли? Вас? — Найл даже растерялся слегка. — Они что, не знали, где вы находитесь?

— Точно не знали, но чуяли, что где-то рядом.

— А дальше что?

Джомар осторожно снял Мару с колена и переложил на постель, словно опасаясь, как бы темные воспоминания не просочились в душу ребенка.

— Они убили всех, кто пытался сопротивляться. Моего отца и вождя нашего Халлада.

— Они пытались отбиваться от смертоносцев?

— Нет, оружие здесь ни при чем. Они пытались воспротивиться силой своей воли. Паукам это не понравилось. Халлад был стойкого духа человек.

Джомар рассказал, как смертоносцы держали их весь день под землей как узников. Пауки не любят жару, им сподручнее передвигаться ночью. В течение дня твари пожирали тела убитых. Но времени у них было мало, надо было возвращаться в свое городище. В тот вечер с заходом солнца смертоносцы отправились в долгий обратный путь. Кое-кто из них, воспользовавшись переменной ветра, отчалил на шарах, прихватив с собой детей. Взрослые для шаров не годились — крупноваты, потому отправились пешком. Шли долго, несколько недель, приходилось огибать морской залив. А смертоносцы не спешили, они твердо были настроены доставить всех пленников живыми.

Но почему, допытывался Найл, пауки так пеклись о том, чтобы сохранить пленникам жизнь?

— Они нужны были для расплода, особенно женщины. У них с роженицами постоянная нехватка.

Неожиданно Мара тихонько захныкала во сне. Джомар положил руку на лоб девочки; та вздрогнула и затихла, а Джомар уныло повторил:

— С роженицами постоянная нехватка.

— Как тебе удалось бежать, дедушка?

— На шаре. Мы завладели шарами. Джебил и Тиг решили бежать. Они выведали, как делается газ для заполнения шаров — водород называется. Меня попросили помочь. Как раз накануне стало известно, что пауки собираются от меня отделаться. Так что терять было нечего. Я показал ребятам, где женщины изготавливают шары...

— Их делают женщины?

— Да, под надзором пауков. Мы просто вошли и взяли их. Стража и не думала нас останавливать. Они, вероятно, рассудили, что нам велели отнести шары, что им еще могло прийти на ум? Прежде никто не пытался убежать таким образом. Мои оба спутника погибли. Один упал в море, другой снизился в Дельте. В шарах, наверное, не все было в порядке. А мой шар донес меня до гор, что возле озера. Опустился я в полусотне миль от того места, где нас схватили.

Мара опять начала похныкивать.

— Тихо, — сказал Джомар, успокаивая ребенка. Через несколько минут ровное дыхание старика показывало, что он и сам заснул.

Через два дня Джомар умер. Он лежал на полу вниз лицом, вытянув руки вперед, словно рухнул с большой высоты.

Весь тот день Ульф, Вайг и Найл копали возле юфобии могилу; копали глубоко, чтобы до тела не добрались хищники. Но, посмотрев на место захоронения через несколько дней, Найл по ряду характерных признаков определил, что туда добрался жук-скарабей. В пустыне пища не залеживается.

Спустя неделю после кончины Джомара Найл случайно заметил плывущий по небу шар. Вскоре паучья армада заполнила небо, и жилище сотрясалося от жалищих ударов насылаемого страха.

Ульф решил вернуться на прежнее место, у подножия плато.

— Когда? — только и спросила Сайрис.

— Сегодня, ближе к сумеркам. Задерживаться глупо. Они будут здесь роиться, пока нас не отыщут.

Найл украдкой взглянул на ногу отца: опухоль все еще не сошла.

— Ты думаешь, легко тебе будет дойти?

— Рассуждать не приходится.

— Сейчас бы сюда листья герета, — произнес Вайг.

Куст этого растения рос примерно там, где начинается пустыня. Его листья обладают мощными целебными свойствами. Истолчешь их в кашу, приложишь, и любая опухоль сойдет на нет в считанные часы.

— Я видел один такой, когда мы шли обратно из Диры.

— Где?

— Недалеко, часа два ходьбы.

— Я пойду с тобой.

Ульф качнул головой.

— Ты, Вайг, понадобишься здесь. Отправляться будем сегодня, поэтому предстоит много работы. Найл может сходить и один.

Закончив еду, Найл сразу же отправился. Он прихватил с собой сплетенную из травы сумку для листьев, фляжку с водой и металлическую трубку-жезл.

До полудня оставалось по меньшей мере часов пять. Если ничего непредвиденного в пути не произойдет, к этой поре можно уже вернуться домой.

На расстоянии мили от кустистой поросли, где они как-то наткнулись на гигантского сверчка-сагу, Найл и отыскал куст герета. Высоты в нем было метра два, на концах глянцевиных листьев виднелись красненькие отростки, из которых впоследствии должны появиться остроконечные цветы. Растение, к удивлению Найла, оказалось целиком овито шелковиной паутиной, отчего куст имел вид шатра. Он бережно раздвинул нити паутины возле верхушки куста и начал аккуратно обирать листья. Самое лучшее снадобье получается из тех, что помельче и потоньше. Он был так поглощен своим занятием, что упустил из виду пятнышко тени, проплывающее в десятке метров. Внимание остановилось лишь на следующем... Совсем низко над землей медленно проплывали пауच्या шары.

Опустившись на землю, Найл не отрываясь смотрел им вслед. В отдалении маячили красные столбы, к югу от них находилась

их пещера. И не было никакого сомнения, что именно к ней пауки и направляются.

Саднящая мука пронзила сердце. Очевидность предстоящего исхода ошеломила Найла, и он отправился в обратный путь.

Завидев растопыренный кактус-цереус, Найл ощутил тепло смутной надежды. Внешне как будто ничего не вызывало тревоги. Но в нескольких шагах от жилища Найл приостановился. Большой камень и терновый куст, обычно закрывающие вход, были откинута в сторону. Юноша закричал и бросился вперед, к пещере.

Поперек входа лежало распростертое человеческое тело. На секунду Найл испытал облегчение, землистое распухшее лицо было незнакомым. И тут взгляд упал на браслет, охватывающий бицепс. Перед Найлом лежало тело отца. Паучий яд вкупе со зном сделали свое дело, труп начал разлагаться.

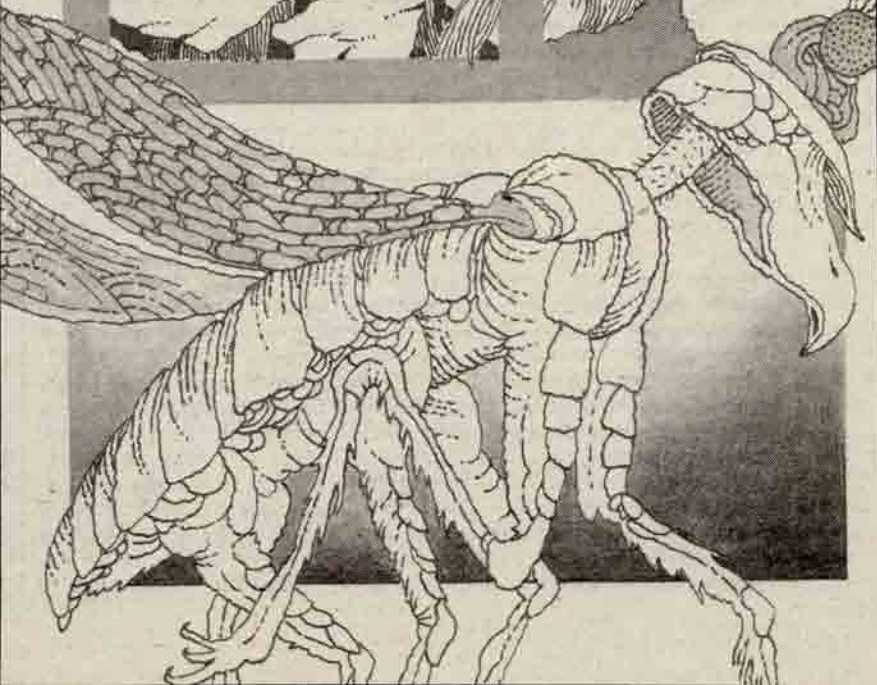
В пещере горели три масляных светильника. Семья напоследок решила, видимо, позволить себе роскошь. Корзины с провизией и запасом воды аккуратно стояли в ряд возле стены. Был свернут в скатку принесенный Найлом из Диры рулон ткани. Следов борьбы нигде не было. Копья стояли, где и положено, у входа. На постели Руны лежала чашка с недоеденной муравьиной кашей. Если б не жуткий труп у порога, можно было подумать, что семья просто ненадолго отлучилась. Подхватив один светильник, Найл обошел всю пещеру. Никого. Муравьи и те пропали.

76
Юноша сидел на постели, уставясь перед собой пустым неподвижным взором, не зная, как освоиться с внезапным одиночеством, сомкнувшимся вокруг глухой стеной. Взор переключался на чашку каши, и в голову проникла мысль, что Руна и Мара, может, еще и живы. Найл вышел наружу и вгляделся в корку пустыни. Сухой и жесткой была она, но пытливого глаза охотника несколько слабых отметин дали безошибочно понять, в каком направлении удалились пауки. Они ушли на северо-запад, к морю.

Возвратясь к пещере, Найл собрался с духом и втащил труп в жилище, устроив его на отцовскую постель. Раздувшееся лицо мертвеца имело вид жутковатого изваяния, между раскрывшимися черными губами виднелись желтые зубы. Найл накрыл тело Улфа тканью, принесенной из Диры. Уходя, он завалил вход камнем, затем с полчаса подсовывал в щели камни помельче. Солнце стояло теперь над самой головой, но Найла это не очень-то и заботило. Главное было удостовериться, что в пещеру не проникнут хищники. Место, десяток лет бесценно служившее семье жилищем, превратилось теперь в усыпальницу Улфа. Сыну хотелось, чтобы прах отца покоился в неприкосновенности, пока дети, возвратясь, не погребут его как воина.

Часть вторая БАШНЯ

Найлу повезло, что днем не попались навстречу хищники. Сквозь злую и горькую обиду на судьбу он не замечал ничего

вокруг себя. Шел быстро, двигаясь вдоль отметки на песке. Пауки ступали так невесомо, что следов за ними почти не оставалось; невозможно определить, сколько их было. Отпечатки ног Вайга и Сайрис виднелись совершенно четко. Судя по глубине следа на мягком песке, шли они не налегке — возможно, несли Руну и Мару. Найл то и дело цепко всматривался в сторону горизонта, но тот был чист. Он напрочь утратил чувство времени и был слегка удивлен, обнаружив, что солнце, оказывается, уже коснулось левого окоема. Под ногами тянулась рыжеватая земля. Вдаль уходили красные скалы, некоторые из них — узкие обелиски высотой более пятидесяти метров. Пора было подумать о ночлеге. Найл набрел на плоский рыжий камень, росший в землю. Внутри рос еще и терновый куст. Полчаса у Найла ушло на то, чтобы выдрать куст из земли и утрамбовать место, откуда он торчал. Затем Найл поужинал сушеным мясом и плодом кактуса. Вкус горьковатой воды из родной пещеры вызвал шквал щемящих сердце воспоминаний. Мучительно захотелось разреветься. Стиснув зубы, он переборол себя и пошел собирать камни, чтобы сделать укрытие недоступным для ночных хищников...

Найл открыл глаза перед рассветом. Подрагивая от утренней прохлады, он лежал и наблюдал, как всходит солнце. Пожевав сушеного мяса и запив его водой, он продолжил путь в сторону гористой возвышенности.

78 Дорога вилась меж колоннами изъеденного ветром песчаника. Кое-где столпы лежали поперек дороги, словно опрокинутые бурей или землетрясением. С высотой тропа становилась все круче. Ближе к вершине Найл остановился и, обернувшись, окинул взором местность, оставшуюся позади. В невероятной дали виднелось подернутое маревом громоздкое плато, окруженное пустыней. Впечатление такое, будто Найл — единственное живое существо на всем этом бескрайнем оголенном просторе. Юноша смотрел долго, не отрываясь. Земля, на которой прошла вся его жизнь. Затем повернулся и полез вверх. Добравшись до вершины, он пылливо вгляделся в зеленую низменность, простертую внизу, — кустарник, деревня. Никаких следов живых существ.

Ведущая вниз тропа была прямее, чем подъем с юга, но одновременно и круче. Когда до ближайших деревьев оставалась буквально сотня метров, Найл краем глаза успел уловить мимолетное движение и тут же грянулся оземь с такой силой, что дыхание перехватило. Мощные лапы перевернули его вниз головой и вздернули в воздух, не давая отнять рук от корпуса. Увидев перед самым носом бесстрастно-задумчивые глаза и вздыбленные клыки, Найл завопил от ужаса. Вот еще одна пара когтистых лап перехватила его со спины. Он почувствовал, как стягивают сумку, а вокруг притиснутых к бокам рук пропускают липкую шелковину. Державший Найла паук поднял свою ношу повыше, чтобы его напарник смог пропустить паутину вокруг лодыжек. Лодыжки пристали друг к другу так, что не разомкнуть.

Обезопасившись от возможного сопротивления, паук взвалил

Найла себе на спину, придерживая передними лапами, и рванул внезапно с места, да с такой скоростью, что у Найла перед глазами все поплыло. Временами казалось, что еще минута, и он соскользнет с бархатистой спины, но паук всякий раз, не сбавляя хода, тянулся передними лапами и поправлял ношу. Сзади неся напарник, держа в лапах сумку Найла. Юноша закрыл глаза и, стиснув зубы, сосредоточился на том, чтобы как-то превозмочь неистовую тряску, от которой кровь молотом долбила в висках.

Он неожиданно забылся, а очнувшись, почувствовал, что кто-то над ним склонился и смотрит в лицо. До него донесся знакомый запах волос. Крепко обняв, его целовала мать. А вот и Вайг! Он помог брату сесть и поднес к губам чашку с водой. Во рту у Найла пересохло, в горле першило от пыли. Сделав первый глоток, он долго и сильно кашлял. Оказалось, что руки и ноги у него свободны, только кожа сильно натянута в местах, где, судя по всему, отдирали липкую паутину.

— У тебя хватит сил идти? — спросил Вайг.

— Думаю, да. — Найл нетвердо поднялся. — А где Руна и Мара?

— Увезли на шаре.

— А муравьи?

— У них в брюхе, — сухо сказал Вайг, кивнув на пауков.

Через пять минут отправились в путь. Пауки передвигались быстро и от своих пленников требовательно ожидали того же. Будь хоть какая-то возможность, Найл с огромным удовольствием осмотрел бы местность, через которую они проходили. Никогда еще он не видел столько зелени в одном месте сразу. Когда-то эта прибрежная низменность была обитаемой. Навстречу попадались остатки сельских строений. Теперь, низменность пришла в свое естественное состояние: разнородная древесная поросль, буйство трав. Мимо с жужжаньем проносились насекомые — мухи, осы, стрекозы; в поросли стрекотали кузнечики.

Через час, когда солнце начало садиться за горы, стали устраниваться на ночлег. Люди полностью выбились из сил. Тяжело переводя дыхание, они улеглись лицом к небу. Один из пауков взялся вить паутину под ближайшим деревцем, другие в это время нежились под вечерним солнцем. Когда сердце у Найла унялось, он блаженно расслабился и в тот же момент почувствовал, как его «процупывает» вожак — видно, просто так, для порядка; никакого рвения у восьмипапого не чувствовалось. В полусонном состоянии юноша подсоединился к умам пауков. В данный момент их мало что заботило, кроме насыщения. Стало понятно, что пауки едят только живую добычу, поэтому запаса в дорогу брать с собой не могут. Дело не в том, что живая пища им больше по вкусу, а в самой жизненной энергии, которую эти существа высасывают, смакуют и впитывают.

Открылось и то, что в отличие от людей они полностью подчинены инстинкту. Весь смысл их существования заключается в том, чтобы хватать добычу и впрыскивать яд. Иных стимулов у них в жизни не было.

К счастью, пищи здесь было в достатке. Пауки не стали

мешать пленникам, когда те разбрелись по кустам собирать плоды, и терпеливо наблюдали, как Найл, взобравшись на кокосовую пальму, скидывает оттуда орехи в руки Вайгу.

Чуть вязжущее молоко изумительно освежадо и годилось для ужина из сушеного мяса и хлебцев. С хорошей едой улучшилось и настроение. Между людьми и пауками установилась интересная атмосфера взаимной терпимости. Найлу открылось, что эти большие, удивительно сильные существа у смертоносцев вроде невольников; к хозяевам они относились почтительно, но с некоторым страхом и скрытым негодованием. Они недолюбливали понукания. Дай им волю, они бы просто нежились на солнце и ловили насекомых.

Найл так уснул, что ночь проспал, забыв даже прикрыться. Открыв глаза, он обнаружил, что уже рассвело, и увидел, как один из пауков спешно поглощает угодившего в тенета крылатого жука. Прочие охотники дремали на солнце. В отличие от смертоносцев бойцовые пауки недолюбливали темное время суток, и возвращение дневного света наполняло их дремотной негой.

Люди позавтракали плодами и сушеным мясом, запивая их молоком незрелых кокосов. Пауки к тому времени уже утолили голод. Подойдя к паутине поближе, Найл почувал, что от нее исходит приятный сладковатый запах; должно быть, это и привлекало насекомых.

— Чего мы, интересно, ждем? — прошептал Вайг.

— Они ждут, — ответил Найл не совсем внятно.

— Я и сам вижу, что ждут. Но чего?

— Пожалуй, кого... Я думаю, людей.

Вайг и Сайрис с любопытством посмотрели на него.

— А ты откуда знаешь?

Найл, наклонив голову, пожал плечами. Ему не хотелось заводить разговор перед пауками.

Прошло еще с полчаса. Солнце палило немилосердно, но с севера потягивал приятный ветерок. Люди укрылись в тени терновника. Пауки, наоборот, разлеглись на самом солнцепеке.

Вдруг вожак насторожился, вскочил на ноги и с настороженным вниманием уставился на север. Прислушался и Найл, но ничего не различил, кроме обычных звуков, присущих утру. Спустя секунду он с изумлением различил среди деревьев фигуру человека и по реакции пауков догадался, что именно его они и дожидались.

Человек, твердо и уверенно вышагивающий навстречу, впечатлял своим видом. Высоченный, мощные плечи, широкая грудь. Одет в суконную тунику, светлые до плеч волосы охвачены металлическим обручем. Остановившись в десятке метров, человек опустился на одно колено и почтительно поклонился. Вожак отреагировал резким импульсом, в котором как бы сквозило нетерпение: дескать, где тебя носит?

Найл ожидал, что вновь прибывший поприветствует их, своих сородичей, или по крайней мере перекинется сочувственным взглядом, но он не удостоил их никакого внимания. Повинуясь жесту вожака, человек подхватил сумку Найла и, закинув ее

себе на спину, застыл, ожидая дальнейших указаний. Найл с любопытством изучал его лицо. Глаза незнакомца были голубые, кроткие, но какое-то сонливое равнодушие читалось в опущенных уголках рта и покато подбородке. Двигался человек с размеренной четкостью, которую Найл по ошибке принял за уверенность. На самом деле это были лишь заученные действия хорошо выдрессированного животного.

Когда Сайрис встала и коротким куском травяной веревки начала обвязывать свои длинные волосы, мужчина мелькнул по ней любопытным взором, но лишь на долю секунды.

Вожак дал команду трогаться, и человек пошел мерными широкими шагами в северном направлении. Найл, Сайрис и Вайг двинулись следом, все трое невольно срывались на трусцу, чтоб не отставать от вновь прибывшего. Пауки с небрежной медлительностью фланировали сзади.

Найл решил незаметно войти в сознание впереди идущего. Неблагодарное это оказалось дело. Ум существа был таким же блеклым и безразличным, как у серого паука-пустынника. Только в отличие от пустытника он совершенно не замечал, что Найл пыгается проникнуть в его внутреннюю сущность.

Запах нагретой солнцем спелой растительности чуть пьянил. Вскоре послышался незнакомый звук: гомон чаек. От волнения кровь застучала в висках. Когда минут через десять перевалили через невысокий холм и глазам открылось море, Найла пронизал иступленный, необузданный восторг. Волны с шумом накатывались на берег, где поджидало три небольших судна. На песке вповалку лежали люди. По окрику великана все спешно поднялись и застыли навтыжку. Когда из поросли показались пауки, люди разом опустылились на одно колено, всем своим видом выражая повинование. Затем великан гаркнул что-то неразборчивое, и все снова вытянулись в стойке. Найл с удивлением обнаружил, что среди них есть и женщины — сильные, большегрудые, волосы длиннее, чем у матери. Они стояли, уставясь перед собой, притиснув руки к бедрам. Бросалось в глаза, что все они сложены не хуже великана-распорядителя — такие же мускулистые руки и сильные бедра. А вот на лицах недоставало того, что делает человека неповторимой индивидуальностью. Женщины (их было трое) все как одна красавицы: сильные, стройные. Верхняя часть тела у них была обнажена; свободно торчали налитые загорелые груди. Найл разглядывал женщин с нескрываемым восторгом.

Распорядитель выкрикнул нечленораздельную команду, и люди, нарушив строй, начали стаскивать суда на воду. Каждое судно было метров пятнадцать в длину и имело корму и нос. Когда они уже покачивались на плаву, к кромке берега осторожно приблизились пауки и, сложив лапы, боязливо остановились шагах в десяти от линии прибой. С боков к ним подступили по двое мужчин, подняли и бережно понесли к ладьям, держа на весу, чтобы не доставали волны. Следом за ними в ладьи забрались женщины, по одной на каждую. Найлу, Вайгу и Сайрис также велели разделиться. Найл оказался в одной ладье с вожаком, но главным лицом здесь была женщина. Все мужчи-

ны относились к ней с почтением, не сказать — с подобострастием. Вполне объяснимо: такая рослая, шелковистые волосы, безупречные зубы... Но чувствовалось, что причина преклонения не одна лишь красивая внешность. Примерно через полчаса женщина поманила одного из мужчин и велела занять свое место на возвышении. Тот опустился на одно колено, приложился губами к ее руке и оставался в такой позе до тех пор, пока она не сошла с возвышения. Стоило ей щелкнуть пальцами, как один из них почтительно подал ей одеяние из кожи какого-то животного, которое она накинула на плечи. Ветер становился ощутимо прохладным. Через какое-то время женщина приблизилась к Найлу, съезжившемуся в попытке уберечь тепло, и прошлась по нему взором, в котором читалось и любопытство, и холодная усмешка. Что-то в ее насмешливом взгляде напомнило принцессу Мерлью; воспоминание вызвало в душе горькое чувство.

По истечении примерно двух часов вахту приняла свежая смена гребцов. Сменщики подсаживались к гребущим, которые, в свою очередь, выныривали из-под весел, чтобы ни один взмах не пропал даром. Гребцы, отмахавшие свое, валились на доски центрального прохода в сладостном изнеможении.

Один из моряков, зычно гикнув, указал рукой через правый борт. Найл, вскочив, до рези в глазах вперился в безмятежный морской простор. Вдали в голубоватой дымке виднелись две другие ладьы — единственное, чего недоставало юноше для его нехитрого счастья.

Берег был уже недалеко, и можно было различать скалистую береговую линию, отороченную острыми пиками изъеденных неотступным морем утесов, и сползающие к морю зеленые поля. Спокойный ветер плавно подносил ладьы к суше. Когда подошли ближе, показались деревья и желтый утесник. Мимо уха с жужжанием пронеслась крупная пчела. Но вместе с тем ни следа людей или людского обитания.

Гребцы налегали на весла под ритмичное постукивание служительницы. Примерно пару миль ладья плыла вдоль берега на запад. И вот, когда обогнули мыс, взору открылось первое творение человеческих рук — белокаменная бухта, нестерпимо яркая на солнечном свете. Ветер утих, сильнее стала чувствоваться жара. Проплыли мимо скалистого островка с обломком башни, высоченные гранитные блоки в беспорядке валялись вокруг фундамента. В море вдавалась огромная, толщиной в десяток метров, плавно изогнутая стена. Тщательно пригнанные друг к другу камни мола; диковинные деревянные приспособления, вздымающиеся к небу на дальнем конце причала; сонмище пришвартованных в бухте судов... И только вблизи становилось ясно, что все это уже изрядно тронуты временем и успело наповину прийти в негодность. Войдя в бухту, гребцы подняли весла, и ладья теперь скользила по водной глади за счет набранной скорости. Стоящий на причале человек бросил одну за другой две веревки, их прикрепили к носу и корме. Спустили сходни. Первой надо было пройти служительнице. Сойдя, она опустилась на колени и почтительно склонила голову, ожидая, когда спустятся на берег пауки. Рабочие на причале приняли ту же позу,

выражая повиновение и почитательность. В этом положении они оставались до тех пор, пока пауки не прошествовали мимо.

Один из моряков, тронув Найла за локоть, указал, чтобы тот шел следом. Найл считал, что его поведут под конвоем, как пленника, и удивился, поняв, что он свободен. Когда юноша спустился по сходням, служительница властно вытянула руку, веля остановиться.

— Как твое имя? — спросила она, впервые обращаясь непосредственно к нему.

— Найл.

Взяв его за руку, женщина пошла вдоль причала. Где бы они ни проходили, всюду рабочие спешили встать навстречу.

— Куда мы идем? — негромко спросил Найл.

— К начальнику порта. — Женщина указала на приземистое здание из серого камня. Как и сам причал, здание имело донельзя запущенный вид, окна были замурованы кирпичами. Служительница постучала в дверь. Через секунду ее отворил бурый бойцовый паук. Открыл и посторонился, давая дорогу. После яркого дневного света Найлу потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте. Он находился в большом и, судя по всему, пустом помещении, сыром и затхлом. Скупой свет сочился узенькими спицами через трещины в крыше. Дальние углы помещения в нескольких метрах от входа были затянуты паутиной. В центре ее, цепко глядя на вошедших, гнезился черный паук-смертоносец. Размером он был помельче своих бойцовых сородичей, а глянцевитое брюхо, наоборот, объемистей и круглее. Ободом опоясывали брюхо круглые глаза. Глаза эти, а также сложенные ядовитые клыки придавали мохнатому непроницаемо-зловещее выражение.

Сердце похолодело от мгновенного приступа безотчетного страха, что, безусловно, не укрылось от паука. Найл почувствовал, как его пронизывает чужая воля — не неуклюже и словно нехотя, как у бойцовых пауков, а с ядовитой скрытностью, выдающей недюжинный ум.

Найл непроизвольно очистил ум от мыслей, сделав его пассивным. Смертоносец попытался вжиться Найлу в мозг. О противодействии не могло быть и речи; юноша как можно точнее старался воспроизвести мыслительную вибрацию пауков. Вибрацию смертоносца уяснил лишь наполовину, но и ее счел странной и несообразной. Он перекинулся импульсом-замечанием с бойцовым пауком; просто сигнал, такой же доступный для понимания, как человеческая мимика.

«Сдается мне, это идиот». Ответный импульс: «Боясь, что да». Пауки перекинулись меж собой так быстро, что Найл не успел испугаться. А смертоносец переключился на служительницу, отдав ей короткое мысленное распоряжение: «Увести». Через несколько секунд Найл уже снова стоял под ослепительными лучами солнца, с трудом веря, что опасность миновала. Его обеспокоенный вид не укрылся от служительницы.

— Что, боязно было?

— Боязно, — кивнул Найл.

В глазах женщины мелькнуло сочувствие.

— Ты их не бойся. Со своими слугами они обращаются по-доброму.

Найлу хотелось о многом расспросить, но женщина его перебила:

— Мне надо доложить начальству. А ты пока иди, дождайся своих.

Найл побрёл назад к месту швартовки. Моряки уже успели высадиться, ладя была пуста. Найл ни у кого не вызывал любопытства. Он спросил у одного из портовых рабочих, когда, по его мнению, подойдут остальные два судна. Тот пожал плечами: «Скоро, наверное». Найл отправился обратно вдоль причала. Напоминающее башню деревянное приспособление сейчас, похоже, работало, и Найлу стало любопытно посмотреть, для чего оно предназначено.

Сооружение находилось как бы во внутренней части бухты, где стоял под разгрузкой корабль. У корабля было плоское днище, и сам он был шире ладьи, на которой приплыл Найл. Очевидно, это было грузовое судно, палуба которого разделена на перегородки, чтобы груз во время шторма не мотало по палубе. На этом корабле полно было тюков с грубой коричневой тканью. Колесо в нижней части деревянного приспособления позволяло заводить верхнюю его часть над палубой, и тогда сверху плавно опускалась подвешенная на веревках деревянная платформа. Когда тюков накапливалось достаточно, та снова поднималась и перекечевывала на причал, где тюки перегружали на подвод. Найлу все это казалось чудом техники, и он зачарованно наблюдал за работой приспособления.

Его также интриговал человек, следивший за разгрузкой. Ростом он был гораздо ниже, чем окружающие его здоровяки-грузчики, едва ли не ниже, чем сам Найл. Одет он был в видавшую виды желтую тунику и забавного покроя головной убор с козырьком, защищающим глаза от солнца. Он выкрикивал команды бойким, резким голосом со странным, непонятным акцентом. Человек явно не принадлежал к числу портовиков; не был он, похоже, и моряком. Найл лениво подключился к уму крепыша и тотчас убедился в правоте своей догадки. Его мыслительные вибрации были подвижные и активные, совершенно непохожие на невнятные, сонные, как у муравьев, сигналы моряков и портовых рабочих. Когда он попытался вжиться глубже, человек, нервно ерзув, обернулся, почувствовав, что кто-то без спроса лезет в рассудок. Он поднялся по лестнице и подошел к Найлу. Сидя на якорном вороте, Найл с деланным простодушием возвел на подошедшего глаза. Лицо человека было острым, продолговатым, с крупным носом-клювом, на голове большие залысины. Опустив руку на плечо Найла, он посмотрел ему в глаза, скорчив при этом изуверскую мину, и спросил:

— И чего это ты тут вытворяешь?

— Боюсь, мне и самому невдомек,— невинно ответил Найл.

— Все тебе вдомек.— Крепыш опустил на лежащий поблизости тюк, затем более дружелюбным тоном продолжал разговор: — Ты откуда?

— Из большой пустыни.— Найл показал пальцем вдаль.

Крепыш присвистнул.

— А-а, так ты, получается, из тех будешь?

— Как тебя звать? — поинтересовался Найл.

— Билл.

— Имя какое-то странное.

— Отнюдь. В местах, откуда я родом, это совершенно нормальное имя. А тебя как?

— Найл.

— Так это не имя, это название реки!

Разговор казался таким же невразумительным, как и имя незнакомца. По улыбке видно, что он шутит, но шутки были какие-то непонятные.

Крепыш взглянул на Найла исподлобья, словно прикидывая что-то в уме. Затем взгляделся пристально и спросил:

— Кто научил тебя вчитываться в мысли?

— Никто не учил, — поспешно ответил Найл.

— Ты это брось!

Найл растерялся: что брось, куда брось?

Крепыш поставил вопрос по-иному:

— Когда прибыл?

— С полчаса назад. Мать и брата ожидаю. — Он указал на море и заметил, что оба судна виднеются теперь на расстоянии примерно мили от берега.

И опять крепыш до неприличия долго всматривался в юношу. Найл озабоченно размышлял, как бы поскорее отделаться от непрошеного собеседника.

— А ну, сделай еще раз, — потребовал крепыш.

— Что именно?

— Ну... как это у тебя получается.

Это было проще простого. Найл вперился незнакомцу в глаза и, орудуя лучом сознания, как щупом, настроился на его мыслительную волну.

Крепыш тревожно ерзал.

— Так-так-так, — негромко произнес он, покачав головой.

— Что «так»? — не понял Найл.

— Не знаю, как поступят раскоряки, когда узнают.

— Какие еще раскоряки?

— Черная мразь. Пауки. Раскоряки ползучие.

— А что, по-твоему, они сделают?

Ткнув большим пальцем в ладонь, крепыш энергично им крутанул — жест, более чем понятный. Найл почувствовал, как кровь отливает от лица. Теперь отделаться от незнакомца уже не тянуло.

— Ты считаешь, они узнают? — выговорил он.

Тот пожал плечами.

— Кто их знает. Я сам до сих пор не могу взять в толк, чего они на самом деле могут, а чего нет. — Он задумчиво прикусил губу. — Впечатление такое, будто они не столько могут, сколько делают вид, и все для того, чтобы жуты на нас нагнать побольше.

— Ты служишь паукам? — спросил Найл, поглядывая мельком на море.

Крепыш яростно тряхнул головой.

— Боже упаси! Терпеть их не могу. У меня от них мурашки по коже.

— С кем же ты тогда?

— Я служу у бомбардиров.

— У жуков, что ли?

— Именно.

— И что же это за служба?

Собеседник осклабился.

— Шумим, гремим! Я у них главный распорядитель по взрывам. — Он кивком указал на тюки. — Вот из этого добра готовится порох. — Затем, наклонившись к Найлу, тихо произнес: — Мой тебе совет: не давай раскорякам ни о чем проникать.

— Ладно. — Найл придал лицу беззаботный вид, хотя особой храбрости не чувствовал.

Крепыш вскарабкался на мешки и махнул на прощание рукой. Махнул в ответ и Найл, проводив взглядом подводу, пока та не скрылась из виду. Затем задумчиво возвратился к главному доку.

По пути он вновь встретился со служительницей. Та улыбнулась и ткнула Найла кулаком. Толчок был дружеский, но крепкий.

— Тебе надо отъедаться, — заметила женщина.

— Отъедаться?

— Хозяевам по душе, когда мы сильные и здоровые. Вот такие. — Она указала на проходящего мимо портовика: не руки, а сваи.

— Да, неплохо бы, — неуверенно произнес Найл.

Глядя женщине в лицо в попытке уяснить ее слова, юноша не заметил, как непроизвольно слился с ее умом. Спустя мгновение стало ясно, что до женщины не дошло, что их умы находятся в контакте. Убедившись, что она не осознает наблюдения, юноша продолжал прощупывать ее ум. Необычное ощущение. Он на какое-то время перестал быть Найлом и стал этой рослой, красивой женщиной. Он даже знал ее имя: Одина. Но почему она не ощущала его присутствия у себя в мыслях? Ответ скорее всего имел нечто общее со странной незаполненностью, которая замечалась в умах этих людей. Часть их сознания пребывала словно в спячке.

И тут постепенно начал вырисовываться ответ. Ясное дело, пауки. Люди здесь настолько привыкли, что к ним постоянно вторгаются в сознание, что даже перестали на это реагировать. Их умы напоминали открытые двери, куда любой может войти и выйти.

Они дошли до конца причала. Первая ладья как раз проплывала мимо внешней стены бухты. Сердце у Найла радостно встрепенулось: он различил фигуру брата, стоящего у борта, и отчаянно замахал ему рукой. Вайг тоже заметил его и помахал в ответ. Когда ладью подтягивали к причалу, Найл обратил внимание, что левый борт у нее поврежден, верхние доски расщеплены, словно от тяжелого вертикального удара.

Через пять минут на берег сошла служительница, следом бойцовые пауки. А за ними начал спускаться Вайг. Найл кинул-

ся к брату, но вдруг резко остановился. Это паук глянул, будто бичом ожег. Взяв свое, восьмипалый прошествовал мимо колени-преклоненных служительниц. Чувствовалось, что он в крайне дурном расположении духа.

Одина коснулась плеча Найла и назидательно подняла палец.

— Когда мимо проходят хозяева, рабы опускают глаза.

— Прошу прощения, — сказал Найл и, повернувшись к брату, тихо спросил: — Как ты? Что там у вас произошло?

— Мачту снесло в бурю... Чуть всех нас не перевернуло. Хорошо, вторая посудина была рядом...

На Вайга сердито покосилась служительница с поврежденной ладьи.

— Пленникам переговариваться запрещено!

Братья стояли молча, наблюдая, как приближается третья ладья. Краем глаза Найл видел, как переговариваются между собой две служительницы. Вторая приблизилась к братьям, несколько секунд пристально разглядывала их и, наконец, произнесла:

— Ладно, разрешается разговаривать.

— Что здесь происходит, ты мне можешь объяснить?

— Объясню позже, — ответил Найл шепотом.

Третья ладья причалила чуть дальше. На этот раз, когда сошла служительница, а следом полез бойцовый паук, братья отвели глаза. Подождав, когда паук отдалится метров на десять, они кинулись обниматься с матерью. Вид у Сайрис был бледный, измученный.

Одина тронула Найла за руку.

— Пойдемте.

За стеной порта стоял ряд повозок. Поодаль со скучающим видом толклись с десятков мужчин. Стоило Одине щелкнуть пальцами, как от стайки отделились шестеро, мелким шагом подбежали и услужливо склонились перед ней. В одну из повозок залезли Одина и еще две служительницы. Тотчас за оглобли взялись мужчины, по два с каждой стороны, и встали в ожидании приказаний. Одина указала на другую повозку, жестом веля Найлу, Сайрис и Вайгу садиться. Когда рассаживались, один из возниц вдруг выдохнул: «Найл!»

— Массиг! — Найл мгновенно узнал одного из встречавших их на пути в подземный город Казака.

Тут предводительница сердито прикрикнула:

— Этого еще не хватало!

Массиг, побледнев, поспешно вытянулся в стойке. Одина приказала трогаться. Ее «четверка» пошла бойкой рысцей, вторая повозка покатила следом. Найл поглядывал на Массига с жалью и участием.

Местность вокруг была блеклой, невзрачной. По обе стороны дороги унылой вереницей тянулись остатки строений, по большей части высотой лишь в несколько локтей. В сравнении с разоренным побережьем окраины смотрелись отраднее — зелень полей, деревья, но и те на редкость безрадостные. Переплетение диких трав и древесной поросли, отдельная покосившаяся стена или развалившийся амбар — вид такой, будто здесь пронесся жестокий ураган, покалечивший все вокруг.

Пока дорога была ровной, возницы бежали бодро. Но вот она начала подниматься к холмам. Когда уклон сделался настолько крутым, что возницам пришлось замедлить ход до шага, Найл наклонился вперед и похлопал по плечу того, который поближе.

— Может, мы лучше слезем и пойдем пешком?

Возница так изумился, что невольно встал, остальные остановились вместе с ним.

— Пешком? — Возница в растерянности покачал головой. — Зачем?

— Чтобы вам было легче.

— Да что ты! Если вы это сделаете, нам несдобровать!

— Почему?

— Потому что возить вас — наша обязанность. Если мы не будем с ней справляться, хозяева строго с нас спросят.

Он повернулся спиной и снова взялся за оглобли. Массиг бросил Найлу теплый, признательный взгляд: мол, посочувствовал, и на том спасибо.

Спустя полчаса повозка достигла вершины холма. Внизу, утопая в чаще окружающих холмов, лежал город пауков. Город огромных столпов-башен. Даже с такого расстояния можно было различить гигантские паучьи сети, натянутые между ними. Здания были в основном серого цвета, встречались и черные. Найл отродясь не видел зрелища, более захватывающего, город словно был возведен великанами.

А в центре этого грандиозного скопища серых зданий, стоя особняком посреди небольшого лоскутка зеленого пространства, возвышалась Белая башня. Высотой она уступала многим из окружающих строений, но резко выделялась среди них ослепительной белизной. Под залитым солнцем небосводом она искрилась, словно зажженная изнутри собственным светом. В отличие от башен-прямоугольников эта была круглой, с вершиной чуть уже основания. Точно изящный перст, указующий в небеса.

Найл оглянулся на мать и брата. Странное это было мгновение. Вот уже столько дней они шли, зная, что в конечном итоге придут именно сюда. И вместе с тем город пауков казался чем-то бесконечно далеким, мифическим. Страха перед ним они не испытывали, настолько он был для них иллюзорным. А вот теперь нежданно-негаданно он предстал наяву — ощущение такое, будто пробуждаешься от сна. Город смотрелся более устрашающе, чем представлял себе Найл. Вместе с тем Белая башня в зеленом своем обрамлении словно выказывала своим видом надменное равнодушие к неприглядной окружающей панораме.

Возницы, переведя дух, начали спускаться к городу. Хотя дорога здесь была круче, чем путь наверх, тем не менее она была сравнительно сносной. У повозки имелись тормоза, которые возницы могли пускать в ход, не бросая оглобель, так что они успешно сдерживали ее ход. Убедившись, что Массиг движется сравнительно легко, Найл постепенно успокоился и стал с большим вниманием присматриваться к окружающей местности. Что удивляло, так это красота пейзажа. Вдали, очевидно, шел дождь: космы мохнатых туч нависали над дальними холмами, трава и кусты влажно поблескивали. На полпути вниз по склону дорога

углублялась в лес, и все погрузилось в тень. Да, растительность здесь совершенно не походила на скучную, чахленькую поросль пустыни. Стволы некоторых деревьев достигали трех метров в обхвате, кроны образовывали над дорогой тенистую арку. Иные деревья всходили так высоко, что через неразбериху сучьев не различалось снизу и небо. Трава меж деревьев была сочно-зеленая и напоминала скорее вьющиеся водоросли задумчиво текущего ручья. Когда проезжали меж двух высоких травянистых холмов, Найл изловчился отщипнуть и сжевать несколько травинок. Сладковатые, сочные, вкус вполне соответствует панораме бескрайних лесов.

Неожиданно лес кончился, в глаза снова брызнул свет, и впереди открылся темно-серый город. Дорога пошла виться вдоль берега реки с глубокой темной водой. Пройдя с полмили, они пересекли мост с железными, изъеденными ржавчиной башнями-опорами. Под мостом висела паутина, метров тридцать в поперечнике; в темном углу каменной кладки, изукрашенном разводами ржавчины, Найл уловил блеск антрацитовых глаз, пристально следящих за ними.

И вот они уже в паучьем городе. По обе стороны протянулись неимоверно высокие башни, уместенные в ряд. Такие громадные, что приходилось запрокидывать голову, чтобы различить вверху полоску синего вечернего неба. Многие здания наполовину уже разрушились. Сквозь зияющие проемы окон видны были голые комнаты с давшими крен стенами. Во многих местах ровень с улицей начинались ступени, ведущие вниз, в невидимые снаружи помещения. Там, судя по всему, и обитали люди. Уже от одного многолюдства захватывало дух. Впечатление такое, будто люди спешат одновременно во всех направлениях, как муравьи под каменистым покровом пустыни. В основном это были мужчины, все как один рослые, сильные, мускулистые. Иногда, впрочем, встречались и женщины, скрывающие грудь, но оставляющие открытыми руки; некоторые, заметил Найл, носили платья с длинными рукавами. Одна рослая, с обнаженным бюстом женщина, перешедшая улицу перед самой повозкой, так походила на Одину, что Найл изумленно всмотрелся в повозку, где ехали три предводительницы.

Вечер постепенно сгущался, заполняющие небо здания застилали свет. По мере того как на улицах темнело, людей становилось все меньше. Когда повозка наконец остановилась, улицы почти совсем обезлюдели. Возницы, опустив оглобли на землю, помогли пассажирам сойти. Из темноты возникла Одина, положила ладонь Найлу на плечо.

— Они покажут вам, где спать. Будете жить у колесничих.

— Спасибо, — ответил Найл.

— Благодарю не меня. Скажи спасибо Кролу.

— Что еще за Крол?

— Хозяин...

— Паук?..

— Тсс! — Одина прикрыла Найлу рот ладонью и озабоченно огляделась. — Никогда не произноси этого слова. Они здесь хо-

зяева. Если кто-нибудь из них приближается, спеша поклониться. Иначе быстро окажешься в большом счастливом краю...

— Краю?..

— Ты слишком много задаешь вопросов. Любопытство мышь стубило.

Она повернулась к одному из возниц.

— Как кличут?

— Дарол.

— Отдаю их под твою опеку, Дарол. Их жизнь — твоя жизнь. — Мужчина всем видом выразил покорную почтительность. — Распоряжения получишь утром. — Ухватив Найла за ухо, она дружески его потрепала. — Спокойной ночи, дикаренко.

— Благодарю.

Женщина скрылась в темноте.

— Ступайте за мной, все трое. Осторожнее на ступеньках, они сломаны. — Дарол заметил, что служительница относится к пареньку вроде как с расположением, потому и сам стал держаться более приязненно.

Найла взял за руку Массиг.

— Я подсоблю.

По ступенькам спустились в темный полуподвал. Кто-то широко раскрыл дверь, немилосердно при этом скрипнувшую. В нос ударил запах паленого масла. Они вошли в большое, тускло освещенное помещение. В нем, похоже, находились одни мужчины. Увидев Сайрис, многие повскакали, а один даже сделал попытку опуститься на одно колено.

— Не надо, — сказал Дарол, — это просто дикари из пустыни.

— Тогда что они здесь делают? — озадаченно спросил один из мужчин.

— Не знаю. Приказ сверху.

Мужчины разошлись с явным облегчением и больше не обращали внимания на вошедших. Кто-то ел из чашки, кто-то штопал одежду или чинил сандалии. В комнате было жарко от тел и пахло потом.

Руки Дарола коснулся Массиг.

— Если не возражаешь, я присмотрю за твоими и найду им место для сна.

Дарол изумленно взглянул на Массига, а тот положил руку Найлу на плечо.

— Это мой друг. Нам бы хотелось пообщаться.

— О чем? — спросил Дарол недоуменно.

— Так, обо всем понемногу. Например, как мы сюда добрались.

— Гм! Поступайте как знаете.

До Найла дошло, что Дарол, как, видимо, и все в этом помещении, не большого ума человек, но и враждебности в нем тоже никакой.

Массиг отвел их на общую кухню. Найл не терял времени: ухватив жесткую краюху черного хлеба, он пристроился возле чашки супа, зачерпнув его прямо из стоящего на печи котла. Вкус пищи оказался куда приятнее, чем вид: это был целый букет вкусовых ощущений! Найл не удержался и сходил за добавкой.

За едой Массиг поведал, как пал город Каззака. История была короткой. Через два дня после того как Найл с отцом отправились к себе, не вернулись вечером домой выгульщики муравьев. Не возвратился и поисковый отряд, который возглавил Хамна. А утром, проснувшись, Массиг обнаружил, что не в силах пошевелиться. Остальное происходило по уже известному Найлу сценарию. Пауки приблизились к самому входу, пустив впереди перепуганного до смерти выгульщика. Шансов спастись не было. Многие были умерщвлены. Не потому, считал Массиг, что пытались как-то противодействовать: просто пауки были голодны. Не пощадили и детей. Кого не увели сразу, те до поры оставались в подземном городе под присмотром надзирателей.

Пауков была тьма-тьмуца, в основном бурые бойцовые. Это они сопровождали пленников в долгом переходе к морю. По словам Массига, тяготы пути на деле оказались не такими уж суровыми, и по прибытии в город пауков все были в сравнительно добром здравии.

Массиг рассказал, как их торжественно провели по главной площади перед Белой башней, и матери воссоединились со своими детьми. Но ненадолго. Мужчин разделили на группы и разбили соответственно предписанным обязанностям. Одни стали сборщиками урожая, другие — земледельцами, третьи — портюками, четвертые — как сам Массиг — возницами и колесничими. Женщин разделять не стали. Их всех забрали в центральную часть города, специально для них отведенную. Все потому, объяснил Массиг, что женщины в паучьем городе на особом счету. У пауков самка считается главнее самца, после брачной церемонии она нередко его съедает. Уклад жизни людей, где женщине зачастую отводится роль привязанной к хозяйству рабыни, глубоко противоречит их коренным инстинктам. Поскольку в городе Каззака женщины привыкли, что всем там заправляют мужчины, им приходилось привыкать к новой роли. До тех пор, пока они с ней не свыкнутся, их содержали отдельно от мужчин.

— А дети как? — спросил Найл. Он подумал о сестренках.

— Детей держат в детской, поближе к женщинам. Но матерям, пока не переучатся, посещать их запрещено.

Сам Массиг находился в городе пауков около месяца. Работа у него была не из легких, но причин жаловаться тоже не было. Каждое утро возницы обязаны являться на службу в центр женского квартала и развозить на работы надсмотрщиц — кого в поле, кого в порт, кого в другие районы города.

Вайг наклонился и тихонько спросил:

— Как ты считаешь, отсюда можно при случае сбежать?

Массиг даже в лице переменялся.

— Что ты! Куда? Схватят, вот и все. Да и зачем бежать?

Живется здесь неплохо.

— Зачем? Хотя бы затем, что мне не нравится быть рабом.

— Рабом? Но мы не рабы.

— Разве? — удивился Вайг. — А кто же вы?

— Слуги. Это совсем разные вещи. Настоящие рабы живут на том берегу реки. Вот те уж действительно идиоты, поголовно.

— В каком смысле?

— Говорю же: идиоты в буквальном смысле. Просто выродки.

— А зачем им рабы, если у них есть слуги? — спросил Найл.

— Для самой черной работы. Чистить выгребные ямы, например. Они же идут и на корм.

— На корм?

— Да. Пауки разводят их себе на кормежку.

— А сами-то рабы об этом знают? — спросил Найл с потаенным ужасом.

Массиг пожал плечами.

— Думаю, да. Они принимают это как должное. С умом у них не гуще, чем у муравьев.

Найл мельком оглянулся на сидящих и лежащих вокруг, но ничего не сказал.

— Я вот насчет... слуг. Случается, что и их съедают? — спросил Найл.

Массиг отчаянно тряхнул головой.

— Ни в коем случае! Если не что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Что именно?

— Ну, например, никому не разрешается с наступлением темноты выходить на улицу. Хозяевам не возбраняется съесть любого, кого удастся поймать на улице в ночное время. — И добавил поспешно: — Понятное дело, такого не происходит, у людей все же есть голова на плечах! Какой болван станет выходить на улицу ночью!

— И ты еще говоришь, что тебе здесь нравится, — усмехнулся Вайг.

— Я же не говорил, что мне т а к уж нравится, но... — пробормотал Массиг, оправдываясь. — Я просто о том, что ведь могло быть и хуже. По крайней мере у нас теперь вон сколько солнечного света. В Дире, если выберешься на свет хоть раз в месяц, так и то уже событие. А еда здесь какая славная! Хозяева хотят, чтобы мы все были упитанные. И в игры разрешают играть по субботам. Раз в год можно обращаться с просьбой сменить работу. Я вот на следующий год думаю податься в моряки. И, главное, на покой уходишь в сорок лет.

— На покой? Как это?

— Одним словом, можно больше не работать и отправиться в великий счастливый край.

— Куда-куда?

Массиг открыл было рот, но тут снаружи раздался жуткий звук. Звук повторился несколько раз, словно стон какого-то огромного чудовища, страдающего от боли.

— О небо, это еще что? — вырвалось у Вайга.

— Это означает, что пора гасить свет. Спать здесь укладываются рано, вставать-то приходится спозаранку.

В комнате начали гасить светильники, заскрипели лежаки, разговоры смолкли.

— Что такое «большой счастливый край»? — шепотом спросил Найл у Массига.

— Тсс-с, — отозвался тот. — Разговаривать, когда гаснет свет, тоже запрещено.

— Как так?

— Утром расскажу. Спокойной ночи.

Повернувшись к Найлу спиной, он надвинул одеяло-рогожу на плечи. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь мерным тяжелым сопением. Вскоре и Найл канул в глубокий омут сна.

Наступило утро. Один за другим зажигались светильники. Люди суетились, возились вокруг. Вайг, всегда легкий на подъем, уже вылез из постели. Мать сидела, позевывая. Пробегая мимо, какой-то мужчина заметил ее, перешел на шаг и почтительно склонил при этом голову.

Открыл глаза Массиг; ошалело оглядев комнату, укрылся одеялом с головой. Секунду спустя послышалось его негромкое посапывание. Внезапно, к удивлению Найла, все мужчины в комнате разом пали на одно колено, всем своим видом выражая почтительное смирение. Прошло несколько секунд, прежде чем он заметил стоящую в дверях женщину.

Четким менторским тоном она произнесла:

— Вновь прибывшие выходят на построение вместе со всеми!

Массиг поднялся с постели и повел их на кухню, где на печи стояли котлы с едой, над которыми вился парок. Повара начинали работу за час до рассвета. Массиг налил себе в чашку зеленоватого супа, навалил в отдельную тарелку мяса и овощей. Найл и Сайрис взяли порции поскромнее. Рядом с кухней находилась просторная трапезная, заставленная длинными деревянными столами. Вайг уже восседал там с полной тарелкой и помахивал им ложкой.

— Мясо-то какое вкусное! Чье, интересно?

— Кроличье.

— Не понял?

— Грызун такой, с длинными ушами. Вроде крысы, только плодится быстрее.

После этого Массиг с сосредоточенным видом принялся за еду, отвечая на вопросы только кивками да мычанием.

Найл обратил внимание, что в целом разговоры в трапезной почти не слышно, только постукивание ложек и приглушенная работа челюстей. Даже Сайрис ела с аппетитом. После хорошего, продолжительного сна к ней возвратился румянец. Она замечала, как проходящие мимо их стола мужчины украдкой бросают на нее откровенно заинтересованные взгляды.

По окончании трапезы Массиг показал помещение для умывания. В смежной с ним комнате было полным-полно деревянных ведер, до краев залитых водой. Как им объяснили, при умывании эти ведра относятся в соседнее помещение — большое, пустующее, где в каменном полу проделаны узкие канавки. Найл с Вайгом охотно согласились, когда им предложили снять заскорузлую от пыли и пота одежду и окатиться водой. Сайрис препроводили в соседнюю комнату, поменьше. Массиг раздал по куску какого-то серого корня, показав, как его надо вначале окунуть в воду, а затем натирать им кожу. Оказывается, когда трешь, образуется обильная пена, счищающая грязь. Если воды

не хватает, можно брать еще. Жителям пустыни такая роскошь казалась диковинной.

Когда появилась из своей умывальни Сайрис — кожа светится от чистоты, волосы влажные, — Найл поймал себя на мысли, что никогда не видел мать такой красивой.

Минут через десять они слились с общей массой жильцов, толпящихся снаружи здания. В ярком свете нарождающегося дня вид городских улиц вызывал и испуг, и некоторое волнение. Громады серых зданий вздымались подобно утесам, а между ними простиралась паучья тенета — в основном натянутые поперек, иные же подвешенные почти отвесно.

Дарол скомандовал — и все разом двинулись по середине улицы. Дойдя до перекрестка, строй взял направо, на улицу пошире. Навстречу двигался еще один строй. Найл с первого взгляда определил, что это и есть те самые рабы, о которых рассказывал Массиг. Одеты они были в длинные рубахи. В походке — ни твердости, ни бодрости, пустые глаза.

— Куда они? — поинтересовался Найл шепотом.

Массиг пожал плечами.

— На работу. Наверное, или бригада золотарей, или дворники.

94
Прошло с полчаса, прежде чем людской строй вылился на открытый участок сравнительно недалеко от Белой башни. Липом к башне громоздилось здание, еще более высокое; нижние этажи его были облицованы черным мрамором. От прочих зданий оно отличалось тем, что не имело окон. Но при более пристальном рассмотрении стало заметно, что окна есть, но они застеклены прозрачным материалом темного цвета, а потому почти не высвечиваются на окружающем темно-сером фоне. Здание высилось на противоположном конце зеленого поля, словно грозный безмолвный вызов башне.

Дарол перестроил своих в два ряда, лицом к черному фасаду. Найлу, Вайгу и Сайрис было велено встать отдельно. Через несколько минут из здания вышла женщина. Найл по ошибке принял ее за Одина; впрочем, нет, эта была повыше ростом.

— Встаньте навывтяжку, — скороговоркой пробормотал Дарол, — выше подбородок.

Приблизившись, женщина окинула стоящих цепким, жестким взглядом. Мужчины все как один застыли деревянными истуканами. Проходя перед строем, она где-то на середине задержалась перед мужчиной, ростом на полголовы выше остальных.

— Ты шевельнул зрачками, — холодно заметила она.

— Прошу простить, госпожа, — таращась перед собой, произнес мужчина.

Женщина отвела ладонь, словно собиралась вlepить нарушителя пощечину; тот застыл, готовый принять удар. Внезапно она переменяла решение и, сжав руку в кулак, жестко ударила его в солнечное сплетение. Верзила, поперхнувшись, перегнулся пополам. Женщина отодвинулась назад и, чуть примеряясь, пнула его в лицо. Он рухнул на колени, отчего получил еще один удар в подбородок тупоносым бапшаком. Раскрывив руки, несчастный со стоном вытянулся, на гладь покрытия стружкой

стекала кровь. В строю никто не шелохнулся. Служительница хищно окинула строй взглядом — нет ли таких, кто шевельнулся. Затем продолжила обход и пошла до конца строя. Перед Найлом, Вайгом и Сайрис она остановилась надолго. Все трое стояли, не смея даже моргнуть. Найл краем глаза видел, как губы ее кривятся в ухмылке.

— Который из вас Найл?

— Я, — чуть слышно ответил юноша.

— Вот как! — Вид у служительницы был явно озадаченный. Она долго осматривала Вайга, щупала ему мышцы, наконец, легонько стукнула кулаком в живот.

— Ты крепче, чем поначалу кажется.

Затем презрительным взором прошлась по Сайрис. Ощупала ей руки, скользнула ладонями по бокам. Чувствовалось, что мать боится шевельнуться.

— Силы в тебе, смотрю, достаточно, — подвела итог служительница, — но надо будет отъедаться. И еще сделать что-то с твоим бюстом.

Твердым, размашистым шагом она двинулась к зданию с черным фасадом. Найл с Вайгом, переглянувшись, тронулись следом. Дарол за спиной уже отдавал распоряжения.

Двустворчатые двери здания были по меньшей мере метров семь в высоту и толщины тоже порядочной. Снаружи в тени портала стояли на страже два больших бойцовых паука — очевидно, невысокого ранга: женщина не обратила на них никакого внимания. Найл, Вайг и Сайрис проследовали за ней в скупой освещенный коридор. Прошло какое-то время, прежде чем глаза после яркого утреннего света свыклись с полумраком. По правую руку находилась широкая мраморная лестница, у основания которой держали вахту еще двое пауков.

Они прошли за служительницей на следующий этаж. Найл уловил мощные вибрации воли, исторгающиеся, как показалось, из раскрытых дверей. Он заглянул внутрь и увидел большой зал, полный бойцовых пауков. Восемилетние застыли правильными рядами, а на возвышении в углу перед ними стоял и «выкрикивал» наставления большой смертоносец — вернее то, что можно назвать «наставлением» в человеческом понимании. Беззвучные волевые вибрации были такими сильными, что, похоже, даже Вайг их улавливал. Психический диапазон Сайрис они, судя по всему, обтекали.

Служительница мотнула головой: дескать, идем дальше. Они поднялись вверх еще на два пролета, каждый из которых охранялся парой «бойцов». Третий пролет был устлан тяжелым, податливым ковром. Сверху стояли на страже двое смертоносцев. Служительница обратилась к ним:

— Пленники доставлены на встречу со Смертоносцем-Повелителем.

Характерно было, что она произносит это нарочито громко и отчетливо, как при разговоре с глухим. А пауки, неспособные воспринимать речь на слух, видимо, чувствовали вибрацию ее голоса и реагировали непосредственно на значение сказанного. Один из них послал короткий импульс: «Проходите». Служитель-

ница кивнула пленникам: идем. И тут Найла пробил мгновенный панический ужас. Чем яростнее он ему противился, не давая овладеть собой, тем неистовее крушились о невидимый волнорез обвальные волны паники. От Найла не укрылось, что и служительница чувствует себя неуютно.

Зев двери широко распахнулся. Опустившись на колени по безмолвному приказу одного из стражников, они вползли в комнату. Служительница простерлась на полу. Ее обуяли такие смятение и страх, что она забыла даже позвать за собою пленников. Сайрис, медленно разведя руки, стиснула ладони своих сыновей и первая переступила порог обиталища.

Мозг невидимого наблюдателя излучил приказ, служительница поспешно отползла куда-то в угол и забилась там, замерев в коленопреклоненной позе. Из глубокой тени на троих пленников взирали глаза, пытаясь всверлиться в мозг. Тенета свешивались недвижимыми, ленивыми змеями. Ничего не различалось в их дебрях, ни намека на движение. Застыл и Найл. Он понимал: одно неосмотрительное движение — умом или телом, — и все они окажутся в опасности.

Странное ощущение: вглядываться в хитросплетение паутины и сознавать присутствие живого существа, пристально наблюдающего из темноты. Найл понял, что имеет дело с разумом, во многом несравненно превосходящим разум его самого. Единственно, что оставалось, — отстраниться от мыслей, быть открытым и пассивным.

96
Тупой удар, шарахнувший в грудь, опрокинул Найла на спину. Он грянулся о доски пола. Сайрис ошеломленно обернулась и кинулась к сыну. Еще один невидимый удар, перехватив мать поперек груди, пустил ее волчком, отчего она упала на одно колено.

В груди у Найла раздался четкий едкий голос: «Встань!» Приказание прозвучало отчетливо, словно кто-то произнес его в самое ухо. Первым безотчетным порывом было подчиниться, но тут же возник и другой, противоположный, — не реагировать.

Тот же голос повторил: «Встань!» Найл, приподнявшись, сел, затем выпрямился. Саднило плечо, затылок жарко пульсировал от столкновения с полом. Все же у физической боли имелись свои преимущества; она помогла отвлечься от прямого контакта с безжалостной чужой волей, властно сдирающей с Найла всякую завесу маскировки.

Чувствовалось, как сила смыкается вокруг чудовищным кулаком, вытесняя остатки дыхания. Она явно показывала, что при желании может стереть Найла в порошок.

Вайг и Сайрис изумленно застыли, видя, как Найл, оторвавшись от пола, зависает в воздухе. Тут Вайг увидел, что лицо брата искажено гримасой боли, и бросился на помощь. Его руки обхватили Найла за окостеневшие от судорожного напряжения плечи, он силился стянуть брата обратно на пол. Невидимая сила отшвырнула Вайга, как пушинку; завертевшись, тот отлетел и ударился о стену. Сайрис, нечеловечески взвизгнув, метнулась к упавшему. На этот раз ей было дозволено дотянуться до сына. Одновременно с тем разомкнулся кулак вокруг Найла, и он упал на колени.

Тут опомнилась служительница, до сих пор сидевшая в нескольких шагах от Вайга. Рывком вскочив, она судорожно выкрикнула: «Встать всем навтыжку!» Понятно, что приказ исходил не от нее, а от безмолвного наблюдателя. Пленники подчинились мгновенно. Все трое застыли, вперившись в темноту: что будет дальше? Один только Найл сознавал, что Смертоносец-Повелитель прикидывает, умертвить их прямо сейчас или оставить в живых. Кроме того, ощущалось, что происходит невероятное: наблюдающее за ними бесстрастное существо испытывало сейчас неуверенность и раздвоенность. Причина колебания, правда, была неясна. Понятно одно: Смертоносец-Повелитель не прочь их умертвить и вместе с тем отдает себе отчет, что это ничего не решает.

За свою жизнь, висающую на волоске, Найл не опасался, испугаться он просто не успел. Но и облегчение не пришло, когда спустя секунду стало ясно, что жизнь им все же сохранят. В груди раздался голос: «Можешь идти». Найл чуть было не поддался соблазну. Но опять что-то глубокое и властное вмешалось, застопорив эту попытку. Как будто кто-то третий незримо присутствовал в теле юноши. Шли минуты. Найл стоял в ожидании. В зале висела непроницаемая тишина.

Импульс команды, почувствовалось, передался от наблюдателя к служительнице. «А теперь кру-гом!» — гаркнула она. Когда пленники повернулись, добавила: «Держаться за мной!» — и застыла в низком, раболепном поклоне. Найл чувствовал: наблюдатель продолжает следить, как они спускаются по лестнице. Его цепкое внимание оставило пленников лишь тогда, когда они, шурясь, вышли на яркий солнечный свет.

Вайг и Сайрис выглядели одинаково изнуренно. Оба уже успели распрощаться с жизнью и даже сейчас не были толком уверены, что опасность миновала.

Служительница догадывалась, что произошло нечто из ряда вон выходящее, причем ко всему этому имеет отношение Найл. Он то и дело ловил на себе ее пугливо-озадаченный взгляд. Женщина ломала себе голову, отчего этот стройненький юноша — голубоглазый, с правильными чертами лица — представляет такой интерес для Смертоносца-Повелителя, помывкающего столькими судьбами.

Найл мог ответить на этот вопрос. Ответ стал ясен с того самого момента, как в груди у него грянул голос Смертоносца-Повелителя, а затем ощутилась тяжеленная мощь его воли, готовая раздавить Найла. Смертоносец-Повелитель проникся любопытством к этой человеческой особи, чей ум способен преодолевать пространственные границы. Ему хотелось узнать, понимает ли сам Найл природу своей силы и может ли владеть ею осознанно.

И что же? Найл остался для него такой же загадкой, что и был. Вопросы остались без ответа. Но Смертоносец-Повелитель мог и повременить. Долготерпение пауков не имеет границ.

На невысокой каменной ограде сидел, уткнувшись лицом в ладони, человек. Заслышав приближающиеся шаги, он вскочил и застыл навтыжку. Найл узнал его: тот самый, которому

досталось сегодня от служительницы. Одна щека у бедолаги распухла до неприличия, через переносицу шел запекшийся шрам, глаз заплыл.

— Отведи этих людей к управителю, — скомандовала женщина.

Мужчина поспешно кивнул. Служительница повернулась и пошла обратно в здание. А мужчина повел их через площадь к двухколесной повозке, оставленной на траве. Подняв оглобли, кивнул им троем: забирайтесь. Сайрис, сочувственно глядя на побитое лицо бедняги, сказала:

— Мы и пешком можем пройтись. Ты только скажи куда.

Возница яростно замотал головой.

— Извините, должен выполнить приказание.

Они с неохотой залезли в повозку.

Найл не сразу обратил внимание, что у подножия Белой башни копошатся люди, один из них в желтой тунике.

Юноша похлопал возницу по плечу.

— Что они там делают?

Тот флегматично покосился в сторону лужайки.

— Это братия жуков. Нам не разрешают с ними разговаривать.

— Почему же?

— Не знаю. Мы не спрашиваем.

Возница пустился легким галопом вдоль широкого проспекта. Не считая нескольких бойцовых пауков да колонны рабов, шагающей в отдалении, улица была пустынной.

— А где все люди? — наклонившись вперед, спросил Найл возницу.

— На работе, — односложно ответил тот.

Найл заглянул в мысли возницы и с удивлением обнаружил, что он не держит никакой обиды на унизившую его женщину, считая, что сам во всем виноват и получил по заслугам. Такая тупая безропотность не вызывала ничего, кроме негодования. Перед зеленым зданием с колоннами возница аккуратно положил оглобли на землю и помог пассажирам выйти из повозки.

— Вам сюда.

Пройдя следом за ним пролетом основательно истертых ступеней, пленники остановились перед затейливо украшенными массивными дверями. Возница отворил одну створку. Открылся просторный зал с серым мраморным полом, вдоль стены равномерно располагались мраморные скамьи. По широкой лестнице поднималась женщина. Возница, откашлявшись, обратился к ней:

— Прощу прощения...

Обернувшись, женщина вдруг воскликнула:

— О небо! Сайрис! Откуда ты?

Голос был удивительно знакомый.

— Ингельд! — крикнула мать. Подбежав друг к другу, женщины обнялись. Несколько секунд они громко и радостно смеялись. Ингельд даже приподняла Сайрис над полом. Вдруг взгляд женщины упал на коленопреклоненного возницу.

— Куда ты их ведешь? — осведомилась она.

— К управителю, моя госпожа.

— Очень хорошо. Их отведу я. Дождись внизу.

Она посмотрела на Найла и Вайга.

— Значит, и до вас добрались? Не удивляюсь.

— Ты пленница? — спросила Сайрис.

Ингельд, лукаво поиграв бровями, улыбнулась.

— Не совсем.

Вайг окинул взглядом ее живот.

— Я думал, ты беременна...

— К счастью, это оказалась ложная тревога, — ничуть не смутившись, ответила Ингельд.

Братья переглянулись. Найл догадывался, о чем сейчас думает Вайг. Лгунья специально придумала повод, чтобы вынудить Улфа отвести ее в Диру.

— Ну что, сходим взглянем на Каззака? — Ингельд обвила Сайрис за талию.

— Каззака? — Сайрис была наслышана об этом человеке.

— Да, он у нас управитель.

Махнув приглашающе рукой, Ингельд двинулась вверх по лестнице.

Она сильно изменилась с той поры, как ее видели в последний раз. Длинные темные волосы были красиво уложены и прихвачены золотым колечком. Она прибавила в весе, отчего фигура приобрела осанистость. Одета была в белоснежную тунику, сквозь которую просвечивали стройные загорелые ноги, обутые в белые сандалии. Сайрис рядом с ней смотрелась невзрачной худышкой.

Следующий этаж для дворца был скудноват; просто широкий коридор, на всем протяжении которого — равномерно размещенные деревянные двери. Перед той, что в дальнем конце, стояли двое стражников из числа жителей подземного города.

Найл никогда еще не видел такого великолепия. Пол залы был устлан роскошным зеленым ковром, со стен тяжелыми складками падали бархатистые портьеры. Потолок весь в золоте, а под ним искрились две огромные хрустальные люстры. Мебели не было, зато по всему полу накинаны подушки. В дальнем конце залы на горе подушек возлежал Каззак; возле стояли две девушки, овеяв его опахалом из разноцветных перьев. Увидев, что Ингельд кого-то к нему ведет, управитель кисло сморщился, но тут же привстал в изумлении, узнав Найла.

— Мальчик мой! Не верю глазам! Почему никто не доложил мне, что ты здесь?

Найл зарделся от такого пылкого приветствия.

— А эта женщина, неужто Сайрис? Да конечно, конечно! Ты так похожа на свою сестру. Добро пожаловать, хорошая моя. Так, так. Ну, а это у нас...

— Вайг.

— Да, разумеется, Вайг. А где... — какую-то секунду он медлил, припоминая имя, — а где Улф?

— Улфа убили пауки, — сухо произнесла Сайрис.

Каззак покачал головой.

— Какой ужас. Жаль, жаль. Прошу вас, проходите, присаживайтесь.

вайтесь. — Он повернулся к одной из служанок: — Принеси нам чего-нибудь выпить. Да, правильно, мой дорогой, садитесь сюда. — От Найла не укрылось, что Каззак с любопытством поглядел на мать. — Садись вот сюда, Найл. А ты... — Он, очевидно, забыл, как звать Вайга. — Да, как жаль слышать такое про Улфа.

— Где Стефна? — спросила Сайрис.

— Она в женском квартале города. Ты сможешь присоединиться к ней, чуть погода.

— А мои дети — Руна, Мара? Смогу ли я их увидеть?

— Ну конечно, это можно будет устроить.

Девушка возвратилась, неся поднос с высокими металлическими стаканами. Золотистого цвета напиток был прохладным и сладким и вкусом чем-то напоминал лимон.

— Спасибо, моя прелесть, — поблагодарил Каззак, похлопав девушку по бедру. Затем улыбнулся Сайрис: — Твое здоровье, моя дорогая.

Краем глаза Найл заметил, как Ингельд ревниво сверкнула глазами.

— Кто вас сюда направил? — спросил Каззак.

— Женщина в блестящей черной одежде.

Каззак возвел брови.

— Из числа приближенных Повелителя? Как вы с ней встречались?

— Это она водила нас к нему.

Каззак был явно озадачен.

— Так вас пожелал видеть сам Повелитель? Но зачем?

— Понятия не имею.

— М-м-м. — Каззак задумчиво качнулся из стороны в сторону. — Очень странно.

И следующие десять минут дотошно расспрашивал их обо всем, что происходило с ними с момента пленения. Найл с некоторым даже злорадством излагал мельчайшие подробности. Интуиция подсказывала управителю, что ключ к загадке кроется в самом Найле. Он так и не мог уяснить, скрывает юноша что-то или говорит начистоту. Вновь и вновь ловил на себе Найл пронизательный взор управителя, который силился проникнуть в его тайну.

Притомившуюся Ингельд все это постепенно начало раздражать. Когда Каззак, на секунду умолкнув, пригубил напиток, она спросила:

— Я могу взять Сайрис и показать ей женский квартал?

— Разумеется, — пожал плечами управитель. — Можешь ей устроить и свидание с детьми. — Он улыбнулся Сайрис: — Это в обход правил, но ради тебя...

— А остаться с ними мне позволят? — спросила Сайрис.

Управитель покачал головой.

— Никак нельзя, моя дорогая. Ингельд объяснит почему. Но не убивайся. Я уверен, что-нибудь придумаем. — Он легонько погладил ее по подбородку. — Об этом поговорим с тобой попозже.

Поднявшись, Каззак проводил их через залу и возле дверей повернулся к братьям:

— Вам двоим, понятно, надо будет трудиться. Так здесь заведено. Все должны трудиться. Даже я. Но до завтрашнего дня можете отдыхать.

Он похлопал молодых людей по плечам, затем повернулся спиной, давая понять, что аудиенция окончена.

В коридоре Вайг спросил у Ингельд:

— А что за работа у него?

— Работа? Он управитель.

— Они по-прежнему дают ему править? Даже здесь?

— О да. Он здесь отвечает за всех людей. Едва увидев Каззак, Смертоносец-Повелитель понял, что именно такой человек ему и нужен. Нужен кто-то, кто бы за всех думал и решал.

— Я считал, на это существуют служительницы.

— Да, но не совсем. Служительницы равны между собой, а кто-то должен быть над ними старшим.

— Почему тогда они не назначают паука?

— Нет, не пойдет. Пауки не до конца понимают людей. И, разумеется, не умеют изъясняться словами. — Ингельд оглянулась через плечо. — Кстати, называть их пауками нельзя. Их надо называть хозяевами.

Когда проходили через нижний этаж, в дверь вошла женщина. Сердце у Найла подпрыгнуло: он узнал Мерлью.

Ингельд окликнула ее:

— Погляди, кто к нам пришел!

Мерльз взглянула на Найла с радостным удивлением и заинтересовалась:

— Куда направляетесь?

— Веду их в детскую. Поедешь с нами?

— Нет, спасибо. Надо поработать над прической. А почему бы тебе не пригласить их вечером на обед?

Идея эта приплась Ингельд не по нраву.

— Надо будет сперва спросить у твоего отца.

— Ерунда, — отмахнулась Мерлью. — Я в этом доме хозяйка, и я их приглашаю.

Ингельд покраснела.

— Что ж, ладно. В случае чего с тебя и спрос.

— А то как же. — Мерлью улыбнулась братьям. — До встречи.

Поджидающий во дворе возница готовно вскочил, но Ингельд оглядела двухколесную повозку с недовольством.

— Ужас, какая неказистая. Поедем, пожалуй, на моей колеснице. — Она великодушно махнула вознице рукой. — Свободен.

Ингельд еще раз провела их через здание, а оттуда на мощный внутренний дворик. Двое колесничих, пристроясь в теньке, играли в игру с резными палочками. Стояло Ингельд щелкнуть пальцами, как оба стояли перед ней. Губы Ингельд сложились в хитроватую усмешку: ей явно нравилось демонстрировать перед родными свою влияние. Когда сели, Ингельд приказала:

— В женский квартал.

Сайрис повернулась к Ингельд:

— Ты тоже работаешь?

— Этого еще не хватало! — Ингельд вскинула брови. — В этом

городе работают в основном мужчины. Женщин они, судя по всему, считают созданиями высшего порядка. Это, прямо скажу, приятно. — Она самодовольно улыбнулась братьям. — Но я бы в любом случае не стала работать. Я же здесь, можно сказать, надо всем верховенствую.

— Ты что, замужем за Каззаком?

— Нет, не в этом смысле... Я присматриваю за хозяйством.

— А я думал, что этим занимается Мерлью, — заметил Найл с ехидством.

— У каждой свои обязанности, — холодно парировала Ингельд.

Когда подъезжали к Белой башне, стало заметно, что главная площадь кипит от бурной деятельности множества большешестых зеленых насекомых.

— Это кто такие? — спросил Найл у Ингельд.

Та брезгливо сморщила нос.

— Ах, эти... Жуки. Понятия не имею, что они здесь делают. Наклонившись вперед, она обратилась к колесничим:

— Вы можете сказать, что там происходит?

— Мне думается, хотят еще раз попробовать рвануть башню, — отозвался один.

— Ого! На это стоит взглянуть. Остановите там, где будет хороший обзор.

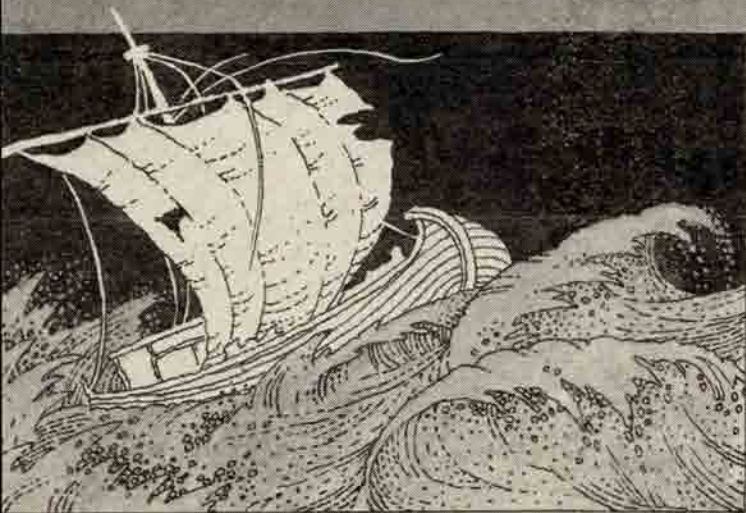
Колесница остановилась на краю площади, неподалеку от обиталища Смертоносца-Повелителя. Настроившись на мыслительный лад жуков, Найл ощутил суетливую, веселую озабоченность. Полный контраст отрешенной созерцательности пауков или странноватому муравьиному коллективизму. Эти, что на площади, были наделены, похоже, беспшабашной озорной веселостью.

Вышедшие из здания смертоносцы угрюмо забились в тень портала. Чувствовалось, что к жукам они относятся со снисходительным презрением, но вместе с тем и с осторожностью.

У подножия Белой башни люди составляли в два ряда бочки. Закончив, оттащили пустые подводы и разместили их на дальнем конце площади, предусмотрительно укрывшись за ними. Возле башни остался только крепыш в желтой тунике. Вот он схватил небольшой бочонок и начал узенькой змейкой сыпать на землю темный порошок, пока не дошел до невысокой стены, отделяющей круглую лужайку вокруг башни от остальной площади. Жуки вдруг замерли: у человека в руках появилось кресало. Через считанные секунды по зеленой траве с изумительным проворством мчался бойкий огонек. Крепыш залег за стеной, закрыв ладонями уши. Его напряженная поза пробудила в Найле животное чувство опасности. Он схватил за руки мать и брата.

— Быстро!

Было в его голосе что-то, заставившее их без колебаний шмыгнуть за ним из колесницы. Ингельд колебалась, но в конце концов тоже последовала за ними. Когда она коснулась ногой земли, грянул обвальный, похожий на раскат грома взрыв. Спустя мгновение Найл почувствовал, как его подхватывает и несет

порыв внезапного иступленного ветра. Основной удар, к счастью, пришелся на колесницу; ее запрокинуло набок. Найла, перевернув, плащмя швырнуло о стену. Когда в глазах прояснилось, он увидел Вайга, лежавшего на земле, и в нескольких шагах от него мать. Ингельд, застигнутая волной врасплох, отлетела шагов на двадцать, прямо на середину проспекта. Туда же отшвырнуло двоих колесничих. Белая башня чуть закоптилась, но, судя по всему, осталась невредимой. На площади царил переполох. Куда ни глянь, всюду озабоченно копошились жуки. Многие, опрокинутые на спину, неистово барахтались. В воздухе стоял удушливый едкий смрад, от которого распирал кашель и слезились глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем до Найла дошло, что источник этой удушливой вони не взрыв, а сами жуки. Один из смертоносцев, сиюсь выбравшись из-под непрошеного седока, хватил непоседу клыками. Раздался хлопок, и паука обдало облачком зеленого ядовитого газа, который жук выпустил из похожего на хвост придатка. Паук высвободился, надломив сустав у лапы, и поспешил ретироваться подальше от удушающих выхлопов.

А в их сторону направлялся уже знакомый крепыш в желтой тунике. Билл Доггинз. Он шел, лавируя меж суемящимися жуками со сноровкой, выдающей недожонную практику. Ингельд фурией ринулась ему навстречу: «Болван!» — и тут же согнулась пополам в приступе кашля.

— Прошу прощения, так уж вышло, — извинился тот.

— Что все это значит? — ошарашенно спросил Найл.

— Пороха лишку сыпнули, вот что. Причем, обрати внимание, вина не моя. Все по прямому указанию «ихнего величия». — Досадливо тряхнув головой, Билл указал на обиталище Смертоносца-Повелителя.

— Ты сумасшедший, да к тому же еще и опасный! Я донесу на тебя управителю! — кашляя, проговорила Ингельд.

Крепыш пожал плечами.

— Доноси кому угодно.

— Непременно донесу, переоденусь только.

Она удалилась, чуть прихрамывая.

Сайрис, похоже, не заметила ее ухода. Она разглядывала крепыша с восхищенным ужасом.

— Как это тебе удается? Ты колдун?

Тот фыркнул.

— Да как сказать? Я, как говаривали в былые времена, сапер. Тот, который все пускает на воздух. — Он дружески протянул руку: — Кстати, меня звать Билл Доггинз. А вас?

Когда все представились, Доггинз сказал:

— Ну ладно, пора снова за работу. Пойдем глянем, удалось ли хоть кусочек от нее отколотнуть.

Они пошли следом, ступая по траве. Возле подножия башни уже толклись помощники.

— Ну как, вышло что-нибудь? — торопливо спросил крепыш.

— Хотя бы трещина, язвы ее! — покачал головой один. Обмакнув в ведро кусок ветоши, он стер слой копоти, образовавшейся от взрыва. — Во, глянть. — Влажная ветошь оставляла за собой безупречно белый след. — Даже не пристало.

Вблизи было видно, что цвет башни, оказывается, не чисто белый, а с голубоватым оттенком — может, от этого башня издали и казалась иссиня-прозрачной. Если всмотреться пристально, возникало необычное ощущение, будто смотришь в глубоководную воду.

Вытянув руку, Найл провел пальцем по закоптившейся поверхности. Копоть собралась на пальце, а на гладкой матовой поверхности остался четкий след. Коснувшись башни, Найл ощутил тоненькое игольное пощипывание. Притиснул ладонь к уже очищенному месту — пощипывание стало еще более ощутимым. Одновременно в голове возникло непередаваемое ощущение. Он будто вдохнул некий острый, металлический запах — совсем не такой, как сернистый смрад пороха. А когда приложился обеими руками, ощущение даже обострилось.

Вскинув голову, Доггинз смотрел вверх, куда уходила вершина башни; на лице — гримаса досадливой растерянности.

— Зачем, интересно, ее строили? Специально, чтоб дразнить и не пускать?

— А она не цельнолитая? — осторожно предположил Вайг.

Доггинз обернулся к Найлу.

— Ты тоже так думаешь?

Найл покачал головой.

— Нет. А ты?

— И я нет.

— А почему?

Доггинз пожал плечами.

— Как спросил, так и ответил. Нет, и все тут.

Подскочило несколько жуков-бомбардиров. Один из них, остановившись перед Доггинзом, потер друг о друга щупики. Удивительно: Доггинз тоже поднял руки перед лицом и проделал примерно такие же движения пальцами, то сводя, то разводя их.

— Кажется, они разговаривают, — заворуженно прошептал Вайг.

Доггинз ослабился.

— Конечно, а ты как думал!

Он еще какое-то время колдовал пальцами. Жук, судя по всему, ответил, затем повернулся и устремился прочь. Для своих габаритов он двигался с изумительной легкостью.

— Что он говорил? — спросил Найл.

— Нам надо сделать подкоп под основание башни и попробовать подложить порох туда.

— Но зачем ее взрывать, такую красоту? — пожалела Сайрис.

— Нашим усачам по большому счету все равно. Это вон тем чертовым раскорякам не терпится, чтобы она взлетела на воздух.

— Но зачем?

— Да кто их знает, — буркнул Доггинз. — Им просто не по нраву все, что выше их разума.

Доггинз искоса поглядел на кучку смертоносцев, идущих следом за группой служительниц к башне.

— Только не думаю, что у них что-нибудь выйдет. Порохом здесь, во всяком случае, не взять. Вот если бы достать динамит или тол...

Найл медленно пошел вокруг башни.

— Что ты здесь делаешь? — послышалось вдруг сзади.

Найл вздрогнул. Обогнув башню по кругу, он чуть не столкнулся с Одиной.

— Я... мы... смотрим на башню.

— Ты что, не знаешь, что слугам к Белой башне подходить запрещено?

— Откуда же мне знать!

— Теперь знай. И, кстати, незнание в этом городе оправданием не служит. Если такое повторится, будешь наказан.

— Прошу прощения.

Строгость в глазах смягчилась.

— Так что вы здесь делаете, почему не на работе?

— Управитель Каззак сказал, что мы можем отдохнуть до завтрашнего дня.

— Каззак? — В глазах на мгновение мелькнуло замешательство. — А-а, новый управитель. Что ж, и он подчиняется закону, как и все мы. Праздность здесь считается нарушением закона.

Одина пошла к группе проводниц, оглядывающих воронку, образовавшуюся после взрыва. Какое-то время они с серьезным видом переговаривались, затем она вернулась к Найлу.

— Пойдемте, я буду вас сопровождать.

Служительница резко хлопнула Вайга по плечу.

— Пойдем за мной.

Вайг, вздрогнув от неожиданности, подчинился. Сайрис, поколебавшись, тоже сделала шаг вслед за сыном, но Доггина подмигнул ей с невеселой усмешкой.

— Слугам не разрешается разговаривать с рабами жуков, — укоризненно покачав головой, сказала Одина Вайгу.

— Но почему?

— Потому что есть закон, — ответила та строго. — Мы все должны подчиняться закону. Кроме того, слугам не разрешается задавать вопросы.

— Прошу прощения.

Одина повелительно махнула возницам, устроившимся рядом на невысокой стене.

— В женский квартал!

С площади возницы свернули в одну из боковых улиц. Где-то на высоте, заслоняя солнце, терялись вершины зданий.

— Спрашивайте, если есть о чем, — позволила Одина.

Вайг едко заметил:

— Ты же сказала, нам нельзя задавать вопросы.

— Если я разрешаю, то это совсем другое дело.

Первой голос подала Сайрис:

— Кто построил этот город?

— Не могу сказать.

— Почему запрещено разговаривать со слугами жуков? — спросил Вайг.

— Не могу сказать.

— Где находится большой счастливый край? — спросил Найл.

— Не могу сказать.

— Просто не знаешь ответа или тебе нельзя говорить об этом? — спросил Вайг.

— Не знаю ответа.

— А что такое «большой счастливый край»? — не унимался Найл.

— Это такая земля за морем, куда уходят жить с миром верные слуги хозяев.

— Тогда можно еще вопрос?

— Давай.

— Вчера вечером, когда я назвал хозяев пауками, ты сказала, что мне надо забыть это слово, а не то, мол, быть мне в «большом счастливом крае». Что ты имела в виду?

Одина улыбнулась.

— Это название у нас в ходу, когда мы говорим о земле, куда уходят души умерших.

— А слуга что, непременно должен умереть, прежде чем отправиться туда?

На лице Одины читалась растерянность.

— Вовсе нет. Они отправляются туда в награду за верную службу.

Еще несколько сот шагов, и повозка приблизилась к небольшим, окованным железом воротам, которые сторожили два бойцовых паука. Когда поровнялись, из небольшой каменной будки вышла женщина в черном одеянии. Одина доложила:

— Пленники, вновь прибывшие. Я сопровождаю женщину в квартал.

Служительница неприязненно оглядела прибывших.

— А мужчины с ней зачем?

— Это ее сыновья. Им разрешено навестить своих сестер в детской.

Пожав плечами, служительница большим железным ключом отперла ворота и посторонилась, пропуская повозку. Братья потупились под ее насмешливо-презрительным взором.

— Почему она такая суровая? — спросил Найл у Одины.

— Мужчинам запрещается навещать в эту часть города. Попадется кто без разрешения — сразу смерть.

Место было на редкость глухим и безлюдным. Ни колонн рабов, ни бойцовых пауков, ни дожидающихся пассажиров возниц. Стекла большей частью выбиты, через оконные проемы виднелись пустые комнаты, стены во многих из них разьежались, не выдерживая натиска потолка.

Длинная узкая улица неожиданно вывела их на большую площадь. В центре ее возвышалась колонна, вокруг — газоны, цветочные клумбы. После монотонности блеклых зданий цвета будоражили своей яркостью.

— Вот здесь живут женщины, — указала Одина.

Вокруг площади стояли превосходно сохранившиеся здания. Солнечные блики отражались в оконных стеклах. Почти перед каждым домом стояла внушительного вида колонна. Группа женщин на площади выполняла какие-то команды, которые зычно выкрикивала служительница в черном. Другие, одетые в одинаковые белые туники, стоя на коленях, работали на

клубах или катили перед собой изящные тележки. Одина указала на здание с розовым фронтоном.

— Вот приют для вновь прибывших пленниц. — Похлопала по плечу одного из возниц. — Останови здесь.

Братьям она назидательно сказала:

— Мужчинам под страхом смерти не разрешается приближаться сюда больше чем на сотню шагов.

Повозка остановилась посреди площади. Возницы замерли, не выпуская при этом оглобли из рук. Братья маялись на солнцепеке, ожидая женщин, вошедших в розовое здание. Вскоре они заметили, что их присутствие воспринимается с любопытством. Многие женщины, бросив работу, беззастенчиво разглядывали мужчин. Вот одна — высокая, светловолосая, — отложив миниатюрный серпик, которым подравнивала травку на клумбе, направилась в сторону их повозки. Найл попытался улыбнуться как можно приветливей, но улыбка осталась без ответа. Женщина с интересом рассматривала Вайга. Потянувшись, она пощупала ему пальцами бицепс. Вайг покраснел. Женщина вызывающе улыбнулась, затем, привстав на цыпочки, провела пальцем по его щеке.

Найл обратил внимание на девушку, призывно помахивающую ему рукой.

— Раб! — позвала она.

Вопрошающе подняв брови, Найл ткнул себя пальцем; девушка нетерпеливо кивнула и опять махнула рукой: дескать, скорее сюда! Не зная, к кому обратиться за советом, Найл растерянно глянул на возниц, но те застыли истуканами. В конце концов, видя, что девушка теряет терпение, Найл слез с повозки и подошел к ней. Это была миловидная темноволосая особа со вздернутым носиком и вздернутым подбородком; что-то в ней напоминало Мерлью.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Найл.

— Иди за мной, Найл.

Девушка повернулась и пошла. Заинтригованный Найл направился следом, к стоящей на середине лужайки большой каменной вазе, окруженной высокими кустами. Зайдя в кусты, девушка развернулась лицом к Найлу и требовательно проговорила:

— Целуй меня.

Найл вытаращил глаза. Он ожидал чего угодно, только не этого. В конце концов девушке надоела его нерешительность; притянув Найла к себе, она обвила руками его шею и тесно прижалась к нему всем телом, прикосновения губ были влажны и настойчивы. Через какое-то время девушка сладостно вздохнула и, чуть отстранившись, пристально посмотрела на Найла, затем украдкой перевела взгляд на кусты и взяла юношу за руку.

— Пойдем туда. — Голос ее возбужденно дрожал. Найл послушно пошел туда, где на общем фоне лужайки выделялся большой клочок нестриженной, длинной травы. Ему было непонятно, в чем выгода лежащего положения, когда целоваться удобнее

стоя. Тем не менее он подчинился и послушно лег рядом с девушкой. Спустя секунду ее руки вновь ласково обвили вокруг его шеи, а губы работали с таким усердием, словно она решила вобрать в себя всего юношу.

От оглушительного удара в ухо в голове затрепало, а из глаз посыпались искры. Над ними стояла Одина и, склонившись, примерялась для второго удара. Найл нетвердо встал на ноги. Глаза Одины мстительно сверкали. Досталось башмаком и девушке.

— А ну поднимайся, потаскуха!

Одина повернулась к Найлу и ударила его еще раз. Девушка, похоже, ничуть не испугалась, лицо ее выражало лишь скучливую досаду. Когда Одина снова отвела ногу для удара, глаза девушки налились недобрый светом, и та сдержалась.

— Марш на работу! С тобой разберемся позже. А ты — назад в повозку.

Повозка была пуста, четверо возниц-истуканов все так же глядели перед собой, будто покорные лошади. Одина прошла мимо них в цветущий кустарник, окаймляющий соседнюю лужайку. Найл хотел было окликнуть брата, но одумался, вспомнив мстительно сверкающие глаза Одины. Послышался страдальческий вскрик, и из кустарника выбралась Одина, волоча брата за ухо. Найлу захотелось рассмеяться, но под сердитым взглядом Одины он моментально осекся. Одина молча указала на повозку. Вайг влез и уселся рядом с Найлом. Не удостоив братьев взглядом, Одина зашла в здание с розовым фронтоном. Нарушительницы как ни в чем не бывало принялись за прерванную работу. С дальнего конца площади доносились звуки маршировки.

— Как ты думаешь, она сильно рассердилась? — осторожно спросил Вайг.

— Вид у нее разъяренный. Но разве я виноват? Я думал, она просто хочет мне что-то показать.

— Вот и показала, — хихикнул Вайг.

Прошло минут пятнадцать. Из здания вышла Одина, за ней Сайрис.

— Пошли! — с ненавистью фыркнула служительница. — Повезло же вам, что это я, а не другая служительница. За незаконную случку полагается полсотни ударов плетью.

— За случку?

— Что вы такое натворили? — Сайрис не могла взять в толк, что же произошло.

— Она просила помочь докатить тяжелую тачку, — сказал Вайг. — А когда зашли в кусты, набросилась на меня. Да так, что, думал, сожрет.

Одина строго посмотрела на Найла.

— А та, с темными волосами, попросила, чтобы ей помог ты?

— Нет. Она сделала пальцами — вот так, а я подошел узнать, чего ей надо.

— Простачки вы оба. Неужто не ясно, что женский квартал для мужчин — заповедная территория? Доложи я все, как есть, вас лишили бы ушей.

— Но что такого в поцелуях? Почему они под запретом?
— Вы еще многого не знаете. Ничего страшного в поцелуях нет, если целуются те, кому положено. А иногда случается так, что целуются не те.

— Что значит «не те»?

— Вы рабов еще не видели?

— Утром проезжали мимо.

— Обратили внимание, какие это образины?

— Да.

— Это потому, что у них были такие родители. Видите, какая я здоровая, крепкая? — Она вытянула безупречную руку и согнула ее в локте, демонстрируя мускулы. — Потому что родители у меня были те, что надо.

Какое-то время братья молча усваивали сказанное. Затем Найл спросил:

— А кто были твои родители?

В глазах Одины мелькнуло недоумение.

— Откуда же мне знать!

— Ты не знаешь?!

— Конечно, нет.

— А я вот знаю, кто мои родители.

— Да, но вы-то дикари, производство и выращивание потомства у вас пущено на самотек. Почему, думаете, все служительницы такие рослые и красивые? Потому что их родители тщательно отбирались. А мужчины почему статные и сильные? Потому что их растят не как попало, а тщательно за этим следят.

— И все дети появляются здесь на свет сильными и здоровыми?

— Разумеется, нет. От больных и слабых мы сразу же избавляемся.

— Но ведь это жестоко, — тихо заметила Сайрис.

— Вовсе нет. Жестоко сохранять им жизнь: они могут, в свою очередь, принести неполноценное потомство. Не допуская этого, мы очищаем весь наш род от убогих и больных.

— А как обстоит дело у рабов? — спросил Вайг.

— Рабы — отрезанный ломоть, неполноценные. Их держат потому, что надо же кому-то делать черную работу. Ну и, конечно, паукам... — она поспешно исправилась, — хозяевам они нужны на пирах.

— Как прислуга? — неуверенно спросил Найл.

— Нет, нет. — В голосе Одины послышалось даже раздражение от такой непонятливости. — Как самое лакомое блюдо. Им нравится человеческая плоть. Мы, разумеется, держим коров, лошадей, овец. Но человечина, говорят, вкуснее всего.

От таких слов пленники тревожно притихли. После долгой паузы Вайг спросил:

— А насчет своей участи... вы никогда не опасаетесь?

Одина размашисто мотнула головой.

— Конечно, нет, что ты! Своих слуг они никогда не трогают, кроме тех, конечно, которые выходят после темноты. Или нарушают закон каким-то другим образом. Например, пытаются пробраться в женский квартал.

Одина указала на невысокое белое здание на той стороне.

— Вон она, детская.

— Но как туда перебраться? — спросила Сайрис с заметным волнением.

Вместо ответа Одина хлопнула по спинам двоих возниц.

— Можете нас перевезти.

Через несколько минут они были уже на середине реки. Лодка, напоминающая ладью викингов в миниатюре, гладко скользила, продвигаясь все дальше с каждым взмахом весел. Наконец, она замерла возле уходящей вверх каменной лестницы. Один из мужчин, выпрыгнув, помог Одине сойти на берег.

Наверху их встретила дородная, высокая женщина, вся в синем. Как и большинство служительниц, она так походила на Одину, что их можно было принять за сестер. Поприветствовав Одину, женщина посмотрела на живот Сайрис.

— На каком она месяце?

— Она не беременна, — ответила Одина. — Ей разрешено навещать детей, их доставили сюда несколько дней назад.

— Надеюсь, тебе по силам будет ее сдерживать, — сказала женщина Одине.

— О чем это она? — спросила Сайрис шепотом.

Одина пожалала плечами.

— Некоторые матери не желают разлучаться со своими детьми. Как раз на прошлой неделе ей пришлось прикончить одну.

— Прикончить?!

— Да, смахнуть ей голову.

— Она что, не могла ее просто оглушить?

Одина категорически покачала головой.

— Никак. У той мамаша был неизлечимый душевный разлад. Она могла заразить других.

— Душевный разлад?

— Мы так говорим, когда человек отказывается себя сдерживать. И, разумеется, такая женщина могла произвести на свет ущербных детей. Потому их и надо приканчивать. Вам двоим надо будет дожидаться здесь. Мужчинам заходить в детский городок запрещено. Только ни в коем случае никуда не отлучайтесь до нашего возвращения. Страже приказано убивать любого мужчину, если он слоняется здесь без разрешения.

Братья опустили на нагретую солнцем скамью и проводили взглядом женщин, скрывшихся вскоре за углом. Найл услышал пузырястое журчание бегущей воды. Отогнувшись назад, он разглядел фонтан, взметающий в воздух упругую пушистую струю. Зрелище зачаровывало, так и подмывало встать и посмотреть поближе. Но на той стороне газона расхаживала одна из этих, в синем, и неприятно поглядывала на братьев.

— Как тебе все это? — Вайг кивком указал на женщину и на здание детского городка.

— Очень красиво.

— Красиво-то оно красиво, только в дрожь бросает от такой красоты. Напоминает женщину, что нас сюда привела...

— Не понял...

— Внешне хороша, вроде сама обходительность, а как заговорит...

— Тсс! — шикнул Найл. Он вдруг испугался, что их подслушивают.

— Мне-то чего прятаться? — возмутился Вайг, но голос понизил.

— Знаешь, что меня сбивает с толку? — поделился Найл. — Коли уж они так пекутся о сильном и здоровом потомстве, почему они такие умственно ущербные?

— Да, в самом деле. А ведь и вправду ущербные. — Вайг помолчал, подумал. — Может, потому, что работа у них такая нудная?

Найл с сомнением покачал головой.

— Нет, здесь дело не только в этом. У меня такое впечатление, будто...

Не успев подобрать нужных слов, Найл вздрогнул от взволнованного детского крика. Через секунду братьев уже тискала ручонками Руна, тычась губками попеременно то в одного, то в другого. За ней шла Сайрис, неся на руках Мару. А за Сайрис, рядом с Одиной, шла стройная девушка в голубой тунике. Найл с восторженным удивлением узнал Дону. Высвободившись из объятий Руны, он вскочил со скамьи. Дона, расставив руки, бежала навстречу. Глаза у нее сверкали радостным волнением. Найл обхватил девушку и закружил, подняв над землей. Снятая стражница наконец не выдержала и, шагнув вперед, сердито крикнула:

— Хватит ластиться! Будете так себя вести, живо ушей лишитесь, вы оба!

Найл с виноватым видом опустил Дону, и та смущенно отвернулась. Тут, к удивлению, заговорила Одина:

— Ты совершенно права, служительница. Эти люди, увы, дикари, к тому же долгое время не виделись. Я позабочусь, чтобы они вели себя пристойно. — И победно усмехнулась. Стражница, передернув плечами, отвернулась с посто-презрительной миной.

У Руны и Мары был бодрый, веселый вид. Обе поправились, загорели.

— А где папа? — спросила Руна, и стало ясно, что ей неизвестно о гибели отца. К счастью, Мара ее перебила, попросив Вайга рассказать обо всем. Найл и Дона сидели на краешке скамейки и смотрели друг на друга. Найл почувствовал к Одине признательность, когда та тактично удалилась на другой конец газона и отвлекла внимание стражницы разговором.

— Что у тебя за платье? — спросил юноша.

— Это, синее? Меня взяли в наставницы. Помогаю присматривать за ребятишками. Мне поручили Руну и Мару.

— Тебе здесь нравится?

— О да, я люблю детей. Только вот по маме скучаю.

— Я сегодня вечером увижу Каззака. Хочешь спрошу, может ли он взять тебя во дворец?

Глаза Доны на секунду вспыхнули.

— Ты будешь там все время?

— Нет. Завтра начинаю работать.

Лицо девушки омрачилось. Посмотрев друг на друга, они поняли: много времени пройдет, прежде чем снова удастся свидеться. Интересно было ощущать, насколько близки сейчас их умы. Найл не пытался проникнуть в ее мысли сознательно, но вместе с тем узнавал их так ясно, будто они рождались в его собственной голове.

Стражница сменила позу, чтобы удобнее было смотреть через плечо Одины. Найлу стало любопытно, что же может служить причиной такой недоброжелательности, и настроился на ее мыслительный лад. Это оказалось неожиданно трудно, и Найла ошеломила странная, не до конца оформившаяся догадка. В мозг этой женщины сложно проникнуть потому, что он работает не совсем обычно; можно сказать, не по-людски. Секунду спустя натиск увенчался успехом. Найл с изумлением понял, что прав в своей догадке. Оказывается, это не та разреженность, что свойственна обитателям паучьего городища, она напоминала странную, созерцательную пассивность паука, терпеливо выжидающего, когда добыча угодит в тенета. Трудно поверить: получалось, что он смотрит на паука в человеческом облике. Ей вменялось не любить дикарей и относиться к ним с надменным превосходством. Братья вызывали у нее сильнейшее неприятие. Но Одина была старше по рангу, поэтому у стражницы не было возможности придаться к ним, пока нет явного нарушения.

Судя по всему, стражница не подозревала, что Найл проник в ее мысли. У этой женщины было что-то общее с пауком-шатровиком, хотя жизненный заряд в ней был, безусловно, куда сильнее. Частично из злого озорства, частично из любопытства Найл решил внушить стражнице мысль, что кто-то пристально смотрит на нее из окна детской. Несколько секунд все шло без изменений. Женщина продолжала слушать Одину, кивая и остро поглядывая на Найла и Дону. Вдруг она резко обернулась и посмотрела в сторону детской. Найл удивился успеху своей проделки. Он мысленно велел ей поднять руку и почесать нос. На этот раз стражница подчинилась незамедлительно. Найл едва поверил своим глазам. Сама того не сознавая, она подчинилась его воле. Он заставил стражницу переступить с ноги на ногу, поиграть притороченным к поясу топориком, потянуться и почесать поясницу. В конце концов вынудил отвернуться и взглянуть в окна детской: кто это там все смотрит и смотрит?

Через пару минут Одина, обернувшись, сделала Доне знак.

— Пора идти, — прошептала Дона. — Надо отвлечь твоих сестреноч, а то расхнычутся, когда будете уходить.

Девушка нежно погладила Найла по щеке, поднялась и взяла за руку Мару.

— Ну что, сыграем в прятки? Вы с Руной прячьтесь, а я пойду искать.

Спустя минуту Руна и Мара почти скрылись среди кустов, и Одина показала жестом: все, пора уходить. Найл попытался напоследок поймать взгляд Доны, но та, не оглядываясь, уже спешила через лужайку.

Когда сядились обратно в лодку, Найл готов был разорваться от бесчисленных вопросов и отрывочных мыслей, от которых ум

буквально кипел. Ясно было одно: стражница — человек, никакая не паучиха. Ум у нее если и имеет сходство с паучьим, то оттого лишь, что таким его отлили и отшлифовали, впечатав с раннего возраста паучье мышление. Отсюда становилось понятно, как именно смертоносцам удается держать в подчинении своих слуг. В отличие от жуков-бомбардиров пауки лишены способности общаться с людьми напрямую. Да оно им и ни к чему; достаточно просто заронить идею, образ действия. В каждой из прислужниц Смертоносца-Повелителя гнездились «второе я» — фактически сущность паука...

Пока смертоносцы держат это «второе я» в повиновении, они всецело хозяева своих рабов. Но они не задумываются над тем, что и кто-то из людей может одержать верх над их волей и переподчинить себе рабов.

Тут Найл впервые осознал, отчего Смертоносцу-Повелителю так не терпится раскрыть его, Найла, секрет. Овладей люди навыком внедряться и управлять мыслями, дни паучьего господства будут сочтены. Он начал изучать Одину. Бесспорно, она подлинный человек. Но даже в ней ощущалась странная разреженность, словно какая-то часть ее ума дремлет. Чувство подлинной независимости было подавлено пауками, а она о том даже не подозревала.

Сейчас, на пример, она прикидывала, что делать с «дикарями». В провозкате она вызвалась потому, что нельзя было допустить, чтобы те шатались без присмотра. Теперь же предписанные обязанности она выполнила и не знала, как быть дальше. Сайрис надо будет вернуть в женский квартал, а что делать с Вайгом и Пайлом...

114

Мысль, что предстоит расстаться с матерью, побудила Найла внушить служительнице, что всех их надо доставить во дворец Каззака. Когда нос лодки мягко ткнулся в берег, он спросил:

— Куда мы теперь направимся?

— Я отведу вас назад к новому управителю, — решительно ответила Одина. Чувствовалось, что она довольна собой: выходило какой удачный. Найлу стало совестно. Но, когда он увидел грустное лицо матери, в нем проснулось удовлетворение от мысли, что отыграна хоть какая-то, пусть временная, отсрочка...

**Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА ШАБРИНА.**

Окончание следует.

Никого мы не спросим

ни о чем ожидающем нас.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

*Мои богини! Что вы? Где вы?
Внемлите мой печальный глас.
Все те же вы? Другие девы,
Сменив, не заменили ль вас?*

*Кумирня в ночь объята пламенами
Постукивает ботало коровы
По фотографии ползет тревожный червь
Пустая рама выдавит из дома.
Прогулка мне знакома
День за днем
И ночь за ночью вспоминаю лето
Иные дни и арку над тобой
Что живо в час последний?
Что живо в этот распоследний час?
И кажется что дом дождем объятый
На мокрой скатерти наполнит нам стакан
Не видит глаз сквозь пелену капели
Где птицы несмолкающие пели
И где теперь в преддверии апреля
Так каждый шаг и так не каждый пьян
Чем возратить ненужное веселье?
Как возратить вино его стакан!
О дом дождя!
На зыбком океане
Твое подобье нарушеньем стен
Держалось долго как вино в стакане.
Но вот пологий ветер перемен
Еще толкнул челнок его заветный
И он ответил дрожью незаметной
Себя отдав телам волны взамен.*

Публикации НАТАЛЬИ ДОБРОХОВОЙ.

ВАЛЕРИЙ МАКАРОВ

1

*Пили из чаши пылающей Этны,
Пели и пили, пииты, поэты,
Икары в оковах, шальные орфеи —
С небом в руках, с нимбом на шее.
На дне человека им было темно.
Этну зажгли и варили вино.
Пили и пели, и мир-изувер
На миг озарялся гармонией сфер.*

Внимая, дремал человек, но хмелел
Тем хмелем, которым Господь повелел.
Но мало кто знал, догадался о том,
Что пьет он из чаши, горячей костром,
Что в пламени, смешанном с чистой лозой,
Повенчано сердце поэта с грозой.

2

Видеть небо во всю широту.
От волнения руки подносишь ко рту,
Словно все еще помнишь тот искус в раю,
Кисло-сладкую слабость на самом краю,
Перед тем как свалиться с перины на снег,
Чтоб узнать, что ты есть и что есть человек.
И латать свою жизнь по кровавому шву.
Видеть небо во всю синеву.

3

Высокий свет ветхозаветных сосен.
Нет, все-таки земля не так сладка,
И дух ее сырой душе несносен.
Уж лучше там, где ветхость высока,
Настоянная на смоле сосновой,
Запенилась и мудрствует слегка
И манит в небо световой обливой.
О, в этот свет и жизнь не тяжела,
Со всей ее осанкой и основой
Наверченного бытом барахла.

4

Когда среди пустой и безысходной,
Бездарной злобы дня,
Играя в солнечной тени, стезей свободной
Лазурь небес домчится до меня
И разольется вдруг,
расплещется в мгновенном
Порыве ветра, встречном, как судьба,
Мне слышится смех Бога по вселенным
И страшная Архангела труба
Здесь, на земле, где все осталось пленным.

5

Вот ночь — последний дар Изоры,
И душный сон, как скомканный платок,
В котором шелком вышиты узоры
И чья-то смерть зашита в уголок.
Я отрываюсь от надушенного шелка
И ночь мне говорит, совсем пьяна:
Заплачь, забейся, соловьем защелкай —
За шумом моря все равно стена.

6

И воды отступили от него,
И птицы вышли из повиновенья.
И вечер не приносит ничего,
Кроме зажженных свеч поминовенья.
Для них слова и самый храм тесны,
Теснятся в зарешеченные окна,
Где, словно волосы Архангела красны,
Пылают уж иных свечей волокна.

7

Птицы вечернего леса.
Щебет и щекот и щелк.
В окнах сквозного навеса
Золото неба и шелк.
Тканного солнцем покровы —
Кружево стрел и ресниц.
Вечерованья лесного
Очарование птиц.

8

Жарко горят облака на закате.
День подвигается быстро к утрате.
Пеплом засеяно поле ночное.
Звездами вспахано — всходит иное,
Необозримое оком людским —
Купол вселенной и царство над ним.
Свет не от солнца над ним рассветает.
Не от земли он, а землю ласкает.

9

Что-то есть мне родное в морском естестве.
Жил я с ним не в соседстве,
но в близком родстве.
Значит, кровь что-то помнит.

Прапамять жива:
Оказалось, что море шумит,
как листва,
А на вкус, словно кровь солоня да горька.
Море вовсе не мокро,
но влажно слегка.

Море — смотрит,
и в этом тревожней всего
С человеческим глазом сходство его.

10

Я оденусь в золото теней,
В солнечную дебрь листвы, корней,
Бьющую из всех щелей и окон
В небе своевольном и высоком.
Где лишь Бог о чем-то говорит,
А листва летает и шумит.

ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ
Европейское
КИНО:

**Острова
в океане**

Что такое современный кинофестиваль? Творческое состязание или заранее подготовленный спектакль? Обмен ценным культурным опытом или закамуфлированное торжище фильмов? А может, лишь средство реанимировать, вдохнуть новую энергию в вид художественного творчества, потихоньку выживаемый электронной цивилизацией? Любой ответ будет неточным, ибо невозможно объяснить истинный смысл Великого Иллюзиона — любимой в нашем веке игрушки человечества, которая появилась на свет вместе с первыми движущимися кадрами знаменитого «выхода с фабрики» братьев Люмьер.

В волшебном тигле этого (подходящего в 1995 году к своему столетию) культурного феномена сошлись и переплавились искусство и технология, развлечение миллионов и пропаганда, культ «звезд» и национальная мифология. Миссия кинофестиваля как универсального праздника, на котором ярко проявляется множество ликов современного кино, отчетливо оформилась лишь в послевоенное время. Международный кинофестиваль — это соревнование фильмов, киноведческие конференции, актерские и режиссерские биржи, рекламные гала-представления. Не случайно в мире насчитывается уже около четырехсот международных кинофестивалей. Они проводятся практически во всех развитых странах. В Германии, например, почти в каждой федеральной земле, во Франции, Италии их тоже немало. Правительства, мэрии городов, различные благотворительные фонды не жалеют на это денег, сил, поиска.

Зачем? Ради уникальной миссии в культуре.

В 1992 году Берлинский кинофестиваль повысил свое значение

не только потому, что впервые стал доступен всем жителям объединенного города, но благодаря грандиозному разнообразию представленных произведений; от больших американских проектов до малобюджетных картин-эссе. Главное состязание, Форум экспериментального кино и дебютов, Панорама созданного за год, Детский кинофестиваль-ретроспектива, Кино- и видеорынок — таковы основные его программы. Несмотря на тщательный предварительный отбор, большинство картин не шедевры, но все они получили щедрый шанс взойти на авансцену мирового кино.

На планете каждый год снимается более четырех тысяч лент, но лишь несколько дюжин постановщиков приглашаются из года в год участвовать в кинористалищах. Кажется, они кочуют с фестиваля на фестиваль, выстраиваясь в три команды. Сезон обычно начинается в сентябре в Венеции: Годар, Анжелопулос, Гринувэй, Михалков, Кесьловский, Расселл (состав минувшего года)... Затем Берлин: Скорсезе, Сабо, Левинсон, Тавень... Наконец, Канн: Олтман, Линч, Кустурица... Список можно продолжать, соединять его участников в разные команды, менять за счет отсева или естественной смены поколений, но он всегда, в сущности, остается немногочисленным и постоянным.

На таком большом киноэппенинге, каким по праву является Берлинале (около тысячи аккредитованных журналистов и творцов со всех концов света, столько же бизнесменов), есть свои подводные течения, заранее подготовленные сенсации. Слишком грандиозное и дорогостоящее действо, рассчитанный на любителей кино многих стран спектакль, чтобы отдельные его сцены не репетировались, а спонтанность событий не

готовилась предварительно.

К примеру, буквально за три дня до показа официально объявленной в основном конкурсе фестиваля картины Виталия Каневского «Самостоятельная жизнь» разразился международный скандал. Дело в том, что по регламенту фестивалей класса «А» к участию в них допускаются только те ленты, которые до этого нигде не демонстрировались. Вот почему организаторы фестивалей заранее договариваются об эксклюзивном показе картин. Французский продюсер, владеющий правом собственности на фильм Каневского, в самый последний момент решил, что смотреть в Каннах престижнее для него (а может, он уповал на повторение успеха предыдущей ленты этого петербургского режиссера «Замри-умри-воскресни», которая в 1990 году получила там «Золотую камеру» за лучший дебют), и перенес уже внесенную во все берлинские справочники картину на кинофорум, проходящий в мае на Лазурном берегу Франции. Кстати, там она действительно получила почетный специальный приз жюри. Но внимание к фильму благодаря скандалу и на том, и на другом фестивалях было заведомо огромное. Об этой истории много писали и говорили в кулуарах.

Другой пример. Для открытия Берлинского фестиваля была избрана последняя работа Андрея Кончаловского «Ближний круг». Тут, казалось, многое сошлось: русский режиссер, более десяти лет снимающий на Западе, экзотический сюжет про приглянувшегося Сталину киномеханика Ивана — его играет Том Халс (он прославился в роли Моцарта в «Амадее» Милоша Формана), бесприоритетная тема о мытарствах еврейского ребенка из ре-

прессированной семьи. Кроме того, нравственные страдания жены героя Анастасии — широкой русской души в исполнении Лолиты Давидович, но, главное, карикуатурный рассказ — иначе рядовые американские зрители не поймут — о ближайшем окружении вождя, исторических персонажах во главе с демоническим прохвостом Берией (его играет не менее знаменитый Боб Хоскинс). Казалось бы, всего в достатке — черная икра, Кремль, КГБ, еврейский вопрос, насилие, национальные пейзажи. На премьеру специально для такого случая был выписан из Москвы живой прототип повествования, на самом деле когда-то служивший личным киномехаником Великого Кормчего. Но, как говорится, «фокус не удался». Искушенная публика Берлина очень холодно реагировала на все эти уловки. Клубничка здесь не пользуется спросом.

Конечно же, кинофестиваль не только место соревнования ведущих мастеров или инкубатор молодых дарований, но и центр прокатной политики. Независимо от того, есть ли в рамках фестиваля кинорынок или нет. В Берлине он проводится.

Не надо забывать, что кино не только рискованная, но и престижная отрасль индустрии, в которую каждый год инвестируются миллиарды долларов, франков, даже рублей. Именно на фестивалях делаются ставки будущих финансовых решений, идет котировка произведений и статусов художников, продюсеров, стран. Здесь лепятся имиджи, отрабатываются принципы кинополитики, рождаются кумиры, рушатся судьбы. Наконец, в очередной раз решается самая неразрешимая проблема современного кинематографа: как соотносить кино как бизнес (способность нравиться максимально-

му количеству зрителей) и кино как искусство (создание художественных ценностей, которые, в сущности, доступны немногим). Можно ли найти удовлетворительные для сохранения культуры пропорции?

Трудно сказать, когда произошел раскол: размежевание мирового кинематографа на три материка — американский, вернее, фильмы производства США, европейский — картины, созданные в Старом Свете, и кино «третьего мира», которое с первыми двумя не конкурирует.

Американская продукция — ее темы, способ мышления, жанровые схемы, технические возможности, структура кинопроката — безусловно доминирует сегодня в сознании зрителей, где бы они ни жили, включая Сызрань, Кутаиси или Бишкек. Каждую неделю в ста двадцати кинотеатрах Москвы показывается минимум 60—70 американских лент, которые в афише любого месяца упоминаются до двух с половиной тысяч раз! Практически во всех странах мира (!), за исключением, видимо, Кубы и Северной Кореи, 50—90 процентов экранного времени составляют произведения «Made in USA». Там создана и отточена универсальная, поражающая любую коммерческую цель технология визуального зрелища.

Европейский кинофестиваль — отвоєванный у американской киноимперии островок художественной и национальной независимости. Это место, где готовы поддерживать эксперимент, оценить неожиданную идею. Где, независимо от наличия или отсутствия очередей у касс, коллекционируют авторские озарения, иррациональность, нарушение канона. В этом его смысл.

Кинофестиваль в Берлине дока-

зывает — можно сделать недорогую прекрасную работу, если ты профессионал. «Серебряного медведя» получил венгр Иштван Сабо за виртуозное камерное социологическое исследование «Милая Эмма, дорогая Бебе». Сабо рассказывает о школьной учительнице из деревенских. Она преподает русский язык, который в одночасье стал никому не нужен. Требуется только английский. Опять придется унижаться, противостоять хамству, идеологической цензуре теперь уже капиталистического происхождения. Блистательный дуэт голландской актрисы Иоганны тер Стейге и венгерки Эники Берчек наполняет картину чувством собственного достоинства, несмотря на весь трагизм сюжета. Героини и постановщик протестуют против идеологизированной действительности, которая сегодня так же подавляет человека, как социалистическая казарма вчера.

Другой серебряный призер — фильм Яна Трозля «Il Capitale». Таково прозвище финского парня с криминальным прошлым, кочующего по Северной Швеции со своей подружкой. Подчиняясь воле своей возлюбленной, не признавая никаких моральных законов, бравировав превосходством над окружающими, он неотвратимо движется к преступлению. Изобразительные качества работы Яна Трозля безупречны. В этой картине он не только режиссер, но и оператор и монтажер. Пластическая драматургия, стилевая отточенность пейзажей Скандинавии придают уголовной истории художественный масштаб и психологическую пленительность.

Невозможно перечислить все разнообразие представленных на Берлинале авторских эстетических концепций. Тут и легкая «Зимняя сказка» Эрика Ромера, анализи-

рующего роль случайности в современном мире через внутренние переживания женщины, встретившей своего первого возлюбленного. И экзотика англичанина Дэвида Кроненберга «Голый ланч», где показаны злокозненные насекомые, которые ведут себя как разумные существа: они соблазняют, шпионят, убивают. Тошнотворные кошмары — экранизация того, чем наполнено воспаленное сознание героя фильма, писателя, временно служащего дезинфектором и напугавшегося клопомора.

Совершенно иная художественная лексика в испано-франко-бельгийской ленте «Кралатчук» — иронично-саркастическом рассказе о некоей восточноевропейской стране, в которой есть гимн, границы, национальный фольклор, жители-патриоты и только одна неурядица: никто не знает, где она находится. Хочется упомянуть о филигранных актерских работах Армина Мюллер-Шталя в фильме «УТЦ» — приз за лучшую мужскую роль, или Автандила Махарадзе (в свое время мы им восхищались в «Покаянии» Абуладзе) в новой картине Михаила Калатозовили «Избранный».

Кроме грузинской трагедии-притчи, в которой отец, его играет Махарадзе, убивает своего ребенка, преступившего законы чести и гостеприимства, экс-Советский Союз был представлен многословным кинополотном Марлена Хуциева «Бесконечность», также получившим несколько призов. В связи с этим надо иметь в виду, что наш кинематограф, несмотря на свои общепризнанные заслуги и авторитет, существует исключительно в фестивальном, то есть профессиональном, общественном сознании. Его нет и никогда не было в мировом коммерческом прокате. Ни Тарковского, Параджанова или Иоселиани, с одной

стороны, ни отечественных лауреатов «Оскара» — «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова, «Дерсу Узала» великого Акиро Куросава, — с другой. Ни такого супершлягера горбачевской эры, как «Маленькая Вера» Василия Пичула. Лишь некоторым лентам удается проникнуть в так называемый «альтернативный» прокат: несколько сеансов в специализированных кинотеатрах, просмотры на факультетах славистики университетов, а также в ночные — для интеллектуалов — программы европейских телеканалов.

Другое дело — американцы. Их берлинская программа представляла практически все направления голливудской индустрии, ее самые типичные образцы.

Во-первых, боевик талантливо-го Мартина Скорсезе «Мыс страха» с настоящими суперзвездами Робертом де Ниро и Джессикой Ланж. Душещипательная история противостояния обыкновенной семьи адвоката садисту-убийце с леденящими кровь преследованиями, нагнетанием ужаса и, конечно же, счастливым концом. Легко считаваемая каждым американцем сказочка хотя и сделана по знакомому трафарету, но индивидуально-но раскрашена изощренной фантазией Скорсезе. Почти библейский образ Зла де Ниро лепит с самоупоением виртуоза, наслаждающегося уже не столько своим мастерством, сколько способностью публики оценивать его.

Итак, Мартин Скорсезе. В прошлом году французский журнал «Премьер» опубликовал хит-парад «Лучшие кинорежиссеры Америки», составленный специальной службой журнала «Голливуд — Репортер» по итогам опроса кинокритиков США:

1. Стивен Спилберг
2. Оливер Стоун
3. Бернардо Бертолуччи

4. Мартин Скорсезе
5. Барри Левинсон
6. Сидней Поллак
7. Питер Уир
8. Ричард Доннер
9. Роберт Земекис
10. Френсис Коппола.

В списке только режиссеры с устойчивой репутацией профессионалов экстра-класса, часто совершающих коммерческие чудеса. От Коппола с тремя его «Крестными отцами» и Земекиса с оригинальнейшим «Кроликом Роджером» — кентавром мультипликационного и игрового кино до короля американского экрана, самого высокооплачиваемого кинематографиста в мире Спилберга, каждое творение которого смотрят сотни миллионов зрителей на всей планете. Не составляет исключения и его последняя лента «Хук» — продолжение истории Питера Пэна с Дастином Хофманом и Джулией Робертс в главных ролях.

На почетных третьем и четвертом местах среди лучших режиссеров Америки двое итальянцев — американский Скорсезе и пока еще итальянский Бертолуччи. «Первый, — пишет кинокритик Петр Шепотинник, — утвердил это право очередной гангстерской драмой «Хорошие ребята», второй, думаю, был, но очень громкой (со звоном «Оскар») славой «Последнего императора». Первый для американцев, как мне кажется, олицетворяет режиссуру американскую, но как бы похожую на европейскую, а второй — европейскую, смахивающую на американскую».

Если сопоставить в России или любой другой стране Европы два рейтинга — наиболее значимых, по мнению специалистов, произведений и кинорежиссеров с чемпионами проката, то, без всякого сомнения, за редчайшим исключением

два этих списка не совпадут. Никому в голову не придет у нас называть выдающимися авторов, к примеру, «Интердевочки» или «Пиратов XX века», «Воров в законе» или «По прозвищу Зверь».

В США, как известно, все наоборот. Пять из десяти имен списка «лучшие режиссеры», подготовленного в результате опроса, заметьте, не зрителей, а критиков, — Земекис, Спилберг, Левинсон, Доннер и Стоун — вошли в «горячую десятку» самых преуспевающих постановщиков по кассовым сборам во всем мире. Интересно, что картины двух из них — Стивена Спилберга («Челюсти», сериал «Индиана Джонс», «Е. Т. Инопланетянин») и Роберта Земекиса («Возвращение в будущее», «Роман с камнем», «Кто подставил Кролика Роджера»), — снятые каждым из них после 1985 года, принесли владельцам в совокупности более полутора миллиардов долларов дохода.

Таким образом, в американском кино не существует извечной и мучительной альтернативы: для «избранных» или для «всех». У абсолютно любого фильма есть только одна универсальная характеристика: количество собранных долларов в первые недели проката. Ведь на изготовление каждой ленты расходуются не просто большие деньги, а очень и очень большие (от пятнадцати до ста миллионов). И этот факт нельзя игнорировать. Скажем, предоставлять воле случая, позволять роскошь ошибаться в их продвижении на экраны мира.

Вне конкурса в Берлине был показан голливудский эпос «Багси» Барри Левинсона с одним из самых шикарных плейбоев кинематографического Лос-Анджелеса, Уорреном Битти, в главной роли. Крупнейший город Германии буквально заклеили рекламными

плакатами этого шлягера года. С помпой организовали премьеру-презентацию коммерческого кино-колосса. Кто-то из критиков съязвил: «Столько шума, что иногда кажется, для американцев весь этот огромный фестиваль с многими сотнями фильмов, тысячами участников в каком-то смысле всего лишь массовка, словно заказанная для рекламной кампании «Багси» — картины о создании игорной империи в Лас-Вегасе».

Едкое замечание, но кино действительно дорогой и рискованный бизнес, тут нужно уметь считать деньги. В перерывах между просмотрами специалисты вроде бы беззаботно обсуждают вчерашние премьеры, анализируют тенденции развития художественного языка, оценивают новые имена и их перспективы. При этом обедают, назначают встречи, обсуждают новые проекты, идеи. Обмолвившись словечком, увидевшись с нужным человеком, кого-то важного просто поприветствовав, тем самым как бы заявляют: я жив, могу и хочу работать. Поэтому творцам и бизнесменам так важно «отметиться» на фестивалях такого ранга, как Берлинский, Каннский, Венецианский.

Считается, тут проходит водораздел — невидимая черта между искусством и коммерцией. Ее обнаружение, конечно, субъективно, зависит от множества факторов и мало кому удается. Из американцев, пожалуй, только Дэвиду Линчу — от «Голубого бархата» до последнего «Твин Пикса», а из европейцев — Бертолуччи, Андерсену... Кому еще?

И все же, надо признать, американцы знают толк в истинных пристрастиях публики. Пока съехавшие со всего мира киноманы восторженно закатывали глаза от тончайших исследований Дерекса Джармена в фильме «Эдвард II»

или от жанровой обманки «Смерть возвращается» английского режиссера Кеннета Бранаха, пока истинные фаны мчались на край города, чтобы насладиться экранизацией «Антигоны» Штрауба, публика главного зала фестиваля, как выражаются тинэйджеры, «круто торчала» на внеконкурсной премьере американского фильма «Звездный путь-VI — неоткрытая страна». Заурядная, вторичная во всех отношениях космическая белиберда уступает не только знаменитым «Звездным войнам», но и сериям о капитане Паузере, которые регулярно показывает петербургское телевидение. Престижный зал был забит множеством людей далеко не подросткового возраста с накладными ушами, как у инопланетян, которые счастливым свистом реагировали на каждую шутку персонажей-кумиров.

Как бы отвечая на европейский вызов, в Берлин был приглашен самый неамериканский американец Вуди Аллен со своей последней работой «Тени и туман». Единственный художник, работающий за океаном не по рецептуре Голливуда, он и в этом фильме создал собственный мир световой и звуковой тональности, особого мудрого юмора, ту стилистику диалога, которая без его актерского исполнения потеряла бы свое чарующее обаяние. «По существу, — пишет критик Андрей Плахов, — все персонажи этого фильма — живые кинематографические мифы и их искусно искаженные тени — в тумане, который напустил мистификатор Вуди Аллен».

Из интервью с американским режиссером Вуди Алленом:

— *Как вы относитесь к отрицательной критике?*

— Мне бы, естественно, хотелось, чтобы моя работа всем нра-

вилась, и, если таксист говорит: «Я видел ваш последний фильм, он мне что-то не очень», — это меня огорчает. Но чужая оценка не способна изменить мое отношение к моим фильмам: я буду делать их так, как замышляю, и, если мне нравится моя идея и ее воплощение, я готов за это отвечать.

— Вас не удручает, что аудитория ваших фильмов немногочисленна и односоставна?

— Удручает. Кино ведь требует громадных усилий, а в результате оценят их очень немногие. Правда, все они в конце концов окупаются. Меня утешает судьба моих фильмов за границей. Они хорошо идут во Франции, Италии, в Южной Америке, в Англии, Германии и Израиле. Каждый фильм, начиная с «Энни Холл», принес мне больше денег за рубежом, чем в Америке.

— Но вы хотели бы увеличить свою аудиторию?

— Да. Это облегчило бы жизнь. Не мою: для меня лишняя пенни роли не сыграет. Но если мне придет в голову проект, который потребует более или менее значительных затрат, я знаю, что не скоро соберу средства. Так что неплохо бы время от времени иметь коммерческий успех.

— А вы не задумывались об изменении стиля или содержания ваших лент ради достижения этого эффекта?

— Даже если бы я захотел сделать что-нибудь популярное, мне бы это не удалось. Я ставлю фильмы не потому, что мне нравится заниматься кинобизнесом, а потому, что мне есть что сказать. И если завтра сказать будет нечего, я перестану быть режиссером.

...Известно, что французы более других преуспели в сохранении своего национального кино. Во-первых, они сумели создать самую удачную в Европе систему его го-

сударственной поддержки. Во-вторых, им удалось построить экономическую цепочку, позволяющую соединить большой и даже очень большой капитал владельцев недвижимости, кинопредпринимательство и на базе телевидения финансовые и технологические структуры массовых коммуникаций. В-третьих, они, видимо, договорились с американцами о разграничении национальных интересов на мировом кинорынке. В результате немалое количество картин снимается сегодня на франко-доллары. Именно французский кинокапитал решил рискнуть и приобрел контрольный пакет акций крупнейшей студии в Европе, что расположена в берлинском пригороде Бабельсберг (бывшая гдзэровская «ДЭФА»). Некоторые эксперты высказывают в связи с этим предположение, что и европейский кинематограф (финансирование, страхование, сами студии, прокат, кинофестивали) постепенно прибирает к рукам американско-французская мафия.

Возвращаясь к фестивалю, необходимо отметить одну его особенность. Все явные и потаенные его функции сопряжены с главной задачей: отбором и составлением фильмов. А это работа критиков. Именно они выполняют благородную миссию освещения мирового кинопроцесса. Критики-киноведа вместе с директорами фестивалей поддерживают таланты, от имени человечества пишут великую Книгу истории киноискусства.

Журналисты, работающие для телевидения и газет, доводят до сведения миллионов итоги сложной работы специалистов. Тут включаются все механизмы массового сознания: сенсация, слухи, редкие факты, «горячие» новости — все то, что делает фестиваль пряным, будоражащим воображение праздником. Театральны-

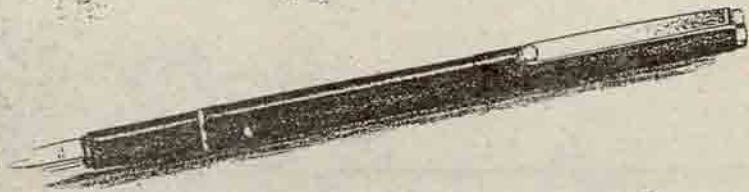
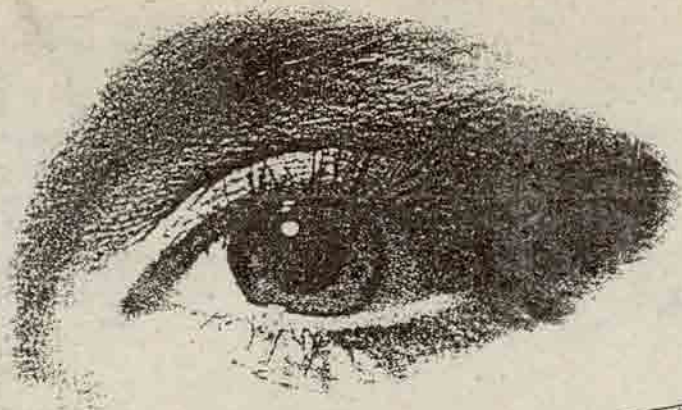
ми подмостками, на которые направлен свет общественного внимания. Конечно, Берлин не Канн: здесь сотни фото- и телерепортеров не дежурят сутками возле отелей в надежде на тот случай, если вдруг какая-нибудь звезда приготовила публике «неожиданный» сюрприз. В немецкой столице все солиднее и служит скорее определению художественных ставок, чем ублажению скандальных appetitов скучающей толпы. Цель Берлинале — укрепление моста между Востоком и Западом, консолидация творческих сил кинематографа в противостоянии шестивию массовой культуры.

В связи с этим мне кажется, что присуждение Гран-при, «Золотого медведя» такой американской ленте, как «Большой каньон» сценариста и режиссера Лоуренса Каздана, отнюдь не случайное решение, как могло показаться. Пресса писала, что конкурсная программа была ровной и крепкой, правда, без шедевров, поэтому любое распределение призов не удивило бы никого. Намеренная акция жюри во главе со знаменитой французской актрисой Анной Жирардо состояла в следующем: отдав предпочтение чуть ли не самой заурядной картине конкурса, оно словно демонстративно заявляет: да, мы отдаем, не можем не дать вам пальму первенства — Голливуд побеждает во всех странах. Но, сами посудите, это ведь, откровенно говоря, довольно слабое по нашим европейским меркам киносочинение.

«Большой каньон» претендует на создание грандиозного полотна о Калифорнии с ее расовыми, социальными, имущественными, психологическими конфликтами. Картина нашпигована «ощутимым» действием: драки, грабежи, погони, любовные страсти, есть даже землетрясение и подброшенный

ребенок в кустах. Но при кажущейся сумятице сюжетного напряжения все они словно имеют скрытую систему страховки — в нужный момент любые проблемы по мановению волшебной палочки счастливо разрешаются. В конечном счете все течет как по маслу: негры становятся закадычными друзьями белых, молодые начинают верить опыту взрослых, дети возвращаются в родные семьи, некрасивые, но самоотверженные женщины обретают прекрасных мужей. Жизнь лос-анджелесских обывателей неотвратимо движется к хеппи-энду. И все герои мифа о расовом и семейном благополучии в самом крупном штате США отправляются фотографироваться и смотреть вдаль с оптимизмом на фоне изумительных водопадов большого аризонского каньона. Уф, как сладостно! При этом в фильме высказывается немало ценных и, главное, оптимистических мыслей о том, что искусство обязано достоверно отражать действительность. Такое ощущение, будто сценарий визировался отделом пропаганды ЦК КПСС. Вот вам и капиталистический реализм.

42-й кинофестиваль в Берлине заявляет с легким сердцем отдаем массовой культуре утешительный, пусть и главный приз за эту подделку, за эту шикарно раскрашенную сентиментальную олеографию, но оставляем себе то, что так хочется обнаружить, поддерживать, сохранить. — настоящее искусство!

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Реклама в «СМЕНЕ» —

ВАШ

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ!

Вашу рекламу увидят десятки миллионов в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят.

Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками,

Реклама в «СМЕНЕ»

ВЫГОДНА И НАДЕЖНА

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:
101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена», или позвонив по телефону
250-49-98.

BENDER
БЕНДЕРЫ

ДВА

970138

БЕРЕГА

ФОТО МАЙИ СКУРИХИНОЙ,
ВЛАДИМИРА САЧЕКА,
ВЛАДИМИРА ШЕВЧЕНКО

Б.0.16

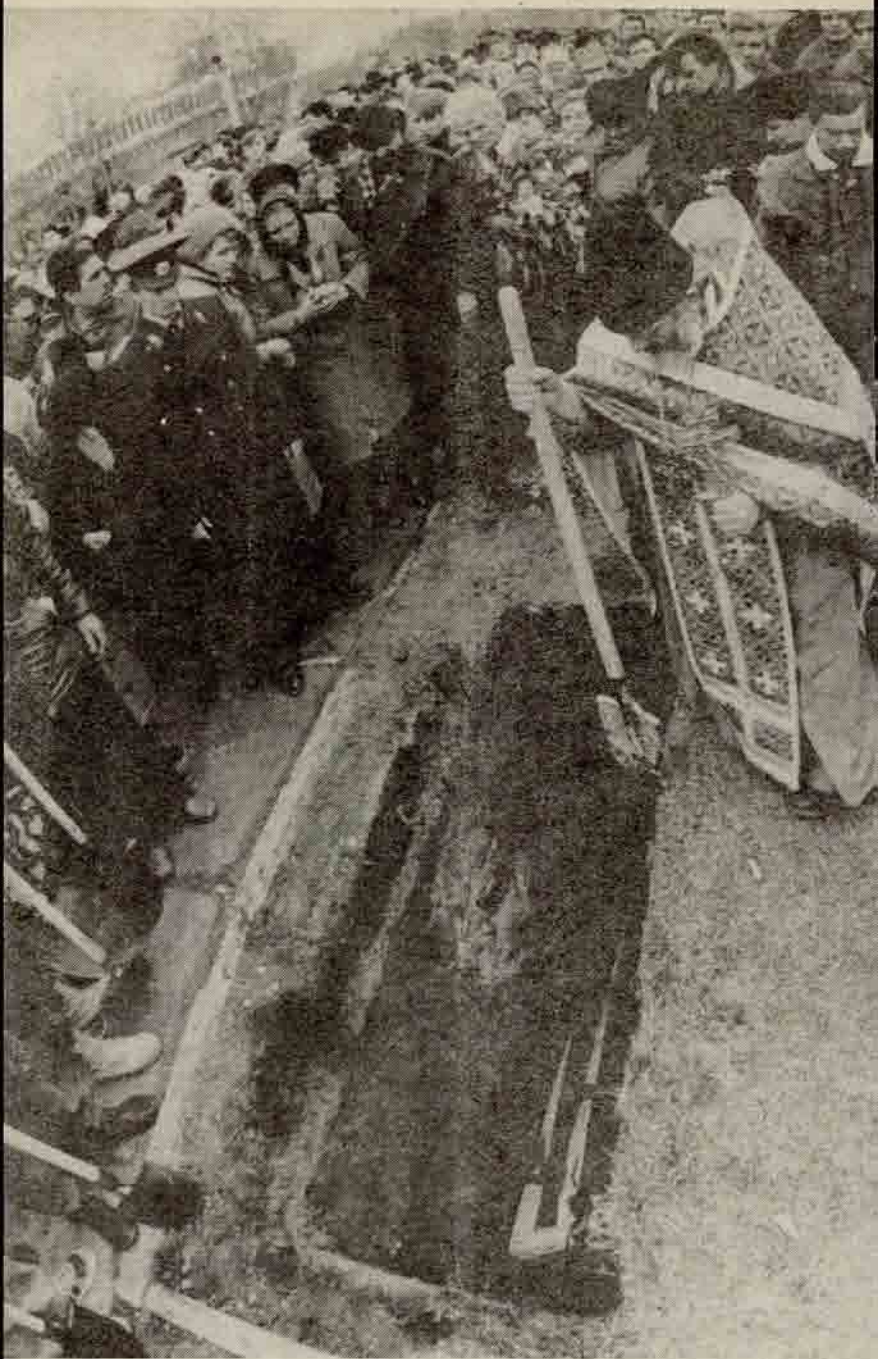

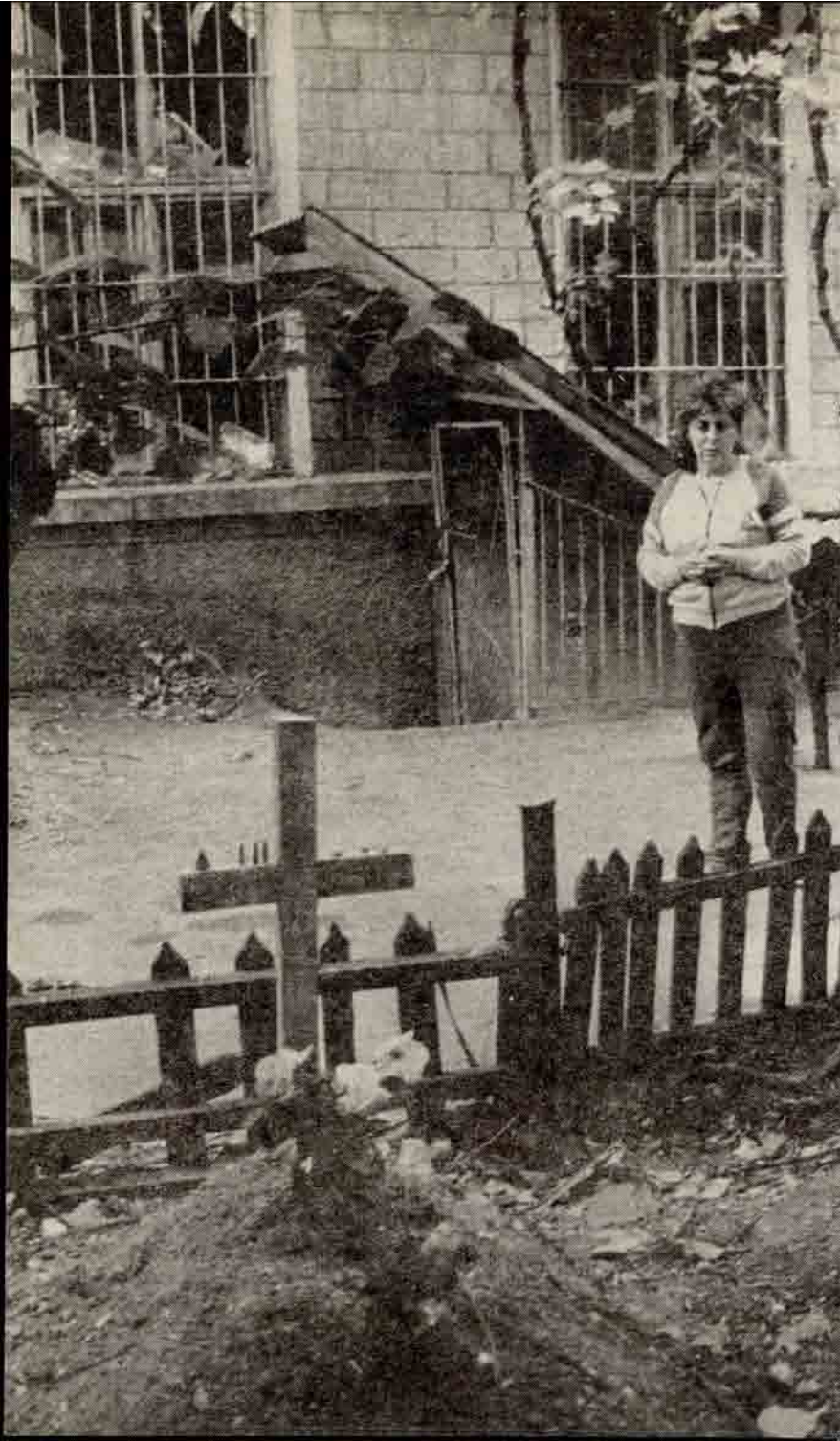

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Сытый заболел — голодный вылечит?

Г «Золотая моя Москва...»

Г Душат обида и отчаяние. Я — врач, представитель самой нищей в России профессии: хуже, чем в нашей стране, медикам не живется нигде. Почему человек, спасающий самое дорогое — жизнь, должен владеть нищенское существование (зарплата начинающего врача в августе этого года была полторы тысячи рублей), а начинающие бизнесмены, которые вчера еще были «ворами в законе», проститутки и деляги, ничего не производящие, жиреющие на купле-продаже, уже ворочают миллионами? Что это за странное «свободное» общество у нас?

Как нелегко наш труд, какую большую ответственность берем мы на себя за здоровье и жизнь заболевших, нуждающихся в помощи, но цена этому — унижительная, полуголодная жизнь.

Все помнят — врачи бастовали, но забастовка ничего не изменила в нашей жизни к лучшему, так как не выполнены даже те требования, с которыми правительство согласилось. Например, зарплату повысили не в 2,7 раза, а в 1,8, и не повысят ее выше двух-трех тысяч. Почему-то считается, что если бастуют авиадиспетчеры, водители, шахтеры, получающие в пять-десять-двадцать раз больше медиков, — идти на

встречу их запросам надо: будут биться самолеты, перестанет ходить транспорт, не станет в стране угля — это катастрофа (так, конечно же, и есть — никто не спорит), ну а если погибнет больной, оттого что издерганный, постоянно недоедающий, «не добирающий» витаминов врач не среагирует вовремя должным образом на приступ, выпишет неточный рецепт, это ничего? Нам, медикам, колют глаза клятвой Гипократа и присягой врача чиновники, к нам неуважительно, а то и по-хамски относятся больные. Господи, да мне нужную книгу для повышения квалификации не на что купить!

Во всех цивилизованных странах об уровне развития общества судят по уровню развития культуры, образования и медицины. У нас же медиков кормят жалкими подачками и рассказами о нищем бюджете, но ведь и терпению самых терпеливых и гуманных приходит конец.

Неужели трудно понять, что, позаботившись о врачах, общество позаботится о здоровье миллионов, о детях, наконец, о своих детях!

Андрей В.,
врач-педиатр,
Нижний Новгород

Пишу о своей горе. У меня были очень тяжелые роды, но все бы обошлось, если бы наши врачи относились немного внимательнее к пациентам: несмотря на высокую температуру и жуткую боль, никто не подошел ко мне три дня (это были майские праздники), пока, наконец, не лопнул шов кесарева сечения и не потек гной. Я провалялась в роддоме целый месяц, потом ходила полтора месяца на перевязки, и теперь никто не дает мне гарантии, что у меня еще будут дети. Но все это ерунда по сравнению с тем, что меня ожидало. Мой ребенок, моя единственная и, возможно, последняя дочь оказалась тяжелобольной — у нее врожденный порок сердца. С момента рождения мои родным говорили, что девочка вот-вот умрет, однако скоро уже полтора года, а она жива, хотя это нельзя назвать жизнью в полном смысле слова. Слабенькая, худенькая, она очень плохо ест, начала сидеть в 10 месяцев, очень часто болеет и до сих пор еще не ходит. А хуже всего то, что нам отказано в операции, так как у нас такие операции не делают. Чтобы ребенок мог жить, требуется пересадка сердца и легких. Куда я только не писала, даже президенту Бушу, но ответов либо нет, либо они отрицательные. Я не могу найти клинику, где делают такие операции, а если бы и нашла, все равно нет денег, чтобы за операцию заплатить примерно 300 тысяч долларов. Меня поймет только тот, у кого есть больной ребенок, а таких детей в нашей стране очень и очень много — гораздо больше, чем можно себе представить. Вот уже полтора года плачу по ночам, слыша тяжелое дыхание дочки, плачу от

безысходности. Я впадаю в крайности, иногда мне хочется куда-то бежать, звонить, просить, искать денег и врачей, чтобы помогли малышке, а иногда я желаю ей скорейшей смерти (обычно это бывает после нескольких бессонных, мучительных ночей). Одна мысль все время не дает мне покоя: оперированная или нет, моя дочь никогда не будет полноценным человеком. Я читаю письма, которые «Смена» публикует на своих страницах, — в них много боли; но мне кажется, что нет ничего страшнее, чем жить в ожидании смерти своего единственного ребенка... Я совсем бы упала духом, если бы не моя мама. Ее помощь просто бесценна. Много раз приходила мне в голову мысль покончить с этим кошмаром раз и навсегда, умереть самой и унести с собой дочь, но мысль о горе моей матери останавливает меня всякий раз, хотя мир для меня померк. Я прошу помощи, хотя и не надеюсь на нее: счастливые и богатые люди к несчастью других, а те, кто сам несчастен, не имеют средств. Я понимаю, что сейчас все просят, но нуждаюсь хотя бы в моральной поддержке! Сразу скажу, что у нас нет расчетного счета, есть только адрес: 394088, Воронеж, ул. Хользунова, 96, кв. 193. НАРТОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА.

Дорогие друзья! Читайте детям сказки, это не только интересно, но и полезно. Мой сын однажды спас нас от жуткого кошмара, вовремя вспомнив сказку про Буратино. Дело было так. Приходит он с работы домой, а в кухне бесчинствуют штук шесть крыс. Вот тут-то он и припомнил, как папа Карло кинул в крысу башмаком, спасая

Буратино от неминуемой гибели. Сын снял кроссовку и... натуралистические подробности опускаю, думаю, не стоит рассказывать и о моем состоянии. В центре Москвы, в красивом доме крысы ходят буквально по хозяйски и по лестницам, и по квартирам. Правда, санэпидстанция среагировала (спасибо большое!) мгновенно, дыру, оставленную еще строителями возле канализационной трубы, работники РЭУ заделали, но вот по телевизору «утешили», что крыс в Москве миллион, а мышей так и вовсе двенадцать миллионов. Надо же, подумалось, посчитали! Да как же не размножаться в стольном граде крысам и мышам, если горы мусора и невывезенные помойки — это главная примета уличного пейзажа. Конечно, местные власти виноваты: деньги с населения берутся немалые, а территории не чистят. Но ведь и сами жители и гости столицы, извините, оскотинились. Какой чистенький и ухоженный, к примеру, был бульвар возле метро ВДНХ: цветы, подстриженная травка, бюсты космонавтов, памятник Циолковскому... Боже милостивый, во что все это превратилось: вокруг памятника (по бульвару!) раскатывают на «Жигулях» бесцеремонные джигиты, у самой станции — торжище с рук, с ящиков, с лотков, из бачков и ведер. Сигареты, тряпки, спиртное, книги, рыба, цветы, колбаса, ступенчатая тушенка, пирожки и прочее, чему место на прилавках магазинов. И рядом (на бульваре!) тлеют и «благоухают» отходы и отбросы этого человеческого (или нечеловеческого) свинства! Горы! Завалы!

«Я Вас люблю, столица...» — пел совсем недавно Юрий Визбор,

и казалось, что все мы любим и бережем свой город. А вот ведь как скоренько «новый класс» — барыги и торашки до того загнали столицу, что крыс и мышей у нас теперь больше, чем жителей вместе с гостями. И при этом без конца слышишь, что мы скорым шагом идем в цивилизованное общество (что — вместе с крысами?). Сейчас часто показывают по телевизору «дальнее зарубежье»: обращали вы внимание, какие улицы там в городах, больших ли, малых? Не просто чистые, а умытые, цветущие, сияющие чистотой. Да на фоне такой красоты и люди кажутся изящнее, красивее. А мы им все завидуем, все тужимся быть похожими, а сами расцвыриваем окурки-объедки где придется. Нет, дорогие сограждане, пока каждый из нас, и, конечно, не только в Москве, не станет настоящим культурным или хотя бы приличным (соблюдающим элементарные бытовые приличия) человеком, обществу нашему, государству не быть цивилизованным. Нам есть о чем поразмыслить — не любим мы себя, не уважаем, где уж другим нас уважать. Вот мы сняли «железный занавес», чем очень гордимся, а не вышло бы так, что цивилизованные страны от нас, от полчищ наших соотечественников скоро сами повесят «железные» занавесочки. Стыдно!

В. МИХАЙЛОВА,
Москва

▣ Здравствуй, «Смена»!

Не думала, что когда-нибудь буду писать в редакцию, но приходится. Тридцать пять лет выписывала журнал, читала его с удовольствием и вот вынуж-

дена сказать: «Прощай!» 58 рублей за один номер (39 руб.+19 за доставку) мне уже не под силу, так как я пенсионерка, а вы знаете, каково сейчас пенсионерам.

Прощай, «Смена»! Хотелось бы добавить «до лучших времен», но не верится, что они для нас наступят.

А. А. ШЕСТАКОВА,
Уссурийск

Пишу потому, что вынужден на 1993 год прекратить подписку на «Смену» и другие издания: очень дорогими стали газеты и журналы, очень много берут с нас за доставку.

Должен сказать, что «Смена» завоевала большую популярность как в России, так и за ее пределами, в том числе и на Украине. Недавно приходили родственники жены, просили почитать «Смену» за 1991 год, подруги жены постоянно берут журнал. А при этом надо сказать, что они украинцы и, возвращая журналы, говорят мне: «Дякую Вам, Олександр Володимирович, що дали прочитати за дуже добрий журнал «Смена». Але, ми розуміли і інтересом прочитали по-російськи».

Бывал я в России в отпуске, видел читающих журнал «Киев», другие украинские издания и точу, чтобы желающие могли по доступным ценам получать любые издания стран «ближнего зарубежья», иначе какая же это демократия.

Буду ждать лучших времен, тогда и выпишу «Смену». Хотелось бы, чтобы читали мое письмо министры связи России и Украины и подумали о нас, читателях.

АЛЕКСАНДР ЛАРИЧЕВ,
Украина

ОЛЕТ БУРМИСТРОВ

ОДНАЖДЫ - В

Америки

POTTER COUNTY
GO. COUNTRY

Cross Foru

КУ

Заметки возвращенца

случайное знакомство с американской туристкой и последовавшее от нее приглашение погостить в Штатах представлялись мне улыбкой судьбы, спасательным кругом, а билет Москва — Нью-Йорк, на который по тогдашним, еще божеским, ценам я истратил все свои «капиталы», казался пропуском в рай.

Но вот прошел год, и я снова дома. Меня спрашивают: «Почему же ты вернулся? Неужели не было никакой возможности зацепиться, остаться там?»

И я рассказываю об Америке, какой увидел ее сам, и об Америке, увиденной глазами моих товарищей...

Кому-то удалось «зацепиться», но многим, как и мне, лишь пенска Вилли Токарева «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...» стала зыбким утешительным призом.

Как и где я знакомился со своими «героями»? Все мы, жаждущие жизни яркой, свободной, обеспеченной, так или иначе шли друг за другом в затылок, чаще всего — кругами.

Русским в Нью-Йорке разминуться сложно...

БИРЖА

Дима садится в вагон и подщи-

тывает мелочь. Если сегодня он не получит работу, то денег не хватит даже на обратный билет. Он едет на «биржу».

«Биржа» — громко сказано. На самом деле это небольшой пустырь возле перекрестка в Бруклине, недалеко от Брайтон-Бич. Там собираются те, кто ищет работу. Таких мест в Нью-Йорке немало, но это — единственное для русскоязычных. Толпа каждый день человек в 40—50. Обычно работа разовая — погрузить, разгрузить, убрать мусор, помочь в ремонте дома. Повезет, если нужно заменить заболевшего работника. Иногда попадаете и более или менее регулярный заработок.

Когда какая-нибудь машина притормаживает возле биржи, вся толпа с воплями бросается к ней. Ошалевший от такого напора наниматель быстро хватается одного, другого, сажает в машину и спешно отъезжает. Остальные возвращаются на тротуар.

...Невдалеке развели костер — греются. Но мой приятель Дима не подходит туда. Работодателю может не понравиться работник, от которого пахнет дымом. Диме холодно. Жаль, что не догадался захватить из России теплую шапку. Но кто мог знать, что попадет в такой переплет. Зима уже кончается, а денег, чтобы купить шапку, у него как не было, так и нет...

— Знаешь, я теперь вспоминаю голливудские фильмы и думаю: ну и напарили же нас! — говорит он. — Но что делать? Возвращаться в свою коммуналку? Нет, потерплю еще.

Проходит несколько часов, прежде чем останавливается очередная машина. На этот раз приехал человек опытный. Он утихомиривает толпу и начинает разговаривать по-русски. Нужен хороший кровельщик, и хотя все напе-

ребой кричат, что это, мол, раз плюнуть и что нам не впервой, хозяин не торопится.

Тут он замечает в толпе знакомое лицо.

— А, привет. Ты почему вчера на работу не пришел?

— Я приходил, но вас не было.

— Надо было подождать.

— Я и так ждал полтора часа. Думал, что вы не придете.

— Надо было не думать, а еще подождать.

— Ну, сколько можно ждать. Вы же опоздали.

— Я не опоздал, а задержался. А тебе теперь придется ждать на «бирже» гораздо дольше. Может, и сдохнешь тут же на тротуаре. Это тебе не социализм.

И он отворачивается.

Проходит еще несколько часов. Мы с Димой совсем окоченели, потеряли надежду и начали уже думать о том, у кого бы занять доллар на метро, когда наконец повезло.

Загружали контейнер продуктами для отправки в одну из киевских синагог. Там, в Киеве, теперь с голоду не помрут. И мы не помрем. По двадцать долларов. Два дня можно протянуть. А то и три. Пора возвращаться «домой».

ДОРОГА В ГАРЛЕМ

Приехав в Америку, я первые месяцы пребывал в качестве гостя.

Меня приглашали то в одну, то в другую семью и с интересом расспрашивали о русской экзотике. Но наступил момент, когда «гость загостился». Начались намеки, — не пора ли, дескать, закомпостировать обратный билет? А я думал...

Полдюжины похожих друг на друга семей средних американских инженеров, полдюжины одинаковых загородных коттеджей, два-три музея, на которые мои радуш-

ные хозяева сумели выкроить время, супермаркет, телевизор — и это все, что я увижу в Америке? Столько сил, столько денег истрачено, чтобы пересечь океан, и все только затем, чтобы развлекать болтовней американских домохозяек? Да вы смеетесь!

Но встретиться с людьми иными невозможно, если не покидать круг, в котором находишься. И вот однажды, собравшись с духом, я сел в автобус и поехал в Нью-Йорк один.

И мне очень повезло, что уже к вечеру я попал в этот гостеприимный дом. Он расположен в латиноамериканской части Гарлема и принадлежит православному монаху. Монах наряду с другими обетами соблюдает обет нестяжания и потому не берет платы с тех, кого пускает к себе жить. Под эту гостеприимную крышу набилось десятка три выходцев из стран Восточной Европы, кровати стоят даже на лестничных площадках, и свободные места бывают редко. В соседнем доме торгуют наркотиками, и по ночам иногда можно услышать стрельбу, но на такие пустяки привыкли не обращать внимания.

Интерьер до боли знаком. Советская рабочая общага. Промокшая штукатурка, мусор, расколотый унитаз. Перед входом на стене углем нацарапан лозунг «Товарищ, помни, это твой последний шанс!».

Здесь я прожил не один месяц и тех людей, с которыми довелось тут встретиться, вспоминаю часто. Вот и сейчас вставляю в диктофон кассету и снова слышу голос Володи — одного из моих новых друзей.

РАССКАЗ НЕУДАЧНИКА

— В Питере я был музыкантом и играл на клавишных в одном

кабаке. Жил, в общем, безбедно и оставаться в Штатах совсем не собирался. Думал, быстренько заработаю денег, куплю какой-нибудь хороший синтезатор и домой. Только вышло по-другому.

Первую работу нашел легко. Взяли в одну русскоязычную семью сидеть с детьми. Готовил, мыл посуду, убирал, стриг газоны, читал ребятам про золотую рыбку, играл с ними, немножко учил музыке. Только через пару недель узнал, что в других семьях за аналогичную работу платят втрое больше. Мне бы сразу сообразить, что раз хозяева дали объявление в русской газете, то они и хотели нанять человека подешевле, из «совка». Но вот бес попутал попросить прибавки к зарплате, и на следующий день моя работа кончилась.

Я тогда отнесся к этому легко, потому что не знал еще, что такое Америка. И вторую работу нашел довольно быстро. Надо было заменить ушедшего в отпуск парнишку на бензоколонке. Но там было куда тяжелее: с семи утра до одиннадцати вечера каждый день, без выходных, да на жаре, дыша выхлопными газами. Сердце у меня слабое, и не раз казалось, что сейчас умру.

Но скоро отпуск у того парня кончился, и меня рассчитали. Вот тут пришлось туго. Несколько месяцев болтался без работы, все деньги проел. Потом одно бюро, занимающееся трудоустройством нашего брата, предложило поехать в Филадельфию мыть полы в супермаркете...

Площадь огромная, приходилось работать почти бегом, и к восьми утра я только-только успевал закончить. Без выходных. Но все бы ничего, если бы платили аккуратно. Хозяин давал только небольшие авансы, обещал рассчитаться позже. Но через три

месяца он придрался к какому-то пустяку и уволил меня. За расчетом попросил приехать через пару недель, но, когда я явился в назначенный срок, он сделал вид, что вообще меня не знает.

Я мечтал только об одном — купить револьвер. Я не мог обратиться в полицию или суд, потому что по закону я вообще не имел права работать. Меня бы сразу депортировали. И я мечтал лишь о том, чтобы разрядить всю обойму в толстый живот этого ублюдка...

Я искал работу целыми днями. Я прочитывал все объявления в газетах. Ходил по Манхэттену с утра до вечера, заходил в каждую дверь, где есть какая-нибудь вывеска, и предлагал свои услуги. Но удача окончательно повернулась ко мне спиной. Я начал ночевать в ночлежках, а иногда и в метро. Перестал следить за своим внешним видом, от этого шансы только уменьшались.

И однажды оказался в какой-то мастерской по ремонту и установке дверных замков. «Сколько ты хочешь? — спросил хозяин, и я назвал, естественно минимальную ставку, — четыре доллара в час. — Это слишком много». Я был голоден, устал и замерз, и колебался недолго, попросив двадцать долларов в день. — «Это слишком много». — Он улыбнулся издевательски, и мне хотелось плюнуть ему в лицо. Но я поборол себя. Согласился на пятнадцать.

Я, конечно, думал вернуться в Россию. Но у меня нет денег на обратный билет. Я типичный неудачник.

...Насчет неудачника, может, и верно, а только живя в ночлежке, слышал я уже столько жутких рассказов, что в удачу верилось с трудом.

Вот лишь несколько страничек из моего блокнота...

ЖУТКИЕ ИСТОРИИ

Данила. Полгода назад он пробрался в питерский порт и ухитрился залезть в трюм итальянского танкера. Плавал в мазуте сутки и вылез наверх уже в нейтральных водах, к немалому удивлению команды. В Америке его сдали властям.

Отчаянный поступок Данилы произвел впечатление на чиновников, и те, не вдаваясь в подробности, предоставили ему статус беженца, после чего посадили в тюрьму за нарушение границы. Через пару месяцев католический пастор выкупил его — уплатил штраф и взял на поруки. Привез парня в монастырь, откуда тот благополучно удрал...

Так вот, идет как-то вечером Данила по городу, встречают его два негра и требуют 10 долларов. Данила, конечно, знал, что в подобной ситуации даже полицейский посоветует вам не спорить и отдать деньги. Но парень он был не промах, да еще с опытом американской тюрьмы за плечами. Решил лучше попробовать подрасть. И провел бой довольно успешно.

Когда подъехала полицейская машина, один негр лежал на асфальте, другому удалось смыться. Полицейские затолкали задержанного в фургон, а Данилу повезли на участок... Дорогой спрашивают: кто, мол, такой и в чем дело? Данила достает документы, начинает рассказывать, а негр кричит тем временем сзади, из-за решетки:

— Да он эмигрант вонючий, смотрите, какой мне синяк поставил...

* Тут полицейские останавливают машину, отпирают фургон и отпускают негра на все четыре стороны. Затем выводят Данилу наружу, ставят и ему под глаз хороший

синяк и советуют запомнить, что хоть Америка — страна эмигрантов, но тем, кто здесь недавно, лучше вести себя поскромней...

Юрий Николаевич. У него трагедия. Его изнасиловали. И ведь знал, чудак, что нельзя соваться в Центральный парк после наступления темноты, но поленился обойти кругом. Ему уже далеко за сорок, и, конечно, в сексуальном смысле ничего привлекательного. Просто неграм иногда нравится унижить белого человека. Он пил запоем целую неделю и обещал, что когда-нибудь купит автомат Калашникова и сходит в парк погулять...

Гена. Однажды допоздна бродил по Брайтону в поисках работы. Потом стал спрашивать, как пройти к метро, и ему ответили по-русски. Старичок со старушкой сказали, что им по пути и они Гену проведут. Дорогой стали спрашивать, давно ли из России и как идут дела. Он рассказал. Тогда старичок и говорит, что у его приятеля есть подвал, в котором хранятся яблоки и другие продукты для продажи. Нужен сторож. В подвале можно поставить раскладушку... Хозяин будет немного платить. Гена чуть не запрыгал от радости. Но тут спутники свернули на освещенную улицу, старичок посмотрел на Гену внимательно и говорит:

— Слушайте, а вы ведь не еврей?

— Нет, — говорит Гена.

— Жаль... Тогда ничего не выйдет. Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но соседи нас не поймут. Своим-то помочь не всегда удается. Сейчас, знаете, большой наплыв.

— Да, жалко, — скис Гена.

— Впрочем, дело-то поправимое. Можем превратить вас в еврея, если хотите. Сходим в синагогу, обрезание сделаем...

В ночлежке ребята веселились от души.

— Что же ты, чудак, отказался? Ты ведь атеист, не все ли тебе равно, в какую церковь ходить? — смеялись они.

— Да я бы, может, и согласился, но не за такую же маленькую цену...

ИСПОВЕДЬ ЖУЛИКА

Однажды мы с Витей поехали позвонить в Россию. Вообще-то это можно сделать с любого телефона-автомата, если у вас есть соответствующая кредитная карточка и вы в состоянии платить по три доллара за минуту. Но люди вроде нас иногда прибегают к другому способу.

На Центральном вокзале ушлые негры целыми днями толкуются возле телефонных кабинок. Когда кто-нибудь из американцев звонит по телефону, пользуясь своей кредитной карточкой, стоящий неподалеку негр пытается подсмотреть и запомнить ее номер. Если удалось, он тут же начинает сообщать этот номер всем желающим. Разумеется, за небольшое вознаграждение наличными.

И вот в один и тот же вечер с Центрального вокзала совершаются десятки телефонных звонков во все концы земного шара — в Польшу и Узбекистан, Россию и Бразилию, в Китай, на Мадагаскар. И все они оплачиваются с одной и той же кредитной карточки. Причем каждый звонок длится по полчаса и больше. Прекращается безобразие только тогда, когда все деньги с соответствующего банковского счета оказываются истраченными. Ну, а денька через два несчастный хозяин карточки будет сильно удивлен тем, что получит по почте толстенную пачку телефонных счетов на тысячи долларов, которые сви-

детельствуют, что он в течение нескольких часов подряд говорил одновременно с пяти телефонов-автоматов и успел обзвонить весь мир...

На обратном пути Витя курнул марихуаны и разговорился.

— В нашей ночлежке живут одни олухи. Посуду помыть да ящики таскать — на большее у них фантазии не хватает. А я так не могу. У меня руки не так приделаны. Если я начну гвоздь забивать, то обязательно по пальцу заеду. И все получится кривь и вкось. Я не для этого создан. Меня отец с 12 лет заставлял только что отпечатанные червонцы топтать, чтобы они выглядели потертыми.

Вот ты видел, обычно негры на вокзале номер чужой кредитной карточки продают за десятку, а мне за пятерку. Да просто я с ними разговаривать умею. Хотя английский у меня отвратительный. Но держу я себя так, что они меня черт знает за кого принимают, пугаются и делают скидку — папина школа.

Я — жулик. Это моя специальность. Сейчас работаю по магазинам. Один богатый человек одел меня в очень дорогие вещи, постриг у дорогого парикмахера, словом, придал мне вид человека из высшего общества. Он сажает меня в шикарную машину и подвозит к какому-нибудь дорогому магазину. Я туда захожу, снимаю с вешалки норковую шубу или еще что-нибудь в этом роде, обрываю этикетки, кладу вещь в сумку и спокойно выхожу. Никто ничего не замечает, в этом мой талант. И потом, когда человек дорого одет, да еще держится уверенно и небрежно, никому в голову не придет что-то заподозрить. А если и заподозрят, постесняются сказать.

И через пару дней шуба будет

висеть уже в другом магазине, где-нибудь на Брайтоне... Но это все мелочевка. Так, для начала. Мне бы язык выучить в совершенстве, я бы всем показал... Тут и с кредитными карточками, и со страховками такие аферы можно крутить, что ого-го!

В Россию я не вернусь. Мне здесь нравится — почва благодатная, край непуганых идиотов. Ведь ты же бывал в стриптиз-барах и видел, что там за публика. Она совсем не похожа на ту, какую изображают в голливудских фильмах, и это меня радует. При виде голой бабы они краснеют, потеют, пересохшие губы кусают. Сосунки! Овечки! Я приехал вас постричь!

А видел, какой там вышибала? Он нажрался гормональных препаратов, накачал бицепсы с арбуз, а глаза-то, глаза-то все равно телячьи. Да я такого вышибалу одним взглядом нокаутирую! Потому что я бывал на танцплощадках Череповца, сиживал в пивных Ростова-на-Дону и служил в стройбате. Я старше его на сто лет, он такого ни в одном фильме ужасов не увидит.

Ведь большинство американцев не любят Нью-Йорка, стараются пореже в нем бывать и не задерживаться допоздна, потому что боятся жутко высокого уровня преступности. Он действительно высокий по сравнению с другими городами, но не выше, чем в Москве. Я специально сравнивал статистику. Дело не в том, что Нью-Йорк страшный город, а в том, что американцы изменены. Они настолько привыкли к размеренной, однообразной, спокойной, благополучной и безопасной жизни, что утратили защитные инстинкты. Они не готовы к отпору, к внезапным трудным ситуациям, к риску. Иногда мне их жалко. И жалко их страну. Потому что я уже здесь.

Эта страна любит профессионалов, а я — профессиональный аферист.

ПИСЬМО ДОМОЙ

Конечно, в блокнот попадает обычно все самое «смачное». В целом же существование наше было не так уж трагично.

Ну, потолкаешься несколько дней на «бирже», глядишь, что-то и подвернется. Недельку помоешь полы в каком-нибудь госпитале, а в воскресенье купишь водочки — вроде и ничего.

Только все мы, когда ехали в Нью-Йорк, надеялись на другое. От этого праздники в ночлежке выходят всегда грустные. Где вы, мечты, где?..

Вечером, когда все уgomонились и собираются ко сну, можно сесть на свою койку, положить на колени кусок фанеры вместо стола и написать письмо. Они там, в России, думают, что мы тут «ого-го!», не буду разочаровывать. «У меня все в порядке, жив, здоров, живу на Манхэттене...» — и это святая правда. Ведь Гарлем находится действительно на Манхэттене. Ну, а о том, что в небольшой комнате стоят шесть кроватей впритык, стоит ли говорить? Это ведь временно.

Можно еще написать: «Работу имею». Это тоже правда. По субботам и воскресеньям, когда в кафе большой наплыв, моешь там посуду...

А чтобы письмо не получилось чересчур коротким и скучным, стоит добавить: «Хочу купить машину, подумываю о женитьбе». Хотеть и подумывать никому не запрещено. Может, и сбудется.

И летит письмо через океан, и месяца через три-четыре приходит ответ: «У нас тут бардак, инфляция, голод, все тебе завидуют, давай жми и ради всего святого

помоги нам всем тоже уехать в Штаты».

Читает человек эти отчаянные вопли и думает, что, наверное, он в своем письме чуть-чуть переборщил с оптимизмом. Написать бы им туда всю правду, от и до.

Да неловко сознаваться...

СРЕДНИЙ АМЕРИКАНЕЦ

В первые месяцы пребывания в Штатах мне казалось, что у меня тут куча друзей. А теперь — как отрезало. И это понятно. На правах варяжского гостя человек может быть вхож куда угодно и везде будет принят с радушием и интересом.

Но как только я начал искать работу, положение изменилось — с точки зрения американцев я уже не гость, а эмигрант. Человек не их круга, и мое присутствие на дружеской вечеринке теперь неуместно.

Отношения сохранились только с Игорем. Он ведь сам эмигрант и тоже через это прошел. Изредка навещает нас в ночлежке.

— Пять — семь лет в трущобах — это нормально, — говорит Игорь. — Нам, приехавшим в 70—80-х, было куда легче, мы сразу получали легальный статус беженца, который теперь очень мало кому дают, мы получали пособия. Но почти все, кого я знаю, сидели в дерьме лет по пять. Впрочем, некоторые там и поныне...

Игорь приехал в 1979-м. Он был известен в диссидентских кругах и сначала представлял свое будущее в виде кафедры русской истории, советологического центра или на худой конец службы на русскоязычной радиостанции или в газете. Но скоро понял, что даже библиотека или воскресная школа — недостижимая мечта.

Пришлось вернуться к прежней, подзабытой уже профессии инже-

нера. Пять лет мыл посуду и учился. Подтвердил свой советский диплом, освоил компьютер, отшлифовал язык, немного переквалифицировался. Потом два года искал работу по специальности... Наконец клюнуло. Крупная компания приглашала на встречу. Вернулся Игорь несколько озадаченный.

— Ну как? — бросилась на встречу жена.

— Их устраивает моя квалификация и все другие параметры. Но настаивают, чтобы я сбрил бороду. Чтобы не нарушать фирменный стиль.

— Игорь, ты же знаешь, ребятам за школу платить нечем. Ради этого можно хоть задницу побрить.

Что говорить, страна свободная. Хочешь — брейся, хочешь — посуду мой.

На следующий день шеф удовлетворенно оглядел его щеки и сказал:

— Берем вас с трехмесячным испытательным сроком. За это время вы должны разработать конструкцию прибора вот с такими параметрами.

Когда Игорь вник в условия задачи, он понял, что по советским меркам работы хватило бы целому отделу на год. И он решил: будет работать по 24 часа в сутки. Три месяца он не разговаривал с семьей, не смотрел телевизора, не слушал музыку, не читал ничего, кроме необходимых для работы бумаг. Он старался не думать ни о чем, кроме своей задачи. Уже через две недели видел во сне только формулы. Но через три месяца, день в день и даже в тот же час, он вошел к шефу и положил на стол папку бумаг. Шеф сказал, что работа выполнена гениально. Игоря зачислят в постоянный штат и повышают зарплату на 10 процентов.

Вскоре его репутация в фирме настолько упрочилась, что он получил разрешение вновь отрастить бороду...

— Среди русских эмигрантов часто можно услышать разговоры о том, что американцы — довольно примитивные, туповатые и скучные люди с ограниченным кругозором, с полным отсутствием политических убеждений и культурных интересов. Действительно, вести длительные кухонные дискуссии о мировых проблемах не в их характере, но это объясняется не природной ограниченностью, а стилем жизни. В своей работе они знают все досконально. В остальное же время стараются не терять понапрасну сил. Есть работа. Это важно и нужно. На все остальное наплевать. Они — усталые люди. И я стал таким же. По всем статистическим параметрам я — средний американец... Иногда приезжаешь во Флориду в отпуск, видишь отель, пляж, ресторан и думаешь: неужели ради этих трех недель я целый год пахал? Но так думать нельзя. Как только желание отдохнуть становится сильнее желания работать, то начинаешь неудержимо катиться вниз, назад в трущобы. Поэтому говоришь себе: работа — это все, это твое главное удовольствие.

— Наверное, если бы ты в России так пахал, то тоже достиг бы многого.

— А если бы в России все так пахали, она бы процветала. Но там многое мешает. А здесь, если ты на приличной работе, то других проблем у тебя просто нет. Досадно только, что дети уже отказываются разговаривать по-русски...

ДВЕ ГРАНИ

— Незачем им и говорить по-русски, — сказал Миша, — мой

сын в Штатах три года. Русский язык уже забывает, и слава Богу. Россия — единственная в мире страна, где дикари — белые. И я не хочу иметь с ней ничего общего. Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо в Калифорнии.

Миша и сам избегает говорить по-русски даже среди своих. И на имя «Миша» не откликается. Предпочитает, чтобы его звали Майкл. Это человек уникальной настойчивости. У него есть немного денег. Достаточно, чтобы не умереть с голоду месяца три. И все время суток он делит между тремя занятиями — спорт, английский язык и подготовка к экзамену по медицине. В течение года он должен сдать несколько таких экзаменов, чтобы получить право медицинской практики в США.

...Как он попал сюда? Еще пять лет назад они с женой разработали план и осуществляют его методично и неотступно.

Для начала развелись. Затем, дав крупную взятку, устроились на работу в интуристовский отель. Там знакомились с иностранцами. Мишина жена флиртовала с ними, иногда с кем-нибудь спала. Миша помогал ей развивать отношения. Через некоторое время ей удалось влюбить в себя американца и выйти за него замуж. Сейчас она вместе с сыном живет у нового мужа, готовится к медицинским экзаменам и иногда снабжает Мишу небольшими деньгами. Миша же, приехав якобы в гости, остался в Штатах на нелегальном положении. Он снимает угол и занимается самообразованием. Когда его жена получит американский паспорт, она разведется с американцем, снова выйдет замуж за Михаила, и таким образом оба станут легальными жителями США. К тому

времени и документы для работы врачами будут готовы.

Когда Мишины соседи собираются слегка «расслабиться» и угощают Мишу пивом, он говорит:

— Я буду пить только на собственной яхте.

Возможно, он действительно добьется своего. Но его сосед по квартире стал большим скептиком и часто говорит, что неправильно выбрана сама цель.

— Когда я встречаю здесь соотечественника, мне хочется сказать ему: «Ну вот, брат, мы с тобой и в Америке. Ну и что?!» — и высунуть язык... Я студент второго курса американского университета. Специальность та же самая. Информация, которую я слышу на лекциях, на 90% мне известна. Но когда иду к начальству и говорю, что способен на большее, хочу сдать экзамены экстерном, готов взять какую-нибудь работу, мне отвечают то же, что и дома. А ты кто такой? Мало ли что там у вас, в России, — тут американский университет. Ты — нищий эмигрант. Сиди за партой. Получишь диплом, тогда посмотрим... Теперь у меня нет иллюзий. Куда бы я ни ехал, везде найдутся люди, готовые похоронить и мои идеи, и меня самого, чтобы было поменьше конкурентов. К старости я, возможно, все-таки пробьюсь, вскарабкаюсь на Олимп и не исключено даже, что сам, в свою очередь, начну душить молодых и талантливых конкурентов... Спаси нас, Господи, от такой жизни.

ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН

Однажды мне здорово повезло. Подвернулась хорошая работа — копать могилы на кладбище. Похороны случались нечасто, примерно раз в неделю, но поскольку заранее такое печальное событие предвидеть невозможно, я каж-

дый день являлся туда в полной боевой готовности и коротал время в сторожке.

Сторож Егор — человек замкнутый; прошло несколько недель, прежде чем он признал меня за своего и начал понемногу рассказывать...

Уехать из Союза Егор решил еще школьником. Так случилось, что и «Архипелаг ГУЛАГ», и другую подобную литературу прочел раньше многих, в начале семидесятых. И сделал выводы.

— Что нам делать в этой стране? — сказал он соседу по парте.

Сразу после выпускного бала с новенькими аттестатами зрелости в рюкзаках они приехали в Грузию и потопали пешком вдоль берега моря в сторону турецкой границы. Естественно, на третий день похода навстречу им из кустов вышли люди в пограничной форме.

Ребята уверяли, что просто заблудились, но эта версия чекистов не устроила. Расколоть пацанов не составило труда. Отделались они легко — несколько лекций о советском патриотизме и передача на поруки родителей.

Вторая попытка произошла через полгода. Обследовав переулки вокруг иностранных посольств в Москве, они обнаружили незаконно построенный гараж, крыша которого касалась стены посольства. Ночью подростки залезли на эту крышу, оттуда — на стену и прыгнули в заграничный сугроб. Облепленные снегом, предстали перед изумленным швейцаром и потребовали аудиенции у посла. Вышел какой-то служащий, сказал, что посла тревожить не стоит и спросил: в чем дело?

Но ошалевшие от собственной смелости ребята не уловили намека и настаивали на личной встрече с послом.

В плаще, накинутом на пижаму,

тот вышел и крикнул с лестницы:

— Что нужно?

— Мы отказываемся от советского гражданства и хотим эмигрировать,— пролепетал Егор на ломаном английском.

— Вы покинете территорию моего государства тем же путем, каким попали на нее,— ответил посол.— Иначе я вызову советскую милицию, и вы будете арестованы за нарушение границы.

Органы ничего не узнали о второй попытке. Но это не утешило ребят, когда, спустившись с полевой стены назад, в Россию, они возвращались домой мокрые от снега...

Так кончилось детство. Настала пора зрелых планов. На Западе нужно быть званым гостем. Длинный путь надежнее. Егор специально выбрал самый непопулярный в Союзе вид спорта. Чем меньше людей этим занимаются, тем легче стать первым. Через пять лет усиленных тренировок он вошел в олимпийскую сборную. А олимпийская медаль котируется в любой стране. Женился на еврейке. Это был фиктивный брак. Они развелись сразу после получения американских паспортов. Зато выезд из Союза и получение вида на жительство в США прошли как по маслу. И работа нашлась сразу. Тренер престижного клуба.

Грех было жаловаться преуспевающему американскому профессионалу. Но удовлетворения не было. Он не любил спорт. Спорт был только средством вписаться в американскую жизнь. Егор оказался прикованным к стадиону и незаметно для себя начал делать то же, что и в Союзе,— ждать, терпеть и мечтать об освобождении.

Когда денег в банке накопилось достаточно много, он бросил работу, купил микроавтобус и отправился путешествовать. Но и это

обернулось разочарованием. Менялся пейзаж за лобовым стеклом, но оставались одиночество, отчужденность, взгляд на Америку из окна... Демократия есть. Воли нету. Регламентированная свобода...

Уже много лет Егор работает сторожем при православной церкви. Подумывает о том, чтобы принять монашество.

— Знаешь,— говорит он,— недавно прибывшие ребята, кантуясь в ночлежке, часто думают, что они до настоящей Америки еще не доехали. Остановились на полпути между «совком» и Штатами. А я подозреваю, что они так и не доедут. Потому что едут-то ведь не в Америку, едут к своей мечте. А она недостижима, ибо эта мечта от лукавого...

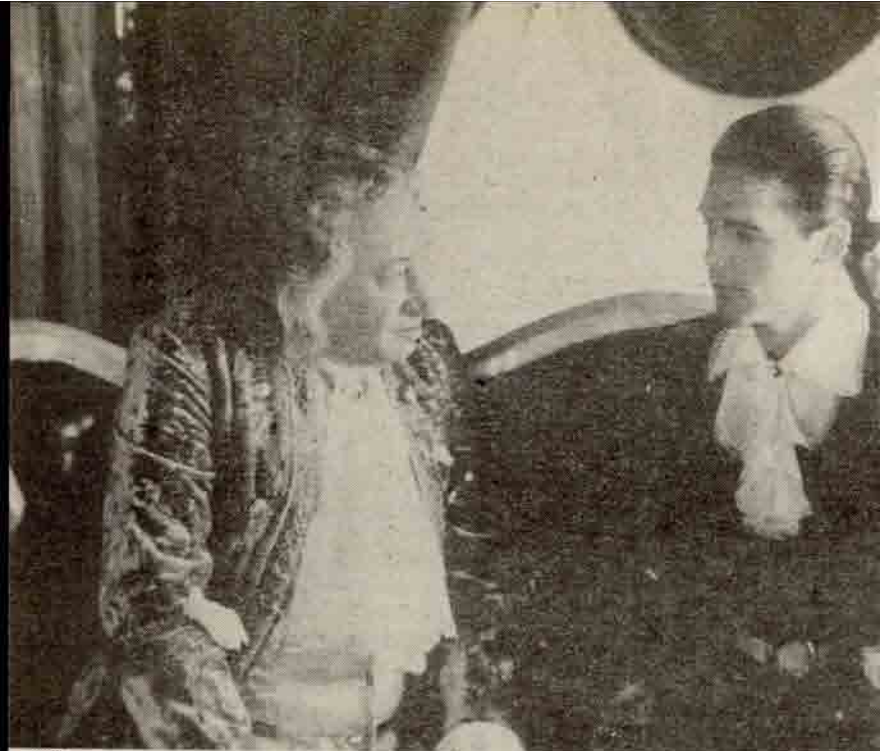
Егор говорил искренне... Я знал, что он собирается вернуться в Россию: уже подал прошение о возвращении гражданства. Каждое лето ездит на родину. С помощью брата арендовал землю в деревне, посадил вишни и яблони, начал строить дом.

Наверное, это и будет его последним «забегом» к мечте...

Покидая Москву, я купил билет в оба конца — туда и обратно. И это утешало. Когда несколько недель не везет, денег нет и податься некуда, знаешь, что в любой момент можно подойти к первому полисмену, показать свои документы, и тот, к общему облегчению, отвезет тебя в аэропорт и отправит восвояси.

Впрочем, такого момента можно и не дожидаться. И так все ясно: лучше сразу собирать манатки.

Это трудно. Все смотрят на тебя как на самоубийцу, уговаривают. Лишь некоторые провожают спокойно, предчувствуя, что скоро и они последуют твоему примеру...

В сентябре состоялась премьера нового сериала о гардемаринах. Исполнители двух главных ролей — Д. Харатьян и С. Жигунов — уже хорошо известны, и написано о них много. А вот об актере Михаиле Мамаеве, играющем роль князя Оленева, информации у любителей кино практически нет, хотя, как показывает наша почта, интерес к нему велик.

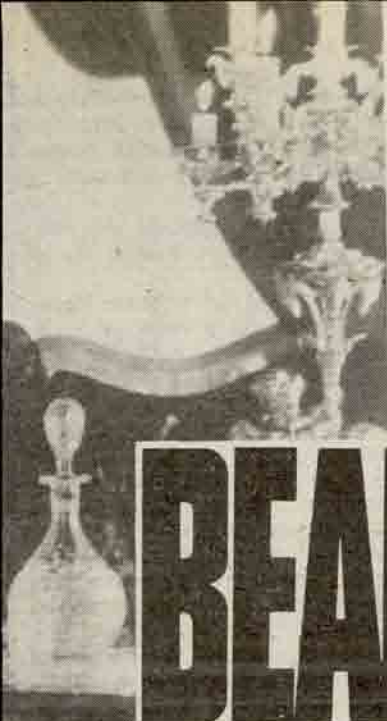
— В жизни я, так или иначе, продолжаю дело своих родных. Мой прапрадед — известный русский адмирал, имя которого фигурирует в учебниках по истории, прабабка была солисткой Большого театра, а ее муж — художником и профессиональным авантюристом, одно из громких дел которого связано с незаконной продажей дома на Тверской, где теперь Моссовет. Кстати, кто не верит — почитайте Куприна, там об этом есть.

В школе пел в хоре, играл

в драмкружке, с четвертого класса печатался в «большой» прессе, в «Комсомолке» и «Правде». А после школы, в силу субъективных причин не успев на творческий конкурс в театральное, попал на факультет журналистики МГИМО.

— Ваш отец — журналист, мать — инженер — интеллигентная московская семья. Вы были пай-мальчик?

— Помню, в детском саду меня чуть не выгнали за воровство. Губную помаду воспитательницы пытался подарить своей девочке. Тогда с мелками для рисования было туго. А в пионерском лагере меня избили до потери сознания свои же. Чинили суд над одним пионером. Взяли в пионерской комнате барабан, горн, завели в лес. Все как полагается — судьи, свидетели. Вдруг оказалось, что мои башмаки — самые жесткие и потому более всего подходили для экзекуции. Снять их

КТО ТАКОЙ

ВЕАМАМ?

я отказался, за что и был наказан.

Я очень изменился в то лето — говорил одно, делал совершенно противоположное. Тогда же в лагере меня прозвали Веамам. Фамилия наоборот. Мне нравилось самому себе противоречить. Человек должен быть многомерным и сложным. Тогда он энергичен, притягивает к себе других. А для актера многомерность — религия. Обожаю Джека Николсона, Микки Рурка. Когда их вижу, такое ощущение, что они играют не с партнерами, а со мной.

Искусство — великий обман. Сомневаюсь, что оно от Бога — Бог служит одной лишь правде. Хотя, когда вдумываюсь в значения таких слов, как «правда», «истина», мне становится скучно. Видимо, я от дьявола. Праведник мне не интересен в своих внешних проявлениях, я ему просто не верю. Поэтому хотелось бы сыграть Алешу Карамазова, но, на-

верное, отснятый материал был бы скучен для меня. Как ни крепка любая нравственная опора, думаю, она всегда выстроена на песке. Висит в воздухе. Я не верю в Знание человеческой души. Для меня это мистическая категория. И кино для меня — мистика. Простой пример. На одного актера смотришь из-за камеры — гениально играет! А на экране смотреть невозможно — скучно. А другой перед камерой — вроде ничего особенного, а на экране — глаз не оторвать. Мистика? Помоему, дело здесь в том, что пленка живет, заряжаясь энергией актера.

— Веамам, я знаю, что в первом сериале тебя не было. Откуда ты появился в «Гардемаринах»?

— Случай свел меня с режиссером Светланой Дружининой, и она предложила сняться в своей картине. Работа над третьим фильмом уже закончена. Съемки его

проходили не только в России, но и в Германии, Италии, в частности в Венеции. Скоро зрители увидят фильм на экранах кинотеатров. А нам, главным героям, по всей видимости, предстоит дальнейшая работа с любимым режиссером. Я этому рад, хотя сниматься было физически очень тяжело. В фильме много трюков, которые актерам приходилось выполнять самим, без дублеров. Не знаю, как моим товарищам, а мне очень помогала Светлана Дружинина. За это я ей благодарен.

— Чем занимаешься в свободное время? Слышала, что пишешь стихи...

— Да, у меня за последние пять лет вышло три сборника стихов. Недавно написал роман, который называется «Я — новый Адам». Это книга о любви человека, рожденного среди ненавидящих друг друга людей. Закон сохранения и превращения энергии. Я уверен, что чем сильнее человек любит, тем меньше сил у него остается для ненависти. И наоборот. Энергетика человека, по моему, напрямую завязана с таким понятием, как плотность жизни. Когда один прожитый день может по содержанию равняться неделе. Мне нравится максимально уплотнить свою жизнь. Иногда это доходит до мазохизма. Замечательно на душе, когда не сплю несколько суток подряд, когда смотрю в зеркало и не узнаю своего лица, когда несусь на машине со скоростью сто пятьдесят, думая, что это сорок... Я неизменно провозглашаю тост за искателей приключений. И за несчастье, чтобы видеть истинную цену счастья.

— У тебя много друзей?

— Приятелей много, а друзей, как известно, много не бывает. Считаю, мужская дружба — это братство по оружию. В поединке с врагом или диким зверем нео-

быкновенно важно, чтобы кто-то прикрывал тебе спину. Тогда ты становишься практически неуязвим. Надеюсь, что я не ошибаюсь в своих друзьях.

— А какие девушки тебе нравятся? Насколько я знаю, ты не женат.

— Люблю разнообразие. Но не подумайте, что я такой уж непостоянный. Просто когда на небе радуга, я физически не в состоянии выбрать какой-то один цвет...

Сейчас актеру очень тяжело, ведь нужно на что-то жить. У меня, к счастью, есть и другие занятия. Помимо литературы, на базе одной западной компании, имеющей представительство в Москве, начинает реализовываться творческий проект под названием «Веамам». Проект включает в себя ряд направлений. Мы открываем агентство фотомоделей с филиалом в Никосии и со службой «Экспорт-сервис» на основных курортах Кипра, а здесь — ресторан с ночным шоу, дискотеккой, рулеткой. Это лишь начало, первый шаг. В дальнейшем заработанные деньги планируем вкладывать в шоу-бизнес. Еще мечтаю объехать весь мир, но не как праздный путешественник, а для того, чтобы глубже изучить жизнь и быт людей разных стран. Я хорошо знаю два языка — английский и испанский — и надеюсь, это не предел.

**Беседу вела
НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА.**

Сквозь хлопья золотого захолустья
Я проходил по снегу налегке
В заняченном тысячелетней грустью
Неслыханном киношном городке.

Как мало надо, чтобы сердце сжалось,
Но что я знал в студеноем декабре?
Вплоть до весны все в воздухе смешалось
И сумерки сгустились во дворе.

Из царства нескончаемого снега
Я возвращался к нежным лейесткам
Корявых лоз февральского побега,
Объятая раскрывая небесам.

Я возвращался к брошенному дому,
Возобновляя прожитый запас;
Я понимал, что никому другому
Не передать заложенного в нас!

Перед лицом неясного пространства
Я силился хоть что-то разобрать
В необратимой жажде постоянства,
Которую, как память, не унять!

Небо очнулось на склоне осеннего дня,
Северный ветер насквозь продувает меня;
Падает свет фонаря на запущенный сад,
Ночь разразилась, и черные птицы летят.
Плоть моя — угли, лицо мое — сколотый лед,
Станешь по рельсам шататься ты взад и вперед,
Нет, не разжать посиневших от холода губ,
Воздух окраины пробуешь молча на зуб.
Темною ночью в округе не видно ни зги,
Флюгер бормочет и спать не дает у реки;
Я босиком прокрадусь под строительный кран,
Здесь прозябает знакомый один старикан.
Прячусь и жду, как ребенок, подняв воротник,
Сердце мое под мостом переходит на крик,
Кто же придет и утешит меня в темноте,
Кто разглядит этот воздух на мутной воде?

Любовь и смерть! Как близко вы сошлись,
Как тень и свет, как жизни — глубь и высь;

*Как странно все, что виделось мне рядом,
Любовь прошла. Жизнь превратилась в бред.
И только смерть своим пугает взглядом
Над цепью поражений и побед.*

ГАДАНИЕ НА КАРТАХ

*У камина ты карты тасуешь,
Ты тоскуешь.
За стеной пьют вино до рассвета,
Дожидаются праздного лета,
И трепещет звезда,
Как всегда.
В потолок ты пускаешь колечки,
Прикурила от свечки.
Отчего же душа онемела
В очертаньях влекущего тела?
На тебе нет креста
Неспроста.
Никому не нужна ты такая
Молодая!
За стеной зазвенели стаканы,
А в любви только ложь и обманы
И мышинного счастья возня...
Погадай на меня!*

ЗАДОЛГО ДО ЗИМЫ

*Из подъездов тянуло прохладой,
Нерушимой несло стариной.
И бледнел за чугунной оградой
Лунный шар теневой стороной.
Откажусь ли от здешней свободы,
Что врзалась на всех парусах?
Сотрясая небесные своды,
Я забудусь в ночных поездах.
Ветер страстивий мотался, неистов,
И вдогон все на свете круша,
Как смертельный прыжок каратиста
Вдруг из тела рванулась душа!
С той поры я живу как попало,
Польхая высоким огнем,
Будто разума мне не достало
Помышлять на земле о земном;
На задворках родной Салтыковки
По колено любые моря, —
Я продрог под крылом остановки,
Пропадая ни свет ни заря.
Кто окликнул во мне домочадца?
Я ладони над миром сведу:
Надоело по свету шататься
И пугаться себя на свету!*

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

О, как я люблю голоса твои, осень,
Когда в сен-жерменском предместье дождит,
Утраченный призрак ищущи среди сосен,
Мадам, ваш характер все так же несносен,
А дождь моросит, моросит, моросит!..
Все залито благоухающим светом,
Прозрачная ночь, ослепительный путь.
Мадам! Я молю: не спешите с ответом,
Я так растерялся вчера за обедом,
Что хочется время стереть и вернуть.
О чем я беседовал с вами сегодня?
За будущий ужин я чувствую стыд.
Прогулка, как девять кругов преисподней,
Кончается ваше терпенье господне,
А дождь моросит, моросит, моросит!
Ты хотел бы прожить без извилин
Там, где плачут, ревнуют и ждуть...
Дом разрушен, а тополь — распилен,
Цезарь пал, и возвысился Брут.
Не дождешься ты смерти мгновенной,
И галера твоя не всплывет;
Вечный город, один во вселенной,
Вновь дорогу тебе перейдет.
Светает. Она не вернется.
Молчанье — на вызов ответ;
Тебе все на свете зачтется;
Ты видишь: в ней жалости нет.
Она не вернется. Светает.
Как облик меняется твой,
Когда над Калугой растает
Оплаканный шар голубой.
Кольцом — деревья; землю оплели
Разбавленные просинью стволы.
И воздух чист, и лето на исходе,
И солнца путь натруженно высок...
Прислушаюсь: в заманчивой свободе
Восторженно пульсирует висок!

ДНЕЙ МИНУВШИХ

166

Чем обидела судьба русскую историю, так это благополучием. Но хотя трагедия и драма изрядно потеснили в ней иные все «жанры», а и на ее подмостках нет-нет да и разыгрывались и комедия, и фарс, а то и просто анекдот. Последние, быть может, не украшают страниц российской истории, но пролистнуть их, не заглядывая, было бы непозволительной ошибкой и уж совсем непозволительным фарисейством. Дабы не быть повинным в таковых грехах, отыскали мы для нашей рубрики нечто в этом роде любопытное и, как кажется, читателя не разочарующее.

Книжечка эта ветха, поля и уголки пожелтевших страниц осыпаются по-осеннему, да и немудрено — от роду ей век с четвертью, и называется она на старинный манер пространно: «Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов: Балакирева, д'Акости, Педрилло и Кульковского — в четырех частях...»

Сейчас перелистнет читатель перебравшиеся на наши полосы странички этой книжки, и старинные, не нынешнего замеса анекдоты оценит, надо полагать, по их достоинству. Покуда же суд да дело, скажем несколько слов о шутовском — не шутейном! — деле.

Начало его теряется во временах, историей не описанных. Но уже Гомер говорит о некоем непрезентабельной наружности Фер-

сите, увеселявшем греческих царей при осаде Трои, а в пьесах Шекспира таковой персонаж уж и совсем не сбоку припека. В средние века шуты в обилии и прочно обосновались при европейских дворах, одетые уже в наряд, который будет сопутствовать им во все дальнейшие времена — пестрое платье да колпак с погремушками. Но Русь — земля, как известно, наособицу — и тут свою оказала натуру: приняв иноземное одеяние, собственных шутов до поры прихоронила подальше. Обычаю европейскому вопреки наши потешники поначалу обретались не при великокняжеском дворе, а в домах знатных бояр, и тайно, потому как в тогдашние поры запрещены были на Руси всякие зрелища, игрища и скоморошества, церковной и гражданской властью числимые по разряду дьявольских наваждений.

Допетровская история сохранила молву о двух шутах — при дворе Ивана Грозного и Лжедмитрия II. О последнем — Петре Кошелеве — только то и известно, что с господином своим, «тушинским вором», бежал он от Москвы в навозных санях. О другом знаем мы больше благодаря, однако, не собственным его шуткам, а скорее «шуткам» хозяина. Карамзин рассказывает: «Одною из главных утех его были также шуты, коим надлежало смешить царя прежде и после убийств, и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ими славился князь Осип Гвоздев, имея знатный сан придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылил на него мису горячих щей; бедный смехотворец вопил, хотел бежать, Иоанн ударил его ножом. Обливаясь кровию, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцели слугу моего доброго, — сказал царь, — я поиграл с ним неосторожно». *«Так неосторожно, — отвечал Арнольф, — что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания».* Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом, и продолжал веселиться».

За страшным иоанновым царствованием времена на Руси пошли «повететарьянистей» — рекою кровь уже не лилась, до смерти шутов не прибывали, но поколачивали изрядно, не минуя и самых знатных, о которых — а среди них и Волконские, и Голицыны, и Апраксины — в знаменитом сочинении своем «О повреждении нравов в России» князь М. М. Щербатов пишет: «Се высший знак деспотичества, что благороднейших родов люди в столь подлую должность были определены».

Но деспотизм-то этот самый заворачивал у нас дела и похлепце, равно как в далекие те времена, так и...

Словом, продолжившись при Петре, пика своего шутовское дело достигло в царствование Анны Иоанновны — в таковых потехах ей равных, почесть, и не было. Дальше пошло на убыль. Елизавета Петровна, сама не последней руки забавница, хотя шутами и грешила, но, видно, в меру — при ней о них мало что слышно. Корреспондентке же Вольтера и Дидро, Екатерине Великой, варварские потехи и вовсе были не с руки. При Павле Петровиче последние российские шуты, уже без колпаков и погремушек, доживали своей век на покое.

Но память о шутовских проказах прошлого не избылась: де-

вятнадцатый век сохранил нам, сначала изустно, а затем и издав записанное, обильное наследие шутовской музыки, частично, быть может, и легендарное, возможно, для красного словца где-то и подвеченное, но, так или иначе, слава Богу, сохраненное. Куда меньше известно о самих авторах; и мы скажем о них коротко — по причине скудости сведений, оставленных историей, озабоченной более персонами иного полета.

Говорят, не забавы ради и собственного увеселения для держал шутов при дворе Петр Великий, но в качестве подмоги и орудия против косности и предрассудков старой Руси, которой преобразователь наш первый был ненавистник и враг. Любимым помощником для таковых дел обретался возле царя некий Иван Емельянович (по другим источникам — Александрович) Балакирев.

Происхождение сего персонажа нашей старины темно — за давностью ли лет или сознательно историей запутано. Достоверно же ведомо одно: шутки Балакирева, зубоскальства его касательно первых персон государства, иной раз куда как крутые, сходили ему с рук, коли не считать, конечно, тумачков да оплеух, в таковом деле неминуемых; но и помятый, выходил шут победителем. Бывало, дойдет которого-нибудь вельможу, тот с жалобой к государю, мол, заступись, батюшка, совсем шут твой ополоумел, никакой на него управы. Царь усмехнется кривою своею усмешкой, усом дернет по обыкновению и молвит: «Охота вам с дураками связываться!» А дело-то между тем серьезнее выходило.

168 Семен Андреевич Порошин, живший в недалеких от той поры временах и о делах этих наслышанный из уст очевидцев, в «Записках» своих заметил: «Шутки Балакирева многих часто и рекомендовали». В глазах царя дело это было немалое, а потому сам он и служил потешнику защитой. Так что одна только государева особа выходила Балакиреву не по зубам, хотя и тут, случалось, царев любимец нет-нет да и кусался; но тогда уж не оплеуха шла в дело, а знаменитая Петрова дубинка, особливо под пьяную-то руку.

Знаменитый этот потешник имел несчастье пережить своего господина — «Алексеича», а шутовские дни кончал в мрачную пору бироновщины, хотя и оставался Балакирев на той же должности, но среди расплодившихся шутов-иноземцев не в чести, а по неприятию Бироном-всего русского, бит бывал жестче и чаще, чем полагалось иноплеменным его однокашникам. Рассказывают, сделан был на Балакирева донос «в произнесении слов, оскорбляющих ее величество»; небезызвестный Андрей Иванович Ушаков (см. «Смена» № 7, «Слово и дело») позвал шута в Тайную канцелярию. Чем бы кончилось — сказать трудно, но исчезновение Балакирева из дворца замечено было самою императрицей. Анна приказала воротить его на прежнее место со строгим, однако, внушением — язык не распускать. Жизнь пошла хуже некуда. Но и в горькую эту пору дни свои старик заключил шуткою: велел, чтоб тело его обернули рогожей, положили на ветерку в чистом поле, а рядом — дубинку Алексеича, дабы ни зверь, ни птица не посмели его тронуть...

При Петре же явился ко двору и Ян д'Аоста — иными, правда, путями.

Несколько лет странствовал он по Европе, перебиваясь мелкими аферами; держал одно время маклерскую контору в Гамбурге, где и прилюбился к тамошнему русскому резиденту — не то в должности домашнего шута, не то приживальщика; потом за господином своим и ступил с корабля на петербургскую набережную, откуда до дворца — рукой подать.

Шутовских талантов д'Аосте, видно, было не занимать, потому и был он определен в таковую при дворе должность, начав ее, впрочем, с доноса: бил челом царю на гофхирурга Лестока; якобы «оний Лесток с женою и четырьмя дочерьми его, д'Аосты, имел любовную связь». Так ли, нет, но Лестока выслали в Казань пользоваться от хворей татар, а д'Аоста при своем остался интересе и преуспевал — особливо же в царствование Анны Иоанновны.

И Балакирев, и д'Аоста перешли к этой императрице как наследство от великого ее дяди, но ограничивать себя таковым царственная племянница отнюдь не желала: одних «штатных» шутовских должностей завела она шесть. Дело, однако, не в числе оных.

В отличие от Петра Анна Иоанновна шутов держала для собственных надобностей, потому как по возможностям ее разума много им употребления знать не могла, а быть может, отчасти и по той причине, что ко времени ее царствования те самые косность и предрассудки старой Руси, с которыми Петр боролся и с подмогою шутов, реформатор основательно уже повывел. Выходит, и судить-то Анну Иоанновну за использование шутовских талантов в личных, так сказать, целях, быть может, строго и не стоит. Шуты же употреблялись ею на манер ее же комнатных девок, чesавших государыне пятки.

Гаврила Романович Державин рассказывал, что когда императрица слушала обедню, шуты садились на лукошки в той комнате, через которую государыня должна была возвращаться во внутренние покои, и кудахтали, подражая наседкам на яйцах, что и тешило Анну Иоанновну иной раз до икоты. Заходила она смехом и с ног, бывало, валилась, когда, ставя шутов гуськом, лицом к стенке, заставляла их толкать один другого изо всей мочи; шуты падали, входили в раж, таскали друг дружку за волосы, карапались до крови — тут уж восторгам императрицы предел был полный. За особые в этаких потехах заслуги учрежден был ею шутовской орденом «Св. Венедикта», кощунственно напоминавший знак отличия «Св. князя Александра Невского», первым кавалером которого и стал знаменитый в царствование Анны Иоанновны Педрилло.

Если кто особенно пришелся у ней ко двору, так это он, флорентиец Антонио Педрилло, прибывший в Россию в качестве буффного певца и первой скрипки придворной итальянской оперы, а вон куда кривая вывела — сделался итальянец первым шутом российской императрицы, к тому же — как знак особой милости — партнером государыни по картам. Обычно Педрилло держал банк за Анну Иоанновну, и немудрено, что к концу дней

своих в России сколотил, как говорят, изрядное состояние.

О состоянии однокашника его, теми же трудами нажитом, почти ничего не известно, но в многочисленном сообществе шутов Анны Иоанновны не затерялся и он, князь Михайла Алексеевич Голицын, исполнявший тоже двойную обязанность — шута и подавальщика (сударыне) кваса, оттого и прозванного «Князь-Квасник», а с легкой руки романиста Лажечникова, известного под именем Кульковский. Кстати сказать, приходился он внуком знаменитому боярину и несчастному фавориту царицы Софьи Василию Васильевичу Голицыну. И то еще известно, что Петр определил его солдатом в полевые полки, там дослужился он до чина майора, но вышел какой-то поворот в военной карьере, Голицын оказался в Риме, там имел несчастье жениться на католичке и мало что сам перешел в чужую веру, но и сманил зятя своего Апраксина. «Я им покажу, как у папы туплю целовать!» — воскликнула Анна Иоанновна и пожаловала обоих в придворные шуты...

Вот некоторые сведения о четырех российских потешниках, что удалось наскрести по сусекам истории. С шутовскою их музеою предстоит теперь познакомиться читателю. Возможно, увидит он, что и шутки, и авторы — все на свой манер. Как, впрочем, и государи наши, хотя и при одной вроде бы должности. Но вот что не о всяком государе скажешь, то с уверенностью можно о шуте: он-то разумел, что дурака валять надобно с умом, и поди-ка тут разбери — кто умник?

АНЕКДОТЫ БАЛАКИРЕВА

НЕ ВЕРЬ ИМ, ЛЮБЕЗНЫЙ

Один царедворец, желая посмеяться над Балакиревым, спросил его:

— Правду ли говорят при дворе, что ты дурак?

— Не верь им, любезный,— отвечает шут.— Они ошибаются, только людей морочат. Да и мало ли что они говорят. Вот, например, и тебя называют умным. Но ты, любезный, не верь им, пожалуйста, не верь!

Царедворец больше не подсмеивался над Балакиревым.

ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

По окончании войны с Персией многие придворные подшучивали над Балакиревым, который также участвовал в персидском походе, приставали к нему с расспросами: что он видел в Персии, чем занимался там, с кем познакомился и проч. Балакирев только отмалчивался. Наконец, однажды в присутствии государя и большого общества знатный вельможа отнесся к Балакиреву со словами:

— Знаешь ли ты, дурак, какой язык у персиян?

— Знаю,— смело отвечал Балакирев.

Все удивились, ни исключая и государя. Но шут продолжал утверждать, что знает.

— Какой же он, язык этот? — насмешливо спросил Меншиков.

— Да такой же, как и у тебя, Данилыч, красный.

С этих пор Балакиреву с Персией больше не надоедали.

ЛУЖА

Балакирев, не щадя бояр и чиновников своими насмешками, нередко осмеливался и государю делать сильные замечания и останавливать его хитрыми выдумками.

Однажды случилось ему везти государя в одноколке. Вдруг лошадь остановилась посреди лужи для известной надобности. Шут, недовольный, остановился, ударил ее и промолвил, искоса поглядывая на соседа:

— Точь-в-точь Алексеич!

— Кто-о? — спросил государь.

— Да вот эта кляча, — отвечал прехладнокровно Балакирев.

— Почему так?! — закричал Петр, вспыхнув от гнева.

— Да так... Мало ли в этой луже дряни, а она все еще подбавляет; мало ли у Данилыча (Меншикова. — А. К.) всякого богатства, а ты все еще пичкаешь! — сказал Балакирев.

СВОЯ ЗЕМЛЯ

Как-то в пылу гнева его царское величество указал, чтоб шут тотчас же убирался с глаз долой и не смел показываться.

— Ступай вон с моей земли, чтоб духу твоего тут не пахло! — кричал разгневанный царь.

Балакирев в самом деле пропал из Питера, и долго о нем не было слышно. Но раз, сидя у окна, царь видит, что мимо тихонько едет в одноколке Балакирев. Взбешенный этой дерзостью, царь выбегает на крыльцо, машет своей дубинкой и кричит шуту:

— Как ты смеешь, бездельник, не повиноваться моему указу и, не испрося моего позволения, являться на моей земле?!

— Тише, царь, не сердись, а одумайся да спроси. Я ведь не на твоей земле.

— Как не на моей, каналья?

— А вот как: погляди-ка, у меня в одноколке земля шведская. Я купил ее на свои денежки; вот и свидетельство на покушку, которое я там же выправил. На-ко, погляди... Что, взял, Алексеич? Прощай!

И шут, повернув лошадь, медленно отъехал от крыльца. Но царь, смеясь такой выдумке, забыл свой гнев, велел воротить шута и принял его в прежнюю милость.

БОЛТУН

Один придворный спросил Балакирева:

— Не знаешь ли ты лекарства от зубов? Они у меня болят беспрестанно.

— Ты их беспрестанно колотишь языком,— подхватил Балакирев,— колоти поменьше, и болеть перестанут.

Придворный был страшный болтун и потому должен был перенести насмешку шута без возражений.

ПРИДИ ЗАВТРА

Бедная вдова заслуженного чиновника долгое время ходила в сенат с прошением о пенсии за службу мужа, но ей отказывали известной приговоркой: «Приди, матушка, завтра».

Наконец она прибегнула к Балакиреву и тот взялся ей помочь. На другой же день, нарядив ее в черное платье и пришилив к нему бумажки с надписью: «Приди завтра», Балакирев поставил ее в этом наряде в сенях, через которые нужно было проходить государю. Тот приехал, взошел на крыльцо и увидя эту женщину, спросил:

— Что это значит?

— Завтра об этом узнаешь, Алексеич,— отвечал Балакирев.

— Сейчас хочу знать! — воскликнул царь.

— Да ведь мало ли чего мы хотим, да не все так делается! Ты вот войди прежде в присутствие, да спроси секретаря, и коли он тебе не скажет: «Приди завтра!», так тотчас же все и узнаешь.

Государь, поняв, в чем дело, вошел в сенат и грозно спросил секретаря:

— О чем просит эта женщина?

Секретарь побледнел и признался, что она уже очень давно ходит, но что не было времени доложить об ее просьбе его величеству.

Петр приказал немедленно удовлетворить просительницу. После этого долго не было слышно в сенате «Приди завтра!».

БАЛАКИРЕВ — АУКЦИОНИСТ

Один из посланных в Рим молодых русских, возвратился оттуда с хорошими познаниями в живописи, но в Петербурге он оставался без заказов, а привезенные им копии с картин лучших художников никто не покупал. Петр, посетив однажды его мастерскую и желая помочь ему в расстроенном положении, о котором тогда узнал, приказал ему принести картины в ассамблею к Меншикову.

Когда приказание было исполнено и картины принесены, государь объявил собравшимся о продаже, причем явился и аукционист Балакирев, одевшийся по царскому приказу в старинный боярский наряд. Балакирев начал басистым голосом выкликать цену картин и надбавки. Несколько картин были проданы довольно дешево, но одну из двух оставшихся сам государь купил за 300 рублей, а о последней заметил, что ее купит тот, кто больше всех его любит.

Благодаря этому цена картины скоро поднялась до 1000 рублей. Тогда Балакирев сказал своим обыкновенным голосом:

— Что ж ты молчишь, Дормидошка пустая голова? Или ты любишь Алексеича меньше, чем другие? — И вдруг тоненьким голосом прокричал: — Полторы тысячи!

- Две! — сказал Меншиков.
- Три! — перебил Апраксин.
- Четыре! — подхватил Головин.
- Пять тысяч! — закричал подрядчик Крюков*.

Государь подал знак Балакиреву и тот, быстро прокричав: «два, три!» — объявил, что картина осталась за Крюковым.

ПОДДЕЛ

Царь разгневался однажды на близкого родственника Балакирева, приказал посадить его под караул и на другой день намеревался наказать его примерно. Балакирев, желая спасти своего родственника, является поутру к царю. На лице шута явно приметны были уныние и грусть. Только что увидев его, царь обратился к окружающим и сказал:

— Я знаю, зачем идет Балакирев, но даю мое царское слово, что не сделаю того, об чем он просить меня будет.

— Сделай милость, дядюшка, не прощай ты бездельника, моего родственника! — сказал подступя Балакирев.

— Ах ты, плут! — засмеялся Петр. — Каково же ты меня поддел! Так и быть, не перемену моего царского слова! — И приказал выпустить виновного.

НАКАЗАННАЯ ЖЕНА

Поссорившись как-то с женою, Балакирев вздумал порядком ее проучить. В этих видах приходит он к государю и, скорчив печальную рожу, жалуется, что жена его чрезвычайно страдает зубами, но, по своей закоснелости в старинных обычаях, упорствует лечиться.

А так как царь Петр любил заниматься фельдшерским делом и нередко сам бросал больным кровь, дергал зубы и проч., то, выслушав Балакирева, он милостиво сказал:

— Ну что ж, этому горю помочь можно; я сам вырву больной зуб у твоей хозяйки.

— Да она не дастся тебе, Алексеич, — возразил шут, — упряма, проклятая, словно лошадь с норовом.

— Ничего, велим поддержать бабу.

Сказано — сделано. Захватив инструменты, государь с Балакиревым и двумя ординарцами тотчас же пошел на квартиру шута. Там его царское величество немедленно принялся за операцию. Как ни уверяла царя бедная женщина, что зубы у нее никогда не баловали, но шут-муж настаивал, что все это одно упрямство. Ординарцы силой посадили мнимо-больную на стул, и государь по указанию шута мастерски выхватил у жены самый здоровый зуб.

Наказание, говорят, подействовало как нельзя лучше, а царь и царица, узнав истинную причину проделки шута, много тому смеялись.

* Тот самый Крюков, именем которого зовется известный в Петербурге канал.

КТО СТАРОЕ ПОМЯНЕТ, ТОМУ ГЛАЗ ВОН

Раз на вечеринке у одного из вельмож царь Петр был так весел, что насулил собеседникам много денег, за которыми и приказал явиться к нему завтра. Но, проснувшись на другой день, бережливый царь сильно тужил о вчерашних посулах. Жаль ему было казны, а делать нечего — обещано. Каялся он в своей опрометчивости и царице, которая и передала этот разговор Балакиреву.

— Скажи, матушка, царю, чтоб он не печалился, — отвечал шут, — утро вечера мудренее. Я так отделаю попрошаек, что и напоминать об обещании они не посмеют.

От царицы Балакирев пошел к царю в кабинет.

— О чем вздыхаешь, дядюшка? — спросил он, встав перед государем.

Петр повторил и ему то же, что говорил Екатерине.

— Только-то? Есть о чем тужить! Не горюй, Алексеич, ложись на меня.

Сев у дверей царского кабинета, шут начал медленно строгать лучинки. За этим делом нашел его первый из вчерашних собеседников царя, явившийся с требованием, чтоб его, по вчерашнему царскому слову, сейчас же впустили в кабинет.

— А которая ты спица в колеснице? — спросил Балакирев и, не дождавшись ответа, продолжал: — Дядя Алексеич спит; и таким, как ты, входить не велит, а мне, дураку, приказал, чтобы я тогда только к нему впускал, когда кончу то, что он мне заказал. Прочь, не мешай.

— Да что же ты это, дурак, делаешь? — выпытывал вчерашний собеседник.

— Кольшки строгаю.

— На кой ляд?

— А на тот, что царь вспомнил русскую пословицу: кто старое помянет, тому глаз вон.

Нечего и говорить, что после этого никто не заикнулся напомнить царю о посулах.

ЦАРСКОЕ СПАСИБО

В бытность государя в Павловске (город Воронежской губернии. — А. К.), где производилось приготовление флотилии для взятия Азова, государь изволил очень прогневаться на одного чиновника за медлительность, которой, однако же, тот чиновник не был причиною. Гнев государя был страшен. Балакирев, зная точно невиновность чиновника, решается спасти его. Едва тот чиновник показался по зову государя в дверях, как вдруг стремглав бросается на него Балакирев, сшибает его с ног, мнет его, всклокачивает ему волосы, сильно замахивается кулаками, но тихо спускает оные, приговаривая:

— Ты тому не рад, в чем сам я виноват, да, видно, так тому уж быть, что надобно тебя побить!

Измученный государь бросается удержать Балакирева и удерживает. Чиновник встает, но шут, вырвавшись из рук государя, выгалкивает битого вон и кричит:

— Ну, довольно, пошел! И молись Богу, что не сам Алексеич наложил на тебя царскую ручку!

Когда тот ушел, Петр потребовал объяснений и Балакирев доказал ему, что чиновник не виноват. Государь сказал спасибо.

ВОРОНА, СОКОЛ И ДЕРЕВНЯ

Однажды при выезде на соколиную охоту государь увидел, что у Балакирева вместо сокола — ворона.

— Где это ты, Балакирев, такого сокола достал? — спросил он, смеясь.

— Это, дядюшка, не сокол, — возразил шут, — а ворона; а взяла ее потому, что воронам достается более, нежели соколам.

— Как так?

— А вот увидишь! Дай только слово, что все, что поймает моя ворона, будет моим.

— Изволь. Посмотрим, много ли наловишь!

Лов был богатый; соколы беспрестанно хватили добычу, а ворона Балакирева только сидела на руке его и со страху даже не каркнула ни разу. Наконец поехали домой, и государь, а за ним и все придворные стали подшучивать над Балакиревым.

— Погодите, — говорил он, — погодите, солнце еще не село.

Между тем въезжают в околицу одной деревни. Поравнявшись с первой избой, Балакирев спустил свою ворону и пугнул. Она прямо села на крышу; он ее еще пугнул; она на другую, на третью и перелетела так по всей деревне.

— Моя! Моя! — кричит Балакирев.

— Что, что такое? — спрашивает государь.

— Да деревушка-то эта, — отвечает Балакирев. — Ведь ты от своего слова не отопрешься, Алексеич! Мне ее ворона моя поймала.

— Делать нечего — твоя деревня! Велю ее купить и отдать тебе.

— Спасибо, дядюшка!.. Ну, кто больше наловил? — продолжал Балакирев спрашивать у придворных до самого приезда во дворец.

ЗА СВОЮ ЦЕНУ

Найдя какой-то беспорядок в адмиралтействе, царь воротился домой рассерженный и тут был встречен Балакиревым, который, по обыкновению, начал шутки шутить. Но царь в сердцах принял кистить шута палкой. Однако шут вырвался и убежал.

Час спустя Балакирев является к царю и начинает упрекать его за попой. Царь и сам сознается в своей опрометчивости, желая вознаградить которую, тут же дарит Балакиреву шубу.

Только что Балакирев вышел от царя с этой шубой, встречается ему один из придворных и просит продать шубу.

— Изволь, голубчик, продам. Только для тебя, за свою цену. На, возьми. Оно и правда: к какой стати мне, дураку, носить шубу с плеча умника. А счета сведем после.

Отдав шубу придворному, шут возвратился к царю, который сидел за бумагами.

— Дядя, а дядя! Дай мне твою палку; хочу побаловать, — сказал шут.

— Возьми и пошел вон, — отвечал царь.

Балакирев взял палку и, оставив кабинет царский, вдруг накинулся на придворного, который купил у него шубу и еще не успел уйти с нею. Не говоря худого слова, Балакирев прямо начал бить своего покупателя, который принялся кричать. На это шум выбежал из кабинета сам государь.

— Как смеешь ты, бездельник, драться во дворце? — спрашивает он, хватая шута.

— Я не дерусь, Алексеич, а рассчитываюсь.

— Как так?

— Да так. Вот этот голубчик купил у меня шубу за свою цену, которую ты ведь знаешь — сам же отсчитал мне тридцать ударов. А я отдал только двенадцать. Иди и не мешай мне, пожалуйста.

КОРОВЫ

Однажды осенью в петергофском саду сидели на траве какие-то молоденькие женщины. Мимо них проходил Балакирев, уже старик, седой, как лунь.

— Видно, уж на горах снег выпал, — сказали они, смеясь над его седой головой.

— Статься может, — отвечал Балакирев, — тем больше, что и коровы уже сошли с гор на травку в долину.

ОСЛЫ

В другой раз несколько молодых придворных вздумали также поглумиться над старостью Балакирева и называли его то Авраамом, то Исааком, то Иаковым, говоря, что непременно это один из ветхозаветных старцев.

— Уж если хотите брать пример из писания, — сказал Балакирев, — то уподобьте меня Саулу, который долго искал ослов отца своего, но наконец-таки нашел их здесь.

ВОЛЫНКА

При императрице Анне Иоанновне иностранные шуты, зная ненависть герцога Бирона к Вольнскому, позволяли себе разные выходки против последнего и всегда встречали его криками: «Волынка, волынка!»

Однажды Балакирев сказал им при герцоге: «Видно, музыка этой волынки не по вас, картофельщики (так называли на Руси немцев. — А. К.). Видно, ваши стеклянные головы не выдерживают русского языка».

УТЕШЕНИЕ

Когда при дворе говорили, что народ очень ропщет на новые налоги, введенные Бироном, то Балакирев заметил: «Нельзя за это сердиться; надобно же и народу иметь какое-нибудь утешение за свои деньги».

АНЕКДОТЫ Д'АКОСТЫ

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ВОЗРАСТ ЖЕНЩИНЫ

Один молодец, женись на дочери д'Акосты, нашел ее весьма непостоянною и, узнав то, всячески старался ее исправить. Но, усмотрев в том худой успех, жаловался ее отцу, намекая, что хочет развестись с женою. Д'Акоста в утешение зятю сказал:

— Должно тебе, друг, потерпеть. Ибо мать ее была такова же, и я тоже не мог найти никакого средства; да после, на 60-м году, сама исправилась. Думаю, что и дочь ее в таких летах будет честною, и рекомендую тебе в том быть благонадежно.

ДВЕ СВЕЧКИ

Будучи в церкви, д'Акоста купил две свечки, из которых одну поставил перед образом Михаила Архангела, а другую — ошибкой — перед демоном, изображенным под стопами Архангела.

Дьячок, увидя это, сказал д'Акосте:

— Ах, сударь, что вы делаете! Ведь эту свечку ставите вы дьяволу!

— Не замай, — ответил д'Акоста, — не худо иметь друзей везде, в раю и в аду. Не знаем ведь, где будем.

КОРАБЛИ И ПОСТЕЛИ

Когда д'Акоста отправлялся из Португалии морем в Россию, один из провожавших его знакомцев сказал:

— Как не боишься ты садиться на корабль, зная, что твой отец, дед и прадед погибли в море?

— А твои предки каким образом умерли? — спросил д'Акоста.

— Преставились блаженною кончиною на своих постелях.

— Так как же ты, друг мой, не боишься ежедневно ложиться в постель? — возразил д'Акоста.

Д'АКОСТА И ВОР

Д'Акоста некоторого известного плута назвал вором, а доказать того на суде не мог против поставленных тем вором свидетелей. Судья присудил, чтоб д'Акоста признал того честным человеком и перед ним бы повинился.

Но д'Акоста выдумал избежать неправды двойным обвинением:

— Это правда, он честный человек. Я солгал.

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Д'Акоста собирался ехать в Москву и заботился об экипаже. Случайно он узнал, что голштинский камер-юнкер Берхгольц собирается туда же и поедет в собственной карете. Д'Акоста попросил его, не возьмется ли он отвезти в Москву его шинель. Тот согласился, но спрашивал, кому ее там отдать.

— Не беспокойтесь, — отвечал шут, — я ее надену на себя и, как только приеду в Москву, тотчас же избавлю вас от нее, удалившись вместе с нею.

ОВЦЫ И ПАСТУХ

Когда в Петербурге получилось известие, что один русский отряд, оплошав, был где-то разбит шведами, то многие русские с неудовольствием говорили:

— Удивительно! Как будто это не те же шведские овцы, которых мы неоднократно прогоняли!

— Овцы-то те же, да, видно, пастух был у них другой, — возразил д'Акоста.

ГОСПОДА И ГОСПОЖИ

Однажды в присутствии госпожи, которая, величаясь своею знатностью, старалась отличиться высокоречием, шут д'Акоста отдал своему слуге такое приказание:

— Господин лакей, доложи моему господину кучеру, чтоб он изволил господ моих лошадей заложить в госпожу мою карету.

БЕЗОПАСНЕЙШЕЕ СУДНО

Контр-адмирал Вильбоа, эскадр-майор его величества Петра Первого, спросил однажды д'Акосту:

— Ты, шут, человек на море бывалый. А знаешь ли, какое судно безопаснейшее?

— То,— отвечал шут,— которое стоит в гавани и назначено в сломку.

ВОЕННЫЕ И СТАТСКИЕ

Один из генералов в присутствии государя выхвалял чины военные, а статские хулил.

— Ты, шут, как об этом думаешь? — спросил Петр, обратясь к д'Акосте.

— Думаю, государь, что ежели бы статские хорошо отправляли свои должности, то в военных людях не имелось бы никакой надобности,— отвечал шут.

ЖЕНА-КАЛЕНДАРЬ

Д'Акоста, человек весьма начитанный, очень любил книги. Жена его, жившая с мужем не совсем ладно, в одну из минут нежности сказала:

— Ах, друг мой, как желала бы я сама сделаться книгою, чтобы быть предметом твоей страсти.

— В таком случае я хотел бы иметь тебя календарем, который можно менять ежегодно,— отвечал шут.

СУДЕЙСКИЕ ОЧКИ

Имея с кем-то тяжбу, д'Акоста часто прихаживал в одну из коллегий, где, наконец, судья сказал ему однажды:

— Из твоего дела я, признаться, не вижу хорошего для тебя конца.

— Так вот вам, сударь, хорошие очки,— отвечал шут, вынув из кармана и подав судье пару червонцев.

ЕЩЕ ОБ ОЧКАХ ЖЕ

Другой судья, узнав об этом и желая себе того же, спросил однажды д'Акосту:

— Не снабдите ли вы и меня очками?

Но как он был весьма курнос и дело д'Акосты было не у него, то шут сказал ему:

— Прежде попросите, сударь, чтобы кто-нибудь ссудил вас порядочным носом.

ПОГОВОРКА НЕКСТАТИ

Сказывают, что гофхирург Лесток имел привычку часто повторять поговорку: благодаря Бога и вас. Д'Акоста, ненавидевший Лестока за его шашни с женою и дочерьми его, д'Акосты, однажды в большой компании на вопрос Лестока, сколько у такого-то господина детей, отвечал ему громко:

— Пятеро, благодаря Бога и вас.

ДРЕВНЕЙШЕЕ РОДОСЛОВИЕ

Один петербургский вельможа, привязанный только к вину да к картам, не упускал, однако, случая повеличаться своим родословием.

Однажды на ассамблее у другого вельможи он распространился о своих предках, генеалогию которых выводил чуть не от Адама. Д'Акоста, находившийся тут же, примолвил:

— Мне кажется, генеалогия ваша еще древнее, нежели вы думаете, и даже должна быть старше Адама.

— Как так? — спросил не без видимого удовольствия пустоголовый потомок древних предков.

— Да так; ведь многие животные сотворены до Адама, и вы, быть может, произошли от козлов либо от ослов.

УГОДЛИВЫЙ ШУТ

Д'Акоста, находясь однажды в комнатах императрицы Екатерины Первой, был спрошен государыней, здорова ли его жена.

— Она тяжела, ваше величество.

— А когда родит? — любопытствовала государыня.

— Когда угодно будет вашему величеству, — отвечал шут.

Все рассмеялись, и государыня, вынув из кармана две конфетки, милостиво пожаловала их д'Акосте.

УМНИЦА

Д'Акоста, непримиримый враг гофхирурга Лестока, всегда хвалил жену последнего, называя ее умницей.

— Да что же в ней умного? — спрашивали шута те, кто не разделял такого его мнения.

— Как что! — воскликнул шут. — Разве вы не знаете, что Лесток в первую же ночь брака сказал своей молодой: «Ну, Алида, ежели б я тебя знал такую прежде, то никогда бы на тебе не женился»? А она и брякни ему: «Это правда, я сама так думала, потому что меня уже раз пять все вот этак же обманывали, и я опасалась вдаться в новый обман». Ну, не умница ли?

ИЗ ЗОЛ МЕНЬШЕЕ

Жена д'Акосты была очень малого роста, и когда шута спрашивали, зачем он, будучи человеком разумным, взял за себя почти карлицу, то он отвечал:

— Признав нужным жениться, я заблагорассудил выбрать из зол по крайней мере меньшее.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Несмотря на свой малый рост, женщина эта была сварливого характера и весьма зла. Однако д'Акоста прожил с нею более двадцати пяти лет. Приятели его, когда исполнился этот срок, просили шута праздновать серебряную свадьбу.

— Подождите, братцы, еще пять лет, — отвечал д'Акоста, — тогда будем праздновать тридцатилетнюю войну.

АНЕКДОТЫ КУЛЬКОВСКОГО

ХВАСТОВСТВО КУЛЬКОВСКОГО

Кульковский, будучи еще в военной службе, непомерно хвастался своею храбростью, а во время битвы под Очаковым убежал в обоз.

Приятели спрашивали его:

— Где же твоя бодрость?

— В ногах, — отвечал Кульковский.

ИСКУСНО ВЫВЕРТЫВАЕТСЯ

На другой день о такой трусости Кульковского доложено было главнокомандующему графу Миниху, который, призвав Кульковского, делал ему чувствительный выговор.

— Я докажу вашему высокографскому сиятельству, — сказал гордо этот храбрец, — что при сражении я находился в таком месте, где вы не смели показаться.

Миних, будучи тронут таким поносительным словом, грозил ему за это презрительным наказанием. Но трус, видя, что граф пришел в столь великую запальчивость, утешил его гнев словами:

— Я был, ваше сиятельство, при обозе, где ваша храбрость не позволяла вам находиться.

ОПРАВДЫВАЕТ МИНИХА

Когда же впоследствии герцог курляндский Бирон, узнав об этом и много тому смеясь, говорил, однако, о Минихе, что напрасно он всем войском делал приступ к Очакову, отчего многих людей излишне лишился.

— Не весьма многих, — сказал Кульковский, — и я думаю, что наши петербургские девушки не меньше того в одну ночь надевать могут.

ЖЕНЩИНЫ-СУДЬИ

Одна женщина спросила Кульковского:

— Почему женщины не выбирают в судьи?

— Потому, — отвечал Кульковский, — что в судьи выбираются или старые, или по крайней мере пожилые люди, а нет ни одной дамы, которая бы сказала, что ей более сорока лет от роду.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОРАМ

До поступления к герцогу Кульковский был очень беден.

Однажды ночью забрались к нему вору и начали заниматься приличным их званию мастерством.

Проснувшись от шума и позевывая, Кульковский сказал им, нимало не осердясь:

— Не знаю, братцы, чего вы можете найти здесь в потемках, когда я и днем почти ничего не нахожу.

УДАЧНЫЙ ПОРТРЕТ

Известная герцогиня Бенигна Бирон была весьма обижена оспой и вообще на взгляд не могла назваться красивою, почему, сообразно женскому кокетству, старалась прикрыть свое безобразие белилами и румянами. Однажды, показывая свой портрет Кульковскому, спросила его:

— Есть ли сходство?

— И очень большое, — отвечал шут, — ибо портрет походит на вас более, нежели вы сами.

Такой ответ не понравился герцогине и по ее приказанию дано ему было 50 палок.

НЕИСКУССТВО В ЖИВОПИСИ

Вскоре после того на куртаге, бывшем у Густава Бирона, находилось много дам чрезмерно развратных. Придворные, зная случившееся с Кульковским и желая над ним посмеяться, спрашивали: которая ему кажется пригожей других? Он отвечал:

— Этого сказать не могу, потому что в живописи я не искусен.

ДНЕМ И НОЧЬЮ

Но когда об одном живописце говорили с сожалением, что он пишет прекрасные портреты, а дети у него очень непригожи, то Кульковский сказал:

— Что ж тут удивительного: портреты он делает днем...

ЗА ТУ ЖЕ ЦЕНУ

Одна престарелая вдова, любя Кульковского, оставила ему после смерти своей богатую деревню. Но молодая племянница этой госпожи начала с ним спор за такой подарок, не по праву ему доставшийся.

— Государь мой! — сказала она ему в суде. — Вам досталась эта деревня за очень дешевую цену!

— Сударыня! — отвечал ей Кульковский. — Если угодно, я вам ее с удовольствием уступлю за ту же самую цену.

НАСТОЙЧИВОСТЬ В ТЯЖБЕ

Один подьячий сказал Кульковскому, что соперница его перенесла свое дело в другой приказ.

— Пусть переносит хоть в ад, — отвечал шут, — мой поверенный за деньги и туда за ним пойдет!

ПРОСЬБА В СТИХАХ, ПЕНИИ И ТАНЦАХ

184
Дело, однако, длилось долгое время, и Кульковский решил прибегнуть к посредству герцога Бирона. Написав просьбу стихами, он представил ее герцогу в такое время, когда у него никого не было.

— Как, разве ты пишешь стихи, Кульковский? — спросил Бирон.

— Помилуйте, ваша светлость, я не последний поэт, а притом же и певец. Если угодно, я пропою вам свою просьбу, — отвечал Кульковский.

— Пропой! — сказал Бирон.

Шут пропел, а потом говорит:

— Не угодно ли, я и пропляшу ее?

— Пляши, — ответил герцог, и Кульковский пустился вприрядку, причем так развеселил своего покровителя, что он, расхотавшись, положил решение в его пользу.

ЛЕСТЬ СПАСАЕТ КУЛЬКОВСКОГО

Удостоверившись в стихотворческом таланте Кульковского и желая сам перед ним похвастаться, герцог Бирон однажды показал ему свои стихи.

— Хороши ли стихи, Кульковский? — спросил он.

— Весьма глупы! — отвечал Кульковский. — Кто их писал?

— Я сам! — сказал Бирон.

— Конечно, ваша светлость нарочно захотели их сделать худо

и в этом успели. Никто, кроме вас, не имеет дара творить так, как захочет!

Этими словами шут избежал должного ему наказания.

ГРОВОВАЯ ТУЧА

В прекрасное летнее время Кульковский был у баронессы Ч., известной своей красотой. Баронесса, сидя в ванне, разговаривала с Кульковским и хвалила погоду.

— Знаете ли, — сказала она, — что ровно год тому назад я так же сидела в ванне, вдруг набежала туча и раздался такой сильный удар грома, что, перепугавшись, я выскочила из ванны и побежала спрятаться в постелью.

Кульковский, вскочив со стула, на котором сидел, подбежал к окну.

— Что с вами случилось? — спросила баронесса.

— Смотрю, не видно ли грозовой тучи, — отвечал Кульковский.

ПРАВДА

Однажды Бирон спросил Кульковского:

— Что думают обо мне россияне?

— Вас, ваша светлость, — отвечал шут, — одни считают богом, другие — сатаной и никто — человеком.

ИЗЛИШНЯЯ УГОДЛИВОСТЬ

Бирон, собираясь однажды на охоту, приказал Кульковскому разбудить себя в семь часов.

Кульковский разбудил его в шесть, говоря:

— Извольте скорее выспаться, ваша светлость, потому что вам остается спать только один час.

КОСТИ ГРЫЗУТСЯ ЗА СОБАКУ

Сослуживцем Кульковского был офицер по фамилии Гунд, что в переводе с немецкого значит «собака». Две очень старые дамы перессорились за него и чуть не подрались.

Кульковский сказал при этом:

— Часто мне случалось видеть, что собаки грызутся за кость, но в первый раз вижу, что кости грызутся за собаку.

О НАСЛЕДНИКАХ

Известный генерал Д. на восьмидесятом году от роду женился на молоденькой и прехорошенькой немке из города Риги. Будучи знаком с Кульковским, писал он к нему из этого города о своей женьтибе, прибавляя при этом: «Конечно, я уже не могу надеяться иметь наследников». Кульковский ему отвечал: «Конечно, не можете надеяться, но всегда должны опасаться, что они будут».

СПОР О ДЕРЕВЯШКЕ

Сам Кульковский часто посещал одну вдову, к которой ходил и один из его приятелей, лишившийся ноги под Очаковым, а потому имевший вместо нее деревяшку.

Когда вдова показала с плодом, то Кульковский сказал приятелю:

— Смотри, братец, ежели ребенок родится с деревяшкой, то я тебе и другую ногу перешибу.

МОЛОДОЙ КОЗЛЕНОК

Однажды Кульковский был на загородной прогулке в веселой компании молоденьких и красивых девиц. Гуляя полем, они увидели молодого козленка.

— Ах, какой миленький козленок, — закричала одна из девиц, — посмотрите, Кульковский, у него еще и рогов нет!

— Потому что он еще не женат, — подхватил Кульковский.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ШУТОМ И ДУРАКОМ

Третьяковский, желая поострить над Кульковским и сконфузить его, спросил:

— Скажи, Кульковский, какое различие между тобою и дураком?

— Дурак спрашивает, а я отвечаю, — сказал ему на это Кульковский.

НАПРАСНОЕ СОМНЕНИЕ

Кульковский смеялся над восьмидесятилетним стариком, взявшим молодую и пригожую жену. Однажды, встретившись с Кульковским, старик сказал ему:

— Знаешь ли ты, негодный насмешник, что жена моя недавно родила сына?

— Поздравляю, государь мой, — отвечал Кульковский, — да ведь о вашей жене я никогда и не сомневался, чтобы она была неспособна к брачному союзу.

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

Старик Кульковский, уже незадолго до кончины, пришел однажды рано утром к одной из молодых и очень пригожих оперных певиц.

Узнав о приходе Кульковского, она поспешила встать с постели, накинуть пеньюар и выйти к нему.

— Вы видите, — сказала она, — для вас встают с постели.

— Да, — отвечал Кульковский, вздыхая, — но для меня уже не делают противное.

АНЕКДОТЫ ПЕДРИЛЛО

187

СУПРУЖЕСКАЯ НЕЖНОСТЬ

Жена Педрилло спрашивала своего мужа:

- Кого из твоей родни посоветуешь ты посещать мне чаще?
- Кого хочешь, мой друг, и чем чаще, тем лучше: отсутствием твоим я всегда буду доволен, — отвечал шут.

ГРЕХ НЕ В ГРЕХ

Педрилло пришел на исповедь и, между прочим, каялся, что за минуту перед тем он поколотил свою жену.

Духовник спросил тому причину.

- Дело в том, батюшка, — отвечал шут, — что я забывчив и не могу припомнить всех моих грехов; а как примусь бить жену, так она мне все грехи и выговорит. Ради этого, идя к тебе, я и поколотил ее.

ДАЙ МНЕ ПРИВИВОЧЕК

Жена одного канцеляриста повесилась на груше в саду своего мужа. Овдовевший муж весьма горевал и плакал. Педрилло, подойдя к нему, сказал на ухо:

— Как не стыдно тебе, сосед, кручиниться. Ты бы радовался. Дай мне прививочек этой груши посадить в моем саду: авось и у меня произрастут такие же плоды.

БЛЮСТИТЕЛЬ ЗАКОНА

Педрилло, живший со своей женой очень дурно, спрашивал ее, на ком бы ему жениться, если она умрет?

— На чертовой матери, — с неудовольствием отвечала жена.

— Это противно закону, — возразил шут, — ибо я теперь женат на чертовой дочери.

КТО ПРАВ?

Иезуитский патер спорил однажды с Педрилло о предметах богословских, и оба шпыняли друг друга.

— Истолкуй-ка, батька, мне один вопросец, — сказал шут.

— Какой? — спросил патер.

— А вот какой: кто создал моего мерина?

— Разумеется, Бог.

— Ан нет! Бог-то создал его жеребцом, а мерином пересоздал, за мои же денежки, берейтор его светлости герцога Бирона.

ЧЕСТЬ ХУЖЕ БЕСЧЕСТЬЯ

188 Однажды Педрилло был поколочен кадетами Сухопутного Шляхетского корпуса. Явившись с жалобой к директору этого корпуса барону Люберасу, Педрилло сказал ему:

— Ваше превосходительство! Меня обидели бездельники из этого дома, а ты, говорят, у них главный. Защити и помилуй!

БЕЗ ТЕБЯ И С ТОБОЮ

Быв проездом в Риге, Педрилло обедал в трактире и остался недоволен столом, а еще больше высокой платой за порции. В намерении отомстить за это, он при всех спросил толстого немца-трактирщика:

— Скажи-ка, любезный, сколько здесь, в Риге, свиней, не считая тебя?

Взбешенный немец замахнулся на Педрилло.

— Постой, братец, постой! Я, виноват, ошибся, хотел спросить, сколько здесь, в Риге, свиней с тобою?

ШЕСТЬ И ДЕВЯТЬ

Педрилло, между прочим, занимался ростовщичеством. Однажды, после известного запрещения брать больше 6 процентов, пришел занять у него денег какой-то гвардейский сержант, дворянчик. Когда зашла речь о процентах, Педрилло написал мелом на стене цифру «9».

— Бессовестный, боишься ли ты неба?! — завопил дворянчик.

— Чего же бояться? — отвечал шут. — С неба видно только «б».

ЧТО ДЕЛАТЬ КАНЦЛЕРУ?

Канцлер граф А. И. Остерман жаловался Педрилло, что чувствует такой лом в костях от своей подагры, который не дает ему ни стоять, ни сидеть, ни лежать.

— Вашему превосходительству остается только повеситься, — отвечал шут.

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ВХОД

Герцог Бирон, недовольный за что-то на Педрилло, не велел пускать его к себе.

Вскоре после этого герцогу случилось ехать мимо квартиры шута. Его светлость видит приставленную к окну лестницу и на ней парикмахера, завивающего голову Педрилло, высунутую из окна.

Герцог остановился и спросил, что это значит.

— Я недоволен моим парикмахером и запретил ему входить ко мне, — отвечал Педрилло. — Однако, как видит ваша светлость, не могу обойтись без его услуг.

Герцог понял шута и тотчас же сам повез его к себе.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ ГЕНЕРАЛ

Генерал-лейтенант А. И. Тараканов в присутствии Педрилло рассказывал, что во время Крымской кампании 1738 года даже генералы вынуждены были есть лошадей.

Педрилло изъявил живое сожаление о таком бедствии, и генерал в лестных выражениях благодарил шута за его участие.

— Ошибаетесь, ваше превосходительство, — отвечал Педрилло, — я жалею не вас, а лошадей.

БИБЛИОТЕКАРЬ-ЕВНУХ

Герцог Бирон имел — для вида — у себя библиотеку, директором которой назначил он известного глушца.

Педрилло с этих пор называл директора герцогской библиотеки не иначе, как евнухом. И когда у Педрилло спрашивали, с чего взял он такую кличку, то он отвечал:

— Как евнух не в состоянии пользоваться одалисками гарема, так и господин Гольдбах — книгами управляемой им библиотеки его светлости.

ЕСТЬ И ПИТЬ

Педрилло, прося герцога Бирона о пенсии за свою долгую службу, приводил в уважение, что ему нечего есть. Бирон назначил шуту пенсию в 200 рублей.

Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбой о пенсии же.

— Как, разве тебе не назначена пенсия?

— Назначена, ваша светлость, и благодаря ей я имею что есть. Но теперь мне решительно нечего пить.

Герцог рассмеялся и снова наградил шута.

ПО ВОПРОСУ ОТВЕТ

Некто спросил Педрилло, поспешно идущего по улице:

— Откуда, куда, зачем?

— Из трактира, к друзьям, за деньгами! — отвечал шут, не останавливаясь.

ЛЮБИ И САНОЧКИ ВОЗИТЬ

Отобедав однажды в соседнем трактире, Педрилло хватился, что с ним нет кошелька, и просил трактирщика обождать уплату до следующего раза. Но трактирщик был неумолим и снял с Педрилло верхнее платье, которое оставил у себя в залог.

Педрилло решил отомстить. В этих видах он, квартируя рядом с трактиром, начал подкармливать трактирную птицу — кур, цыплят, гусей и индеек. И когда птица эта, привыкнув захакивать к Педрилло, была вся в сборе у шута, он оципал с нее все перья и в таком виде отпустил кур, цыплят, гусей и индеек домой. Трактирщик взбесился.

— Я поступил с ними точно так, как ты со мною, — говорил в свое оправдание шут. — Я потребовал с них денег за месячный корм, они не смогли заплатить — и я снял с них верхнее платье.

ДЕВИЗ ПО ГЕРБУ

Один придворный кавалер был в большом затруднении — какой изобразить ему девиз на дверцах своей кареты — и советовался между прочими с Педрилло.

— А какой у вас герб? — спросил шут.

— Три лягушки, — отвечал кавалер.

— Ну так и велите написать кругом этих трех лягушек: «Ква-ква-ква»!

ПРИВИДЕНИЕ

В одном обществе толковали о привидениях, существование которых Педрилло отвергал положительно. Но сосед его, какой-то придворный, утверждал, что сам видел дважды при лунном свете человека без головы, который должен быть не что иное, как привидение одного зарезанного старика.

— А я убежден, что этот человек без головы просто ваша тень, господин гоф-юнкер, — сказал Педрилло.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Один флорентийский итальянец, обокрав сочинение тамошнего писателя г. Данта и наполнив собственное сочинение его стихами, читал свое мастерство Педрилло. Шут при каждом украденном стихе снимал колпак и кланялся.

— Что вы делаете, господин Педрилло? — спросил мнимый автор.

— Кланяюсь старым знакомым, — отвечал шут.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

В Петербурге ожидали солнечного затмения. Педрилло, хорошо знакомый с профессором Крафтом, главным петербургским астрономом, пригласил к себе компанию простаков, которых уверил, что даст им возможность видеть затмение вблизи. Между тем велел подать пива и угощал компанию. Наконец, не сообразив, что время затмения уже прошло, Педрилло сказал:

— Ну, господа, нам ведь пора.

Компания поднялась и отправилась на другой конец Петербурга. Приехали, лезут на башню, с которой следовало наблюдать затмение.

— Куда вы? — заметил им сторож. — Затмение уже давно кончилось.

— Ничего, любезный, — возразил Педрилло, — астроном мне знаком, и все покажет сначала.

СТАКАН ВОДЫ

Педрилло терпеть не мог воды и никогда ее не пил. Поэтому ему приписывают даже сочинение следующего двустишия:

Вода не утоляет жажды —
Я как-то пил ее однажды.

Однако перед самой смертью он попросил большой стакан воды, говоря, что теперь должно проститься со всеми своими неприятелями.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

МИССИС

ХЬЮ ХОЛПОЛ

ЛАНТ

Рисунок АЛЕКСАНДРА ГРИНА

— Вы верите в привидения?

Вопрос мой был самый банальный, но очень уж трудно найти подходящую тему для беседы с Рансиманом. Вы, возможно, читали его книги: «Бегущий», «Листья вяза», «Кристалл и свеча». Впрочем, скорее не читали. Однако на многозвездном ныне писательском небосклоне его скромное имя утвердилось довольно прочно; он из тех работяг, что выдают каждую осень по роману; романы эти собирают скудные, но неизменные похвалы одних и тех же критиков; у подобных авторов имеется свой преданный, восторженный и крайне малый круг читателей, соответственно малы и тиражи; при личном знакомстве такие писатели оказываются скучны, молчаливы, часто стеснительны и нервозны, жизни они не знают и на мир смотрят весьма мрачно. Пишут очень хорошо, но современники их не ценят. Зато лет через пятьдесят после смерти их книги обычно раскапывает какой-нибудь крот-литературовед, и они превращаются в икону для молодого поколения.

Итак, я задал этот банальный вопрос, поскольку сам же — Бог знает зачем — пригласил Рансимана к обеду и принужден был теперь вести нудную беседу, которая то и дело иссякала; возобновить ее стоило громадных усилий. Сам я критик, не единожды хвалил Рансимана в печати, и потому со мной он был еще застенчивей и нервозней, чем с прочими. Боялся сказать не то и не так, боялся быть неверно понятым, а то бы, пожалуй, разговорился. Вопрос мой пришелся как нельзя кстати: он воспрянул духом, его длинное сухощавое тело энергично подобралось, глаза вспыхнули — Рансиман, похоже, вспомнил что-то волнующее, интересное. И заговорил — безостановочно, неудержимо. Я счел за лучшее не прерывать его рассказа, который и в самом деле явился для меня настоящим потрясением. Правду он рассказал мне тогда или вымысел? Не знаю. Однако обычно байки о привидениях приходят к нам из вторых или третьих уст. Мне же повезло услышать очевидца. А вралем Рансимана не назовешь: слишком серьезен. Сам он признавался, что не вполне уверен в деталях, может, и добавил немного от себя, история-то давняя. Вот его рассказ, от слова и до слова.

«Случилось это лет пятнадцать назад. Я поехал в Корнуолл навестить Роберта Ланта. Знакомо вам это имя? Должно быть, нет. А ведь он написал несколько романов, из тех, что и проза — не проза, и стихи — не стихи, очень живописные, мистические и чертовски хорошие. Незадолго до этого я опубликовал, уж не помню где, хвалебную рецензию на последнюю книгу Ланта и получил в ответ очень искреннее, трогательное письмо. Он явно изголодался и по похвалам, и просто по доброму человеческому слову. Жил он где-то на побережье, в Корнуолле, второй год вдовел. Так и написал: живу, мол, совсем один, приезжайте на Рождество, не считайте меня чересчур навязчивым, просто очень хочется вас пригласить, ну да у вас, верно, время на годы вперед расписано... Время-то у меня расписано как раз и не

было. Напротив, я мучился одиночеством не меньше Ланта, чувствовал себя, как и он, неудачником. Письмо его, как вы уже поняли, меня очень тронуло, и я принял приглашение. В поезде, по дороге в Пензанс, я все пытался вообразить человека, к которому еду. Фотографий Ланта я никогда не видел, он не из тех авторов, чьи лица то и дело мелькают в газетах. Лант представлялся мне ровесником или чуть постарше. Я был одинок и, как многие одинокие люди, мечтал о друге, с которым судьба немногих сводит.

Признаюсь, на подъезде к Пензансу меня обуревали самые радужные мечты. Мы с Лантом сойдемся коротко; обсудим все литературные проблемы, так занимавшие меня в ту пору; станем проводить вместе много времени и даже поедем за границу, ведь путешествовать одному не в радость, не то что с приятным спутником. Я воображал его рассеянным, чувствительным, благородным, задумчивым и по-детски мечтательным. Карьера ни у него, ни у меня не заладилась, но, быть может, вместе нам уготовано великое поприще?

В Пензанс прибыли под вечер, в сумерках; набрякшее небо весь день обещало снегопад, и, когда я сошел с поезда, закружились первые робкие снежинки. Лант писал, что прийдет за мной на вокзал наемный экипаж. Я нашел его: смешную, выдавшую виды колымагу со смешным, выдавшим виды кучером. Многое за давностью лет, вероятно, забылось, и воображение кое-где подменяет память, но мне чудится, что первая смутная тревога обуяла меня именно в этой колымаге. Помнится, безумно захотелось вылезти и махнуть ночным поездом обратно в Лондон. Вообще-то такие порывы мне совершенно несвойственны, напротив, я всегда упрямо довожу начатое до конца. Так или иначе, в экипаже мне стало не по себе; помню даже запах, противный и затхлый, пахло соломой и тухлыми яйцами, а щели были задраены так плотно, словно кто-то хотел уморить меня этой вонью насмерть. К тому же было ужасно холодно; никогда не промерзал я так сильно, до мозга костей. Во всяком случае, голова работала плохо, и лишь одна мысль крутилась неотступно: не надо было сюда ехать. Кругом крошечная тьма, дорога неровная, тряская; некоторое время мы, похоже, ехали лесом, чуть ли не по тропам, ветви таинственно стучали о крышу экипажа, словно тщились сообщить мне нечто важное и срочное...

Не стоит, конечно, придавать каждой детали в моем рассказе зловещий оттенок, да и излагать надо голые факты. Знаю лишь, что с каждой минутой я становился несчастнее и несчастнее. Меня угнетали и холод, объявший тело, и дурные предчувствия, объявшие душу, и одиночество, объявшее всего меня без остатка.

Наконец мы остановились. Старик кучер слез с облучка, с ахами и охами приблизился к дверце экипажа и неспешно принялся ее открывать. Поддалась она не сразу; соскочив на землю, я обнаружил, что снег валит стеной и побелевшая дорога мерцает мягко и загадочно. Прямо передо мною темнело скособоченное, неуклюжее строение — дом, в который я приехал погостить. Я мало что различал в темноте и стоял дрожа, переминаясь

с ноги на ногу, а кучер, нелепый, точно огородное пугало, остервенело дергал звонок: хотел, видно, сбыть меня поскорее с рук и убраться восвояси. Ждали мы, однако, долго, почти бесконечно. Но вот дверь отворилась, и на пороге показался старик, похожий на моего кучера, словно родной брат. Они о чем-то поговорили, потом второй вскинул чемодан на плечо, и мне дозволено было, наконец, войти в тепло с ледящегоо душу мороза.

То, что я сейчас скажу, факт, а отнюдь не игра моего воображения. Никогда прежде не испытывал я такого отвращения к человеческому жилищу — сразу, с первого взгляда. Собственно, в прихожей, куда я попал, ничего конкретно отвратительного не было. На огромное, темное помещение приходилось лишь две тусклые лампы, от них струился холодный, безжизненный свет. Не успев ничего рассмотреть, я двинулся дальше за моим провожатым. Миновав длинный коридор, мы очутились в комнате. Комната эта, в противоположность мрачной, угрюмой прихожей, была теплой и уютной. Я радостно устремился к огню, плясавшему в камине, и поначалу даже не понял, что хозяин дома стоит здесь же, в углу. А заметив его, не поверил собственным глазам. Вы уже слышали, кого примерно я ожидал встретить. Однако вместо рассеянного, тонко чувствующего человека я очутился лицом к лицу с медведем — росту в нем было верных шесть футов с лишком, да и в плечах, должно быть, не меньше. Подбородок скрывала черная бородка клинышком.

Короче, от его внешности я опешил. Но каково же было мое изумление, когда он заговорил! Голосок оказался тоненьким, пискливым, точно у старушонки; к тому же огромный Лант был по-старушечьи суетлив, все время что-то перебирал руками. Я списал его нервозность на волнение. Он и вправду волновался; подойдя ко мне, схватил за руку обеими лапищами и не отпуская долго-долго. Позже, глубоким вечером, за портвейном, он припомнил первые мгновения нашей встречи и извинился.

— Я так счастлив был вас увидеть, — сказал он, — все не верил, что приедете. Я уж и забыл, что такие гости, настоящие гости, люди моего круга. Мне страшно неловко, что затащил вас в эту дыру, но я просто не мог упустить такой возможности. Поверьте, для меня это очень важно.

Честно говоря, его восторженность вызвала во мне какую-то недоуменную тревогу и жалость. А он прямо в лепешку разбивался, лишь бы мне угодить: показал в доме все закоулки, провел всеми занюханнкими коридорчиками, вверх и вниз по темным лестницам, вдоль стен, увешанных — как я разглядел в полумраке — выцветшими, желтыми фотографиями далеких городов. Половицы под ногами нещадно скрипели. Наконец он отворил дверь комнаты, предназначавшейся для меня, отворил с каким-то отчаянием, словно ожидая, что тут-то я не выдержу, развернусь и сбегу. Комната понравилась мне не более, чем остальные помещения в доме, но хозяина моего винить было не в чем. Он сделал все возможное, чтобы порадовать гостя: в громадном камине полыхал огонь, а в кровати — тоже громадной, с пологом на четырех балясинах — уже лежала гредка. Лант не

преминул сообщить об этом с величайшей гордостью. Старик, впустивший меня в дом, почти разобрал чемодан и переложил вещи в шкаф. Лант совсем расчувствовался. Положил мне на плечи свои лапищи и сказал умоляюще:

— Если б вы только знали, что значит для меня ваш приезд, как жажду я поговорить с вами обо всем на свете. Ну... Мне пора идти. Вы тут отдохните с дороги и спуститесь ко мне в гостиную. Буду ждать.

Я остался один. И мне снова отчаянно захотелось сбежать. Комната была неплохо освещена, кроме камня, горели четыре свечи в старых серебряных подсвечниках на высоких ножках, но все же все вокруг виделось мне тусклым, будто окутанным легкой дымкой. Помню, стало вдруг душно, и я безотчетно распахнул старомодное, с ячеистыми переборками окно. Но тут же испуганно захлопнул, задохнувшись холодной снежной пеной, ударившей в лицо. Кроме того, я мгновенно оглох от рева моря — казалось, сейчас прихлынет вал, достанет меня и смоев в пучину. Итак, я быстро захлопнул створки, обернулся и увидел возле двери старуху.

Мы с вами знаем, что успех подобного рода рассказов зависит от того, насколько они правдивы. Я должен бы сейчас доказывать, что старуха и впрямь была, а не померещилась, но не стану. Напомню лишь, что за мной давно укрепилась репутация честяги и зануды. Кроме того, я закоренелый трезвенник и в те годы тоже не брал в рот спиртного. Главное же доказательство, на мой взгляд, состоит в том, что я не ожидал увидеть никакую старуху, а она стояла у дверей, самая настоящая, и сомневаться в этом не приходилось. Конечно, вы можете возразить: не старуха, а тень, не старуха, а платье на распялке, не старуха, а... И каждый раз будете правы, мне нечего сказать, я не знаток красоты. Так что давайте считать, что старуха мне померещилась. Однако померещилась так явственно, что я и по сей день могу описать ее в мельчайших подробностях. В черном шелковом платье, заклотом на груди уродливой массивной золотой брошью; черные волосы зачесаны назад и разделены на прямой пробор. Стоячий воротник сделан из чего-то белого... Лицо тоже очень белое... Более зловещего, ведьмовского лица я не встречал. Прежде она, должно быть, была красива, теперь же сохла и пострашнела. Стояла старуха неподвижно, опустив руки. Я решил, что она здешняя экономка, и сказал: «Спасибо, я ни в чем не нуждаюсь. И дрова у вас славно горят, и светло от них, и тепло». С этими словами я на миг повернулся к камину, а переведя взгляд обратно, старухи не обнаружил. Меня это, конечно, ничуть не удивило; придвинув к огню старое кресло, обитое блеклой зеленой тканью с вышивкой, я взялся за книгу. Общество хозяина дома меня не очень-то привлекало, и я оттягивал, насколько возможно, нашу новую встречу. Он мне откровенно не нравился, и я твердо решил под любым предлогом побыстрее вернуться в Лондон. Трудно сказать, чем именно не понравился мне хозяин. Сам-то я, как истый англичанин, человек сдержанный, к бурным изливаниям чувств отношусь насторожен-

но; особенно отвращают они в мужчинах. И огромные ручки на моих плечах не пришлись мне по нраву. В общем, я не очень представлял, как вынесу его восторженные нежности.

Итак, я взялся за книгу. Но не прошло и двух минут, как в нос мне ударила нестерпимая вонь. Всякие бывают запахи, приятные и не очень, но, на мой взгляд, нет ничего хуже запаха несвежего тела и спертого воздуха, так пахнет иногда в придорожных трактирах и городских трущобах. Запах был резкий и исходил, казалось, из совершенно определенного места — от двери. Встав с кресла, я приблизился и еще сильнее почувствовал кислородный дух, которым несет, простите, от нечистоплотных людей. Я отпрянул, словно там и вправду стоял кто-то мерзкий и грязный. Внезапно запах исчез. Воздух в комнате снова стал свеж, и я увидел, что одно из окон распахнуто настежь, с улицы на пол заметает снег. Удивившись, я затворил окно и отправился вниз, в гостиную.

198
Вечер я провел чрезвычайно странный. Хозяин мой, надо признать, оказался человеком вполне приятным, если кое на что закрыть глаза. Он прямо из кожи вон лез, чтоб меня ублажить. Да и в культуре, образованности, начитанности ему не откажешь. Волнение, вызванное в нем нашей встречей, понемногу улеглось, и он стал просто общительным, даже веселым. Угощал меня прекрасным обедом в забавной маленькой столовой, в каких едали наши предки, с чудесными гравюрами по стенам. За обедом прислуживал давешний смешной старик с длинной козлиной бородой. И, вообразите, именно из-за него вернулось ко мне прежнее смутное беспокойство. Он как раз подавал на стол сладкое. Поставив передо мной тарелку, старик вдруг вздрогнул и взглянул на дверь. Я бы не заметил, но он не успел отнять руку от тарелки, и она задрожала прямо перед моим носом. Я проследил за его взглядом, но ничего не увидел. Однако старик был явно напуган. И тут я почувствовал тот же тошнотворный запах. И снова не придал этому значения. После обеда мы с хозяином перешли в библиотеку и, усевшись у жаркого камина, принялись разглядывать книги. Коллекция у Ланта оказалась превосходная, и ему, как любому собирателю книг, было особенно приятно, что гость способен в полной мере оценить это богатство. Мы перебирали книги и беседовали о ранних английских романах. Этих, так называемых «второстепенных», авторов я знаю досконально — Бейджа, Годуина, Генри Маккензи, миссис Шелли, Мэта Льюиса и прочих. И вдруг хозяин снова обхватил мои плечи своими лапищами — от этого объятия меня всего передернуло. С детских лет я не люблю прикосновений, избегаю их, а с некоторыми людьми — в особенности. Да не только мне, многим неприятны чужие руки, и не всегда это можно объяснить словами. Короче, я отшатнулся.

И тут же Лантом овладела необузданная ярость. Он трясся, изрыгал бессвязные проклятия, точно внезапно обезумел и сам не знал, что говорит. Заявил, будто я его оскорбил, пренебрег его гостеприимством, злоупотребил его добротой, и еще тысяча столь же несусветных обвинений пало на мою голову. Знали б вы, до чего странно было слышать эту околесицу, этот тонкий, пронзи-

тельный голос женщины-истерички и видеть громадного, крепкого, плечистого чернобородого великана.

Я не отвечал ему. Я вообще-то трус — не душой, а телом. И более всего на свете мне претят ссоры и раздоры. Поэтому я, наконец, выдал: «Простите. Я не хотел вас обидеть. Очень жаль, что так вышло», — и поспешно повернулся, желая покинуть комнату. Тут он снова преобразился: стоял несчастный, в полнейшем отчаянии, чуть не в слезах. Умолял меня остаться, каялся в своем несносном характере, объяснял, что одинок, всеми покинут и оттого порой сам не знает, что делает. Заклинал поверить ему в последний раз, выслушать его историю, а выслушав, не судить строго.

И, представьте, я сразу к нему переменялся: уж так нелепо создан человек.

Мне стало жаль его. Он и вправду нуждался в помощи и сочувствии. Я не держал на него ни зла, ни обиды и, чтобы показать это, сам положил руку ему на плечо. Его била дрожь. Мы уселись, и он сбивчиво рассказал свою историю. Она оказалась ничем особенно не примечательной. Лет за пятнадцать до описываемых событий он женился на соседке, дочери священника, женился не по страстной любви, а просто желая обрести спутника жизни. С самого начала у них с женой пошла нелады, и вскоре — Лант признался в этом откровенно — он ее возненавидел. Жена ему попала злая, деспотичная, никого, кроме себя, не желала слушать. Так что смерть ее от сердечного приступа, казалось, должна была бы его обрадовать. Но этого не случилось. Наоборот, все пошло наперекосяк. Он совершенно не мог работать; его перестали навещать друзья, даже прислугу с трудом удавалось заполучить в дом. Он был отчаянно одинок, мучился бессонницей, потому и находился постоянно на грани нервного расстройства.

Так он и жил, брошенный всеми, кроме старика-слуги, который, по счастью, был превосходным поваром, да мальчика, старикова внука.

Я удивленно прервал его:

— Вот как? А я думал, что сегодняшней великолепный обед приготовила ваша экономка.

— Экономка? — переспросил он. — В доме нет женщин.

— Но сегодня вечером она заходила ко мне в комнату — пожилая женщина, на вид из благородных, в черном шелковом платье.

— Вы ошиблись, — сказал он чересчур спокойно; спокойствие явно давалось ему с трудом.

— Я абсолютно уверен, что видел ее, — возразил я. — Ошибка исключена. — И описал старуху во всех подробностях.

— Вы ошиблись, — повторял он. — Раз говорю, что женщин в доме нет, значит, нет.

Я поспешно признал его правоту, боясь новой вспышки гнева. И тут он обратился ко мне с самой что ни на есть странной просьбой. Попросил меня непременно погостить у него несколько дней. Нет, он не просил, он умолял, точно жизнь его зависела от моего ответа. Впрямую он ничего не объяснил, но я понял, что,

оставшись, спасу его от великой беды, что другого случая совершить благое дело мне уже не представится, что он будет обязан мне по гроб жизни, если я соглашусь задержаться в его унылой обители. Я принялся утешать Ланта, словно малого ребенка, пообещал остаться, и мы торжественно пожали друг другу руки, скрепив тем самым наш нерушимый договор.

II

Повествование мое течет неспешно и получается не очень-то стройным, ну да вы, надеюсь, не в обиде. Шаг за шагом приближаться к развязке, к трагическому финалу, куда интереснее, чем враз поставить все точки над «i». Финал же, как вы, вероятно, поняли, недалек. Что до нестройности, так ею всегда грешат истории о духах и привидениях, не все в них логично.

Несмотря на все странности этого вечера, ночь я провел прекрасно — спал сном праведника в старозаветной теплой постели под немолчный, баюкающий рокот прибора. Утро тоже выдалось чудесным и ясным; солнце струило сверкающие лучи на снег, а снег в ответ блестел так ярко, словно стремился согреть само солнце. И мое утро прошло спокойно: копался в книгах, беседовал с Лантом, писал письма. Признаюсь, к Ланту я в конце концов проникся симпатией. И его мольбы о помощи и сочувствии не оставили меня равнодушным. В сочувствии моем, уж не говоря о помощи, прежде (да и после) мало кто нуждался. Давешняя нервозность и тревога не покидали Ланта и утром, но он тщательно скрывал их, чтоб я, не дай Бог, не надумал уехать и не бросил его наедине с одиночеством. Более всего скрасили мой досуг книги. Если б не они, дом давил бы гулкой тишиной своей куда сильнее. Тишина нависла гнетущая, прислушиваться к ней не стоило. Помню, я сидел возле старинного бюро и писал письмо. Подняв голову, я встретил напряженный взгляд Ланта, он словно проверял: услышал ли, заметил ли я то, что услышал и заметил он сам. Я прислушался, и мне почудилось, будто за дверью библиотеки кто-то стоит и уже поднимает руку — вот-вот раздастся стук. Уж не знаю, померещилось или нет, только в тот миг я мог поклясться: распахни я дверь, непременно кого-нибудь обнаружил бы.

Впрочем, несмотря ни на что, я был бодр и весел, обед же привел меня в совершенное благодушие. Лант предложил прогуляться, я согласился, и по сияющему, хрустящему под ногами снегу мы направились к морю. О чем говорили по дороге, не помню, помню лишь, что вполне друг с другом освоились, беседовали легко и непринужденно. Мы шли полями; в какой-то момент остановились, полюбовались гладким, точно шелк, морем и повернули назад. Я пребывал в просветленном состоянии духа и, помню, снова преисполнился радужных надежд. Принялся верить Ланту свои сокровенные мечты, рассказал о замысле новой книги и даже заикнулся о совместной работе. Мы миновали деревню и свернули на тропу, а с нее на аллею, что вела к дому. Я все говорил, говорил... И тут наступила внезапная перемена.

Сначала я заметил, что он вовсе меня не слушает; взор его был устремлен мимо меня на купы деревьев у дома, резко черневшие на фоне серебристого снега. Я тоже взглянул туда и обмер. Под деревьями нас поджидала та самая старуха, которая навещала меня накануне. Я остановился как вкопанный.

— Так вот же она! — воскликнул я. — Глядите, вон — та старуха, о которой я рассказывал. Она приходила ко мне в комнату.

Он схватил меня за плечо.

— Там никого нет. Это тень, просто тень, вы что, сами не видите?

Я сделал еще шаг — старуха исчезла.

И по сей день я не берусь наверняка утверждать, что видел ее. Только день вдруг помрачнел, и радость моя угасла.

Мы ступили под сень аллеи, шли молча, торопясь, точно за нами кто-то гнался. Свет стал сумеречный, я едва различал дорогу. Задыхаясь, мы почти вбежали в дом. Позабыв обо мне, Лант ринулся в свой кабинет, но я не отставал и, войдя следом, прикрыл за собой дверь. Со всей решительностью и твердостью, на какую способен, я спросил:

— Что происходит? Что вас мучает? Скажите же мне! Иначе как я смогу вам помочь?

Он ответил тусклым и совершенно безумным голосом:

— Говорю вам, ничего! Почему вы не верите? Я же говорю: ничего не происходит. Со мной все в порядке. О Боже!.. Боже!.. Не оставляйте меня! В этот самый день... В эту ночь — она обещала. Но я ни в чем не виноват. Это все ее проклятая злоба...

Лант умолк. Вцепился в мой локоть и уже не отпускал. Свободной рукой он постоянно отирал лоб; лоб был сухим, но Ланту, видимо, казалось, что пот льет с него градом. Говорил он то умоляюще, то снова ожесточался, то опять заклинал, будто я отказывал ему в чем-то самом важном.

Он был в совершеннейшем помешательстве; и меня вдруг охватил ужас — я испугался сырого, мрачного дома, безумного, дрожащего великана и чего-то иного, неведомого и куда более страшного. А еще мне было жаль Ланта. Любой на моем месте проникся бы жалостью к бедняге. Я усадил его в кресло возле камина и сел рядом; огонь почти угас, лишь выстреливали порою красные угли. Лант привлек меня к себе и сжал мою руку. Я не сопротивлялся и лишь тихонько повторял:

— Ну, скажите же мне, если знаете за собой вину... Скажите, какая опасность грозит вам, и мы встретим ее вместе. Чего вы боитесь?

— Бойтесь... бойтесь... — повторил он монотонно и вдруг усилием воли, восхитившим меня до глубины души, овладел собой и заговорил нормально: — Я просто спятил от одиночества и депрессии. Жена умерла ровно год назад, в эту самую ночь. Мы друг друга ненавидели. Она знала, что я буду рад ее смерти. Уже задыхаясь, в последних конвульсиях, она пообещала вернуться. Уже год я с ужасом жду этой ночи. Отчасти поэтому и попросил вас приехать, чтобы хоть кто-нибудь был рядом. И вы оказались так добры... Я не вправе обременять вас, но вы так добры... Вы,

должно быть, считаете, что я окончательно загубил свою жизнь? Нет, же, нет. Помогите мне пережить сегодняшнюю ночь и сами убедитесь; мы ведь станем друзьями, мы славно заживем... Только не покидайте меня сейчас, только не сейчас!..

Я клялся, что не брошу его. Утешал, успокаивал. Долго, бесконечно долго, до полной темноты просидели мы, не шелохнувшись. Угли потухли, и лишь слабое свечение снега за незашторенными окнами позволяло угадывать очертания предметов. Сидели мы в обнимку, точно любовники. Сейчас я, пожалуй, посмеялся бы, но тогда было не до смеха. Мы, двое мужчин, онемев от страха, ослабев от ужаса, ждали беду, даже не пытаюсь ее отвести.

Этот охвативший меня паралич тела и воли я не постиг до сих пор. А что бы вы сделали на моем месте? Позвали бы старика слугу? Кинулись бы за помощью? К кому? В деревенский трактир? А может, вызвали бы врача? Я же не мог шевельнуться, лишь следил за серебряным мерцанием, что колыхалось на шкафах и стульях словно озерная рыба, да слушал в тревожной тишине далекое уханье совы.

III

Дальше в воспоминаниях моих зияет брешь. Как ни силюсь я восстановить ход событий, он странным образом ускользает; я не помню, чем кончилось наше вечернее бдение, не помню, как лег. Спал я, видимо, недолго и вдруг внезапно проснулся. В дверях стоял Лант со свечой в руках, он казался огромным в ее мигающем свете. Его черная борода резко выделялась на фоне белоснежной ночной рубашки. Лант тихонько приблизился к моей кровати — тени заметались по стенам от неровного пламени свечи — и заговорил приглушенно, почти шепотом:

— Пожалуйста, пойдите ко мне, ну, пожалуйста, всего на полчаса. — Он пристально вглядывался в меня, точно не узнавал. — Мне так плохо одному, так плохо, — повторял он. Потом вдруг обернулся и, подняв свечу высоко над головой, принялся осматривать все углы.

Я понял, что с ним снова неладно, что он еще на шаг приблизился к границе, за которой безраздельно правит ужас. И шаг этот уже отделил и отдалил его от людей и от всего живого. Он шепнул: «Идите на цыпочках, чтоб нас никто не услышал». Я сделал последнюю попытку удержать Ланта. Встав с постели, надел халат и тапочки и долго уговаривал его остаться в моей комнате. Но все напрасно. Лант повторял:

— Нет, у меня лучше. Безопасней.

— Да в чем же опасность?! — воскликнул я, и взгляд его чуть прояснился. — Очнитесь, Лант! Вам, верно, что-то приснилось. Бояться нечего, и, кроме нас с вами, никого тут нет. Оставайтесь до утра и давайте беседовать, а чепуху выбросьте из головы.

Но он не ответил; взяв меня за руку, повлек темным коридором к своей комнате. Едва мы вошли, он забрался в постель и съежился, обняв руками колени; по телу его то и дело пробегала заметная дрожь. Комнату освещала все та же одинокая свеча,

но и она уже догорала. Тишину нарушал лишь ровный шелест прибора.

Похоже было, что мое присутствие мало помогло Ланту. Смотрел он не на меня, а на дверь, на вопросы не отвечал и вроде бы даже не слышал их. Я уселся поближе к кровати и стал говорить первое, что взбредет в голову, слишком уж тягостная повисла тишина. Говорил я долго и, наверное, начал клевать носом, как вдруг раздался голос Ланта. Очень ясно и отчетливо он произнес:

— Да, я убил ее, но она заслуживала смерти, она всегда была мне плохой женой, всегда, с первых дней, она нарочно мучила меня, нарочно дразнила, она сама виновата, ведь знала, как я вспыльчив. Хотя характерец у нее похуже моего! Только не одолеть ей меня, не одолеть, у меня силы хватит.

И тут же голос его понизился до шепота: «Вот она!» Вдруг Лант закричал отчаянно, точно бьющийся в муках зверь:

— Не пускайте ее ко мне, не пускайте ее!

Он вцепился в мои плечи, но потом руки его, судорожно сведенные и окаменевшие, вдруг разжались. Он упал на подушки, словно от незримого толчка. Руки вытянулись вдоль тела, он дернулся, перекатился на живот и застыл. Я по-прежнему ничего не видел, лишь знакомый дурной дух резко и отчетливо ударил в нос. Я бросился к двери. Выскочив в коридор, стал звать на помощь. На мои крики прибежал старик. Я послал его за врачом и, не найдя в себе сил вернуться в комнату, так и остался в коридоре. Как я ни вслушивался, ничего, кроме шелеста моря да громкого тиканья часов в прихожей, не различал. В конце коридора было окно; я распахнул его — зарокотала морская бездна, пробили далекие колокола. Наконец, собравшись с духом, я вернулся в комнату Ланта...»

Рансиман умолк. Я не выдержал:

— Ну же? Он был мертв?

— Да, он умер. Врач сказал — инфаркт.

— Ну и?.. — повторил я.

— Это все. — Рансиман задумался. — Не знаю даже, о привидении ли мой рассказ или о чем-то ином. Старуха, по-моему, мне просто померещилась. Я, кстати, не знаю, как выглядела жена Ланта. Может, была высокой и толстой. А Лант умер от угрызений совести.

— Пожалуй, — отозвался я.

Рансиман молчал довольно долго.

— Только вот... — начал он, — на теле Ланта нашли отметины: на шее и на груди следы пальцев, царапины от ногтей, синяки... Он от ужаса, верно, сам себя душил...

— Пожалуй, — повторил я.

Рансимана перевернуло.

— Не люблю я Корнуолл, поганое это место. И престранные случаются истории... Там, говорят, испарения, воздух особый, миражный...

— Да, я тоже слышал, — подтвердил я. — А теперь вам самое время выпить. Да и я не откажусь.

Перевод с английского ОЛЬГИ ВАРШАВЕР.

— из группы

АНТИШЕР

**Участник штурма дворца Амина
в декабре 1979 года подробно
рассказывает о той операции**

МИХАИЛ РОМАНОВ:

РОПА

— Михаил Михайлович, впервые я узнал о существовании вашего подразделения, побывав на выставке «Афганская война» в Манеже. Под фотографией, запечатлевшей «серьезных» мужчин в темных очках, был небольшой текст, из которого следовало, что группа создана в 1974 году по личному указанию Ю. В. Андропова. Вы вошли в нее с самого начала?

— После того, как мир захлестнула волна террора, стало ясно, что с ним нужно как-то бороться. В других странах уже были антитеррористические подразделения — в Англии, Израиле, США. В Западной Германии создали группу «Г-9», ее возглавил некий Вольф. Наконец, и у нас решили сделать нечто похожее. Инициатором действительно являлся Юрий Владимирович Андропов, все делалось по его указаниям. Подбирались, как правило, сотрудники Комитета, физически развитые, хорошо подготовленные.

Группу начали формировать на базе 7-го управления, которым руководил генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Бесчастнов, замечательный человек, настоящий командир. Шел 1973 год. Изначально я в ней не был, но в 74-м уже непосредственно включился в ее формирование.

— Кем вы были тогда?

— Капитаном, заместителем начальника отделения в одном из отделов 7-го управления, кандидатом в мастера спорта по дзюдо. Потому и предложили такую работу. Основная задача была сформировать группу по международным критериям. Ориентировались на западногерманское подразделение, на его методы отбора людей, систему подготовки и вооружение. Но, конечно, хотели создать и что-то свое: в плане обучения сотрудников и тактики.

В соответствии с указанием Андропова мы имели право набирать людей из любых подразделений КГБ. Принцип — добровольный. Основательно изучали личное дело кандидата в группу, вызывали в кадры и говорили: «Предлагаем вам работать в таком-то подразделении». Интересовались здоровьем, физическим состоянием, учитывали внешние данные. Затем изучали послужной список, состав семьи, место проживания. Кандидат или соглашался сразу, или давал нам и самому себе возможность подумать. Я сам более пятисот таких бесед провел. В группе чувствовал себя уверенно, потому что у меня уже было несколько чекистских специальностей. Ведь пришел из боевого, Краснознаменного 7-го управления. Занимался агентурной работой — это самостоятельное направление деятельности, соприкасался с охранными функциями Комитета.

В группе все были равны. Назвали ее «Группа А» — антитеррора. Много внимания ее формированию уделяло руководство Комитета, лично Ю. В. Андропов. Поскольку мы создавались при 7-м управлении, непосредственным начальником был А. Д. Бесчастнов, а курировал нас Пирожков.

— *Кто это?*

— Заместитель председателя КГБ СССР, как он велел себя всегда величать. И если по очень срочному делу мы называли его «генерал», без «лейтенанта», грозил выговор или в лучшем случае замечание.

— *Были отказывающиеся влиться в ваш состав?*

— Были. Мы не скрывали, что работа будет сопряжена с возможной потерей здоровья, а может быть, и жизни. Мы не имели права этого не говорить, потому что именно так обстояло на самом

деле. Да и сам распорядок службы сопряжен с жестким режимом. Сотрудник находился в сфере нашего внимания и всегда обязан был сообщать о своем местонахождении. Нас поначалу было немного, воевали малым числом, поэтому каждый был всегда нужен, независимо от того, находится он в группе или выполняет домашнее дежурство.

— *Сколько сотрудников числилось тогда в группе?*

— Тридцать. Помещение заняли очень скромное, да и его долгое время не было. Сложно формировались, сложно росли, практически все отсутствовало. Прибегали к письмам, просьбам, уговорам. Хотя отдача от нас стала очевидной сразу, задействовались постоянно. Потом стало 50, 80 человек. Процесс комплектования растянулся на годы.

— *Ваша база в Москве находилась в каком-то здании КГБ или отдельно?*

— Начали в помещении КГБ, которое принадлежало 7-му управлению. Затем получили новое помещение, расположенное отдельно. Здание переоборудовалось под специфику нашей службы, напоминало в некотором роде казарму, так как круглосуточные дежурства требуют наличия спален, столовой, специального помещения для оружия различного типа. Это должно было охраняться. Словом, требовался свой, специальный режим.

Реконструкции следующей нашей обители тоже долго ждали.

Пристроили небольшой спортзал, гараж. Дело в том, что одного бойца, участвующего, скажем, в локализации заложников, в операции должны обслуживать три-четыре человека. Это связано с транспортом, связью, медициной и т. д. Поэтому, если группа 50 бойцов, облуживающий фон —

150. Такое соотношение, кстати, принято и в группе ФРГ, которая среди иностранных коллег пользуется огромным авторитетом.

— Михаил Михайлович, всегда считалось, что у КГБ неограниченное количество средств. Почему же вы сталкивались с такими проблемами?

— Это суждение слишком далеко от истины. На все хватало, на нас — нет. Любую технику, транспорт приходилось выбивать. К примеру, Ю. В. Андропов разрешил набрать лучших сотрудников из 9-го управления. Там действительно классные ребята, очень нам подходили. Но руководство «девятки» накладывало вето, и никакие апелляции не помогали. Лучших не давали, делали по принципу: на тебе, боже, что нам негоже.

Человеку из другого коллектива требовалось время, чтобы войти в наш климат, обстановку. Поэтому мы пошли по пути подбора молодежи и воспитания ее в своей среде. В зависимости от того, что представлял собой сотрудник — внешне и внутренне, — мы определяли его функции в операции по освобождению самолета или здания. Один мог БТР плечом подвинуть, другой сумел бы пулей влететь в форточку.

— Группа состояла только из офицеров?

— Да. Из аттестованных офицеров, как мы говорили.

— Когда вы узнали, что надо лететь в Афганистан? Как вас готовили к этому?

— Это было довольно неожиданно для нас. Шел обычный учебный процесс, который всегда выглядел активно. Кто-то в Москве, кто-то тренируется на других базах. Пользовались услугами баз погранвойск, частично — МВД и 9-го управления.

Первая команда: нужно подго-

товить хороших парней, умеющих все, для отправки в одну из азиатских стран. Подготовили пять-шесть человек, отправили. Как потом выяснилось, они предназначались для охраны нового правительства Афганистана.

Это была первая ласточка. Затем сказали: не исключено, понадобится более мощная группа для выполнения спецзадания советского правительства. Задача не конкретизировалась. Предполагалось, что мы ее получим на месте. Она сопряжена с очень серьезными целями и возможными потерями.

Я был заместителем командира группы. Командир группы Зайцев в это время отправился в госпиталь. Руководство решило назначить командиром меня. Мне предложили на мое усмотрение сформировать группу, которая бы гарантировала выполнение любой задачи, поставленной на месте.

Утром сказали, в течение дня я группу сформировал, ночью вылетели.

Кстати, когда формирование закончилось и список пошел начальству, приключилась курьезная вещь.

Был у нас в группе Глеб Борисович Толстиков, мы и сейчас вместе с ним работаем. Тогда ему уже было 50 лет, и я, разумеется, его не взял. Он обиделся: «Я тебе всегда был другом, ты мне доверял, а сейчас не доверяешь. Я тебе руки не подам, расстанься с тобой, потому что ты меня предал».

Сказал все на полном серьезе. А как мне быть? Передокладывать? Это же целая история.

Звоню Бесчастнову: «Алексей Дмитриевич, большая просьба включить в группу Глеба Толстикова». А он его прекрасно знает, они старые динамовцы. Говорит мне: «Ты что, ему же за пятьдесят». Я ему свое: «Алексей Дми-

триевич, это очень важно, Глеб на уровне справится с поставленной задачей» — «Он хоть стрелять-то умеет?» — «По последним показателям из всей молодежи второе место занял по стрельбе и на полосе». Толстиков, кстати, мастер спорта, бывший чемпион Союза по боксу. «Ну, раз так, тогда бери».

— *В семьях знали, куда вы едете?*

— Когда уезжали туда — нет. Знала, пожалуй, только моя жена. Она чекист, сейчас майор в отставке.

— *Как она реагировала?*

— Она человек мужественный. Ощущения опасности еще не было. Ладно, говорит, отец. Выберешься.

На машине за мной приехал Володя Гришин. С женой они работали в одном подразделении, хорошо друг друга знали. Тут-то она мне и выдала: «Ты уже старый, а куда Вовку втянул? У него же двое младенцев». А Вовка — классный парень, мастер спорта, виртуоз за рулем, великолепно стреляет. Без него я бы не обошелся, он очень нужен был там. Я его спросил: «Ты как?» Нам же многодетных нельзя брать, желательно только несемейных. Однако он настоял и поехал на это дело.

— *Вылетели в Кабул?*

— Сначала в Баграм. Там находились суток двое. Оружие пристреляли, все-таки новый климат.

— *Какое оружие у вас было и как вы были экипированы?*

— С момента создания группы до Афганистана сумели хорошо вооружиться. Имели прекрасное советское стрелковое оружие, в том числе автомат Калашникова с укороченным стволом, откидным прикладом и «кувыркающейся» пулей. В ближнем бою он поражает не только пулей, но и звуком — у него оглушительный

выхлоп. Имели различные виды холодного, газового оружия, гранаты, которые всем ребятам полюбились. Если чувствовали где-то сопротивление, — две-три гранаты, а потом уже влетали.

Как-то посчитали: 46 с лишним килограммов на нас было. Бронжилет, каска, три-четыре боекомплекта. Здесь уж не жадничали, так как его всегда не хватает. Все необходимое умещалось в десантном рюкзаке, ими поделились десантники из Витебской дивизии. На афганскую одежду нашили дополнительные карманы, чтобы удобнее было разместить гранаты и рожки. Оделись плотно, но были очень подвижны.

В Баграм прилетели в очень напряженный момент. Перед этим по решению нашей инстанции там блокировали аэродром. Спецназ, мягко говоря, сместил Якуба, его начальника. Он здорово обиделся, и никто не знал, какого ответа следует ожидать. Поэтому мы сидели с потушенными огнями — это сразу после гор! Летчики проявили исключительное мастерство. Когда приземлились, кто-то сказал: «Свет не зажигать». Пришлось по-пластунски пробираться в свое расположение. Правительство размещало в нескольких бункерах, а мы — в округе, в палатках. Не знаю, какая легенда оправдывала наше пребывание там.

В Кабуле переехали в посольство, где пробыли до вечера 24 декабря. Я получил конкретную задачу: перемещаться в расположение внешней охраны Амина и находиться там до дальнейших распоряжений.

Мы оказались в километре от дворца, хорошо его видели. Убедительное сооружение, мощные стены. Настоящая крепость; стоящая на возвышенности. Охраняли его первый и второй афганские

батальоны, жандармерия. Во-круг — вкопанные танки. Все вооружение — советское. По-моему, даже охрана дворца ставилась 9-м управлением.

Наше проживание выглядело так. Недостроенное двухэтажное здание, без окон и дверей, пол — галька, железные кровати без матрасов. Рядом с казармой — глинобитные постройки. Там расположен азиатский батальон — туркмены, таджики, узбеки, сносно говорившие на фарси. Командовали взводами русскоязычные лейтенанты, тут уже особые отделы Министерства обороны и 3-го управления КГБ поработали.

Выделили нам одну комнату. Общими усилиями создавали быт, соорудили двухъярусные кровати. Организовали дежурство, привезли сухпайки, заложили ими окна, убивая сразу двух зайцев — чтобы не дуло и чтобы они хранились, как в холодильнике.

Климат там жуткий, особенно в этот период. Днем солнышко пригревает, лужи могут оттаять, а часов с трех холод с ветром. Этот пронизывающий ветер доставал нас до невозможности. Отопления, конечно, никакого.

Состыковались с группой «Зенит», которая расположилась в другом месте, рядом с дворцом. Это тоже комитетское подразделение, сформированное по линии ПГУ. Хорошие ребята. Я близко сошелся с командиром Семеновым Яшей, у нас и пароль потом был: «Яша» — «Миша», — а ответ: «Миша» — «Яша». Было их немного — человек 25.

А перед самой операцией мы с Яшей попали в плен.

— Как это?

— Никакой информации по дворцу не располагали, рекогносцировку не проводили. А сегодня идти в бой. Не вслепую же вести людей.

Я выбил «ГАЗ-66», взяли по ординарцу — Мазаева и Федосеева. Поехали. Первый афганский батальон нас разоружил и пленил. Ситуация драматическая, группы могли остаться без командиров. Всю операцию под удар поставили только потому, что своими глазами хотели видеть, где танки, огневые точки и т. д.

Мы разработали легенду посещения, уже зная, что нас «обкладывает» шестой аминовский полк. Он должен был предупредить, накрыть нас до начала операции.

Мимо дворца дорога идет в горы. В горах стоит известный, привилегированный ресторан с бассейном. По легенде я, командир подразделения, приглашаю офицерский состав на Новый год и хочу заказать столик. Пробирался туда, подмечая все, что нужно. Ресторан не работал, его блокировал шестой полк, все огневые средства направлены в ту сторону, где размещены советские части.

Нас завели в помещение и предложили ждать своей участи. Наш водитель немножко говорил на фарси, я его предупредил: «Ты прислушивайся. Если что, ориентируй нас».

Постоянно по радиосвязи шли разговоры с кем-то. Думаем: решается наша судьба. Или убьют, или... Через водителя говорим: что время зря терять, давайте посмотрим ресторан, поглядим, какой сервис вы предлагаете.

Позвали хозяина ресторана. Мы выбрали приборы, фужеры, человек на 20 меню заказали. В итоге поверили. Ну, и сработали аргументы, что мы охраняем Амина... Правда, они пытались это проверить.

— Под какими именами вы представлялись?

— У меня не своя фамилия была, у Яши, кажется, тоже. Но у него имелся документ, что он

состоит в охране Амина, а я, помимо офицерской кокарды, другими доказательствами не располагал. Мне нечего было предъявлять, и это могло усугубить положение.

Нервы на пределе. Должны быть уже с группами, оставались считанные часы до операции, а мы здесь... Но судьба, видно, сжалась, вырвались кое-как.

— Я слышал немало рассказов о штурме. В частности, что наши перестреляли своих, что Амина охраняла советская разведрота.

— Ничего этого не было. Начало штурма в 19.30, потом время на полчаса ускорили, поскольку так развивались во дворце события, касающиеся Амина.

Я создал несколько подгрупп, каждая имела боевую машину пехоты. Двумя бронетранспортерами и азиатским батальоном — силами поддержки — руководил Глеб Толстиков. На бэтэрах находились штурмовые лестницы, машины должны были поддерживать нас пулеметным и автоматным огнем.

Заход в район дворца предполагался с двух сторон. Мне со своей командой «Гром» надлежало крутиться в одном месте, а Яша должен был штурмовать пешеходную лестницу, выходящую на торец дворца. Потом, соединившись у фасада, нам предстояло вместе проникнуть во дворец.

Но, как всегда, ситуация вносит свои коррективы. Прорыв группы Семенова был затруднен, БТРы подбили, кто мог, десантировался. Яша, представитель афганской стороны, два-три его бойца подошли к намеченному рубежу.

— А остальные?

— Они были рассеяны, прижаты огнем. Появились потери.

А мы, открутившись свое, приблизились к фасадной части, не смотря на подбитую БМП. Сформировали штурмовые группы.

Каждому предписывались определенные действия. Потери были очень серьезные: 1 убит, 13 ранено. Двоих бойцов я еще раньше отдал в снайперы, один из них погиб практически мгновенно, второго тяжело ранило, его с того света тянули уже в Склифосовского. Таким образом, со мной осталось 22 человека. Позже к нам присоединился Эвальд Козлов, он был в моем экипаже. Подбитые машины невозможно было объехать, поэтому все десантировались. Стреляло каждое окно дворца.

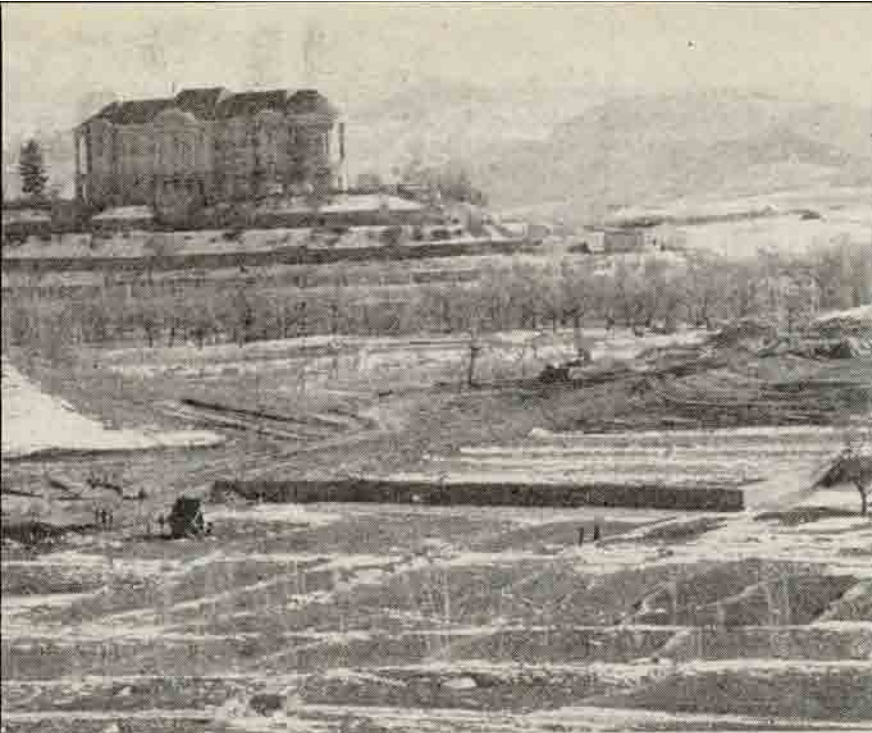
— Вы были на совершенно открытой местности?

— Абсолютно. Немножко нам бордюр помогал. Вообще деталей — море... Операция длилась минут сорок. Взяли дворец, блокировали связь из него. Ожидали подхода афганских сил. Должно было последовать официальное заявление, что Амин низложен и что к власти пришли представители переходного правительства. С Амином должны были разобраться афганские представители. Их было немного, но настроены они были решительно.

— Михаил Михайлович, известно, что наши военные медики оказывали отравленному за обедом Амину помощь и один из них, кажется, полковник, нашими же был убит...

— Сложно сказать — нашими, не нашими. По дворцу со всех сторон велся огонь двумя афганскими батальонами, причем не только пулеметный, но и танковый. Тот офицер погиб от осколочного ранения. Нас перед штурмом ориентировали: имейте в виду, там могут быть наши в белых халатах. Но кто в такой обстановке дает гарантии? Неизвестно, как пойдет бой. Его гибель — одна из досадных, горьких потерь.

— Кто убил Амина?

— Честно говоря, не знаю. Мы оставили его с афганскими силами, он находился в их власти. Допускаю, Амин мог быть поражен и нашими пулями, мы же не голыми руками штурмовали лестницы и апартаменты. Кто знал, там он или нет? Туда летели гранаты, автоматные очереди.

А вот жен его мы приняли, это да. Пять женщин. Одна маленькая совсем, лет 16, но уже с грудным ребенком. Симпатичная, небольшого росточка. Я дал сопровождение старшей жене, чтобы во дворце она нашла питание, одежду. Прямо как в кинофильме «Белое солнце пустыни». Отправил их в наше расположение, поставил охрану.

— Михаил Михайлович, можно подробнее о ваших действиях при штурме? Много драматических моментов пережили?

— Министерство обороны должно было обеспечить нас ог-

невой поддержкой: «шилками»* поразить те точки, которые могли нам препятствовать. Обстрел дворца ожидался одновременно с началом нашего движения к нему. Но установки не совсем удачно расположились, их огонь накрывал незначительную часть дворца, которая впоследствии загорелась.

— Кстати, как вы разобрались с первым и вторым батальонами и жандармерией?

— Нахально.

— Но их же было несравненно больше.

— Считать бесполезно. Плюс вкопанные танки. Плюс около двухсот человек личной охраны во дворце. Сам сейчас удивляюсь, как...

— Но ведь как-то это произошло...

— На одном дыхании ворва-

* Реактивные установки.

лись туда. Небольшая задержка была лишь тогда, когда подбили одну нашу «бэмплэшку». Ворвались со второго захода, потому что из-за очень сильного огня понесли потери. Огненный шквал был такой, что не передать... Все батальоны проснулись. У дворца «рафик» стоял, в решето превратился. Сквозь него смотреть можно было. Жаль, для музея не сохранили.

— Вы упомянули о потерях.

— Ребят задело при десантировании из БМП. Машины стояли боком, но огонь был чудовищно плотен. Ранения — от самого легкого до тяжелых. Многие остались в строю. Емышеву оторвало кисть руки, Леше Тобаеву прострелили шею, где уж тут воевать. Коломиец Сережа — ранение шеи, руки, Кузнецов получил серьезное ранение в ногу, Репин Саша тоже тяжело ранен. Коле Швачко маленький осколок залетел в зрачок. Можете себе представить?! Он все в бой рвался, а из глаза кровь идет. Но зрение спасли, в госпитале оказался ленинградский врач. Сережа Голов получил девять ранений — пулевых и осколочных, но остался, еще и мне помощь оказывал.

— Бронежилет не спасал?

— Бронежилет — это символика. Серьезное оружие не держит. Пистолетный, осколочный вариант — еще да, а автомат прошивает запросто.

Каски были неплохие, западногерманские. Балашову и мне каска жизнь сохранила. Он обнаружил серьезную вмятину от пули в районе уха.

— А у вас что?

— У каски толстый прозрачный триплекс с фиксатором. Когда первое десантирование было, от перепада температур триплекс запотел. Я его поднял, а фиксатор оказался почему-то слабым. Только подниму, начну прикладывать-

ся, позицию менять, он опускается. Я обратно его туда, он опять опускается. И в какой-то момент опускания — я это потом обнаружил — триплекс оказался насквозь пробит, вмятина была на каске у правой брови. Видимо, осколок, не пуля.

А драматизм, повторяю, заключался в невероятном, просто жутком шквале огня.

— Как психологически вы это пережили?

— Сначала состояние на грани паники. Я видел, что таким количеством людей мы дворец не возьмем. В ужас пришел от огня. Точки, которые должны быть подавлены, работают. Если бы чуть-чуть дрогнули, все бы иначе закончилось. И вдруг общий порыв: надо же дойти до входа! Делаем рывок. Когда Сашу Репина ранило, мы не смогли его посадить, он ногу волочил. Крикнул: «Саша, находи себя!»

Подошел к входу во дворец — стоит Виктор Карпукин. Рядом много трупов афганцев. Убило нашего переводчика. В вестибюле лежит Емышев Валерка, рядом Коломиец стонет. Надо их перевязать, а то погибнут от потери крови, и штурмовать дальше. Хорошо, тут Яша и его бойцы появились. Нас было: Козлов Эвальд, я, Голов, Плюснин, Соболев Миша, Гришин, Филимонов.

Пошли не фасадом, а через окна, с правой стороны. Пробились на второй этаж. Ребята действовали отчаянно, четко. Ситуации разные были. Гранату кинешь в стеклянную дверь, а она стекло не пробивает и катится обратно. Но мы уже настолько привыкли к гранатам, что моментально прислонялись куда-то или нагибались, когда чувствовали: сейчас рванет. На голове каска, бронежилет предохраняет, а по ногам пройдет — несмертельно. Спо-

койно относились. Вообще крови было много.

— *Вас не задело?*

— Контузило. Когда стал организовывать второй заход во дворец, то ли от выстрела РПГ, то ли от танкового хлопка волной меня ударило головой и левой частью тела о БМП. Удар резкий, из ушей и носа кровь пошла. Плохо слышу, гул стоит сплошной. На какое-то время вроде даже сознание потерял. Очнулся — взрывы, выстрелы, канонада. Как говорится, не до себя. Задача еще не выполнена, самый бой идет. В это время Яша подошел, и Эвальд со мной в экипаже был. Рассредоточились в 10—20 метрах друг от друга, обнялись, попрощались и — вперед.

В этой запарке я ничего не чувствовал. А на следующее утро мне стало плохо. Что-то тянет, а что — не пойму, вроде ничего не оторвало. Неужто, думаю, осколок влетел? Жутко как тянуло в левом боку. Потом отпустило. Пришли в казарму, и ночью стало совсем худо. Оказалось, удар был такой силы, что камни из почек посыпались. Спасался только наркотиками. Сестра, которую мы вместе с врачами выручили, нянчилась со мной, ведь на наркотиках все время сидеть не будешь, а облегчения никакого. Боль страшная, не дай Бог кому испытать. В афганском госпитале находились ленинградские врачи, но я понимал, что надо лететь в Москву.

Юрий Владимирович Андропов дал мне и моей команде свой самолет, и в Москву я летел, лежа на софе. Пил чай с лимоном, рядом сестра сидела со шприцем. А ребята немножко себе позволили, я разрешил.

— *Как же вас за эту операцию наградили?*

— Меня прямо во дворце к званию Героя представили. Юрий

Иванович Дроздов, начальник спецуправления ПГУ, по радиации связался с Москвой, «добро» получил. Он являлся главным координатором операции и из высшего руководства был нам наиболее близок. Но, оказывается, всякое в жизни бывает. Пошли анонимки. Дескать, мы грабили дворец, обыскивали трупы. Юрий Владимирович назначил служебное расследование. Он сразу нам поверил, сказал, что этого не может быть. Дроздов подтвердил: они от меня ни на шаг не отходили. Недоумевали, кому это нужно? Внезапно объявились завистники, злопыхатели. Естественно, когда на смерть посылали, некоторые думали, что не вернемся, а тут вернулись, да еще на коне. Обливали грязью со страшной силой не только меня, всех, за исключением тех, кто находился выше.

Какое-то время спустя выяснили, что клепал на нас мужик из особого отдела 3-го управления. Он во дворце был, осматривал трупы, анализировал документы. Кто-то из наших ребят вмешался, я поддержал: где же вы раньше были, когда бой шел? Отчитал его и своей властью отстранил от работы. А он, видимо, злобу затаил.

Позже я не раз возвращался к штурму и приходил к выводу, что ни одна группа антитеррора в мире не участвовала в подобных операциях. Она должна войти в анналы истории.

А наградили нас спустя почти шесть месяцев. Мы не то что из-за задержки обиду затаили, мы просто молча ее переживали. Многие наградные документы я писал. Без моего участия практически ничего не оформлялось. Но, как водится, сначала писали, потом это нужно было кому-то отдать, потом с кем-то поделиться. Никуда не денешься — разнарядка. В итоге боевые награды за операцию получили

все, вплоть до машинисток. Некоторые руководители, имеющие косвенное отношение к операции, а то и вовсе не причастные, получили куда более высокие боевые награды, чем мои ребята.

— *Например?*

— Заместители начальника управления почти все получили. Зайцева, находившегося в госпитале, одарили орденом Красного Знамени. Мои парни в массе награждены орденом Красной Звезды. Жуткая несправедливость.

Когда награждение уже состоялось, смирился. Героя Советского Союза удостоились Виктор Карпунин и Эвальд Козлов, посмертно — полковник Бояринов. Я, Голов и Поляков получили ордена Ленина. Яша — орден Красного Знамени. На него тоже какая-то бяка шла. Все строго секретно, никакой информации, в газетах, разумеется, ни строчки. Обидно, когда знаешь, что в другой стране ты стал бы национальным героем.

Вручение происходило в Георгиевском зале Кремля. Надеялись, что будет сам Брежнев, но он в то время часто недомогал, и церемонию проводил Василий Васильевич Кузнецов. Мумия в полном смысле слова. Инструктировали: руку не жать, вопросов не задавать, не обнимать, не целовать.

Пришли. В гардеробе «девятка» принимает плащи. В холле — по углам на столах водичка фруктовая, сигареты. Можете, товарищи, закурить, водички попить. Вроде как бесплатно. В зале ни души.

Потом нам, пятерым, предложили пройти. Вручили, каждый два слова сказал. Вышли обратно в холл. «Может, сфотографироваться?» «Нежелательно», — говорят. Но несколько кадров все же сделали. Я получил фото спустя несколько лет — момент, когда Кузнецов мне руку жмет. А фото в холле так и не получил.

Георгадзе говорит: какие вы, парни, молодцы, сейчас бы с вами по бокалу шампанского выпить, но, извините, в Президиуме на это нет денег, все на послов да на приемы расходуется. А Сережа Голов улыбается: «Мы с собой захватили». Шутка, конечно, но хотелось плакать. Ведь позор — после такого ритуала по бокалу шампанского не налить. Если бы знали, принесли бы с собой.

Сопровождали в Кремль нас два зампреда, Лежепеков и Кирпиченко. «Ну что, — говорят, — ребята, заслужили, можете по стопке выпить, но дома, и никому ни слова. Говорите все, что угодно, кроме правды. Это большая государственная тайна». И отпустили нас. А Голов: «Товарищ заместитель председателя, разрешите мне сослаться на ваше указание быть свободным?» «А что такое?» — «Товарищ Зайцев заставил меня прибыть в подразделение и заняться подготовкой к переезду группы». Зампред удивился: что за чудаческие команды? «Передайте вашему командиру, что два заместителя председателя освобождают Голова, предоставляют ему выходной».

Отправились в группу, я доложил Зайцеву, что награждение состоялось и что два зампреда освободили Голова на день.

И мы поехали в «Прагу», несмотря на рекомендации не делать этого. Взяли с собой Борю Чичерина, моего очень близкого друга. Он не должен был выпивать, чтобы при необходимости оградить нас от возможных случайностей. Время такое было: нас караулили буквально на каждом углу. Позже Боря погиб в Афганистане.

Машину нам не дали, добрались на такси. Приехали в «Прагу» в пять часов, а там с пяти до шести перерыв. Нас не пускают, гардеробщики сидят, хотя столик

заказан. И тут один из нас снимает плащ — на лацкане орден Ленина и Золотая Звезда, другой... Деды привстали. Когда все разделись, они: «Ребята, где набрали? Откуда же вы, сынки?»

Вот тут нас, что называется, подорвало. Почувствовали истинное тепло, восхищение нами. Рядом — свадьба, ждали молодых, собралось человек двадцать, но, когда такую компанию увидели, расступились. Поднялись в пятый кабинет. Официанта звали Коля. Я попросил: «Коля, сделай нам сегодня маленький праздник. Мы собрались по случаю получения правительственных наград, поэтому не надо посторонних и рекламы. Мы ребята тихие, скромные. Один вернулся из Анголы, другой...» Короче, начали лапшу вешать.

Традиция есть традиция. Ордена и звезды опустили в бокалы. Вошедший в это время Коля обалдел. Рядом в кабинете тридцать человек обмывают медаль «За трудовую доблесть», а здесь, видимо, очень круто, во всяком случае, для него. Я сказал: «Коль, выпей с нами. Считай, с того света вернулись». Он выпил, никаких вопросов не задавал.

Ордена убрали. Вновь входит Коля. «Извините, я с другом работаю 15 лет, он в жизни такого не видел. Можно, он тоже с вами выпьет?» — «Заходи».

Затем пришел метрдотель, бывший наш чекист, с двумя или тремя официантами. Ему, оказывается, тоже по секрету всему свету рассказали. И закончилось тем, что появился руководитель оркестра. «Вы знаете, мне стало известно, что сегодня у нас настоящие герои. Вы очень симпатичные ребята, мне бы хотелось оказать вам внимание. Может быть, что-то исполнить в вашу честь?»

А мы закрылись и не выходим из этой конуры. Говорю: на ваше

усмотрение. Настроение хорошее, зло стирается, от собственных наград прячемся, никому не рассказываем, кто мы и откуда. Оставили Бориса с пиджаками, а сами вышли туда. И они нам сыграли, знаете что? «Я в весеннем лесу пил березовый сок». На их усмотрение.

И уже со столов кто-то нам шампанское передает, еще что-то. Народ как любимчиков принял. Это было настолько трогательно, что некоторые ребята плакали.

— За прошедшие годы предпринимались попытки написать о вашей группе?

— Попытки были, но получалась лажа. В общих чертах и далеко от истины. До прошлого года никто правдиво не писал, пока Глеб Толстиков не опубликовался в газете «Стадион».

— Вы сами ничего не пишете?

— Ничего. Единственное, что сделал, — три пленки наговорил. Лучше, конечно, по свежим следам, но настолько мы были затюканы, унижены, что руки не доходили.

А вот самые теплые слова сказал мне еще в госпитале посол в Афганистане Табеев. Голова справа лежит, Коля Швачко слева, я посередине корчусь с камнями. Посол нагнулся: «Ты меня видишь, сынок?» — «Вижу». — «Слышишь?» — «Слышу». Сказал, что так чисто нашими парнями все было сделано, что до сих пор мало кто в состоянии разобраться, какими силами и кто выполнил операцию. «Потом, — добавил Табеев, — у вас будут медали, ордена, но запомни, что я сказал».

Действительно, позже американцы и англичане пытались выяснить подробности, понять, как такое могло произойти.

— Почему вы уволились?

— Толчком послужили события, о которых я упомянул. Пошло откровенное унижение, меня об-

винили в заговоре против Зайцева. Впоследствии как бы по совокупности он получил Героя Советского Союза и генеральское звание. Но в группе его не любили, и на выборах в партбюро многие голосовали против него. Наш командир оказался человеком глубоко непорядочным, далеким от понятия «чекист» в высоком смысле слова. Из-за него ушли из группы Толстиков, Голов, другие.

А поскольку у меня выслуги еще не было и нас с Зайцевым надо было как-то развести, мне предложили работать в том самом управлении, откуда я пришел. Оставалось мне год-полтора до двухсотпятидесятирублевой пенсии. Я в кадрах предупредил: как срок сойдется, сразу звоните.

И вот в 10 часов звонят: Михалыч, все сошлось. В 11 часов я положил начальнику рапорт. Учитывая, что я человек довольно неудобный, увольнению не препятствовали. Докладывали о моем рапорте Андропову, но я сослался на здоровье и в соответствии с положением о прохождении воинской службы прошел комиссию, засвидетельствовавшую, что у меня действительно премного болячек, и ушел на гражданскую жизнь.

— Как она сложилась?

— Месяцев шесть я не работал, приходил в себя. Трудился на даче. У меня немало хороших друзей. Предложили работу в протокольном отделе Госкомитета по науке и технике. Там провел года четыре. А потом новые веяния. При ГКНТ стал образовываться кооператив «Линкон» — лингвистический конгресс, куда вошли лучшие переводчики-синхронисты. Поскольку я хорошо знал протокольную работу, занимался иностранными фирмами, перешел туда. Сейчас мы переросли в акционерное общество закрытого

типа, я — один из пяти директоров.

— Вы довольны своей теле-
решней жизнью?

— Доволен в том плане, что мои руки и голова достойно оценены. У нас тут очень взыскательная обстановка. Но выручают сплоченность и жизненный опыт.

ГРАНТ АПРЕСЯН

*Избавиться от забот о завтрашнем дне
помогут вам 21 способ гарантированного заработка.
Они принесут вам доход и уверенность в своих силах.*

ХОТИТЕ — ВЫБИРАЙТЕ ОДИН ИЗ НИХ, ХОТИТЕ — ПРОВЕРЬТЕ КАЖДЫЙ:

- 1 Частная фирма бытовых услуг.
- 2 Частная торговая фирма на дому.
- 3 Почта на дому.
- 4 Автосервис без собственной мастерской.
- 5 Частное бюро объявлений.
- 6 Частная библиотека.
- 7 Как заработать с помощью телефона.
- 8 Нетрадиционный заработок с помощью собственного автомобиля.
- 9 Ремонтная мастерская самообслуживания.
- 10 Как заработать на своих школьных знаниях.
- 11 Адреса 28 зарубежных фирм-посредников по найму рабочей силы.
- 12 Служба доставки продуктов.
- 13 Частная фирма-посредник.
- 14 Художественное ателье на дому.
- 15 Домашний детский сад.
- 16 Домашняя гостиница у дороги.
- 17 Домашнее кафе у дороги.
- 18 Молодежная служба «мотокурьер».
- 19 Частная справочная служба.
- 20 Частный склад, камера хранения.

Стоимость каждой методики — 57 руб.

21 Рекомендации по эффективному использованию приватизационных чеков (ваучеров) — 180 рублей.

Стоимость всего пакета — 667 руб.

*Пакеты высылаем наложенным платежом. Не забудьте в письмо вложить конверт с Вашим обратным адресом и соответствующей пометкой.
Наш адрес: 454070, Челябинск-70, а/я 404, фирма «РИЗИН».*

«ИНФОРМСЕРВИС»

Всесоюзный информационный клуб
дружбы и создания семьи

ПОМОЖЕТ вам найти друга, единомышленника, создать семью, опираясь на современные научные методы и компьютерную технику. Наше преимущество — высокое качество и скорость обслуживания. Мужчинам предоставляются льготы.

Наше агентство сотрудничает с американской фирмой «Russian American Romance» и итальянской фирмой «QUADRIFOGLIO». Может оказаться, что ваш суженый живет в США или Италии.

СОСТАВИТ ВАШ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ГОРОСКОП по основным направлениям вашей жизни на основе древнеиндийских предсказаний. Специалисты осветят вопросы: здоровья, карьеры, учебы, любви, приключений. Индивидуальный гороскоп поможет вам отказаться от рискованных поступков, найти путь к жизненному успеху.

ПОМОЖЕТ составить ежемесячный индивидуальный график благоприятных и неблагоприятных дней в соответствии с вашими биоритмами.

ПИШИТЕ нам по адресу: 105215, Москва, Е-215, А/Я 10, «Информсервис». В письмо не забудьте вложить пустой конверт с полным адресом — в нем мы вышлем вам условия обслуживания и анкеты. На письме сделайте соответствующую пометку: «3», «ГОРОСКОП» или «БИОРИТМ».

ИГОРЬ КОЗЛОВ

ТЖОСЫНТАР

Рисунок БОРИСА СОПИНА

В бане был элитный сеанс, когда парились истинные «гурманы». В это время народу еще немного, но каменка уже достаточно прогрелась. Можно спокойно, не суетясь, не толкаясь, полежать на чистых деревянных полках, похлопать себя душистым веником, затем окунуться в прохладные воды бассейна. Каиф, да и только!

В предбаннике, укутанные белыми простынями, словно римские патриции, сидели два молодых красавца. Это были студенты третьего курса медицинского института Пашка Коновалов и Витька Барсуков. Сегодня утром они «свалили» труднейший экзамен по патологической анатомии и по сложившейся традиции пошли «обмыть» этот успех.

— А помнишь, как в Афгане мы мечтали о настоящей русской бане? — блаженно вздохнув, спросил Виктор.

— Да... — Пашка невольно прикоснулся к глубокому шраму на плече. — Здорово меня тогда садануло. Еще бы немного — кость вдребезги. И никогда бы из меня хороший хирург не получился.

Пашка и Витька служили в десантных частях печально знаменитой 40-й армии, которой пришлось своей и чужой кровью расплачиваться за безумную авантюру престарелых кремлевских политиков. Это был страшный период их биографии. Ребята участвовали в боевых рейдах, сметали с лица земли киплаки, теряли товарищей... Именно тогда зародилась их дружба, именно тогда они поклялись, что если выберутся целыми и невредимыми из этой мясорубки, то посвятят свою дальнейшую жизнь самой гуманной профессии — станут врачами. Чтобы искупить свою вину...? Перед кем? Этого они точно объяснить не могли. Перед Богом, перед человечеством... Но такое чувство зародилось в их сердцах и повело своей дорогой. Так медицина стала судьбой, а потом выяснилось — призванием. Крепкая рука и железные нервы — отличные качества для будущего хирурга...

— Ну что, еще разок окунемся? — предложил Виктор и взял тазик с веником.

— Давай, — с удовольствием согласился Коновалов.

Друзья сбросили простыни и по теплomu резиновому коврику пошли к тяжелой дубовой двери.

Народу в парилке заметно прибавилось. Обычное дело... Хотя сеанс и начинается в одиннадцать часов, но ведь это не кинотеатр: подваливают кореша банщика, постоянные клиенты, да можно просто так сунуть в лапу — и проходи...

Виктор с презрением оглядел толпу влажных тел.

— Эх, не тот «мондлезир». Да и пар хилый. — Он подошел к печке, плеснул из тазика на раскаленные камни.

Волна горячего тумана заполнила помещение. Барсуков аж отскочил — видимо, ошпарился.

— Мужики! Вы что, охренели? — слышались раздраженные голоса.

— Да я... — смущенно развел руками Коновалов и огляделся по сторонам.

Витька Барсуков выплыл из мутного марева. Рожа у него была какая-то виноватая.

— Слушай, кажется, я действительно переборщил, — хихикнул он. — Надо отваливать, а то они меня заклюют.

Приятель сквозь град матерщины и проклятий выскочили в зал и расхохотались.

— Ну, дела... — отдышавшись, сказал Барсуков. — Ладно, давай под душем омоемся да ударим по пивку в соседнем баре.

— Годится...

Друзья уже были на пороге предбанника, когда неожиданно из парилки донеслись возбужденные голоса:

— Эй, позовите банщика. Человеку плохо стало...

— Доктор, пойдем окажем помощь, — игриво предложил Пашка.

— Да ну их к черту, алкоголиков, — отмахнулся Виктор. — Сколько раз говорено: не пейте в бане.

Тем временем из парилки на самом деле вынесли грузного мужчину, положили на лавку. Вокруг него сразу образовалась толпа. Со всех сторон слышались советы:

— Надо холодной водой облить.

— По щекам похлопайте.

— Лучше стакан налейте...

— Слушай, а ведь помрет клиент, — тревожно воскликнул Пашка и с криком: «Пропустите, я — врач!» — пробился к пациенту, схватил его за запястье: пульса не было.

— Витька! Скорее! — Приятель стоял уже рядом. — Массаж сердца... Быстро!

Пашка хотел положить ладонь на грудь мужчины, но вдруг прямо под соском пострадавшего заметил маленькое розовое пятнышко, из которого слабо сочилась кровь.

Коновалов отпрянул от тела, ошалело гляннул на Виктора. Тот мгновенно все понял.

— Никого не выпускайте из зала! — крикнул Барсуков и пулей бросился в предбанник. Он подбежал к двери и прямо за шиворот оттолкнул собиравшегося выйти солидного старичка.

— Ты чего хулиганишь, парень? — увидев эту картину, завопил рыжий банщик с одутловатым лицом.

— Где у тебя телефон? — глядя ему прямо в глаза, ледяным тоном спросил Виктор.

Банщик сразу напрягся, посерьезнел.

— Здесь, в кастелянской, — и указал рукой.

— Вызывай милицию. У вас человека убили...

2

Пашка стоял рядом с трупом. Вокруг него сосредоточенно сопели голые мужики.

— Что с ним? — наконец спросил кто-то хриплым голосом. — Угорел?

— Нет. Зарезали, — спокойно ответил Коновалов. Он уже

пришел в себя, осознал ситуацию и не волновался — давала о себе знать школа Афгана.

— В парной? Зарезали? Обалдел совсем?

— Кто же его заколол?

Только тут до Пашки пронзительно ясно дошло: убийца находится в зале, рядом, среди них...

И мужики это осознали, оробели, стали коситься друг на друга.

— Всем оставаться на местах,— строго приказал Коновалов.

— У меня голова в мыле. Можно хоть смыть? — заискивающе спросил худощавый дедок.

Пашка разрешающе кивнул. Он оглядел зал: человек двадцать—тридцать стояли в оцепенении. Дверь в парилку была открыта, из нее выкатывались последние клубы пара.

— А может, все-таки тепловой удар? — робко предложил интеллигентный мужчина, судорожно сжимая в руках флакон импортного шампуня.

Коновалов выразительно посмотрел в его сторону, промолчал.

— А кореш твой за милицией побежал?

«Наверно... Куда же еще?..» — подумал Пашка и утвердительно кивнул.

— Сколько ждать? Мне на работу нужно,— мускулистый биатлог подошел вплотную к Коновалову.

— Назад! — крикнул Пашка и принял боевую стойку. — Я ска- зал: на местах! Уложу первого же, кто попытается выйти!

Народ как-то сразу ему поверил. В зале повисла зловещая тишина. Только слышно было, как капает из крана вода и тихо шуршит невыключенный душ.

Пашка наконец внимательно посмотрел на убитого. Это был рослый широкоплечий мужчина лет шестидесяти, может, чуть старше... Тренированное, мускулистое тело. Широкое, скуластое лицо, пересеченное морщинами. Голубые глаза удивленно уставились в потолок. Седой ежик жестких волос...

Кто же его? За что? Другого места не нашли... Чудны, Господи, дела твои...

А в этот момент Витька Барсуков, голый, стоял у входных дверей и препинался с уже помывшимися и одетыми гражданами, которые намеревались покинуть баню.

— До приезда милиции никого не выпущу! — упрямо повторял он.

— Безобразие! Бандитизм какой-то!.. — гудела небольшая толпа.

— Слушай, ты... — выбился вперед наглый румяный здоровяк. — Посторонись, пока цел!

Витька, ни слова не говоря, резко ткнул ему в солнечное сплетение — так когда-то учил бравый сержант Воропаев. Здоровяк хрюкнул, согнулся пополам. Тут, конечно, по всем правилам науки положено двинуть ему коленом в морду, либо ладонью по шее. Но это был не тот случай... Поэтому Барсуков воздержался и только злобно, сквозь зубы процедил:

— Еще вопросы будут?

Граждане присмирели, с легким помоном расселись на диваны и стали терпеливо ждать.

Рыжий банщик принес Витьке свежую простынь, протянул уважительно:

— Прикройся...

Оперативно-следственная бригада прибыла минут через сорок. Возглавлял ее невысокий, коренастый мужичок. У него были странные глаза: строгие, серьезные, цепкие и в то же время веселые, с ехидцей.

Следователь сразу с порога оценил ситуацию и похвалил Барсукова:

— Молодец! Когда обнаружили труп?

— Пятьдесят четыре минуты тому назад.

— Откуда такая точность?

Виктор указал глазами на круглые часы, висевшие на стене.

Следователь хмыкнул, представился:

— Петр Иванович Жуков... — потом окинул взглядом «поле боя» и недоверчиво спросил: — Так-таки никого и не выпустил?

— Никого, — ответил парень, глядя исподлобья.

Следователь снова улыбнулся и еще раз с профессиональной дотошностью оценил внешность неожиданного помощника: высокий, темноволосый, квадратный волевой подбородок, решительный и одновременно настороженный взгляд — «супермен» да и только!

— А там, в зале, мой приятель караулит, — сказал Барсуков.

— Ну что ж, пойдём... — Следователь шепотом дал указания прибывшим с ним милиционерам, лукаво оскалившись, добавил: — Жаль, что ЧП произошло не в женском отделении...

Жуков, брезгливо перешагивая лужицы, шел по кафельному полу. Голые мужики засмутились, стали прикрываться тазиками, вениками, мочалками.

— Это ты второй караульщик? — спросил следователь у Пашки.

— Да, — насупившись, ответил Коновалов. — Вот... — Он протянул руку к ране. — Проникающее колотое ранение.

— Откуда такое знание терминологии? — удивленно изогнув бровь, осведомился Жуков.

— Мы студенты медицинского института, — пояснил Барсуков.

— А-а-а... — протянул следователь и кивнул плотному румяному толстячку: — Давай, Макарыч, священнодействуй. А будущие коллеги тебе помогут.

Тот, к кому обратился следователь, судя по всему, был судмедэкспертом. Он наклонился над трупом, осмотрел поверхность грудной клетки.

— М-да... — крикнул он. — Умеючи били. Прямо в сердце... — Потом оцупал подмышечные впадины. — Еще теплый... Хотя здесь жарко... — И, вскинув на следователя маленькие, прищуренные глазки, спросил: — Какие вопросы вас интересуют в первую очередь, Петр Иванович?

— Орудие убийства.

— Ну... длинный, узкий, достаточно прочный колющий предмет.

— Кто и где обнаружил труп? — обратился Жуков ко всем «голым».

— Я, — сказал загорелый жилистый дядька. — Я только зашел в парную, стал подниматься на верхний полбк. Гляжу, товарищ к стеночке притулился и голову так набок склонил. Я его потряс за плечо — он совсем рухнул... Ну, я забил тревогу.

— Кто рядом с ним был?

— Да... — Мужичок смущенно покачал головой. — Вроде все тут рядом были... Парилочка небольшая.

Жуков ослабил узел галстука, снял пиджак.

— Ладно. Пойдем посмотрим вашу «парилочку».

В маленьком помещении все еще было достаточно душно. Жуков решительным жестом подозвал из своей свиты криминалиста Захарова.

— Жора, ты работал когда-нибудь в таких условиях?

— О-хо-хо... Всякое бывало. Я однажды в пекарне исследовал. Там одна дамочка другую из ревности в печь толкнула.

— Да? Вот Баба-Яга... — Следователь отыскал взором «загорелого». — Как вас звать-величать?

— Антон Михайлович Бойко, — четко представился тот.

— Вы, наверно, прапорщик? — улыбнувшись, спросил Жуков.

— Так точно, — смущенно ответил Бойко. — А как вы, извиняюсь, догадались?

— До Шерлока Холмса мне, конечно, далеко. Но ваша бравая выправка и отсутствие загара до колена говорят о многом.

224 — Да, правильно, — хмыкнул прапорщик. — На полигоне. В табельных трусах в основном загорали. А сейчас я к деду, в отпуск, приехал. Решил с дороги в баньку сходить. Тут такое дело...

— Ничего. Разберемся. Так покажите, дорогой Антон Михайлович, где наш потерпевший располагался.

— Аккурат в этом углу. — Бойко указал пальцем.

— Народу в парилке много было?

— Достаточно... Взвод.

— А как пар?

— Хреновый. Сырой, тяжелый... У нас в части гораздо лучше. Деревянные ступени полка¹ покрывали крупные, дрожащие капли.

— Жора, скажи, а по отпечатку задницы ты тоже сможешь идентифицировать? — хмуро спросил Жуков у эксперта.

— Попробую, — оценив юмор, пробурчал Захаров. — Хотя, честно скажу, мы это не проходили. Тебе тогда придется собрать отпечатки у всех подозреваемых... — И кивнул в сторону зала, где толпились голые мужики.

— Надо будет — сделаем. Нальем в тазик мастику. Заставим каждого присесть, а потом на ватман садиться. Ты только хороший след найди.

— Постараюсь...

Следователь оставил эксперта один на один с местом происшествия, а сам вышел в зал. Он быстро переговорил с Барсуковым и Коноваловым, выяснил, кто они и откуда, еще раз поблагода-

рил за решительность и сметку. Наконец Жуков окинул строгим взором всех посетителей банно-прачечного заведения.

— Ну что, граждане? Вы являетесь подозреваемыми. Благодаря смелым действиям наших отважных «афганцев», как я понимаю, мышеловка захлопнулась. И убийца находится среди вас. Поэтому предлагаю супостату, пока не поздно, самому объявиться. Оформим явку с повинной — и вся недолга. И посложнее дела раскручивали. А о такой ситуации, как наша, можно только мечтать. Даю минуту на размышление.

— А почему вы решили, что преступник здесь? — визгливо воскликнул интеллигент с шампунем. — Может, он в предбаннике?

— Логично, — не стал возражать Жуков. — И поэтому, пока вы размышляете над моим предложением, я эти же самые слова повторю там... — Следователь скрылся за дверью.

В зале снова стало тихо. На пороге торчал милиционер, он переминался с ноги на ногу. И кучка растерянных, мокрых и жалких людей стояла перед ним, как перед Богом у ворот Рая или Ада. Стражу порядка было неудобно и жарко. Но он продолжал добросовестно выполнять свой долг и только через каждую секунду, тяжело вздыхая, смахивал пот со лба здоровенным платком, похожим на солдатскую портянку.

— Вот тебе и с легким паром... — трагическим тоном произнес высокий кареглазый атлет и, обращаясь к своему товарищу, добавил: — Видать, надолго застряли. Надо хоть позвонить...

Тот, коренастый, широкоплечий, неуверенно развел руками и, повернувшись к милиционеру, раздраженно сказал:

— Дайте одеться. Что же мы так, голяком, как перед расстрелом.

— Начальство вернется. Ему виднее, — невозмутимо ответил страж.

Следователь появился ровно через минуту.

— Ну что? Никто не хочет сделать заявление? — выдержал паузу. — Лады... Тогда начнем по порядку.

В этот момент приоткрылась дверь и в просвете возникла голова рыжего банщика.

— Гражданин следователь, там народ собрался... который на следующий сегс билеты приобрел... Что с ним делать?

Жуков опять скорчил свою сатанинскую ухмылочку:

— Двух самых нетерпеливых тащи сюда.

Когда «счастливики», испуганно озираясь, появились в зале, следователь торжественно произнес:

— Товарищи, здесь только что произошло убийство. Я принял к производству уголовное дело. Предлагаю вам стать понятыми в ходе расследования. Надеюсь, вы исполните свой гражданский долг?

Любители попариться в дневное время сразу скинули, но лучистый взор следователя, видимо, произвел на них впечатление: отказа не последовало.

— Тогда пройдите в парилку. Там составляется протокол осмотра места происшествия.

В сопровождении оперативников понятые засемили в указанном направлении.

Сам Жуков подошел к лавочке, на которой лежал труп. Здесь продолжал трудиться судебный медэксперт.

— Ну как, Макарыч? Есть что-нибудь интересное?

— Нет. Ничего особенного... Смерть наступила приблизительно час тому назад.

— Это и так ясно. Сеанс начался в одиннадцать. А сейчас десять минут второго.

Следователь подозвал самого толкового «опера» — Сашу Махорина, маленького, шустрого, бывшего чемпиона города по вольной борьбе.

— Давай, Александр, заводи сюда всех одетых из предбанника. Будем устанавливать потерпевшего.

Дверь распахнулась. На пороге в нерешительности застыла чучка людей.

— Захотите, заходите, — пригласил Жуков и призывно помахал рукой.

Мужики нехотя поползли в зал, как на похоронах, обступили тело, потеснив обнаженных товарищей по несчастью.

— Пять пар чистых и пять пар нечистых, — не удержавшись, сострил Барсуков.

Следователь одобряюще усмехнулся:

— Вот именно... Итак, задаю официальный вопрос. Кто из вас знает этого человека?

Все отрешенно смотрели на труп, молчали.

— Хорошо... Поехали дальше. Кто-нибудь заметил, с кем пришел этот человек? Где разделся? С кем парился? Кто тер ему спину?..

Посетители бани продолжали безмолвствовать.

— Не бойтесь! Здесь полно представителей правоохранительных органов. Мы сумеем защитить любого... — И тут Жуков огляделся по сторонам. — Саша, а где банщик? Ну-ка, тащи его сюда! Ты что?..

Через мгновение рыжий «жрец» в крахмальном белом хитоне стоял в первых рядах опознавателей.

— Вам знаком этот клиент? — с нарочитой строгостью гаркнул следователь.

— Откуда?.. Ходят тут всякие! Разве всех упомнишь! — не взглянув на труп, заголосил банщик.

Барсуков и Коновалов переглянулись. Даже неопытному психологу было ясно, что рыжий врет. И следователь, конечно, понял это.

— Ты, папаша, дурака не валяй. Мы тут не в бирюльки играем. Здесь подрасстрельные статьи в воздухе витают. Смекаешь?

— Смекаю. Все смекаю... А потому вот тебе мой последний сказ: этого человека я никогда раньше не видел, с кем он пришел, не запомнил, ничего особенного во время сеанса не заметил. Только вот под конец молодой человек выскочил... — И указал на Барсукова. — Драться начал. А потом говорит: «Вызывай милицию! У вас человека зарезали!» — что я и сделал...

Жуков выслушал этот монолог с огромным вниманием:

— Спасибо... — не без ехидства сказал он. — Массу ценной

информации вы мне сообщили. Может быть, если за вами больше ничего нет, я не стану вас привлекать за уклонение от дачи показаний.

— Какой информации? Каких показаний? — все-таки заволновался банщик. — Что вы мне шьете?

— Шьют в ателье. А здесь у вас парят. Или точнее — пыряют стилетом... прямо в сердце. В вашем преискуранте числятся такие услуги?

Щеки банщика покрылись алыми пятнами.

— Вы с ума сошли... — прошептал он. — Я буду жаловаться. Вы оказываете на меня психологическое давление!

Жуков бросил в сторону студентов выразительный взгляд:

— Видали, какие у нас образованные работники коммунальных предприятий. Среди них полно бывших аспирантов. Я даже знал одного кандидата наук, который промышлял массажистом в дамском салоне.

Следователь подозвал Махорина и дал ему указание:

— Забирай этого Герострата и крути его на всю катушку.

Оперативник подошел к оцепеневшему банщику, подтолкнул локтем, ласково проворковал:

— Пойдем, дружок. Потолковать надо...

3

Далее следователь организовал следующую процедуру. Он по одному выпустил из зала «голых», предварительно записав все их данные, велел каждому одеться и сидеть на своем месте. Так в считанные минуты были обнаружены вещи убитого. Они располагались в отдельной кабинке. Здесь же, на столике, стояла початая бутылка коньяка, два стакана, на блюдечке лежали тонко нарезанные ломтики лимона.

Жуков осторожно взял стаканы, посмотрел их на свет и нарочито громко, чтобы слышали все присутствовавшие, произнес:

— Ох, какие замечательные картинки! Просто прелесть... Сейчас мы позовем Жору Захарова. И он нам быстро определит: чьи это пальчики держали стаканчики.

После этих слов с дальнего дивана поднялся сухонький, жилистый старичок: лицо овальное; затылок плоский, линия волос прямая, с мыском; брови скошены внутрь, глазные щели нависные, а сами глазки — серые; переносица — средняя, нос — широкий, выпуклый, верхняя губа отклонена назад, нижняя — выступает, ротик небольшой, губки пухлые, ушки средние, оттопыренность — общая, положение — вертикальное. А вот и особая заметка — шрамчик на щеке, в детстве петух клонул.

— Здравствуй, Густав Семенович, — ласково обратился Жуков. — Что ж ты прячешься? Я тебя зову, зову, а ты все не идешь. Ай-я-яй, не хорошо! Чай не мальчик, понимать должен.

— По той причине и затаился. Понял, что влип в парашу. А вот в какую, нужно было сообразить. Для этого чуток времени необходимо...

— Ну и как, сообразил?

— В общих чертах... Ты ведь специалист в эротетике. Действуй!

Жуков от души рассмеялся.

— Ну, пошли в соседний кабинет.

Следователь и знаменитый вор в законе Густав Семенович Скоков, по кличке «Факир», уединились.

Граждане, до которых долетели обрывки последнего диалога, смущенно переглянулись. И только специалисты-сыщики с пониманием хмыкнули. Они-то знали, что «эротетика» — это раздел логики, посвященный искусству задавать вопросы.

— Так кто такой, этот невинно убиенный? — с любопытством спросил Жуков.

— Насчет «невинно убиенного» я глубоко сомневаюсь, — прокрипел Скоков. — За просто так в бане не укукошат... — И вдруг, сглотнув слюну, по-приятельски предложил: — Слушай, Петр Иванович, давай допьем коньяк. Зачем добру пропадать? Так у нас веселее разговор пойдет.

Следователь цыкнул зубом:

— Не могу, Густав Семенович, теперь это «вещдок».

— Ах да... — разочарованно протянул Скоков, немного помолчал и сказал: — Убили Дмитрия Антоновича Лиманова, известного коллекционера. Проживал в Кедровом переулке, дом 6, квартира 153.

Жуков быстро записал эти сведения на листок бумаги и передал его Махорину.

— Шура, пошли своих орлов. Пусть проработают по полной программе.

Потом ласково посмотрел на Скокова:

— А вы с ним дружили, Густав Семенович?

— Не без того. Ты ведь знаешь, я был в хорошие дома вхож. Дело прошлое... Но Дмитрию Антоновичу тоже с этого перепадало. Ну, и он мне помогал: иногда оценивал какую-нибудь вещицу, иногда... — Скоков скорчил смешную рожицу.

— Наводил на жирный куш, — закончил фразу Жуков.

— Увы. Не стану отрицать... Но это, как говорится, дела давно минувших лет. Сейчас нас связывала только общая любовь к бане. По традиции, каждый четверг мы ходили сюда. Омывались, беседовали, вспоминали, философствовали...

— И вот сегодня?..

— Да... Сегодня, как видишь, порвалась связь времен. Кому-то Дмитрий Антонович помешал. И меня в этом мероприятии разыграли как последнюю «шестерку».

— Ладно! Не тяни! — резко оборвал следователь. — Рассказывай коротко и ясно. То, что ты напичкан цитатами, я отлично знаю. Меня этим не удивишь.

— А я никого не хочу удивлять, — спокойно возразил Скоков. — Я их для своего удовольствия употребляю. И не злись, Петр Иванович, не злись... Не я твой «объект». Ты ведь умница, скоро сам это поймешь. А тебе потом стыдно будет, что на старого человека кричал.

— Илагай, илагай... — усмехнулся Жуков.

— Значит, так. Все как обычно. Встретились в своей кабинке,

тягнули по маленькой... Посетили пару раз парилку. А это, стало быть, уже третьим заходом шли. Мы там в своем любимом закутке пристроились. Вдруг появляется Янис...

— Это кто?

— Банщик здешний, рыженький... И говорит: «Густав Семенович, вас срочно требуют к телефону». Ну, я и отправился...

— И часто тебе в баню телефонируют?

— Часто не часто, но бывает... Я, как вы знаете, с активной работой завязал. А консультации кое-какие даю. Мне ведь государство пенсию не платит. И в университетах курс лекций по моей дисциплине не предусмотрен. Но «Факира» еще многие помнят... Вот я и промышленью умственной деятельностью... Значит, пошлепал я в кастелянскую. Там у Яниса аппарат стоит. Але! Але!.. В трубке — шелк и гудки... Я подождал немного, может, перезвонят. Ан нет... Тогда вернулся обратно. И сразу все понял... Димочкина душа уже отлетела. И тело омывать не надо. Оно у него чистое было, как у ангела... — Скоков неожиданно шмыгнул носом. — Легкой жизни я просил у Бога, легкой смерти надобно просить...

— Испугался?

— А то? Аж спина похолодела, это в парной-то. Подумал: вдруг я следующий.

— Есть за что?

— Ох, Петр Иванович, не юродствуй! У людей нашей профессии свой кодекс чести. Иной раз и сам не поймешь, в чем провинился.

— Дальше?

— Оделся я по-скоренькому и хотел тикать. Думал так: Янис меня не выдаст, а злодея этого пусть дружки твои сами ищут... Да не вышло! Вон тот оголец, проклятый, на самом пороге меня подсек! Чтoб его девки никогда не любили! А на этом Шехрезада закончила дозволенные ей речи...

Жуков задумался и тоже довольно долго молчал. Видно было, что в его голове происходил таинственный анализ: рассыпалась информация по ячейкам, а потом снова собиралась в одну кучу, но уже отобранная, отфильтрованная, оцененная.

— Ну и что ты, Густав Семенович, решил? Чьих лап это дело?

— Убей Бог, не знаю! — искренне воскликнул Скоков. — Правда, Дмитрий Антонович скрытный был человек, особенно меня в свои планы не посвящал. Да и я не любопытствовал... Для сохранности здоровья...

— Как думаешь, убийца сейчас в бане?

Скоков аж съежился, робко огляделся.

— Ох, лучше бы сбегал! Но боюсь, что тут... Сам соображай: они меня специально этим звонком отозвали, «резака» в это время наверняка находился в парилке. Я отсутствовал от силы минут пять. Значит, тогда все и произошло. А был этот Каин, надо полагать, голым...

— Логично...

— Потом ему, не суетясь, чтобы не привлечь внимания, нужно было пересечь зал, выйти в предбанник, одеться и улизнуть. Теоретически возможно... Но уж больно быстро этот оглоед нале-

тел. А я ведь тоже шустро действовал. Мне оставаться тут совсем не хотелось... Вон даже с перепугу стаканчик свой забыл прихватить — старею...

Следователь усмехнулся, заглянул за занавеску в предбанник, где смиренно томились подозреваемые, свеженькие, розовые как поросята.

— Значит, убийцу советуешь искать среди «одетых»?

— Если не ушел, пожалуй, так...

— Ладно. Посиди пока тут. Вот тебе бумага и ручка. Пиши все то, что мне поведал.

— Петр Иванович, — взмолился Скоков. — Христом Богом тебя молю, поставь здесь пост! Какое-то дурное предчувствие. Как бы этот «резака» и меня не пришил.

— Ты что, Густав Семенович? Совсем плохой стал. Зачем ты ему нужен? Он бы тебя давно уложил.

— Эге! Не диалектически мыслишь, Петр Иванович. Я так кумекаю: он надеялся, что я сбегу, и вы все силы на меня бросите. А я-то остался. Это первый прокол...

— Да?.. — Следователь потер пальцами переносицу. — Ну, хорошо... У меня лишних караульчиков нет. Но я к тебе сейчас надежного стража приставлю. — Жуков снова отдернул занавеску и позвал: — Барсуков, иди сюда, пожалуйста.

Виктор, уже облаченный в модный джинсовый костюм, встал, недоуменно переглянулся с товарищем и пошел на зов.

— Витя, ты помнишь этого субъекта? — лукаво спросил следователь.

Барсуков мельком взглянул на Скокова.

— Да. Я его в дверях поймал, когда он собирался улизнуть.

— Правильно, — удовлетворенно кивнул Жуков. — Вот пока он будет сочинять объяснение, посиди, пожалуйста, с ним. Он боится, что его тоже могут убить. Сможешь защитит старичка?

— Постараюсь, — хмыкнул Барсуков.

— Ну и ладушки... А я пока пойду с банщиком покалякаю.

В кастелянской Янис Эдгарович Рудзитис, 1953 года рождения, латыш, образование высшее, пытался «пудрить мозги» оперативному уполномоченному Володе Шевцову. Он живописал ему тяжелый и неблагодарный труд банщика: толпы грязного сброда, словно дикие орды, постоянно набегают на его владения, оставляя после себя кучи мусора и скверны, а он, скромный работник, этакий беззаветный «мойдодыр», стойко переносит все эти невзгоды, потому что любит свое ремесло и понимает его святую необходимость — в чистом теле здоровый дух.

Когда на пороге появился Жуков, банщик осекся на последней фразе и по тяжелому, пронизательному взгляду следователя, в котором впервые вспыхнули искры ярости, понял: пора кончать валять дурака, события понеслись по восходящей спирали.

Жуков заглянул в протокол и ледяным тоном произнес:

— Янис Эдгарович, там, в своей кабинке, «Факир» строчит мне чистосердечные показания. Поэтому советую вам с этого

момента тщательно оценивать каждое ваше слово. Потому что из категории свидетелей я перевожу вас в группу подозреваемых или точнее — соучастников преступления. Вам ситуация ясна?

— Предельно, — пробурчал Рудзитис.

— Тогда вопрос первый. Кто вас уговорил, запугал, потребовал, вынудил... выбирайте любой подходящий вам глагол. Короче, по чьему приказу вы вызвали Скокова из парной?

— Не было никакого приказа, — визгливо сказал Янис. — По телефону позвонили. Мужской голос попросил срочно позвать Густава Семеновича. У нас есть такая договоренность. Густав Семенович мне за это приплачивает... Я пошел в парную. Мы вернулись вместе. Скоков взял трубку, сказал: «Слушаю вас...» Потом пожал плечами, говорит: «Странно...» Посидел немного. И пошел обратно. А через мгновение буквально выскочил из зала, словно его оса ужалила, похватал свои вещи и бежать. Но тут возник этот парень. Он его за шиворот схватил и кричит: «Никого не пущу!» Затем другой полез, тоже хотел уйти. Парень ударил его сюда... — Показал на верх живота. — Тот сразу отвалил. И больше никто не пытался выйти.

— Ну хорошо, Янис Эдгарович, допустим, все так и было. А теперь вспоминайте очень старательно: до того, как Скоков пытался удалиться, кто-нибудь из посетителей этого сеанса ухитрился?

Банщик закатил глаза к потолку, от волнения его нос покрылся мелкой испариной.

— Трудно сказать, — наконец выдавил он из себя. — За всеми не уследишь. Хотя! — Он вдруг обрадовался и засунул руку в карман. — У меня корешки от билетов сохранились. А вот... — Он достал из другого кармана деньги, пересчитал их. — И восемь человек я так пропустил...

— Молодец, Янис Эдгарович, — просиял Жуков. Он бережно взял ворох скомканных корешков, протянул их Шевцову: — Действуй, Володя... Только аккуратнее, чтобы не вспугнуть.

Оперативник появился в кастелянской через пять минут и торжественно доложил:

— Петр Иванович, как в аптеке. Точно сорок девять человек...

В маленьком помещении стало тихо и уютно.

— Здесь он, значит, убийца. В предбаннике сидит, — не удержался и сформулировал Шевцов.

Жуков горько усмехнулся, помолчал немного и многозначительно произнес:

— Это если Янис Эдгарович сказал нам правду. А на самом деле все могло обстоять совсем по-другому. Допустим, так... Гражданин Рудзитис незаметно впустил и таким же образом незаметно выпустил преступника. И поэтому все твои достижения в арифметике, Володя, гроша ломаного не стоят.

Лицо банщика покрылось алыми пятнами...

5

Следователь велел Шевцову начать прорабатывать версию о том, что преступник все-таки скрылся.

— Поговори с товарищами, которые в очереди на следующий сеанс стоят. Там самые стойкие остались... Побегай вокруг бани, порасспрашивай.

Сам Петр Иванович решил наконец заглянуть в парную и проверить, что ценного обнаружили криминалисты. Жора Захаров протянул ему почти готовый протокол осмотра места происшествия. Жуков внимательно прочитал его, изредка поглядывая по сторонам — добавить было нечего.

— А как с отпечатками?

— Глухо... Дерево очень мокрое. Нужна специальная сушка. Вот, рядом с местом расположения трупа нашел... — Захаров протянул следователю полиэтиленовый пакетик, в котором лежал сморщенный дубовый листок.

— Думаешь, этот предмет существенно поможет следствию? — хмыкнул Жуков.

— Как знать, Петр Иванович. Ведь орудие убийства в чем-то нужно пронести. Я думаю, что оно было скрыто в венике. И если преступник остался в бане, то и стилет этот, видимо, здесь.

— Мудро, — похвалил Жуков криминалиста. — Значит, тогда предлагаю такой план. Сейчас прикажу «операм» еще раз тщательно обыскать всю баню, особое внимание — старым веникам. Тут они, по-моему, в нескольких кучах валяются. Так?.. А сам проведу следственный эксперимент: приглашу сюда, в парилку, всех свидетелей и расположу их в тех местах, где они находились в момент обнаружения трупа. Может, кто-то что-то вспомнит... Разрешаешь такое мероприятие? Они нам не наследят?

— Да нет. Все практически схвачено.

Через несколько минут в дверях парной появилась небольшая толпа. Теперь все были одеты, но смущались не меньше — входить в помещение, где час тому назад зарезали человека, как-то не очень хотелось.

Жуков объяснил всем задачу, и мужики медленно, нерешительно стали расползаться.

— Я, по-моему, здесь сидел...

— Я тут лежал. А вы с Мишкой меня веником хлестали. Вон тот парень с тазиком левее стоял...

— Я уже собирался выходить, — сказал дородный мужчина и повернулся к полку спиной.

Вскоре на пороге остался один бравый прапорщик Антон Михайлович Бойко, который даже в гражданском костюме выглядел лихо, по-гусарски.

— А я, стало быть, вошел... — виновато улыбнувшись, произнес он.

Жуков вскочил на лавку и, как Чапаев с холма, оценил расстановку сил.

— Еще раз внимательно посмотрите по сторонам. Может, кого-то нет. Мы ведь тоже не знаем, кто находился в парной в момент убийства. Наши отважные «афганцы» задержали вас в зале, когда все, кто был здесь, перемешались с теми, кто был там.

Мужики начали старательно озираться...

Виктор Барсуков сидел в одной кабинке со стариком. Дед был

противный и чем-то напоминал актера Миллера, который всегда играл в детских фильмах «нечистую силу». Он что-то старательно писал на бумаге, шевелил губами, чертыхался, матерился, шмыгал носом.

— И какого дьявола вы ввязались в эту историю? — наконец, обращаясь к Барсукову, недовольно пробурчал он. — Вот всегда найдется один такой дурак с инициативой и весь тщательно продуманный план провалит.

— Значит, плохо продумали, — резко ответил Виктор. — Нашли тоже место, где убивать.

— Да я тут ни при чем, — горько вздохнул Густав Семенович. — На моей душе ни одной капли крови нет. Я этих «мокрушников» сам презираю. Ума в них нет, одна злоба. Вас, слава Богу, эти проблемы не касаются.

— Почему? Мне тоже приходилось убивать.

— Где? Когда? — насторожился Скоков.

— В Афгане...

— Да? — Старик с любопытством уставился на Барсукова. — Занятно... И что, легко это у вас получалось?

— По-разному... — уклончиво сказал Виктор. — Но когда тыходишь в кишлак и видишь, как в пыли валяются твои товарищи со вспоротыми животами, то...

За занавеской послышался легкий шум. Барсуков заглянул в предбанник: человек двадцать поднялись со своих мест и пошли в зал вслед за милиционером.

— Что там? — тревожно спросил старик.

— Не знаю... — ответил Виктор. — Народ в парилку повели.

— А-а-а... Правильно... — одобрительно кивнул Скоков и вдруг встрепенулся, воскликнул: — Молодой человек, а ведь я вспомнил...

233

Жуков, как режиссер в театре, выстраивал мизансцену, подходил к каждому, задавал вопросы, пытался «раскачать подсознание»:

— Как давно вы находились в парилке? Посмотрите через плечо — потерпевший был от вас в двух шагах. Неужели никого рядом с ним не заметили?

Неожиданно в дверях появился Виктор Барсуков.

— Петр Иванович! — воскликнул он. — Там старик этот срочно вас требует.

— Чего ему надо? — недовольно бросил Жуков.

— Не знаю. Только заладил: «Приведи следователя. Срочно! Я вспомнил...»

— Господи! Что он там вспомнил! Старый маразматик... — Петр Иванович какое-то мгновение колебался, но потом решил все-таки сходить.

Вместе с Барсуковым он вернулся в предбанник, отдернул занавеску и ошарашенно отпрянул: Густав Семенович Скоков лежал, распластавшись на столе, уткнувшись лицом в исписанные листки бумаги. Вся его поникшая поза опытному взгляду говорила о многом.

— Макарыч! Быстро! Ко мне! — гортанно крикнул Жуков милиционеру, стоявшему у дверей зала.

Судмедэксперт прибыл незамедлительно. Он, не торопясь, подошел к Скокову, аккуратно откинул ему голову. Челюсть старичка отвисла сама собой. Макарыч заглянул в рот, принюхался и уверенно произнес:

— Запах горького миндаля. Синильная кислота. Несомненно. — И, повернувшись к Барсукову, не без удовольствия пояснил: — Гистологическая гипоксия. Сильнейший яд. Смертельная доза 0,06 грамма.

Виктор посмотрел на следователя и удивился: маска самоуверенности и непогрешимости улетучилась без следа, перед ним был совсем другой человек — потрясенный, разбитый, проигравший.

— Черт возьми! — прошептал Жуков. — Этого я не ожидал.

Макарыч снисходительно глянул на следователя:

— Не огорчайся, Петр Иванович. Круг замкнулся. Картина ясная. Скоков убил Лиманова, свел с ним старые счеты. Пойманный на месте преступления, решил красиво уйти из жизни, как Сократ. Там у него стеклышки в зубах застряли. Выковыривать?..

Но Жуков, казалось, ничего не слышал. Он сокрушенно мотал головой, отчаянно кусал губы. Наконец словно очнулся. Подошел к столу, взял исписанные Густавом Семеновичем бумажки. Показания были оформлены по всем правилам — каждая страница подписана в отдельности. Тщательно излагалось все то, о чем Скоков поведал Петру Ивановичу ранее. Никаких покаянных или прощальных слов не было.

Макарыч тоже с любопытством глянул через плечо на листочки и, усмехнувшись, выдал свою версию.

— Это же «Факир» — великий мистификатор. Ты помнишь, как он оформил кражу квартиры профессора Мильштейна под Новый год? Даже маленькую елочку поставил, не удержался... Я думаю, что последнее чувство, которое шевельнулось в душе Скокова, — ехидство. Он представил, как ты будешь ломать голову над этой «кашей».

Жуков тяжело вздохнул:

— Ладно. Оформляй по всем правилам... — И, обращаясь к Барсукову, сказал: — Виктор, подробно расскажи, что тут у вас произошло.

— Ничего особенного, — ответил студент; он тоже был изрядно смущен. — Старик этот писал. Я сидел рядом. Потом мы о чем-то перекинулись... Ах, да! Обсудили проблему: легко ли убить человека...

— Он сам затеял этот разговор?

— Да...

— Затем он якобы что-то вспомнил. Заволновался, задержался. Пристал, прямо чуть не плачет: «Приведи следователя!..» Ну, я подумал, может, что важное. Вышел. Так... Пашку попросил, чтобы он присматривал за кабинкой. Милиционер у входа стоял. Далеко, правда... Но все же проход просматривался. У меня и мысли не было, что может такое произойти.

Жуков позвал Коновалова:

— Павел, входил кто-нибудь в кабинку?

— Нет...

— Хорошо. Ступайте пока на свое место.

Друзья уселись на диван и тревожно переглянулись.

— Да... Веселенькая у нас баня получилась, — хрипло сказал Барсуков.

— Воспринимай все это как практикум по судебной медицине, — пытался пошутить Пашка. Но ирония прозвучала горько...

6

Следователь оставил медицинского эксперта осматривать тело Скокова, а сам вошел в соседнюю кабинку, где час с небольшим тому назад живые и здоровые Густав Семенович и Дмитрий Антонович — криминальные типы, любители изящного, вор и антиквар — распивали коньяк и рассуждали о вечном. А теперь оба ушли в небытие...

Жуков был ужасно расстроен. Такого не случалось за всю его довольно успешную практику. Чтобы во время осмотра места происшествия прямо под носом у следователя погиб основной свидетель — это позор! Конечно, версия, которую любезно подбрасывал Макарыч — дескать, садиться на старости лет Скокову не светило, вот он и свел счеты с жизнью, — лежала на поверхности и могла оправдать Жукова перед начальством. Но была задета профессиональная гордость: лев проснулся!

«Ну, держись! — прошептал Жуков. — Я тебе покажу!»

Кому предназначалась эта угроза, Петр Иванович, наверно, и сам не знал. Просто он решил наконец «расставить фигурки». Был у него такой тактический прием...

Жуков достал из портфеля лист бумаги и стал тщательно выписывать на него всех лиц, причастных к этому делу. Затем начал проставлять номера.

Итак, фигура номер один — почивший в бозе Скоков. Конечно, он мог быть и убийцей, и самоубийцей, и убиенным.

Фигура номер два — Янис Эдгарович Рудзитис, банщик. Кстати, где он находился, когда Густав Семенович прощался с жизнью? Он сидел в своей кастелянской один, я сам так распорядился. Сказал: «Никуда пока не выходите». Он и не выходил...

И вдруг шальная мысль поразила Жукова. Следователь вскочил, подошел к тыльной стороне кабинки, задрапированной полинявшим плюшем, резко дернул за складку. Старая материя с хрустом треснула. Петр Иванович просунул голову в образовавшуюся дыру и увидел длинную узкую щель между стеной и плюшевой занавеской, идущую вдоль кабинок и упирающуюся в маленькую дверцу. Он выбежал в проход и сразу понял, что эта дверь находится в углу кастелянской комнаты. Ну, дела!..

Жуков хмыкнул, снова возвратился в кабинку и теперь внимательно, не торопясь, исследовал ее задник. Вскоре он понял, что зря испортил драпировку: с краю она спокойно отодвигалась, как портьера.

«Очень мило, — подумал Петр Иванович. — Не баня, а замок с потайными ходами и привидениями».

Он уверенным шагом подошел к кастелянской, дернул за ручку — «парадная» дверь была закрыта. Следовательно громко постучал и властно крикнул:

— Янис Эдгарович, откройте!

Лязгнул ключ. Банщик с перекошенным от ужаса лицом стоял на пороге. В руке он держал пузырек с каким-то лекарством.

— Вы тоже на тот свет собрались? — злорадно спросил Жуков.

— Н-нет... это успокоительное, — заикаясь, ответил «мойдодыр».

— Дозвольте пройти. — Следовательно отстранил плечом хозяина и окинул взглядом его «кабинет». Маленькая потайная дверца, которую он обнаружил, глядя сквозь щель, была прикрыта занавеской. Но самое интересное — напротив нее, на противоположной стене, тоже висела занавеска, за которой оказалась еще одна дверь.

— А эта куда ведет? — поинтересовался Жуков.

— Во двор, — обреченным голосом ответил Рудзитис.

— Значит, насколько я понимаю, к вам можно незаметно войти с улицы и через этот проход попасть в любую кабинку? И точно так же скрыться...

— Ну и что тут такого? — взвизгнул банщик. — Это старинная постройка. Ей сто с лишним лет. Так было задумано, чтобы купцам выпивку и девок прямо в кабинки доставлять. Я-то тут при чем?

— Вы хотите сказать, что этими «удобствами» никогда не пользовались?

— Пользовался... но редко... — потупившись, прохрипел Янис.

— Мне кажется, вы совсем недавно были там, — и следовательно указал на потайную дверцу, ведущую к кабинетам.

Банщик подавленно молчал.

— Имейте в виду, я сейчас вызову эксперта, и он точно установит этот факт. На сухом полу отпечатки ваших ног будут выявлены, не сомневайтесь!

— Да. Я там был, — выдавил из себя Янис.

Жуков облегченно вздохнул, сел в кресло, указал подозреваемому на стул и заботливым тоном, как врач пациенту, предложил:

— Рассказывайте...

Банщик приложил трясущуюся руку к сердцу.

— Я вам клянусь... Честное слово... Я никого не убивал... Зачем мне? У меня такое выгодное место. Мне и так хватает... — И еще довольно долго нес нечто подобное: причитал, умолял, зывал к Богу.

Петр Иванович терпеливо выслушал эту истерику. Наконец Янис умолк. И тогда Жуков снова все так же спокойно повторил:

— Рассказывайте...

Рудзитис шмыгнул носом и глухо заговорил:

— Когда вы повели Скокова, я, конечно, волновался...

Следовательно с пониманием кивнул.

— Нет! — опять взвился банщик. — Не потому!.. Просто у нас были кое-какие делишки. И я боялся, а вдруг он и об этом расколется. Сидел-сидел... И вдруг меня черт попутал: открыл

дверцу и на цыпочках пошел вдоль кабинок. Дай, думаю, послушаю, что он там «показывает». Подошел — тишина... Отдернул полог — Густав Семенович мертвый лежит. Я так испугался, так испугался... Что же это такое происходит? И бегом назад...

— Все? — холодно осведомился Жуков.

— Все, — заискивающе глядя в глаза следователю, ответил Янис. — Это правда...

В это время в дверь постучали. Банщик вздрогнул, побледнел.

— Войдите, — разрешил Жуков.

В кастелянскую заглянул эксперт Захаров.

— Петр Иванович, ну что? Там люди в парной сидят. Отпустить их, что ли?

— Пусть ждут, — задумчиво ответил следователь. — Сейчас будешь исследовать версию гражданина Рудзитиса. Он у нас подозревается в преднамеренном убийстве Скокова...

7

В кастелянской производился тщательный обыск, когда в раздевалке бани появился старший оперуполномоченный Махорин, выезжавший со своей группой по адресу антикара.

— Петр Иванович, — обратился он к следователю, — разрешите доложить...

Жуков кивнул Захарову: дескать, продолжай, а сам вышел в предбанник.

— Информируй, — заинтересованно сказал он.

— Дмитрий Антонович Лиманов действительно проживал по указанному адресу, в большой четырехкомнатной квартире, вместе с племянником — Сергеем Федоровичем Егоровым, сыном погибшей в автокатастрофе сестры, студентом второго курса художественного училища. Племянник с утра был на занятиях. Все это подтверждают — алиби железное. Я его привез с собой. Для опознания...

— Правильно. Заводи.

В раздевалку вошел высокий худой юноша. Его смуглое нервное лицо было обрамлено длинными выщипанными волосами. Взгляд — серьезный, сосредоточенный.

— Здравствуйте. Я следователь Жуков Петр Иванович.

Юноша тоже представился.

— Вы уже в курсе дела?

— Да...

— Нам нужно, чтобы вы опознали труп.

— Как это «опознали»?

— Вы должны подтвердить, что это ваш дядя.

— Хорошо.

Они вошли в зал, где все так же, на лавочке, лежало обнаженное тело антикара. Юноша без робости подошел к нему. Он долго смотрел на убитого, как будто хотел увидеть что-то особенное, рассмотреть, запомнить.

Петр Иванович даже заволновался:

— Что... не он?

— Нет. Это дядя, — чуть дрогнувшим голосом сказал юноша. — От чего он умер?

— Его ударили финкой в сердце.

— Кто?

— Этого мы пока не знаем.

Юноша удивленно польхнул взором.

— Срежь бела дня. В бане, где полно народу. Убивают ножом человека. И вы не можете выяснить, кто это сделал? — Голос его трепетал от негодования.

— Увы... Так иногда бывает. Вы не злитесь, Сергей. Вы лучше помогите. Тут дело неординарное. Вы как будущий художник сразу это поймете. Пойдемте, я покажу вам еще один труп...

Жуков провел племянника в кабинку, где поконлось тело Скокова.

— А этого старичка вы знали? — спросил он Сергея.

Юноша все так же дотошно уставился на лицо Густава Семеновича, наконец уверенно сказал:

— Да. Он бывал в нашем доме.

— Дядя объяснил вам, кто это?

— Нет. К нам приходили разные люди: и покупатели, и продавцы, и консультанты... Дмитрий Антонович не любил, когда его расспрашивали о таких визитах.

— А чем запомнился этот посетитель?

Юноша на мгновение задумался, прикоснулся холеными пальцами ко лбу, медленно, как бы взвешивая каждое слово, произнес:

— Я возвратился после занятий. Вошел в коридор — у меня свой ключ. Дмитрий Антонович с этим субъектом сидели на кухне. Они о чем-то спорили. Дядя, усмехаясь, сказал: «Что с воза упало, то пропало». А этот, — Сергей кивнул на мертвого, — вскочил и закричал: «Ну, тогда пеняй на себя!» Потом они заметили меня. Холодно попрощались. И «этот» поспешно ушел...

— А в чем была суть их конфликта?

Юноша замялся, словно размышлял: стоит говорить или нет, затем недовольно поморщился и сказал:

— Я точно не знаю. Но по некоторым случайно брошенным фразам получается вроде так: дядя купил у этого типа копию картины Левитана, а потом выяснилось, что это подлинник.

Жуков и Махорин с пониманием переглянулись.

— У вас с дядей были хорошие отношения?

— Превосходные. Это он привил мне любовь к живописи. И вообще был вместо отца.

«Что-то не очень ты убиваешься по близкому человеку, — отметил про себя Петр Иванович. — Хотя разные бывают люди. У одного в душе вулкан, а снаружи — полное спокойствие».

— Насколько я понимаю, вы единственный наследник Лиманова?

— Да, — смущенно ответил юноша, и щеки его залил легкий румянец.

— Это официально оформлено?

— Да. В прошлом году у дяди обнаружили опухоль в прямой кишке. Она оказалась доброкачественной — неопасной. Опера-

ция прошла удачно. Но после этого он почему-то решил написать завещание.

— Понятно, — Жуков сухо кивнул. — У меня к вам такая просьба, Сергей Федорович. Вот товарищ Махорин — наш опытный сотрудник, с ним вы можете себя чувствовать в полной безопасности — проведет вас по бане. А вы внимательно посмотрите на всех посетителей. Может, кого-нибудь из них вы тоже раньше встречали. Только, если это так, виду, естественно, не подавайте.

— Я вас понял, — серьезно ответил юноша.

8

Следователь возвратился в кастелянскую. Криминалист Захаров закончил свою работу и сидел рядом с Янисом Эдгаровичем, светски обсуждая преимущества русской бани по сравнению с финской. Со стороны посмотреть — друзья-приятели, да и только! Рудзитис несколько расслабился, перестал волноваться, но, увидев Жукова, снова напрягся, скис.

Петр Иванович вызвал милиционера, приказал ему отвести банщика в одну из свободных кабинок и не спускать с него глаз. После того как подозреваемого увели, он спросил Захарова:

— Ну что?

— Ничего подозрительного не нашли. Там... — эксперт указал на маленькую потайную дверцу, — только следы Рудзитиса. Здесь, — кивок на дверь, выходящую во двор, — натоптано капитально. Ничего толком сказать нельзя. Банщик утверждает, что сегодня утром ему привозили водку и пиво. Вон ящики в углу стоят...

— Значит, вариант, что убийца проник в баню через эту дверь и таким же путем скрылся, ты не отвергаешь?

— Нет, — ответил Захаров. — Хотя, знаешь, не похож этот Янис Эдгарович на соучастника, а тем более на исполнителя. Уж больно трусоват...

— Вот поэтому и мог. Припугнули как следует... — не то утверждая, не то рассуждая, произнес Жуков. — Ладно, давай позовем Макарыча и погоняем мысли.

Вскоре в кастелянской появился медэксперт. Теперь весь «великий хурал» был в сборе.

— Начну изобретать версии, — с торжественной иронией произнес следователь. — А вы, если что не так, сразу поправляйте. Годится?

Криминалист и медик дружно кивнули.

— Значит, так. Вариант первый. Скоков приносит Лиманову краденую картину. Антиквар — сам крупный специалист — определяет ее как копию и покупает за бесценок. Вскоре Густав Семенович и похитители узнают, что их обманули. Следует разборка... Лиманов упирается. «Факир» приглашает его в баню для последнего решительного разговора. Антиквар снова отвечает отказом. Тогда Скоков в злобе и в назидание другим убивает его... — Петр Иванович специально сделал паузу, ждал возражений, и они тут же последовали.

— Удар слишком профессиональный, — сказал Макарыч. — А Густав Семенович, насколько я знаю, никогда не мокрушичал.

— Хорошо. Тогда убийца — из шайки похитителей картины. Они сказали: «Предупреди антиквара, шутить не будем. И с тобой, «Факир», разберемся. Еще неизвестно, может, ты с ним в стоворе». Густав Семенович уговаривает Лиманова, но тщетно. Далее следует обусловленный звонок. Скоков сообщает, что «переговоры зашли в тупик». И тут же Лиманова убивают...

— Но тогда убийца уже находился в парной, — заметил Захаров, — и ждал сигнала.

— Логично, — согласился Жуков. — Далее им обоим нужно «делать ноги». Убийце уж точно... Вопрос: Скоков знал, что Лиманова будут резать в бане или нет? Если знал, то есть дал этот роковой знак, зачем тогда вернулся в парную?

— Он сам был этим «знаком», — возбужденно воскликнул Захаров, — даже не подозревая об этом!

— Как это?

— Скокову сказали: подойдет Янис, позовет тебя к телефону. Если антиквар согласился уплатить настоящую цену — сиди, парься, не пугай клиента. Если нет — пойди и скажи, а мы с ним потом сами разберемся. Густав Семенович и потопал. А для «резаки» это был сигнал...

— Красиво! — усмехнулся следователь. — Тебе бы, Жора, детективы сочинять.

— Уйду на пенсию, может, и займусь.

— Господи, для чего все так сложно? — вздохнул Макарыч. — По-моему, эта публика большим воображением не отличается. Прижали бы Лиманова где-нибудь в темном переулке — и все дела.

— Меня это тоже смущает, — согласился Жуков. — Но все же... Давайте дальше поиграем. Значит, так. Убийца наказал «фраера». Сам уходит. А Скокова что же? На съедение оставляют?

— Да, — подтвердил Захаров. — Очень хитро задумано. «Факир» за собой след потянет. А если попадется... Возможно, им было известно, что у Густава всегда при себе хранится яд. Он ведь пижон, многим ампулу показывал... Так обоих и наказали.

— Ладно. Тогда следующая серия вопросов. Янис знал убийцу?

Захаров задумался, покряхтел.

— При таком раскладе вроде ни к чему «засвечиваться». Скорее всего «резака» пришел естественным путем, купив билет.

— Но тогда получается, что он сейчас находится в бане. Бухгалтерия Рудзитиса это подтверждает.

— Возможно... Он же не ожидал, что нарвется на таких шустрых «афганцев».

В это время в дверь постучали. С довольным видом вошел оперативник Володя Шевцов и радостно сообщил:

— Петр Иванович, нашли орудие убийства. Точно вы вычислили. В венике было сокрыто... — и протянул пластиковый пакет, в котором лежали веточки дуба, а среди них тускло блеснуло длинное узкое лезвие.

Жуков возбужденно вскочил. Казалось, даже волосы на его макушке поднялись дыбом.

— Все! — сдавленно воскликнул он. — Значит, убийца точно остался в бане.

— Почему? — в один голос отозвались криминалист и медик.

— Потому что если бы он ушел, то эту штуку унес бы с собой. А он здесь. И она жгла ему руки...

9

Саша Махорин был действительно опытным оперативником. Чтобы не привлекать особого внимания, он нарядил племянника потерпевшего в белый халат, позаимствованный у Рудзитиса, и теперь в таком обличии водил его по бане — ни дать ни взять какой-то особый эксперт объявился.

Сначала они заглянули в парилку. Здесь под присмотром Сашиных дружков маялись участники следственного эксперимента.

— Товарищи, долго нам тут еще сидеть? — заканючили свидетели, увидев новые лица.

— Спокойно, граждане! — рявкнул Махорин. — Сыск — дело научное, требует тщательного анализа. А вдруг потом произойдет судебная ошибка? Сами знаете, бывали случаи, когда невинных к высшей мере приговаривали...

Оперативники кусали губы, чтобы не расхохотаться, а «граждане свидетели» от такой информации скисли и поскучнели.

Сереза Егоров, выполняя инструкции Махорина, достал из кармана врученную ему огромную лупу, поводит ею вдоль перил лесенки, а сам в это время цепким, внимательным взглядом оглядел всех присутствовавших.

— Нет, Александр Юрьевич, — прошептал он Махорину. — Никого из них я не знаю.

— Хорошо. Пошли дальше.

В предбаннике Егоров тоже довольно артистично манипулировал оптическим прибором, изучая спинки и подлокотники диванчиков. Закончив осмотр, он сказал:

— Точно утверждать не могу. Но вон того здоровяка, который сидит на пятнадцатом месте, я определенно где-то видел.

— Так... — не без удовольствия рявкнул Махорин: из предварительного опроса он уже знал, что именно этот субъект пытался вырваться из бани и успокоился только после удара мощного кулака Витьки Барсукова.

В кастилянской следственной бригаде с пристрастием исследовала орудие убийства. Никаких отпечатков пальцев на нем не было.

— Стилет «бытовой хулиганский», — констатировал эксперт Захаров. — Такой на Тишинском рынке в любой день за червонец купить можно. А дактилоскопии нет, потому что любой уважающий себя любитель парилки хлещется, надев на ладонь варежку.

— Ладно. Бог с ними, с отпечатками,— торопливо сказал Жуков.— Давайте попытаемся проследить «человеческий фактор». Итак, мы почти точно знаем, что убийца находится рядом с нами. Что он должен делать? На что рассчитывать? И каков его следующий шаг?

— Во-первых, он тоже может уповать на версию: Скоков зарезал Лиманова, а потом сам отравился,— не без ехидства произнес медэксперт Макарыч.— Кстати, вы что, Петр Иванович, этот вариант полностью отвергаете?

— Ай, бросьте вы! — раздраженно отмахнулся Жуков.— Скоков так торопился смыться, что даже забыл прихватить стакан со своими «пальчиками». А они у нас в каждой картотеке хранятся.

— А если я при вскрытии выясню, что Густав Семенович был неизлечимо болен? — не унимался Макарыч.— И все это — красиво разыгранное, в духе «Факира», самоубийство? К тому же на тот свет ему одному скучно было уходить. Вот он за собой дружка своего любимого и потянул...

— Считаю, что мы твой юмор оценили,— хмыкнул Жуков.

— Обижаетесь, начальник,— продолжал ерничать медик.— Собираетесь изучать специфику души, а сам небось Фрейда не читал.

— Хватит с меня учебника по судебной психиатрии. Если ты после своей вивисекции найдешь в нем рак, тогда будем этот шекспировский сюжет разрабатывать. А пока спустимся на грешную землю. Итак, на что надеется убийца, если он остался здесь? Вот список всех подозреваемых...— Следователь достал из портфеля густо исписанные листки бумаги.— Все приличные люди: инженеры, студенты, водитель троллейбуса, военнослужащий, заведующий магазином... Все охотно назвали свои адреса, места работы... Если убийца связан с бандой, похищавшей произведения искусства, то, тщательно проверяя каждого из них, мы обязательно установим это. Да, огромный объем работы. Да, нужна уйма времени. Но рано или поздно круг замкнется. Опытный преступник должен это понимать...

— Ох, мыслители...— снова хихикнул Макарыч.— Вы все на свой аршин мерите. А того не понимаете, что у криминальных типов своя логика, шиворот-навыворот, а может, и вовсе она отсутствует. Поэтому их и выявить тяжело... Давайте для разрядки расскажу вам, почему мы начало войны профукали. Знаете?

Жуков откинулся на спинку стула, устало глянул на часы:

— Ну, валай. Только коротко...

— Наши разведчики за полгода сообщали Сталину точную дату начала боевых действий. Но великий вождь людям не верил, душа человеческая — явление метафизическое, он как ученый-марксист доверял только материальным фактам. А посему ГРУ с особым пристрастием следило за баранами всей Европы, и лучшие агенты были нацелены на добывание ветоши, которую оставляли солдаты вермахта после чистки оружия.

— Зачем?

— Сталин считал, если Германия готовится к войне с Россией, должна заготовить огромное количество тулупов. Кроме того,

в немецкой армии сразу появится новый, морозостойкий сорт ружейного масла. Поскольку ни тот, ни другой фактор себя не проявлял, то войны в ближайшее время не предвидится. А маньяку Гитлеру и в голову эти идеи не приходили. Он собирался к осени завершить всю кампанию...

— Занятно,— сказал следователь.— Я этого не знал.

— То-то,— многозначительно погрозил пальцем Макарыч.

— Петр Иванович,— задумчиво произнес Захаров.— А ведь у многих посетителей бани паспортов с собой нет. Твои оперативники наверняка со слов их установочные данные списывали.

— Ну и что теперь? Вызывать автобус и развезти их по домам, проверять документы?..

— Наверное, придется. А как иначе?

— Это долгий путь. Тут нужно придумать что-то необычное, экстраординарное. Преступник умен, галантлив... Так, доктор?

— Или абсолютный кретин и маньяк.

— В любом случае его первоначальный план сорвался.

— Если таковой был вообще...

Дверь приоткрылась, заглянул вездесущий Махорин:

— Петр Иванович, там этот «племянник» говорит, что вроде одного типа где-то раньше видел. А это как раз тот самый мужик, который с Барсуковым, ну, с «афганцем», поцапался, хотел из бани выйти.

— Ага! Уже горячо...— радостно воскликнул Жуков.

10

243

В кастелянской сидел плотный коренастый битюг и блестящими навывкате глазами настороженно следил за каждым движением Петра Ивановича. Его широкое в скулах, неподвижное лицо, казалось, не выражало никакого волнения, но толстые, как сардельки, пальцы мощных рук слегка трепетали. И следователь заметил это...

Жуков достал бланк допроса и задал традиционную, тысячу раз повторяемую фразу:

— Фамилия, имя, отчество.

— Курганов Борис Михайлович,— охотно ответил свидетель.

Затем он так же, без запинки, сообщил свой домашний адрес и место работы. Подтвердил эти данные наличием паспорта и пропуска в научно-исследовательский институт по стандартизации криогенных установок.

— Что такое «криогенные установки»? — удивился следователь.

— Короче говоря — холодильники,— изобразив некое подобие улыбки, пояснил Курганов.

— Я смотрю, вы мощный такой мужчина,— дружелюбно произнес Жуков.— Спортом раньше занимались?

— Греблей... — не без гордости подтвердил «ученый». — Наша команда за «Буревестник» выступала. В тройку по Союзу входили.

— Значит, вуз выбрали по призванию, а потом и на работу без проблем устроились,— с пониманием сказал следователь.

— Ага! — снова ухмыльнулся «пан спортсмен». — А что делать? Такова спортивная жизнь.

— И чем же вы сейчас в этом храме науки занимаетесь?

— Да так. По снабжению. Вроде завхоза.

Жуков поманил Сашу Махорина. Тот быстро списал установочные данные нового фигуранта и тут же исчез.

— Борис Михайлович, — безобидным, товарищеским тоном начал следователь. — Вот тут недавно вас молодой человек немного повредил. Вы можете написать на него официальную жалобу. Он, правда, действовал из благих побуждений, но все равно Уголовный кодекс квалифицирует это как мелкое хулиганство.

— Да что вы! — замахал своими ручищами Курганов. — Я же понимаю... Такое дело... Это я тогда на него обиделся.

— А почему сдачи не дали? Сила-то есть.

— Ну... — смущенно потупился бывший спортсмен. — Гребля не бокс. У меня реакция не та... Да он так умело шандарахнул. Я даже струхнул малость.

— А куда это вы так торопились? Почему непременно хотели покинуть баню?

— Так я в рабочее время кайфовал, — нахально подмигнул следователю Курганов. — Сказал, что в главке буду. А к обеду хотел вернуться. У нас, в институте, столовка классная.

— Есть, значит, захотели?

— Ну?..

— А сейчас?

— Пуще прежнего... От переживаний этих. У меня всегда такая реакция. Перед стартом жрать хотелось — жуть!

— Кстати, Петр Иванович, — подал голос незаметно прикорнувший в уголке Макарыч. — Людей-то действительно покормить надо.

Жуков подошел к телефону и набрал номер прокуратуры...

11

Следственная бригада тоже с аппетитом хлебала казенные щи. И вдруг у Жукова прямо кусок вывалился изо рта.

— Мать честная! — воскликнул он. — А вы, доктор, сомневались. Психует он. Психует!.. И уже начал делать ошибки.

Следователь выглянул в предбанник. И подозреваемые (среди которых, конечно же, находился убийца), и оперативный состав, и милиция тихо урчали над мисками.

— Саша, Махорин, — позвал Жуков своего самого толкового помощника. Тот сразу бросился на зов. — Ты кого послал в этот криогенный институт?

— Володю Шевцова. А что? Надо было самому? Дело-то плевое...

— Нет, Сашенька, правильно ты поступил. Умница! Вот сейчас я тебе задание поручу, его только ты сможешь выполнить. Причем сделать это надо очень шустро... — Следователь пошептал что-то Махорину на ухо.

— Усек, Петр Иванович, — с готовностью крикнул оперативник. — Кровь из носа — оформлю!

Махорин не без сожаления поставил на стол тарелку и, прихватив только кусок хлеба, через потайную дверцу ринулся на улицу.

Жуков спокойно, не торопясь, словно специально тянул время, продолжил свою нехитрую трапезу, с наслаждением выпил два стакана жидкого чая и наконец произнес:

— Все... Идем к развязке. Теперь можно и следственный эксперимент завершать.

Он вышел в предбанник и бодрым голосом провозгласил:

— Ну что, граждане? Немного заморили червячка? Уж извините за качество пищи. Сами понимаете — не из ресторана... Перерыв закончен. Прошу, как говорится, занять свои места. Те, кто находился в парилке, — за мной! Вы, гражданин Курганов, тоже ступайте туда...

Сергея Егоров, племянник погибшего, деликатно тронул следователя за рукав:

— Петр Иванович, а мне куда?

— Вам? — Следователь с некоторым удивлением глянул на молодого человека, словно совсем забыл о его существовании. — Вас, наверно, можно вовсе отпустить. А то мы вас с занятием сорвали. Они еще идут?

Егоров посмотрел на часы.

— Да. Сейчас последняя «пара» началась.

— Вот и хорошо. Еще успеете... Или знаете что, лучше пока задержитесь. Сейчас мы будем «разматывать» этого спортсмена. Может, еще какая-нибудь деталь в памяти всплывет. Он, видимо, приходил к вам раньше.

В парилке была все та же сцена. Участники «спектакля» заняли исходные позиции.

— Итак, представляю вам новое действующее лицо! — произнес следователь и указал на Курганова. — Кто заметил этого человека? Он был рядом с вами.

«Пан спортсмен», насупившись, зло глянул на Жукова:

— Ерундой занимаетесь, честное слово! Конечно, был! Для чего еще в баню ходят.

— Не надо нервничать. Вы лучше сами укажите, где вы располагались.

— Я в парной несколько раз был, — угрюмо пробурчал Курганов.

— А во время последнего захода?

— Здесь... кажется... — Атлет указал на правый угол верхнего полка, там как раз и разыгралась трагедия.

— Вспомнил я его! — воскликнул худощавый водитель троллейбуса. — Точно! У него еще веник такой классный — толстый, дубовый. И варежка фирменная...

Следователь и криминалист многозначительно переглянулись.

— Подтверждаете показания? — иронично осведомился Жуков.

— Какие «показания»? — возмутился Курганов.

— Насчет веника и варежки.

— Да вы что, с ума тут все походили? Веники я сам загота-

вливаю, в родовой деревне. И vareжка, как положено, имеется. Зачем же руку обжигать?

— А сейчас веник где?

— Выбросил. Там специальный ящик есть.

— Где? — Петр Иванович открыл дверь.

— Вон в ту кучу кинул. — Курганова аж трясло, не то от страха, не то от возмущения.

Оперативники дружно закивали — в ней они и нашли орудие убийства.

— Вот ведь какая занятная картина получается, — усмехнулся Жуков. — Теперь зовите сюда Рудзитиса.

Ввели банщика. Он тоже был хмурый и злой.

— Янис Эдгарович, — обратился следователь, — вам знаком Курганов Борис Михайлович?

— Знаком, — хрипло ответил банщик. — Мы с ним в одном дворе росли.

— Ну даешь, Петр Иванович! Лихо! — не удержался и похвалил криминалист.

— Погоди, Жора, то ли еще будет! — самодовольно, прямо-таки с бахвальством воскликнул Жуков. — А со старых друзей, Янис Эдгарович, вы тоже деньги за посещение своего райского уголка получаете?

— Нет. С Бори никогда не беру.

— А сегодня для чего же он билет купил?

— Да я... — вылупив глаза, начал Курганов. Но тут на пороге возник сияющий Махорин.

— Петр Иванович! — радостно воскликнул он. — Полная виктория! Точно, как вы сказали! — И протянул следователю папку.

Жуков прямо выхватил ее из рук оперативника. Быстро пробежал глазами по листкам бумаги.

— Ох, Саша! — с чувством произнес он. — Цены тебе нет!

— Всему есть цена, — скромно потупившись, парировал Махорин.

— Буду ходатайствовать перед руководством о присвоении тебе досрочного высокого звания майора, — понял сообразительный Жуков. Потом он окинул просветленным взором «следственный эксперимент» и буднично сказал: — Всем оставаться на местах. А вы, Сергей Федорович, следуйте за мной в кастелянскую.

— Я? — удивился племянник погибшего, все так же в белом халате сидевший на лавочке у входа в парилку.

— Именно вы...

Говорят, что следователь — одна из самых интересных профессий. Перед ним проходят и раскрываются с особой яркостью все формы человеческой природы, он сталкивается с наиболее выпуклыми и резкими явлениями жизни. Общественная польза, благородство цели, острота борьбы, последовательный поиск, торжество справедливости, творчество, наука, искусство — трудно

даже приблизительно назвать полный перечень привлекательных черт следственной работы.

Может быть, это и так... Но временами человек, волею судеб стоящий на грани жизни и смерти, держа за шиворот страшных существ, осмысленно перешагнувших все возможные границы нравственности, испытывает такую мощь отчаяния и омерзения, что...

Жуков внимательно смотрел на молодого человека. Он не считал его порождением эпохи, такие были во все времена.

— Сергей Федорович, я начинаю официальный допрос. Прошу учесть, ваше положение очень серьезное. Каждое ваше показание будет проверено самым тщательным образом. Причем сейчас же. Пока вы будете находиться здесь. Я брошу на это весь оперативный состав.

Егоров еще сильнее побледнел, хотел что-то сказать, но сдержался, недоуменно пожал плечами.

— Итак, все сегодняшнее утро вы находились в училище?

— Да.

— В полдень у вас начинается большой перерыв.

— Полчаса...

— Что вы делали в это время?

— Перекусил с товарищами в буфете. Они могут подтвердить.

— Они это и подтверждают, — согласился следователь. — В вестибюле училища есть телефон-автомат. Во время перерыва вы звонили кому-нибудь?

Глаза Егорова потемнели. Кожа на скулах натянулась, пошла складками. Жукову стало жалко его.

— Ладно. Чтобы вы не страдали от сомнений — врать или не врать, я сразу скажу: у нас есть показания свидетелей, которые видели вас у телефона. Вопрос: кому вы звонили?

— Знакомой девушке, — почти выкрикнул Егоров.

— Номер и адрес.

— У них никого не было дома. К телефону никто не подошел.

— То есть, насколько я понял, вы послушали долгие гудки и повесили трубку?

— Да, — с готовностью подтвердил Егоров.

Следователь записал эти сведения в протокол и потребовал закрепить их подписью.

— А теперь, Сергей Федорович, ознакомьтесь с этими документами. — Жуков протянул ему махоринскую папку. — Несколько свидетелей показывают, что слышали, как вы говорили в трубку...

Егоров суетным движением отбросил от себя бумаги.

— Вы меня неправильно поняли. Девушки дома не было. Я говорил с бабушкой.

— Тогда повторяю: назовите номер телефона и адрес.

Егоров затравленным взглядом посмотрел на Махорина, потом на Жукова и произнес:

— 250-28-64. Улица Лебедева, дом 26, кв. 175.

Петр Иванович удивленно вскинул брови. Видимо, не ожидал от подозреваемого такой прыти.

— Извини, Шура, — обратился он к оперативнику. — Придется

тебе снова ехать, проверять. Я понимаю, ты сегодня намотался. Но что поделаешь.

Махорин картинно развел руками:

— Служба такая... — лукаво подмигнул и скрылся за своей «любимой» потайной дверцей, ведущей во двор. Вскоре послышался рев мотора автомобиля.

Егоров растерянно молчал, нервно дергался на стуле.

— Эх, Сергей Федорович, был у вас один сильный ход, но в цейтноте вы его не просчитали.

— Какой ход? — огрызнулся «племянник».

— Нужно было сказать, что вы случайно набрали не тот номер. Поговорили с абонентом, выяснили свою ошибку. Потом набрали номер девушки, но никто не подошел.

У Егорова запершило в горле, он закашлял, провел рукой в области сердца.

— Не расстраивайтесь, — успокоил его Жуков. — Уж так и быть, сообщу, что и на этот финт у Махорина есть свидетельские заготовки. Он у нас парень страшно дотошный, настоящий сыскарь. Только его нужно на правильный след поставить... — Петр Иванович тяжело вздохнул, посмотрел на часы. — Ну ладно, мне необходимо «следственный эксперимент» завершать. Куда бы вас определить, пока Махорин вернется?.. И посторожить-то вас некому. Все люди в деле. — Вдруг вспомнил, хлопнул себя по лбу. — Ба! Есть у меня один караульщик. Проверенный...

Следователь выглянул в предбанник. Небольшая группа мужиков, не участвовавшая в милицейских «играх», томилась на диванчиках. Среди них Жуков разглядел «афганцев».

— Барсуков, подойди, пожалуйста, сюда!

— Слушаю вас, Петр Иванович.

— Вот какое дело, Витя. Помогите мне еще разок. Посиди в кабинке с этим товарищем. Видишь, все мои «кадры» разбежались.

— Хорошо, — ответил Барсуков и сурово зыркнул на «племянника».

Егоров отшатнулся, спрятался за плечо следователя.

— Нет! — истерично закричал он. — Только не с ним!

— Почему? — изумился Жуков. — Не капризничай. Забирай его, Барсуков.

Бывший десантник, а ныне студент третьего курса медицинского института, цепкими, сильными пальцами ухватился за локоть Егорова.

— Не надо! — заорал Сергей. — Не хочу... Он меня убьет. Я все расскажу! Все!

— Заткнись, кретин! — взревел Барсуков и замахнулся для удара. Но тут как из-под земли вырос стремительный Махорин «со товарищи». Оказывается, он никуда и не уезжал...

Оперативники в два счета скрутили Барсукова.

— Чего ты боялся, Сережа? — переведа дыхание, спросил Жуков. — У него уже яда нет. Он его на «Факира» несчастного израсходовал. Или как, Витя? Еще одна ампула есть?

— Нет, — скрипнув зубами, ответил Барсуков.

— Ты, чай, ее для себя берешь? На случай провала... — Жуков печально посмотрел в окно, где у стен старинной бани колыхалась листва столетних лип. — Как же вы жизнью не дорожите! Ни своей, ни чужой...

— А зачем она нужна, такая жизнь? — с вызовом бросил Барсуков.

— Об этом мы с тобой завтра, в спокойной обстановке, если захочешь, поговорим.

13

Баня опустела... Трупы отравили в морг. Преступников увезла милиция. Свидетелей еще раз тщательно переписали и отпустили.

Следователь посмотрел на часы и задиристо сказал:

— А ведь рабочий день подходит к концу. Я думаю, раз судьба в кои-то времена привела нас в этот райский уголок, имеем мы право попариться! Снять, так сказать, напряжение...

— Хорошая мысль, — согласился криминалист Захаров.

— Ну так как, Янис Эдгарович, организуешь для следственной бригады баньку? Заслужили мы или нет?

— Через пятнадцать минут все будет готово! — воскликнул повеселевший банщик. — По первому разряду...

Расслабленные, удовлетворенные Жуков, Захаров и Макарыч сидели, укутанные махровыми простынями, и потягивали из больших бокалов терпкое немецкое пиво.

— Петр Иванович, — обратился Захаров, — все-таки объясни боевым товарищам, с чего это ты так резко изменил ход следствия? Шли по одной версии, вроде успешно, все сходилась — и вдруг, бац!

— Озарение... — самодовольно ответил Жуков. — Признак гениальности. Нужно нам с доктором как-нибудь на эту тему поговорить.

— А если серьезно? — поддержал криминалиста Макарыч. — Я ведь тоже несколько озадачен.

— Ага! — обрадовался следователь. — Вот это для меня высшая награда. Я думал, тебя удивить вообще ничем нельзя... Тогда ладно, исповедуюсь. Когда погиб Скоков, я, конечно, сразу включил Барсукова в список подозреваемых. Ведь он оставался с «Факиром» один на один. Правда, сильно смуцало то обстоятельство, что Барсуков сам вызвал милицию, задержал всех подозреваемых, короче, создал идеальные условия для следствия. А по логике событий преступник должен был как можно быстрее скрыться: попробуй его тогда найди! Собственно, такой план и был... Папа Коновалов неожиданно вмешался. Не успел Барсуков его в предбанник вывести. Несколько секунд решили исход дела. Но, когда Виктор понял, что дотошный приятель установил факт насильственной смерти, он мгновенно принял новое решение. Причем действительно гениальное: захлопнул мышшеловку, оставив в ней Скокова, то есть с ходу подарил нам самый убедительный вариант. Доктор его и проглотил...

— Ладно тебе, — отмахнулся Макарыч.

— Потом я совершенно случайно, честно говорю, свел «Факира» и Барсукова нос к носу. Что там между ними произошло — пока не знаю. Но думаю, что Густав Семенович когда-то раньше мельком видел вместе племянника Лиманова и Барсукова. И вдруг вспомнил... И тут Барсуков действовал молниеносно. Реакция у него отменная! Ткнул Скокову поддых — тот рот

разинул. Ампулу в зубы и на подбородок нажать. Так, доктор?

— Похоже...

— Затем появляется племянник антиквара. У него, конечно, есть мотивы убийства — все богатство дядюшки, по нынешним временам — немалое, достанется ему. Но у Егорова железное алиби. Сведениям Саши Махорина я доверяю на сто процентов. К тому же Егоров повествует нам занятную историю про картину Левитана. Мы все сломя голову бросаемся на эту версию.

— Не отрекаюсь! — усмехнулся Захаров. — Ты и сам-то шел по этому следу. Что, не так?

— Так, так. Уж больно все красиво получалось. Но вот тут интуиция подсказала один примитивный ход. Дай, думаю, пуцу этого племянника побродить по бане. Может, этот рейд что-нибудь принесет... И не зря! У Барсукова нервы дрогнули. Он уже устал. Все-таки два трупа за час — это даже для лихого вояки много. Не терпелось уйти из бани, передохнуть. А для этого нужно подsunуть следствию «убийцу». Вот он и указал Егорову глазами на Курганова. А племянник уже психовал, дальше некуда! И дяденьку любимого зарезанного увидел, и Скоков, которого убивать не собирались, с высунутым языком. А главное — что-то непонятное происходит! Не так, как намечали! Все на грани провала! Он, конечно, указание сообщника выполнил, опознал «пана спортсмена». Вот этот факт и стал решающим... Когда я с Кургановым побеседовал, то понял, что он не «резака», но в возникшей ситуации кандидат на эту роль неплохой. А ведь Егоров в бане не был. Значит, кто-то ему этот вариант подсказал. Кто Курганова хорошо запомнил? Барсуков и Рудзитис. Кто мог «Факира» угробить? Опять-таки Барсуков и Рудзитис. Ну, а дальше психологический этюд...

— Да, Петр Иванович, — искренне воскликнул Захаров. — Эта твоя операция войдет в учебники по криминалистике.

14

Солнце заливало кабинет следственного изолятора. Виктор Барсуков сидел спиной к зарешеченному окну, и Петр Иванович видел его налитые кровью, оттопыренные уши.

Преступник давал чистосердечные показания:

— С Егоровым я познакомился в прошлом году. Наш доцент читал в художественном училище лекции по анатомии человека. Оказывается, будущим художникам это тоже положено знать. А Сергей оказался очень любознательным студентом и напросился на практические занятия в нашу «анатомичку». Здесь он обратил внимание, как я хладнокровно препарировал трупы. Мы разговорились, обменялись телефонами. Встречались несколько раз, посидели в ресторане. Он за все платил. У него были деньги. А у меня негусто... Потом Егоров сообщил мне о своем дядюшке. Рассказал, что его коллекция стоит бешеных денег, а он, как скупой рыцарь, сидит на сокровищах. И вообще стал поговаривать, что собирается передать все картины и предметы старины в музей. Хочет так увековечить свое имя. Чтобы на бронзовой табличке было выбито: так, мол, и так, передано в дар Лимановым Дмитрием Антоновичем. Совсем, дескать, к старо-

сти одурел! А во время войны работал на продовольственном складе и за буханку хлеба шедевры у голодных людей выменивал. Тогда о душе не думал. А теперь юродствовать начал... А если все эти художественные побрякушки реализовать в доллары да пустить в оборот, можно за короткий срок миллионером стать... Я с этим соглашался. Так созрел план: убрать дядюшку, пока он глупостей не наделал. Егоров, после того как получит наследство, обещал мне приличную сумму...

— Какую?

— Достаточную, чтобы открыть частный косметический салон. Лучше богатым дамочкам носы выравнивать, бородавки удалять да арбузные груди делать... Я вообще чудом живой остался, когда наш БТР на mine подскочил. Так для чего? Чтобы за копейки в гное и крови возиться? Нет! Дудки...

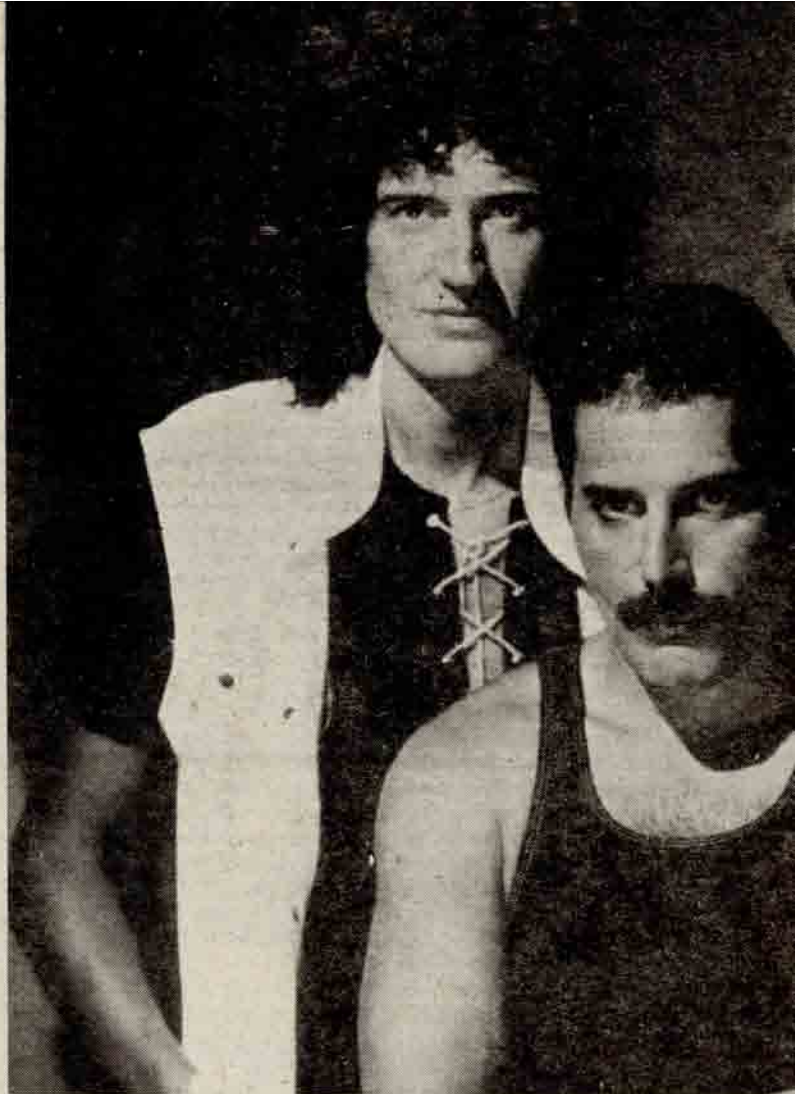
— Хорошо. К этому мы еще вернемся. Опишите свои действия на стадии подготовки преступления.

— Егоров рассказал о традиционных встречах Скокова и его дядюшки в бане. Мы решили, что это самое подходящее место. Чтобы все выглядело естественно, я придумал ходить с Пашкой Коноваловым после каждого экзамена «обмываться». Об этом все в нашей группе знали... Стилет был спрятан в венике... Ну, рукавичка... Это вы все правильно поняли... В двенадцать часов Сергей позвонил Рудзитису и вызвал Скокова. Для меня это был сигнал. Мы пошли в парилку. Там уже к тому времени пар стоял тяжелый, да еще я специально на каменку как следует плеснул. Тут вообще сплошной туман образовался... У меня был просчитан каждый шаг. Я незаметно юркнул на верхний полок и... Лиманов даже не пикнул. Потом бесшумно соскользнул вниз. Никто ничего не заметил. Тут мужики начали на нас ругаться. Это был повод — я потянул Пашку к выходу. И вот тут началось роковое стечение обстоятельств. Сначала прапорщик этот глазастый откуда-то возник. Потом Пашка впутался. Пришлось на ходу все менять... И вроде получилось неплохо! Но вы зачем-то засадили меня в одну кабинку со Скоковым. Неужели сразу подозревали?

— Нет. Случайно...

— Так я и знал! Если раз в жизни по-крупному повезет, то жди — обязательно в самый неподходящий момент возникнет противоположный эффект. Закон подлости!.. Однажды мы сидели с Егоровым на лавочке недалеко от его дома. Неожиданно через сквер прошел этот старичок. Он на нас даже не взглянул. Ан нет, оказывается, каким-то боковым зрением ухватил! Вор в законе! У него тоже свои профессиональные качества есть. Сопел-сопел этот Густав Семенович и вдруг вспомнил меня, гад! Ну что тут делать? В кармане ампула с синильной кислотой была. Правильно вы угадали: для себя на всякий случай приготовил. Я все равно в дерьме жить не буду. Так и знайте...

Жуков смотрел на возмущенное, порозовевшее лицо молодого человека и думал: «А ведь действительно все у него могло получиться. На пустычке погорел... Как нас там раньше в институтах учили: стадия первичного накопления капитала. Ну что ж, процесс пошел... Сколько таких дел впереди...»

“РУССКАЯ
ФРЕДДИ

РУНОТКА"
МЕРКУРИ

20 апреля 1992 года. Лондонский стадион "Wembley". Концерт памяти Фредди Меркьюри... Столь грандиозного шоу-представления — и по «звездному» составу участников, и по всемирному охвату телерадиоаудитории — не проводилось аж со времен международного фестиваля "Live Aid" (июнь 1985-го), организованного в помощь миллионам голодающих Эфиопии. На сей раз в помощи нуждались больные СПИДом, и потому 35 миллионов долларов, собранные организатором этой акции, компанией "Queen Productions", были переданы в фонды борьбы с «чумой XX века», существующие во многих странах.

Концерт длился свыше трех часов, его посмотрело и послушало в прямой трансляции более чем полмиллиарда телезрителей и радиослушателей, в том числе и российские поклонники «Куин». В подготовке небывалой акции участвовали режиссер-постановщик David Mallet, до того работавший над видеоклипами группы, и звукорежиссер David Richards, с 1989-го выступавший продюсером дисков ансамбля. Освещали мероприятие тысячи аккредитованных журналистов со всех концов света. Ну, а само оно попало в Книгу рекордов Гиннеса еще до начала, поскольку билеты — 72 тысячи — оказались распроданными еще до того, как был объявлен состав участников...

Предшествовало же этой мировой поп-рок-фесте более чем трагическое событие.

...Черная, как и положено в таких случаях, машина — «роллс-

ройс» модели 50-х годов, внушительных размеров, с крышей, усыпанной цветами, — миновал ворота (будто последнюю черту, отделяющую ТУ жизнь от ЭТОЙ), подъехала к зданию крематория. В самом конце ноября 1991-го именно здесь нашел последнее упокоение человек, сказавший когда-то: «Я не стану бегать по сцене в 45 лет, потому что это — глупо». Случилось же иначе — в сорок пять он умер. Что тоже глупо. И страшно. И горько... Весь мир знал его как Фредди Меркьюри (Freddie Mercury), олицетворявшего собой, начиная с середины 70-х, величайший феномен рок-музыки — группу "Queen".

«СМЕРТЬ НА ДВУХ НОГАХ»

В 1975 году Фредди сочинил замечательную песню, назвав ее... «Смерть на двух ногах» ("Death On Two Legs"). Он, конечно же, вкладывал иной смысл и в название, и в текст этой композиции, чем тот, который можно придать им сейчас, когда известно: его убил СПИД и что смерть действительно явилась к нему в облике инфицированного человека («на двух ногах»), только неясно, мужчины или женщины, поскольку Меркьюри незадолго до гибели официально признал свою давнюю склонность к бисексуальным отношениям. «Удача... отняла у меня одну вещь, необходимую всем нам, — длительные, полные любви отношения».

В отношении любви к нему Фредди оказался все-таки не прав. Элтон Джон (Elton John), встретившийся с Меркьюри всего за несколько дней перед его кончиной (он умер в ночь на 24 ноября), был настолько потрясен, что на похоронах, так и не сказав прощального слова из-за подступившего к горлу спазма, приложил

к венку от себя записку: «Спасибо за то, что ты — мой друг». Представительница Джона пояснила, что для Элтона расставание с Фредди явилось слишком личным переживанием... На траурной церемонии, которая заняла всего 25 минут, присутствовала и Мэри Остин (Mary Austin) — с ней Меркюри еще в 70-х находился в близких отношениях, целых семь лет. Но даже после разрыва Остин какое-то время работала в составе его команды. А в 1989-м, когда Мэри родила сына, певец стал крестным отцом мальчика.

И все же он был несчастен именно в своем одиночестве. «На сцене я чувствую себя таким могущественным... Когда выступаю, я — экстриверт, в то время как внутри я — совершенно другой человек». Какой именно? Фредди весьма редко давал интервью — не любил журналистов, особенно британских, ведь именно они представляли его декадентствующей суперзвездой, рокером с псевдоаристократическими замашками. Но и поводов для подобных «живописаний» исполнитель давал немало.

То его видели с шикарными дамами, то с не менее шикарными господами — и в о-очень интимных компаниях. То Меркюри не желал расставаться с личным телохранителем, даже когда заявлялся в магазины после их закрытия — чтобы без других посетительниц купить что-нибудь экстравагантное из одежды, антиквариат или картины, а бывало — и куклы. И таких примеров — множество: «его» музыканта было непомерным, а потому он выставлял себя будто напоказ, желая, чтобы его везде и всегда узнавали...

В результате для «alter ego» рядом с ним, похоже, не оставалось места. Отсюда, наверное, и одиночество, прорвавшееся на-

конец в интервью, которое Фредди дал в ноябре 1991-го английской газете "Daily Express". Оно стало последним. Певец с грустью поведал, что так и не приобрел за всю жизнь настоящих друзей. Что за годы работы в шоу-бизнесе ожесточился и перестал доверять людям, поскольку его неоднократно обманывали... Не это ли неизбежный удел суперзвезды?

«Я попал в западню, поскольку разрывался между успехом, сознанием того, что я — звезда, и всем остальным. Но я полагал, таким образом и должна вести себя знаменитость». Тут вспоминаются другие слова Фредди: «Можно иметь все на свете — и быть при этом одиноким, а подобное одиночество — самое горькое... Любовь для меня — русская рулетка». Именно так «все остальное» (если вернуться к его ноябрьскому интервью) отомстило за пренебрежение к себе.

Со временем, однако, Меркюри понял, как он заявил корреспонденту "Daily Express", что «главное для человека — быть самим собой, о чем я и стараюсь говорить в своих песнях». Добавим: отныне — старался говорить. Не следует больше искать откровений, лишь музыка Фредди, его судьба творца способны теперь поведать, каким «другим человеком» он был.

ОН РИСУЕТ И ПОЕТ

Он появился на свет 5 сентября 1946 года, и родители назвали мальчика Фредериком (таково настоящее имя Меркюри — Frederick Bulsara). В то время Балсарастарший, правительственный чиновник, служил на острове Занзибар (с апреля 1964-го — в составе Танзании), находившемся тогда под британским протекторатом. Детство же Фредди провел в Ин-

дии, куда перевели отца. С этого и начались его «скитания» по частным пансионатам — в Бомбее и по частным школам — в Лондоне (семья переехала в Англию в 1959-м), где он учился соответственно «чему-нибудь и как-нибудь». Однако Балсара-младший проявил способности к рисованию, что и определило, казалось бы поначалу, его судьбу.

В середине 60-х годов поступив в Илинг-колледж искусств, Фредди за четыре года стал дипломированным художником-графиком. Он много и увлеченно рисовал, чем и зарабатывал на жизнь. Появились у него и другие увлечения: балет (кумир — Рудольф Нуреев (Rudolf Nureyev) и рок-музыка (кумир — Джими Хендрикс (Jimi Hendrix)). Последнего юный артист (надо сказать, Фредерик пробовал себя и как танцор, и как певец) настолько боготворил, особенно его сценическую манеру поведения, что ездил на все концерты Джими, проходившие в других городах Великобритании.

Наблюдая за великим гитаристом, он стремился глубже проникнуть в создаваемые им образы — чтобы трансформировать их применительно к собственным художественным фантазиям. И не случайно, видимо, Фредди как-то изобразил Хендрикса на одной из своих картин (получившей, кстати, значительную известность) как пришельца с другой планеты, вооруженного... знаменитой гитарой.

Постепенно увлечения отодвинули на второй план «дело жизни» (хотя позднее Фредди очень пригодились его художнические умения — при оформлении пластиночных обложек и дизайне сценического пространства), он решил стать либо танцовщиком, либо рок-музыкантом. Па у него выходили не очень-то, зато голос оказался мощным, с большим

диапазоном (каким-либо инструментом Балсара тогда еще не владел), и его охотно приглашали на свои выступления любительские и студенческие группы, причем не только лондонские, в качестве сешн-вокалиста. Более того, он стал постоянным участником блюз-рокового ансамбля "The Wreckage".

В 1969-м Меркюри (такой псевдоним он себе выбрал — Меркурий) познакомился через своего знакомого, Тима Стаффелла (Tim Staffell), студента и одновременно бас-гитариста и певца квартета "The Smile", с двумя его членами — гитаристом Брайаном Мэем и ударником Роджером Тейлором. Этот хэви-рок-ансамбль был создан в лондонском Империял-колледже, где учились все трое. За два года существования "The Smile" записали в 1969-м на фирме "Mercury Records" единственный сингл, "Earth" (композиция Стаффелла), на второй стороне которого была представлена композиция Мэя и Стаффелла "Step On Me". Фирма выпустила сингл только в Америке, где он не имел абсолютно никакого успеха, и группа потеряла контракт. Тим решил уйти, чтобы начать сольную карьеру.

Оценив по достоинству возможности Фредди, оставшиеся вдвоем Брайан и Роджер приглашают его на постоянную работу. Все бросив, он репетирует с ними шесть месяцев, после чего ансамбль наконец-то подыскивает себе бас-гитариста — им становится Джон Дикон, тоже студент, откликнувшийся на призыв, вывешенный на доске объявлений в колледже.

КТО ЕСТЬ КТО ПРИ ДВОРЕ «КОРОЛЕВЫ»

Здесь необходимо маленькое отступление, чтобы обозначить

«расстановку» творческих сил в квартете, не имевшем, между прочим, в конце 1971-го даже названия. Самым опытным из всех был Мэй (полное имя — Brian Harold May; 19.VII.1947): уже в 15 лет он начал играть с разными группами, в том числе профессиональными, одна из которых, "The Others", в 1964-м выпустила сингл "Oh, Yeah". Однако музыкальную карьеру Брайан всерьез не принимал — хотел быть ученым и потому в 1967-м поступил в Империял-колледж, изучал физику и астрономию, причем настолько успешно, что к моменту образования квартета получил степень бакалавра технических наук. Более того, начал преподавать в школе, а впоследствии его работы по вопросам космических излучений (или чего-то в этом роде) даже были опубликованы!

И все же Мэй больше известен как создатель оригинальной модели гитары, получившей название "May Axe" («Топор Мэя»), свой первый инструмент он изготовил вместе с отцом из... старинной каминной доски. Кроме того, Брайан разработал собственную школу игры, а также добился уникального звучания — благодаря тому, что в качестве медиатора использовал... монеты. В результате даже на концертах он достигал эффекта «три гитары в унисон». Овладел к тому же клавишными, синтезаторами, арфой и японским многострунным щипковым инструментом кото (типа гуслей). И еще: стал вторым по значению композитором группы, после Меркюри, естественно.

Роджер Тейлор (полное имя — Roger Meddowes-Taylor; 26.VII.1949) на момент создания квартета уже имел специальность дантиста и готовился получить степень бакалавра — но в биоло-

гии. Зато на ударных играл с 12 лет, владел также гитарой и неплохо пел. Так что и ему опыта было не занимать. Главным увлечением в жизни являлись автомобили. Композиторских способностей поначалу не демонстрировал, однако любовь к быстрой езде побудила его сочинить песню "I'm In Love With My Car" — «Я влюблен в свою машину» (1975), — первую, которая принесла ему серьезный успех как автору.

Наконец, Джон Дикон (John Deacon; 19.VIII.1951), присоединившийся к трио уже дипломированных специалистов, не мог остаться без высшего образования и, пока другие экспериментировали со звуком, стал-таки инженером-электронщиком (через шесть месяцев после того, как пришел в группу). Под влиянием коллег начал сочинять, добился первого серьезного успеха, как и Тейлор, в 1975 году — с композицией "You're My Best Friend".

В ПОДПОЛЬЕ

Хорошей аппаратуры у коллектива не было (два старых усилителя, остальное — вообще «самопал»), вот почему музыканты решили уделять больше внимания самоподаче на «живом» выступлении: костюмам, движениям, позам. Так закладывались основы будущих супершоу «Куин». Что касается музыкальной концепции, то Фредди как лидер — а таковым его признали все без исключения — лично занялся ее разработкой. Учитывая опыт Мэя и Тейлора в хэви-роке, он решил не менять общей стилистики, но лишь добиться максимальной полифонии в «раскладке» всех инструментов. Ориентиром был выбран хэви-помп-рок. Вообще-то слово «помп» значит «помпезный», если хотите, «пышный», ну а «хэви»

значит «тяжелый». Добавив к этому мощный драйв ритм-секции, Меркюри получил искомое, когда аранжировал весь материал, созданный к тому времени (начало 1972-го) участниками группы «в складчину».

Однако демонстрировать великолепие своего «двора» музыканты не спешили: половину 1971-го и большую часть 1972-го они провели фактически в подполье, отказавшись играть на клубной сцене, хотя с этого начинали и начинают едва ли не все рок-исполнители в мире. «Куин» лишь изредка давала бесплатные концерты в студенческих аудиториях. Весной 1972-го у квартета появилась возможность записать бесплатно в только что открытой студии «De Lane Lea» четыре композиции в качестве демо-материала.

Кассету услышали Рой Томас Бейкер (Roy Thomas Baker) и Джон Энтони (John Anthony), представители влиятельной студии «Trident», которая занялась в конечном итоге менеджментом «Куин» (непосредственно делами музыкантов ведал Джек Нелсон — Jack Nelson); а Бейкер и Энтони, в свою очередь, решили выступить продюсерами коллектива. Побывав с «исходным материалом» на многих фирмах грампластинок, они смогли заинтересовать «EMI Records», которая заключила с группой контракт. В США права на выпуск записей «Куин» были переданы фирме «Elektra Records».

ПРЕДТЕЧА И ВОСХОЖДЕНИЕ

Что является предтечей славы? И с чего начинается восхождение на Олимп? 6 июля 1973-го (здесь и далее указываются даты издания пластинок в Англии) был выпущен дебютный сингл квартета, «Keep Yourself Alive» (сегодня

может показаться, что в таком названии, «Сохрани себя живым», сокрыта иная трактовка). С этой же композиции начинается и первый альбом группы, названный просто «Queen», который появился через неделю после выхода сингла — 13 июля. Тематически диск варьировал библейские сюжеты, а в плане музыкальном была сделана попытка добиться концептуального сочетания вещей на виниле. Столь неожиданный для представителей одной из разновидностей хард-энд-хэви-рока подход вызвал у поклонников стиля живой интерес.

13 сентября «Куин» приняла участие сразу в двух «тусовках»: в записи радио-шоу «In Concert», устроенного на ее концерте в зале «Golden Green Hippodrome», после чего она дала еще один концерт — в родном для исполнителей Империял-колледже. Через месяц, 11 октября, по телеканалам Бельгии, Франции и Нидерландов было показано выступление группы, а 13 октября состоялся ее первый зарубежный концерт — в Германии. На следующий день, 14 октября, «Radio Luxemburg» дало в эфир запись радио-шоу «In Concert». Оно же транслировалось 20 октября в одной из музыкальных программ «BBC Radio One»...

С другой стороны, композиция «Keep Yourself Alive» пять раз отвергалась редакторами этой радиостанции, хотя диск-жокеи постоянно включали ее в списки «предпочтительных». Зато 12 ноября 1973-го с концерта в зале «Town Hall» (город Лидс) началось первое турне «Куин» по Великобритании, хотя и в качестве «разогревающего» коллектива перед выступлениями группы «Mott The Hoople». Оно продолжалось до 14 декабря включительно и завершилось в тот день сразу двумя

концертами в престижном лондонском зале «Hammersmith Odeon».

...В продюсировании своего дебютного альбома принимали участие и сами музыканты, что соответствовало тактике Меркьюри «делай сам». И хотя, по мнению критиков, эта работа «Куин» не представляла большого интереса (некоторые даже называли ее «провальной», в то время как диск разошелся в течение последующих нескольких лет тиражом более чем 1 миллион экземпляров), — в начале 1974 года по опросу читателей еженедельника «Melody Maker» и других влиятельных музыкальных изданий Англии «Куин» была признана «группой года» (1973-го).

1 марта 1974-го с концерта в зале «Winterland Gardens» (город Блэкпул) началось второе английское турне группы, при этом она выступала уже как хедлайнер, а поддерживал ее ансамбль «The Nutz». В ходе гастролей, 17 марта, на концерте в городе Стерлинг двое зрителей получили ножевые ранения, пострадали в потасовке и двое из сопровождавшей музыкантов команды — одного тоже полоснули ножом, а другой получил сотрясение мозга... Критики называли турне «образцовым», после чего «Куин» начала восхождение на свой Олимп, — славу квартет уже обрел.

8 марта 1974-го, еще до завершения этой шоу-эпопеи, был издан второй альбом Меркьюри и К°, «Queen II». Попав в британский хит-парад сразу на 7-е, он вскоре поднялся там до 4-го места. Построенный на более жестких риффах, чем первый, этот диск в то же время сочетал хэви-помп-рок со шлягерными элементами, особенно в мелодике, присущими глэм-року. К тому же группа вплотную

подошла к сюитной форме в построении композиций (что станет «фирменным знаком» квартета в середине 70-х годов).

И вот он, долгожданный миг удачи, — исполнителям раскрыла свои манящие объятия Америка: в мае 1974-го они в течение недели выступали с «Mott The Hoople» в зале «Uris Theater» на Бродвее в Нью-Йорке. Вслед за этим планировались концерты ансамбля в Бостоне, штат Массачусетс, однако из-за приступа гепатита у Брайана Мэя их отменили. А уже в июне «Куин» приступила к работе над своим третьим альбомом.

ПРОРЫВ К ОЛИМПУ

Чем же отличается прорыв от восхождения? Меркьюри и его ребята не зря так долго «разогревались» в подполье — тщательно продумав концепцию своей музыки, они стали воплощать ее с опережением, возник запас творческого потенциала, и количество мелодико-ритмических идей перешло в их качество, да так стремительно, что больше «подстраховывать» себя какими-то «пробными» записями уже не имело смысла. «Куин», памятуя о выгоде летней подготовки саней, легко и непринужденно по осенней поре 1974 года осуществила прорыв к Олимпу, выпустив 1 ноября диск «Sheer Heart Attack», продюсерами которого выступили Рой Томас Бейкер и сами музыканты.

В том же ноябре он достиг 2-го места в национальном хит-параде Великобритании, как и песня «Killer Queen» с него (автор — Меркьюри), выпущенная на сингле чуть раньше. 11 октября (обратите внимание на ее название: «Королева-убийца»). Второй этап в творчестве «Куин» начался именно с этого, а его ориентацией стал

барокко-помп-рок, значительно расширивший стилиевой диапазон композиций, придавший им большую контрастность за счет новаторского в роке синтеза музыкальных форм и жанров самых разных времен и народов.

Из двенадцати вещей, представленных на диске, пять сочинил Меркюри, в том числе «In The Lap Of The Gods» (и опять возникает какой-то особый, провидческий смысл в названии — «В руках Божьих»), а еще одну, «Stone Cold Crazy», — вместе с остальными участниками группы. Обе эти композиции, изданные на виниле, стали хитами во многих странах Европы.

Тем не менее у коллектива возникли проблемы с менеджментом студии «Trident» — музыкантам приходилось буквально сражаться за те песни, которые они хотели включить еще в альбомы «Queen» и «Queen II», а студия диктовала им свои условия. Кроме того, даже после коммерческого успеха второго диска им платили, как и в самом начале, всего по 100 долларов в неделю.

Проблемы, как известно, не возникают по одной, и уж тем более подступившая вновь не ждет, пока уладится ее «предшественница». Второе американское турне «Куин» (на сей раз как группы-хедлайнера), которое началось 5 февраля 1975-го, через 18 дней было прервано: Фредди, работая в последние два года на износ да к тому же не имея столь необходимой для певца его жанрово-стилевого диапазона вокальной подготовки (то, что у оперных исполнителей называется «школой»), сорвал голос. Он едва мог шептать, когда им занялся врач. И все же на следующий день, 24 февраля, Меркюри спел-таки в Центре им. Джона Ф. Кеннеди в Вашингтоне. Однако этот концерт ока-

зался его «лебединой песней» — остальные выступления были отменены.

Турне возобновилось только 5 марта, а 19 апреля с концерта в токийском зале «Budokan» начались гастроли «Куин» по Японии (всего 8 представлений), завершившиеся 1 мая в том же зале. И в тот же день сингл «Killer Queen» и диск «Sheer Heart Attack» возглавили международную часть национального хит-парада Страны восходящего солнца. Турне имело большое значение для группы — она стала вторым после легендарных «The Beatles» коллективом, получившим безоговорочное признание у местных фэнов в качестве «супергруппы мира» а все четверо участников ансамбля были признаны лучшими рок-музыкантами года по опросу самого влиятельного японского журнала в области шоу-бизнеса — «Music Life».

Возвратившись на родину, «Куин» уходит наконец от «покровительства» студии «Trident». Ее менеджером становится Джон Рейд (John Reid; он являлся также менеджером Элтона Джона). Новый контракт оказался весьма удачным. Если «Trident» не хотела (или не могла) потворствовать «изысканному вкусу» квартета, требовавшему значительных вложений как в сценическую, так и в студийную работу, то Рейд вкладывал приблизительно 100 тысяч долларов в каждый из последующих альбомов, начиная с «A Night At The Opera», что не замедлило сказаться на их качестве.

В июле 1975-го началась работа над этой кульминационной пластинкой. Кульминационной в том смысле, что она-то и стала тем Олимпом, среди богов которого собиралась утвердиться «Королева». А если проще, диск оказался

лучшим в творческой карьере Меркюри и его коллег. Все, что сделали музыканты после 1975-го (в какой-то мере исключение составляют записи самого начала 80-х годов), являлось продолжением, развитием, осмыслением и переосмыслением того, что им удалось воплотить на этом диске.

Его запись шла с августа по ноябрь поочередно в шести студиях, а продюсировала альбом та же «команда», что и предыдущий. И хотя все композиции были построены на сложнейших инструментальных, не говоря уже о вокальных, партиях, ни сешн-исполнителей, ни даже аранжировщиков «Куин» не приглашала — четверка все делала сама. И вновь, как и на обложке диска «Sheer Heart Attack», на обложке этого было напечатано «предупреждение» — «No synthesizers» («Никаких синтезаторов»). Тем самым участники группы как бы подчеркивали свой высочайший исполнительский уровень: играя только на «живых» инструментах и не используя фантастические возможности синтезаторов, коллектив создал и записал настоящую мини-рок-оперу, включающую к тому же еще одну, супер-мини-рок-оперу, — шестиминутную композицию (песней ее назвать трудно) «Bohemian Rhapsody».

Изданная на сингле 31 октября 1975-го, она через месяц, 29 ноября, еще до выхода альбома, на 8 недель возглавила британский хит-парад (в американском заняла 9-е место). Сам диск появился 3 декабря — и оказался настоящей сенсацией, причем не только в Англии, но и на музыкальных рынках очень многих стран. Из одиннадцати авторских вещей (двенадцатая, «God Save The Queen», завершавшая рок-оперу, являлась аранжированной Мзем версией гимна «Боже, храни Коро-

леву») пять сочинил Меркюри, к тому же — самые впечатляющие: «Death On Two Legs», «Lazing On A Sunday Afternoon», «Seaside Rendezvous», «Love Of My Life» и «Bohemian Rhapsody». Еще четыре вещи создал Брайан Мэй и по одной — Дикон и Тейлор.

Голос Фредди после многократных студийных наложений давал мощный хоровой эффект с уникальными соло-партиями, особенно в ключевой «Богемской рапсодии». Эффект был настолько трудным для воспроизведения на концертах, что в дальнейшем «Куин», выступая с этой композицией, в самый «пиковый» момент просто включала запись, о чем предупреждала зрителей, а когда ругады кончались, присоединялась с «живым» звучанием... 27 декабря 1975-го альбом стал на 6 недель лидером национальной таблицы популярности Великобритании (в США — # 4). Ассоциация Британской фонографической промышленности назвала «Богемскую рапсодию» лучшей мини-пластинкой за прошедшие четверть века (!). Снятый на основе композиции видеофильм стал фактически первым настоящим видеоклипом, хотя на его создание ушло только 4 часа.

Единственное, чего не доставало «Куин» до полного триумфа на всех континентах, — всемирного турне. И оно началось 27 января 1976-го: сначала по Америке — до 13 марта (одновременно все четыре диска группы оказались в двадцатке лучших британского хит-парада), затем по Японии — с 22 марта по 2 апреля (к тому времени сингл «Bohemian Rhapsody» и альбом «A Night At The Opera» уже возглавили международную часть местной национальной таблицы популярности), после чего по Австралии — с 11 по

22 апреля (сингл и альбом возглавили и австралийский хит-парад). И, наконец, 25 апреля «Куин» возвратилась домой.

... Два с небольшим года миновало с тех пор, как четыре бывших студента впервые показали свое искусство широкой публике (в 20 городах у себя на родине), и вот уже тщательно подготовленная ими QUEEN'омания достигла отдаленных уголков света. Но Меркьюри хотелось большего, ему не терпелось представить на суд рок-истории вторую часть задуманной им диалогии. Речь идет о диске «A Day At The Races». Феноменальный успех вечера, проведенного группой вместе с миллионами фэнов в опере (по названию альбома «Вечер в опере»), должен был, по замыслу Фредди, повториться и днем, который музыканты собирались, тоже с миллионами фэнов, провести на скачках (по названию альбома «День на скачках», запись которого шла с июля по ноябрь 1976-го).

На сей раз от чужих услуг в продюсировании исполнители отказались: лидер «Куин» опять бросил клич «делай сам». И вновь сочинил несколько великолепных композиций (точнее — четыре из десяти, представленных на пластинке): «You Take My Breath Away», «The Millionaire Waltz», «Somebody To Love» (издана на сингле 12 ноября) и «Good Old-Fashioned Lover Boy». Мэй тоже написал четыре композиции, в том числе «Teo Torriatte (Let Us Cling Together)». Она интересна тем, что группа спела ее на... японском (автор перевода текста — Чика Куджираока—Chika Kujiraoka).

Увы, день на скачках оказался не продолжением, а едва ли не забвением вечерне-оперного успеха. Мнения критиков о пластинке, опять изданной незадолго до Рож-

дства — 10 декабря (то есть ровно через год после дебюта «Оперы»), разделились. Те, кто отдавал предпочтение музыке «Куин» этапа хэви-помп-рока, вообще заявили, что будущего у группы нет. Другие же, в целом приветствовавшие эксперименты коллектива, так и не поняли, что «Ночь» и «День» — это великолепно задуманная, хотя, может быть, и не столь блестяще воплощенная рок-диалогия. Ах, если бы обе пластинки были выпущены как двойной альбом, — он бы сегодня мог оказаться такой же классикой, например, как двойной «белый» альбом (1968) квартета «Битлз».

... Боги на Олимпе, где вроде бы утвердилась «Королева», ехидно посмеивались, а некоторые даже хмурились, однако самозванкой ее объявить не посмели, а уж спихнуть — и подавно. Тем более что 18 сентября 1976-го «Куин» дала бесплатный концерт в лондонском Гайд-парке, на который собралось, по одним данным, 150 тысяч зрителей, а по другим — около 200 тысяч. Это было одно из самых массовых рок-зрелищ в 70-е годы.

ИНТЕРЛЮДИЯ: QUEEN «ЖИВЬЕМ»!

Прежде чем рассказать о третьем этапе в творчестве «Куин», сыграем-ка интерлюдия в духе «Королевы», дабы ощутить, каково ей приходилось на сцене.

Фредди был главным шоуменом всех представлений. А вторым, конечно же, Брайан. Публика смотрела на их «дуэты» — и дыхание у нее подчас захватывало, особенно когда взрывные и как бы «обволакивающие» гитарные пассажи с гармониями «а-ля опера» сопровождалась балетно-гимнастическими упражнениями Меркьюри. Эти пассажи и «унисонные» им па являлись двумя главнейши-

ми элементами сценического воплощения музыкальных идей группы. Помимо, естественно, вокальных рунд и световых каскадов.

Чаще всего певец выделял свои «кульбиты», используя укороченную микрофонную стойку в качестве весьма специфического «театрального реквизита». Иногда он садился за рояль (как на постере) — исполняя, например, композицию «You Take My Breath Away». В такие моменты Фредди был романтиком... А иногда — в зависимости от настроения — менял сценические костюмы три-четыре раза в течение программы.

Начинал с белых комбинезонов в стиле высокой моды, затем переодевался в черно-бело-полосатое или же черно-бело-шашечное трико а-ля Вацлав Нижинский; потом выбирал что-нибудь типа костюмной пары с блестками. Ну, а под занавес появлялся в некоем подобии развевающегося на ходу шелкового кимоно. И подчас затруднительно было сказать, кто он в данный момент — женщина или мужчина, гетеро- или гомосексуалист...

Элегантное сценическое поведение Брайана как бы оттеняло ураган эффектных поз и не менее эффектных па Фредди, стремившегося царить на подмостках. Гитара звучала с мощными всплесками — в то время как сам музыкант оставался абсолютно серьезным и сосредоточенным. А еще гитара звучала так, будто сразу три музыканта играют в унисон, и в результате буквально аккумулировала в зале энергетическое поле... Эти двое — Меркюри и Мэй — в полной мере дополняли один другого; Джон Дикон и Роджер Тейлор создавали мощный ритмический бэк-граунд, именно он придавал всему шоу особый драйв.

«Куин» с большим вкусом, так-

том и умением использовала свето- и пиротехнику, другие спецэффекты. Вместо того чтобы отвлекать, а то и приводить в смятение зрителей (как то нередко бывает на подобных концертах), ее эффекты, употребленные в единственно нужный и верный момент, лишь добавляли к полноте восприятия музыки и вполне соответствовали эмоциональному настроению момента.

В 1977 году квартет привносит в свое «обычное» действо кое-какие изменения: на сцене появляется... корона, да еще весом в 2,5 тонны, которая мгновенно превращается из бугафорского в артистический элемент. Перед началом шоу она — единственное, что визуально доминирует на подмостках. Но вот представление начинается, и корона, взмывая постепенно над исполнителями, венчает их как бы всех четверых одновременно.

Корона — это был, конечно, символ. Но она имела и вполне, скажем так, бытовое назначение. Как рассказывал сценический менеджер коллектива, Джерри Стикелс (Gerry Stickells), корону изготовили прежде всего для того, чтобы искусно укрыть в ней световую аппаратуру, дающую «верхний эффект» (главное освещение — сверху), а также за тем, чтобы сделать весь этот громоздкий «аппарат», состоявший из множества приборов, работу которых не столь уж просто координировать, более мобильным — и одновременно впечатляющим по дизайну. ...Все, интерлюдия окончена.

С ВЫСОТ ОЛИМПА

Третий этап в творчестве «Куин», охвативший 1977—1979 годы, стал как бы периодом созерцания ими (естественно, с высот Олимпа) того, что же успели «на-

творить» в этой жизни они, талантливые люди, и чем сей талант еще может для них обернуться... Завершив еще одно, теперь уже полугодовое супертурне по миру двумя концертами в лондонском зале «Earl Court», в июле 1977-го квартет приступил к работе над своим пятым альбомом, «News Of The World», который записал всего за два месяца (он был издан 28 октября). Его продюсерами опять выступили сами музыканты, а сопродюсером — Майк Стоун (Mike Stone), он же — звукоинженер.

На сей раз исполнители, памятуя, что даже супергруппа может потерять интерес у публики, если, полагаясь на свой звездный статус, не предложит ей чего-нибудь совсем новенькое (или уже забытое старенькое), так и поступили: они изменили отчасти звучание, сделав его менее изысканным, менее вычурным, однако более ясным в своем драйве, чуточку более прямолинейным в аранжировке. Иначе говоря — более роковым. Такой саунд оказался неожиданным для критиков, но весьма понравился фэнам.

Один из менеджеров ансамбля, Пит Браун (Pete Brown), вспоминал, что композиции для пластинки создавались либо прямо на гастрольном маршруте, либо — в лучшем случае — в студии непосредственно перед началом записи. «Они прямо-таки взрывались идеями, но у них было относительно мало времени, чтобы проработать их» — так объяснял Браун. С другой стороны, песню «We Will Rock You» ее автор, Брайан Мэй, специально проработал так, чтобы при концертном исполнении публика обязательно начала хлопать и притопывать в такт: вещь создавалась как очень простая и очень заводная. Удачными оказались композиции

«Spread Your Wings» (автор — Дикон; издана на сингле 10 февраля 1978-го) и «Get Down, Make Love» (автор — Меркюри).

Две песни, «We Are The Champions» (автор — Меркюри) и «We Will Rock You», выпущенные 7 октября 1977-го как стороны «А» и «Б» одного сингла, начали в октябре же стремительно подниматься к вершинам хит-парадов многих стран. В конечном итоге первая стала гимном миллионов спортивных болельщиков и ее распевали на всех футбольных матчах. А вторую — на всех концертах, причем не только группы «Куин».

Ну, а сам диск стал возвращением к «живому» рок-н-роллу, мощному и жесткому по звучанию; музыканты отказались (может, и зря) от экспериментов в духе барокко, что произвело впечатление на многих: кому-то это понравилось, кому-то — нет. Группа же вполне сознательно и радикально меняла саунд — чтобы встряхнуть, удивить публику.

Такой же подход к саунду обнаружил и следующий альбом, «Jazz», вышедший 10 ноября 1978-го. И более того, «Куин» явно решила синтезировать хард-энд-хэви-рок своего третьего этапа с хэви-помп-роком этапа первого. Неудивительно поэтому, что диск опять продюсировал Рой Томас Бейкер (конечно же, вместе с Меркюри и К^с). Кстати, Фредди и на сей раз проявил свой неисчерпаемый композиторский талант, создав такие оригинальные по мелодике и построению вещи, как «Mustafa» (стилизация в арабском духе), с которой начинался диск, а также «Vicycle Race» (ее можно рассматривать как еще одну супер-мини-рок-оперу). Великолепной оказалась и композиция Мэя — «Fat Bottomed Girls»; она была издана

вместе с песней «Bicycle Race» на одном сингле 13 октября 1978-го. Для съемок рекламного видеоролика с этими двумя вещами были приглашены 200 девушек, которые в обнаженном виде гоняли по велотреку... А через месяц, 16 ноября, в нью-йоркском зале «Madison Square Garden» состоялось грандиозное шоу, устроенное «Куин» в целях рекламы альбома «Jazz».

В 1979-м группе сопутствовал еще больший успех на гастролях по Японии, а за два месяца европейского турне она записала двойной концертный альбом «Live Killers» (появился 22 июня). Хороший альбом. Больше о нем сказать нечего, разве что: одна сторона на этих двух пластинках была целиком «посвящена» гитарным пассажам Брайана Мэя. Следует еще добавить, что летом того же 1979-го Фредди удалось наконец «сделать настоящее па»: его пригласили станцевать в Королевском балете... собственные произведения «Bohemian Rhapsody» и «Killer Queen». Репетировал он долго, но пресса (ох, как же мазстро ее не любил!) проигнорировала это событие.

ИНТЕРЛЮДИЯ: Я ВАС ЛЮБИЛ...

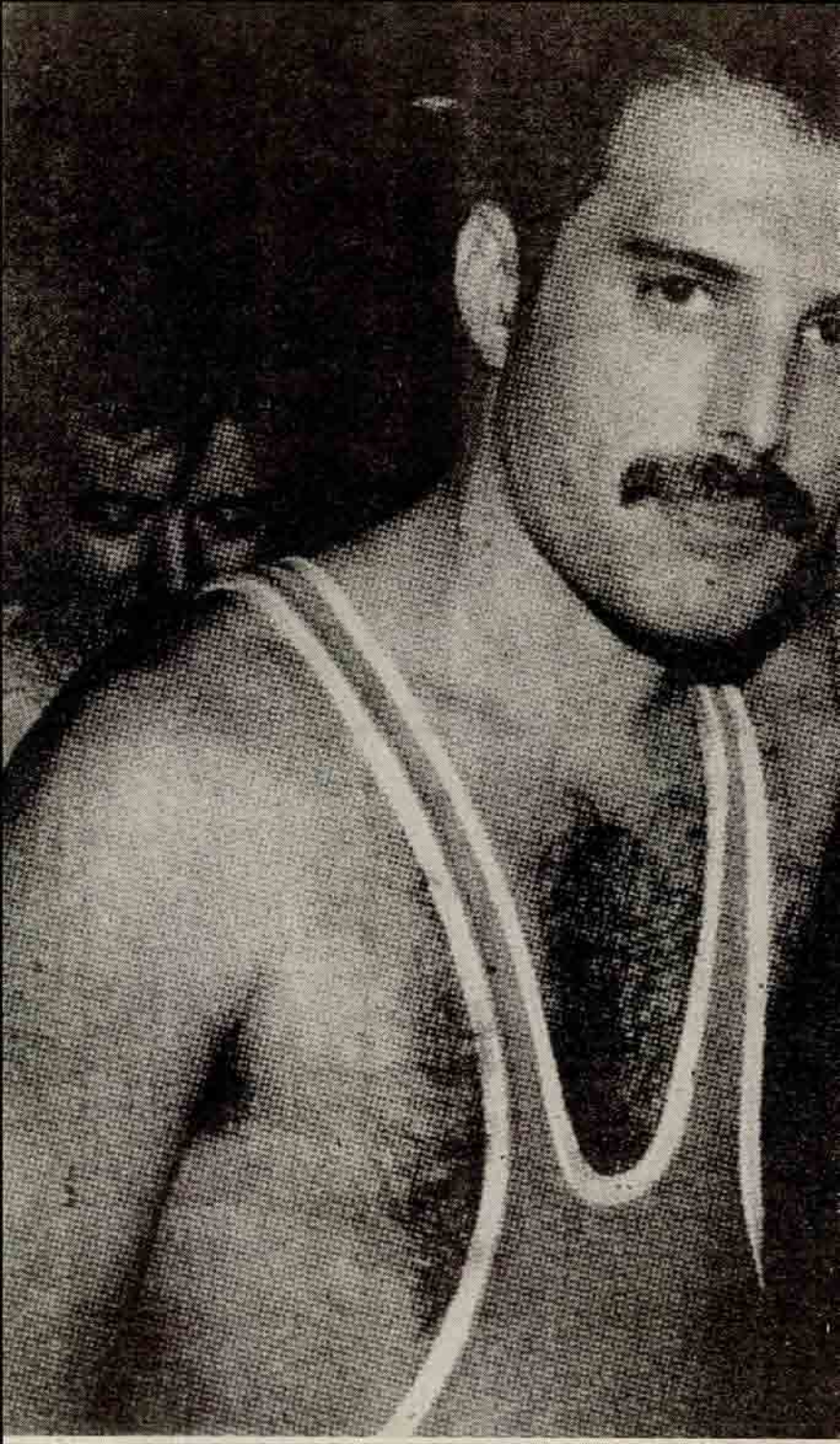
Все участники «проекта века» под названием «Куин» отлично понимали, насколько важны для группы собственные фэн-клубы. И они создали целую сеть таких клубов по всему миру со штаб-квартирой в Лондоне — там находится Международный фэн-клуб. Его адрес мы приводим для отечественных поклонников квартета (простите, отныне трио) по данным на февраль 1991 года, когда был выпущен диск «Innuendo»: Jacky Gunn, 46 Pembridge Road,

London W11 3HN, England
QUEEN International Fan Club

Сколько насчитывается зарегистрированных фэнов на сегодня, мы точно не знаем, однако в конце 70-х, когда группа находилась еще на Олимпе, их было уже около 10 тысяч — в Англии, континентальной Европе, Северной Америке и, наконец, Азии. Тогда стать членом фэн-клуба мог любой: стоило заплатить вступительный (первый) взнос — 5 долларов, и неопит получал членский билет, значок, релиз-биографию, фото, а ежеквартально — письмо с личным обращением одного из членов «Куин» (поочередно). И так — ежегодно: 5 долларов — и весь набор «удовольствий» (обновленный, конечно) приходил по почте.

Но ребята из «Королевы» действительно были очень преданы своим поклонникам. Вот почему они решили как-то дать специальный концерт только для членов Международного фэн-клуба. Идея родилась в пятницу, 7 октября 1977-го, вскоре после того, как был подготовлен к выпуску альбом «News Of The World», и за одну неделю Пит Браун организовал рассылку пригласительных открыток, а 13 октября в лондонском зале «New London Theatre» состоялся этот концерт. Правда, зал смог вместить лишь тысячу зрителей-фэнов, но для тех, кто все же попал на шоу, оно стало незабываемым событием — может быть, на всю их жизнь.

И еще кое-что о любви фэнов к их обожаемой «Королеве». В начале 80-х годов из Америки в Англию пришло письмо, и на конверте вместо полного адреса было указано только: «Queen, England» («Королеве, Англия»). Такие послания обычно адресуются в Букингемский дворец. Однако,

вскрыв конверт, один из секретарей Ее Величества обнаружил, что пишут отнюдь не Королеве, а — «Королеве». И он переправил этот вопль любви группе с припиской: «Извините, вскрыто по ошибке».

Делайте выводы, Queen-фэны.

В «АТМОСФЕРЕ МЮНХЕНА»

В начале осени 1979-го «Куин» записала композицию «Crazy Little Thing Called Love», которую сочинил Меркюри (в манере, стилизованной под рокабилли). Она стала «первым вкладом» группы в новую пластинку, названную «The Game» (1 июня 1980-го). Песня была первой выпущена на сингле (5 октября) и 23 февраля 1980-го на 4 недели возглавила американский хит-парад, что оказалось важным событием в творческой судьбе квартета: до этого его композиции столь массового признания в США не обретали.

В ту осень (1979) Фредди и его друзья жили в Мюнхене, где начали сотрудничать с местным продюсером, известным под именем Мэк (Mack). У группы имелась тогда уже собственная и, надо заметить, отличная студия в Монтрé (Швейцария), и все же музыканты предпочли «атмосферу Мюнхена», как они выразились. Суть заключалась в том, что коллектив решил еще раз изменить стиливую ориентацию: ни барокко-помп-рок их второго этапа (1974—1976), ни «чистый» хэви-помп-рок первых двух альбомов или еще более контрастный хард-энд-хэви-рок третьего этапа (1977—1979) уже не вызывали особого энтузиазма у публики. Главные позиции в Европе да и в Соединенных Штатах начал завоевывать электронный синти-фанк — наследник диско 70-х и предтеча хип-хопа 80-х.

Этот стиль и являлся «атмосферой Мюнхена», которая при-

влекла «Куин»... Прослушав диск, Майкл Джексон (Michael Jackson), друживший с Меркюри, предложил издать в качестве микс-сингла песню Джона Дикона «Another One Bites The Dust». Выбор Джексона, безупречно владевшего конъюнктурой музыкального рынка Америки, оказался стопроцентным: 4 октября 1980-го сингл, выпущенный 22 августа, на 3 недели возглавил национальную таблицу популярности США. Особым успехом эта вещь пользовалась у черной аудитории, что не случайно: «Куин» первой из групп мейнстрим-рока (тех направлений в рок-музыке, которые считаются «основными», или традиционными, на данный момент) уловила большой потенциал танцевального минимализма в стиле хип-хоп, особенно если подвергнуть его рок-обработке.

Вот почему ее следующим шагом в данном направлении стал диск «Hot Space» (23 мая 1982-го). Музыканты записывали его частично у себя в швейцарской «Mountain Studios», а частично — в мюнхенской «Musicland Studios», и опять вместе с Мэком в качестве продюсера. Стилистически альбом был ориентирован на электро-фанк с различными вариациями: от жесткого фанк-рока с мощным драйвом (композиции «Dancer» Мэя и «Back Chat» Дикона; на сингле выпущена 9 августа) до более мягкого поп-соул-фанка (песня «Cool Cat» Дикона — Меркюри; на сингле выпущена 1 июня). Не обошлось и без фирменного хард-«куин»-рока (клишированные «ходы» в аранжировках и общем звучании группы стали такими узнаваемыми и характерными, что термином «куин»-рок можно заменить теперь очень многое, когда описываешь музыку коллектива). Не забыли и эпическую «куин»-балла-

ду. А Тейлор сочинил даже по-реггей-композицию в духе трио «The Police» — «Calling All Girls».

Но подлинным открытием на этой пластинке стала композиция «Under Pressure», которую музыканты создали, записали и даже спродюсировали вместе с Дэвидом Боуи (David Bowie) в 1981-м. В том же году, еще до выхода самого альбома (он появился 23 мая 1982-го), выпущенная на сингле 2 ноября, она 28 ноября на 3 недели возглавила британскую таблицу популярности (в США достигла лишь 29-го места). Вторым хитом оказалась песня «Body Language» (автор — Меркюри): в июне 1982-го, изданная на сингле 19 апреля, она поднялась до 11-й позиции в американской таблице.

НА ЗАКАТЕ СЛАВЫ

На этом, собственно, наша история почти заканчивается. Наша, однако не самой группы «Куин». Мы же решили не утомлять больше читателей исчерпывающими подробностями ее дальнейшей биографии, и не оттого, что их было мало после 1982-го, но потому, что, как создатели НОВОГО, как творцы, пошедшие на Большой Эксперимент, участники квартета — действительно величайшего феномена рок-музыки 70-х, — к сожалению, в 80-е годы себя исчерпали.

Мы уже говорили о кульминации в развитии «Куин» (1975 год), после чего она занялась в музыкальном плане «осмыслением и переосмыслением»; мы уже говорили, чем закончилось такое «осмысление и переосмысление» — самоцитированием ею же созданных клише. Были, конечно, и проблески в «куин»-роке 80-х, но жемчужин почему-то не оказа-

лось. И не случайно, видимо, Роджер Тейлор уже в 1981-м записал сольный альбом «Fun In Space», а в 1983-м это начинание продолжил Брайан Мэй, выпустивший самостоятельный мини-альбом «Star Fleet Project»: в замкнувшемся творческом мегапространстве «Куин» им стало, очевидно, тесно.

Впрочем, еще в 1980-м участники «проекта века» предприняли коллективную попытку убежать за пределы собственного помп-величия, откликнувшись на предложение знаменитого кинопродюсера Дино Де Лаурентиса (Dino De Laurentiis) написать музыку для его версии космическо-фантастического фильма «Flash Gordon» (наподобие «Звездных войн»; режиссер-постановщик новой версии — Майк Ходжес (Mike Hodges)). Премьера картины состоялась 5 декабря того же года, а через три дня, 8 декабря, появился одноименный диск-саундтрек, на котором было представлено единое по замыслу и воплощению произведение, близкое к сюитной форме, с обилием электронно-«космических» эффектов (Меркюри и К^с все-таки начали использовать синтезаторы), мрачно-апокалипсическое по звучанию и одновременно... весьма узнаваемое: «куин»-рок!

...В 1983-м ансамбль перешел с фирмы «Elektra Records» на фирму «Capitol Records» (в Америке). В 1984-м сингл «Radio Ga Ga» (автор — Тейлор) — с первой композицией из нового диска «The Works» (появился 27 февраля; продюсеры — музыканты группы и Мэк), выпущенный «EMI-Capitol Records» 23 января, занял 16-е место в национальном хит-параде США. Песня эта, в стиле электро-поп, заметно выделялась среди других, сочетавших помп-рок и электро-фанк...

Праздником для «куин»-фанов стало появление в 1985-м комплекта, состоявшего из 14 дисков и названного «The Complete Works». Всего на этих пластинках «уместилось» 157 композиций, созданных музыкантами за 12 лет студийной работы... 13—14 июня того же года квартет принял участие в международной телерок-акции «Live Aid» — грандиозном фестивале, состоявшемся в Лондоне и Филадельфии (в помощь, как уже говорилось, пострадавшим от засухи жителям Эфиопии), который транслировался через спутники на 100 стран мира. Этому уникальному событию «Куин» посвятила композицию «One Vision» (выпущена на сингле 5 ноября 1985-го), выступив с ней в «Live Aid». Она же прозвучала в фильме «Iron Eagle», с нее же начинался альбом «A Kind Of Magic» (был издан 2 июня 1986-го).

К тому времени Меркюри тоже успел записать сольный диск, «Mr. Bad Guy» (1985), как и Тейлор — свой второй, «Strange Frontier» (1984), создав при этом собственную группу, «The Cross». Надо сказать, что эти две пластинки звучали куда свежее и даже оригинальнее, чем «A Kind Of Magic»... Следующий «прорыв» группы в запретную тогда для большинства западных поп- и рок-исполнителей «зону» состоялся в июле 1986-го, когда группа дала концерт на открытом стадионе в Будапеште. Его посмотрело около 80 тысяч зрителей (хотя желающих было гораздо больше — только заявок на билеты поступило 250 тысяч).

Посольство Великобритании устроило после концерта шикарный прием, где дипломаты охотились за автографами Фредди, а тогдашний посол Ее Величества, Дэвид Колвин (David Colvin), про-

изнес речь о «прорубленном окне» между Востоком и Западом и о «великой рок-миссии» коллектива. И хотя до него за «железным занавесом» в Венгрии уже побывали Элтон Джон, а также группы «Dire Straits» и «Jethro Tull», английские журналисты именно музыкантов «Королевы» назвали «послами Британии» от рок-искусства.

Выступление «живой легенды» снимали 17 кинооператоров, и в 1987-м на основе этих съемок был сделан и выпущен полнометражный документальный фильм «Magic — Queen Live In Budapest», шедший и на российских экранах. А еще раньше, 1 декабря 1986-го, появился концертный альбом «Live Magic», также записанный в ходе европейского турне 1986 года. Квартет дал тогда 26 представлений в восьми странах, и только в Англии на пяти концертах побывало более 500 тысяч зрителей. Два шоу были устроены на стадионе «Уэмбли», и одно из них записали на пленку, на основе которой в июне 1992-го фирма «Hollywood Records», учрежденная компанией Уолта Диснея (Walt Disney Company) и купившая за 10 миллионов долларов права на переиздание всех уже вышедших пластинок «Куин» и на издание четырех новых, — эта фирма выпустила двойной компакт-диск «Live At Wembley». В Англии он был издан фирмой «Parlophone Records» и 11 июля поднялся до 17-й позиции в британском хит-параде.

...В 1988-м произошло воистину эпохальное событие: великая испанская оперная певица (soprano) Монсеррат Кабалье (Montserrat Caballé) выпустила на фирме «Polydor Records» альбом «Barcelona» с классическими ариями, и ее партнером был... Фредди Меркюри! Надо учитывать

также, что уже в 1985-м его голос заметно сел, и никакие специалисты помочь Фредерику Балсаре не могли. И все же — как он звучал в дуэтах с Монтсеррат! Заглавная композиция с этой пластинки, «Barcelona», достигла 8-го места в британской таблице популярности. Более того, Олимпийский комитет выбрал ее официальным гимном летних игр 1992 года, проводившихся в Барселоне.

В 1989-м «Куин» начинает работать в студии с новым продюсером Дэвидом Ричардсом (тем самым, который «озвучивал» 20 апреля 1992-го памятный концерт на «Уэмбли»). Результат их сотрудничества — диск «The Miracle» (появился 22 мая 1989-го). Одна из песен с этого альбома, «Breakthru», благодаря снятому на ее основе видеоклипу стала шлягером. Сам диск, как и сингл «I Want It All» (выпущен 2 мая 1989-го), попал в десятку лучших английского хит-парада. Видеоклип на основе этой композиции был снят режиссером Дэвидом Мэллетом, еще одним специалистом, участвовавшим в постановке «гуд-бай Фредди»-шоу.

А в 1990-м наступило Великое Затишье. «Куин» не выступала, да и вообще не появлялась где-либо на публике, о ней самой ничего практически не писали, зато ее песни в качестве «шаблонов» для своих рэп-композиций выбрал Ванилла Айс (Vanilla Ice), в частности, он «позаимствовал» основу «Under Pressure» для собственной «Ice, Ice Baby»; версии ее песен исполняла хард-энд-хэви-группа «Metallica»; более того, фирма по изготовлению велосипедов «Huffy Bicycles» использовала тему «Bicycle Races» из диска «Jazz» для телерекламы своей продукции... О таком ли мечтал Фредди?

Наконец, в феврале 1991-го по

всему миру одновременно был выпущен долгожданный новый альбом — «Innuendo» (продюсеры — музыканты группы и Дэвид Ричардс). В заглавной и самой впечатляющей композиции партию «испанской» гитары исполнил Стив Хауи (Steve Howe), известный по своим работам с английскими группами «Yes» и «Asia»... Выделялись также мягко-лирическая песня «I'm Going Slightly Mad» и надрывно-эпическая «The Show Must Go On». Одиннадцать из двенадцати вещей, представленных на диске, сочинили Меркьюри и К°, и только в создании одной, «All God's People», им помогал Майк Моран (Mike Moran), исполнивший при ее записи партии клавишных. 7 марта сингл «Innuendo» (вторая сторона — «Under Pressure») стал лидером британской таблицы популярности, 4 апреля ее возглавил и альбом.

Но заокеанские критики оценили эту работу «Куин» весьма низко. Так, Чак Эдди (Chuck Eddy) из влиятельного американского журнала «Rolling Stone» заявил, что пластинка настолько «легковесна», что ее забудут, как только она перестанет быть новинкой. Действительно, новинкой она быть перестала, но ее не забудут уже никогда — ведь это последняя запись «Королевы», оставшейся без своего Короля... Впрочем, имеется и кое-что из невыпущенного: как стало известно совсем недавно, Меркьюри, уже будучи смертельно больным, успел-таки записать ряд вокальных партий для новых композиций, и теперь фирма «Hollywood Records» собирается издать их в качестве «самого последнего альбома». Инструментальные партии наложат Мэй, Дикон и Тейлор, заявившие, что намереваются продолжать совместную работу, но уже под

каким-нибудь другим названием. В их планах — выпуск трех дисков.

ГРАНД-ФИНАЛ

В последний раз он выступал на сцене за 18 месяцев до смерти. По миру ходили слухи: Меркюри серьезно болен. Многие догадывались — чем. Некоторые говорили об этом вслух. От имени Фредди делались официальные заявления: он болен не СПИДом, речь идет о другом заболевании, да и сам маэстро еще в 1987-м утверждал в нескольких интервью, что его проверка на ВИЧ дала отрицательные результаты... Стало известно: певец зачем-то ездил в Швейцарию. Записываться? Лечиться?.. Комментария не последовало. Стало известно: он изредка покидает свой трехэтажный особняк в фешенебельном лондонском районе Кенсингтон (цена этого 28-комнатного дома теперь, вместе с «начинкой», — 4 миллиона фунтов стерлингов, а приобрел его Меркюри в свое время за 500 тысяч фунтов), — покидает, чтобы купить что-нибудь для своей коллекции японского искусства. Остальное же время он уже два года проводит фактически за творником.

Менее чем за сутки до кончины певец распространил через своего пресс-агента заявление, в котором, не страшась больше людского осуждения, признал: «Я хочу подтвердить, что был проверен на ВИЧ — с положительным результатом и что у меня СПИД. Мне казалось правильным, что я держал это в секрете до сегодняшнего дня, чтобы защитить своих близких». Не прошло и 24 часов, как врач констатировал: смерть от бронхиальной пневмонии, развившейся из-за СПИДа.

...Доктора пытались облегчить

его страдания как могли, тем не менее в первых числах ноября 1991-го состояние певца значительно ухудшилось: иммунная система не могла больше противостоять атакам синдрома, и Меркюри испытывал сильнейшие приступы — боль в теле, ломоту в глазах. Он то и дело терял сознание, в последние несколько дней уже не мог есть... Мэри Остин, с которой маэстро опять сблизился в 1991-м, постоянно находилась возле его постели.

И вот наступило 24 ноября. Через десять минут после того, как Мэри вышла из комнаты (врач ненадолго оставил больного чуть раньше), Король покинул свою «Королеву» и бренный мир. Рядом был только Дэйв Кларк, экс-ударник ансамбля «The Dave Clark Five», единственный близкий друг одинокой звезды, угасшей на рок-небосклоне. «...А потом он уснул», — сказал Дэйв о последних мгновениях жизни Короля.

...У гроба с ним прощались родители и сестра. На венке от Дэвида Боуи значилось: «О тебе будут скорбеть». Еще венки прислали Ринго Старр (Ringo Starr), а также музыканты из групп «U2» и «The Scorpions». Мэй, Дикан и Тейлор заявили: «Смерть подкосила его на самой вершине творчества». Последняя композиция на последнем альбоме называлась «Шоу должно продолжаться». Давая последнее интервью, он сказал: «Я живу ради завтрашнего дня».

А еще он сказал: «Любовь для меня — это русская рулетка».

АЛЕКСАНДР НАЛОЕВ

Text: World © 1992 by

Astro News Agency.

Colour Photo: Copyright by

Picture Group. Distributed by

Eastlight Presshouse (Vienna) —

Astro News Agency (Moscow).

«РЫЖИЙ»

АНДРЕЙ БАТАШЕВ

ВСЕГДА

ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

ВЫВЕРНЕТСЯ

Три года назад «Смена» опубликовала очерк «Ваш выход, «рыжий»!» — о клоунессе Екатерине Можяевой, создавшей на цирковой арене образ Антошки, мальчишкисорванца, которому всегда и все удается.

Тогда Катя переживала трудные времена: она рассталась со своим мужем и партнером Анатолием Латышевым и должна была одна воспитывать десятилетнего сына

и заново завоевывать место под солнцем: надежды возродить номер «Антон и Антошка», который и принес известность Можяевой и Латышеву, у нее не было.

— Я знаю, что никогда не найду такого партнера, — сказала мне тогда Катя, — хотя есть, конечно, артисты сильнее его и в акробатике, и в эквилибре. Но они не заменят Толю в дуэте. Это невозможно. Нельзя ведь восстановить раз-

битую скрипку, использовав вместо недостающих частей детали от мясорубки...

Разумеется, у Кати были планы на будущее. Но, слушая ее, я думал, что эти планы вряд ли осуществятся: начинать новую жизнь в цирке на тридцать четвертом году поздновато.

Катя, словно догадавшись о моих сомнениях, попыталась объяснить то, что я не знал.

— Федерико Феллини, — сказала она, — делит всех людей, словно клоунов в цирке, на «рыжих» и «белых». Он считает, что это не ампула, а сущность человека. Поэтому, он прав. Я, например, «рыжий». И мне — хоть умри — никогда не стать «белым», как мой первый партнер.

Три года назад Катя не сомневалась, что она — «рыжий». А сегодня? Не изменили ли годы ее самооценку?

— Нет, — отвечает она. — Каким в колыбельку, таким и в могилку... Но, разумеется, и «рыжему», чтобы поймать удачу, необходим хотя бы один-единственный шанс.

И судьба позаботилась об этом.

В один прекрасный день (это произошло около трех лет назад) в Москву приехал известный аргентинский импресарио Энрике Канюки. Разыскав Можаяву, он сказал ей:

— Я хочу подготовить цирковое шоу на льду.

— Очень хорошо, но при чем здесь я? — ответила она.

— В программе должна быть суперзвезда. Поэтому ты мне и нужна.

— Но я не умею кататься. У меня и коньков-то никогда не было.

— Научисься...

— Прикинув все «за» и «про-

тив», — продолжает свой рассказ Катя, — я подумала: а почему бы и нет? Почему бы в самом деле не попробовать, если Канюки так верит в меня?

Тренер по фигурному катанию был рядом: со мной занимался степом Зофяр Шакиров, известный в прошлом характерный танцовщик, который много лет проработал в «Балете на льду».

В течение двух месяцев Зофяр бился со мной, проявляя чудеса тренерской изобретательности и терпения. А затем мы отправились в Кишинев, где формировалась ледовая программа для заграничного турне.

Участники шоу встретили нас в штыки: Зофяра даже не пустили на порог цирка. Потом я узнала, что незадолго до нашего приезда они провели собрание и решили: нам эта «суперзвезда» не нужна, обойдемся и без нее...

Ролан Быков как-то рассказал анекдот: сидит ворона на ветке. Вдруг прилетает другая и хочет сесть рядом, а та ее не пускает. «Почему? — спрашивает другая ворона. — Разве здесь мало места?» «Да нет, достаточно». — «Тогда, может быть, не хватает корма?» — «И с кормом все в порядке». — «Тогда почему ты меня не пускаешь?» — «А зачем пускать, если можно не пускать?»... Я знала психологию отечественных ворон и уже готова была отступить. Но приехал импресарио, дал всем разгон, очень доходчиво (он говорит по-русски) объяснив, что музыка заказывает тот, кто платит деньги.

И мы сделали программу, которая называлась «Сон Антошки». Это был спектакль, который начинался с того, что кукла превращается в мальчишку Антошку. Он попадает в цирк, на ледяную арену, и начинает всюду совать свой нос...

Когда мы готовили программу (я, кстати, ставила ее как режиссер), Канюки сказал мне, что Антошка, по его замыслу, — это язычок пламени на льду, который не только соединяет все номера, но и согревает, обживает пространство, разделяющее зрителей и артистов...

Перед манежем для Антошки была сделана маленькая сцена, на которой он демонстрировал «высший пилотаж» в самых разных жанрах. Разумеется, и на льду Антошка тоже должен был оставаться самим собой, у него все должно было получаться «на раз», как говорят музыканты. И если он падал, зрители должны были увидеть в этом трюк, а не срыв, за который Кате Можяевой всякий раз приходилось расплачиваться болью...

— Изобразить такую легкость и непринужденность было довольно сложно, — вспоминает Катя. — Колени и локти у меня были в незаживающих ранах. К тому же я очень уставала — мне ведь приходилось трудиться больше, чем другим: во время турне, помимо всего прочего, должна была ежедневно тренироваться на льду по 3—4 часа. Не только для того, чтобы завтра откататься чуть лучше, чем сегодня. Чтобы выжить...

Успех. Он сделал Антошку желанным гостем повсюду. И потому Кате Можяевой везде: в ФРГ и в Италии, в Турции и в Израиле — нужно было давать пространственные интервью, выступать в бесчисленных бесплатных представлениях и рекламных шоу... кроме того, переезжая из страны в страну, она должна была обучать Антошку новому языку, причем делая акцент на сленге, поскольку говорить «правильно», «как в учебнике», Антошка не может...

Однажды ледовый цирк выступал в Мюнхене. Можяеву пригласили на праздник баварского пива.

— Я была в своем цирковом костюме, — вспоминает она. — Но как только надену парик и загримируюсь, становлюсь Антошкой. Маска обязывает: я должна быть живой, энергичной и по возможности — остроумной.

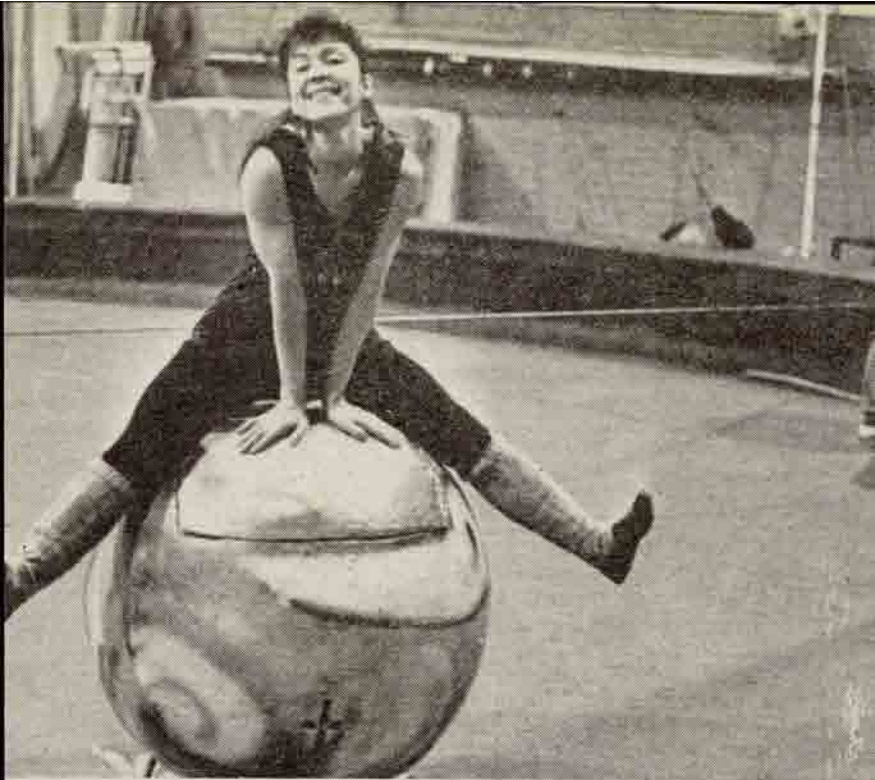
Маска тогда помогла мне: я смогла спрятаться за нее, утаив ото всех свои печали и чувство заброшенности.

Во время праздника познакомилась с одним из его организаторов, Альфредом Кестлером. После этого стала встречать его в каждом городе, в котором мы выступали. А в прошлом году мы поженились...

Мне давным-давно не двадцать, я должна спешить. В моих планах моноспектакль «Маленький принц», в который я хочу вместить все, что знаю о цирке.

Цирк — это нечто родственное церкви. Во-первых, есть внешнее сходство — купол, в основании которого круг. Во-вторых, и там и там — блеск, яркость, позолота, огонь... Но главное, конечно, в ином — в какой-то внутренней тождественности... И в церковь, и в цирк люди идут, чтобы поверить: есть и другая жизнь, в ином эмоциональном пространстве, где человек испытывает счастье от того, что общается с вселенским ценностям духа, а не потому, что у него острее зубы и крепче локти, чем у соседей по очереди...

Не хочу говорить о «Маленьком принце» подробнее, так как скорее всего я никогда не достигну своей цели: у меня вряд ли хватит на это сил и здоровья. Но я не могу не работать над моноспектаклем. Поэтому очень тороплюсь: живу, будто в скором поезде...

— Но вы все-таки нашли время, чтобы принять участие в московском международном фестивале клоунов...

— Я поддержала идею риска, которую увидела в замысле Терезы Дуровой, организовавшей фестиваль. И очень рада, что Терезе удалось сделать то, чего не мог осуществить «Союзгосцирк» за всю свою историю. Творческое состязание клоунов, состоявшееся в Москве, конечно же, не идет ни в какое сравнение с конкурсами-междусобойчиками, которые проводил раньше «Союзгосцирк» и где все награды были заранее поделены между «своими».

Во время отборочных туров я участвовала в работе жюри, но потом меня потянуло на арену, и я стала помогать участникам и как режиссер, и как ведущая. Вкалывала по 8—9 часов. Но это было не в тягость. Я ведь не только тратила энергию, но и получала ее, общаясь с очень яркими «рыжими» и «белыми» собратьями по профессии.

...Когда заканчивалась реконструкция здания старого цирка на Цветном бульваре, там в честь этого события должен был состояться концерт.

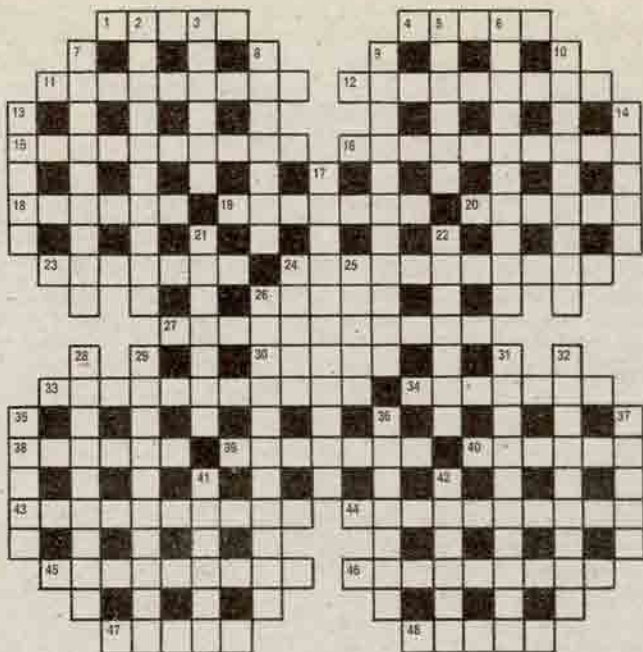
Артисты отправились на Цветной бульвар после репетиции, проходившей в цирке на Ленинских горах. Я ехал в «рафике» вместе с Катей Можяевой и дрессировщиками, которые везли медведей. И один медвежонок вдруг наступил лапой мне на колено. Я замер, боясь пошевелиться, чтобы он, не дай Бог, не убрал лапу.

— Ну что, нравится компания? — спросила меня Катя, заметив на моем лице выражение скупца, нашедшего драгоценность.

Я действительно был счастлив: прикосновение медвежонка от-

крыло мне доступ в то цирковое пространство, где неуязвимые артисты, умные животные и одушевленные предметы, прекрасно понимая друг друга, на равных создают волшебное зрелище.

Иллюзия, конечно. Но, может быть, иллюзия и реальность не могут обойтись друг без друга? Ведь не могут же существовать порознь Катя Можяева и Антошка, который постоянно чему-то учится, находя новых друзей и партнеров и оставаясь в то же время в неизменном мире детства, защищенный от всех бед своей создательницей, от рождения принадлежащей к братству «рыжих».

КРОССВОРД
Составил
М. Старобинец,
Нижний Новгород

По горизонтали:

1. Настольная папка с бумагой, конвертами. 4. Горы в Индии, где живет одноименный народ. 11. Крокодил, у которого «есть» собственная груша. 12. Прибор с делениями по Реомюру или Фаренгейту. 15. Время непосредственно перед событием. 16. Трио советских художников. 18. Знак прелинация. 19. Профессия почти каждого героя в последней части тетралогии Н. Гарина-Михайловского. 20. Родственница басни. 23. Одно из озер, где происходит действие в романах Ф. Купера. 24. Польский композитор, чьи отец и брат были пианистами, сестры Станислава — певицей, Анна — художницей, Зофья — поэтессой. 26. Город в Афганистане, основанный Александром Македонским. 27. Переворачивание, шевеление скошенной травы, чтобы она лучше сохла (по В. Далю). 30. Представитель живущего в Непале народа, который не ест говядину. 33. Беспорядочная смесь. 34. Пушкинский герой, за которым скакал Медный всадник. 38. Металл, чье первое применение — нити накаливания в электролампах. 39. Задира, в какие метит Моська из басни Крылова. 40. Винная ягода. 43. Береговая ласточка по распространению на земном шаре. 44. Пролив, где в 1807 году русский флот под командованием вице-адмирала Д. Сенявина нанес большой урон турецкому флоту. 45. Отопительное устройство. 46. Королевско-ладейный маневр. 47. Народное лекарственное средство. 48. Опера Ш. Гуно.

По вертикали:

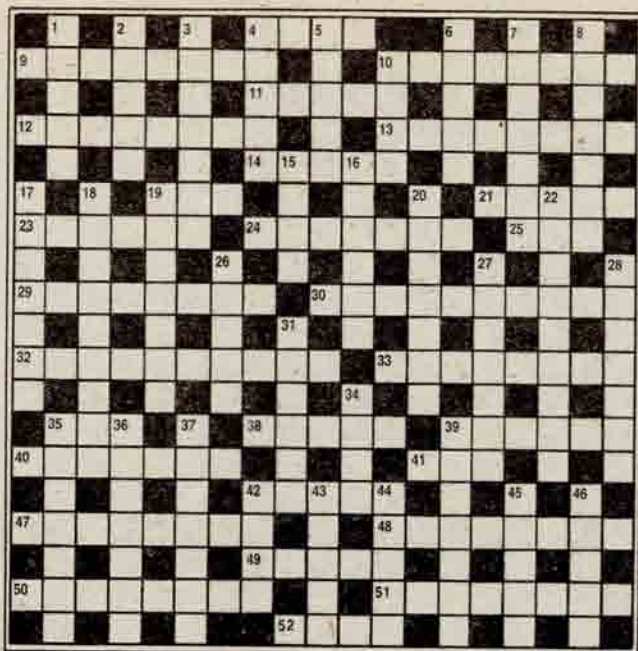
2. Круг полномочий судебного органа. 3. Начальник при мамлюках в Египте. 5. Морская рыба, чей жир из печени издавна известен как целебное средство. 6. Ученник среднего учебного заведения в дореволюционной России. 7. Фамилии Молчалин и Скалозуб у А. Грибоедова как литературный прием. 8. Большая толстая книга. 9. Теплообменник в теплотехнических устройствах. 10. Узкие планки для ограды. 13. Перечень учета имущества. 14. «Таборный человек». 17. Способ улучшения свойств металлов и сплавов. 21. Предмет теплой обуви, песню о которой проникновенно пела Лидия Русланова. 22. Русская ученая, первая в мире женщина, напечатавшая труды по химии. 24. Металлорежущий инструмент. 25. Неистовый французский революционер. 26. Высший командный состав армии. 28. Зимой белый, а летом рыже-бурый пушной зверь, кончик хвоста у которого всегда черный. 29. Двуногий растительноядный динозавр. 31. Первый советский электромузыкальный инструмент. 32. Утка, названная по своему крику. 35. Система норм нравственного поведения. 36. Государство с потухшим вулканом Чимборасо. 37. Хан, основатель Золотой Орды. 41. Самый скандальный роман В. Набокова. 42. Гречневая крупа.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10****По горизонтали:**

7. Утамаро. 9. Байонет. 10. Сонетка. 11. Оттиск. 12. Комета. 13. Аквагал. 14. Растр. 17. Изник. 20. Лапош. 23. «Юманите». 24. Ареопег. 25. Голос. 26. Руапеху. 27. ...Соколов (Кукрыниксы). 28. Амичи. 31. Динас. 34. Плят. 37. Вахушти. 38. Лансье. 39. Космос. 40. ...черница... 41. Воевода. 42. Примула.

По вертикали:

1. Флаттер. 2. Нунатак. 3. Хариус. 4. Циновка. 5. Детство. 6. Эйкман. 8. «Оскар». 9. Бакли. 15. Араваки. 16. Трирема. 18. Змескал. 19. «Ипполит». 20. Легуа. 21. Ралли. 22. Шасси. 29. Махорка. 30. Чашники. 31. Диаметр. 32. Наскок. 33. ...свеча... 34. Пикап. 35. Янский. 36. Тротуар.

По горизонтали:

4. Американская страна, на юг которой воробья завезли в 1904 году. 9. Страшный противник героя в волшебных сказках. 10. Герой одной из повестей Э. Т. А. Гофмана, восхищавший А. Ахматову поразительным сходством со Сталиным, поскольку наделен чарами: всякий хороший поступок, кто бы его ни совершил, в глазах толпы принадлежит ему. 11. Казанки, лодыжки, панки, шугаи (общее название игры). 12. Священная река инков. 13. Один из «птенцов гнезда Петрова». 14. Частица, название которой физик М. Гелл-Ман заимствовал из романа Д. Джойса «Поминки по Финнегану». 19. Режиссер, поставивший первый в СССР цветной фильм «Карнавал цветов». 21. Хищник, осенью и зимой в Таджикистане питающийся в основном плодами лоха. 23. Папков «находил, что Любинька похудела, или, как он выражался, «постервелла». — У тебя прежде... были, — допрашивал он ее, — сказывай, куда ты их девала?» (М. Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы»). 24. Иерарх, которому римский папа при освящении сана с VI века вручал перчатки. 25. Поставить на ... — пойти на смертельный риск. 29. Движение, испокон века заставляющее стариков морщить нос. 30. Украинский художник, с которого в картине «Залпорожцы пишут письмо турецкому султану» И. Репин рисовал бурсака (слева). 32. Жители полуострова, где в субботу перед Пасхой принято быстро ходить, бегать и прыгать, чтобы показать готовность к празднику. 33. Один из любимейших художников С. Дали. 35. Английский ботаник, первым описавший устьица растений. 38. Остров, с легких колебаний на котором в июле 1870 года в Греции началось страшное землетрясение, продолжавшееся три года.

39. Река, воспитавшая Ф. Гарсиа Лоркой. 40. Бензин как составная часть нефти, выделяемая при перегонке. 41. Всаделишний «комариный писк» (по В. Бианки). 42. Лад с большим трезвучием в основе. 47. Жрица, чей культ возник из древнего обычая, когда девушка, еще не ходившая в поле, поддерживала огонь в общественном очаге. 48. Перед началом важного дела древние прыгали через пламя костра (суть действия). 49. Красивая и умная женщина, душа жирондистской группы Конвента во время Великой французской революции. 50. Культурная башня в Месопотамии, предтеча египетских пирамид. 51. Римский император, при котором трапезные столы стали покрывать скатертями. 52. Время обручения жениха и невесты в Древнем Риме.

По вертикали:

1. Краткое изречение в индийской философии. 2. Прежняя столица Малави, расположенная на склоне одноименной горы. 3. Отличительное свойство прозы «Петербурга» А. Белого. 4. Один из основных объектов охоты амурской щуки. 5. Римская весовая единица, из которой возникли европейские марка и фунт. 6. Обезьяна, которую аборигены Мадагаскара считают солнцеклонницей. 7. Холодное рыбное блюдо в форме параллелепипеда. 8. Птица, летающая в воде. 10. Металл. В XIX веке человечество добыло его 11 373 тысячи тонн. 15. Болотная птица, чье «пение» напоминает мычание быка. 16. Автор знаменитой в свое время «Принцессы Грезы». 17. Четоточник. 18. «Преступная, но пленительная царица» (Н. Гумилев). 19. Искусство, возникшее из представлений жонглеров Франции, шпильманов Германии, скоморохов России, масхарабозов Средней Азии. 20. Наш ... везде поспел (поговорка). 22. «Мать» грозы, дождя, снегопада. 26. Дерево, на дровах из которого обжаривают сосиски. 27. Небесный соперник Марса. 28. Состояние, которое в икебана символизирует изогнутая ветка сосны. 31. Прimitивный лоток древних старателей Колхиды. 34. ... Като — японец, трижды покоривший Эверест. 35. Редактор журнала «Жупел», организовавший в 1919 году издательство, выпустившее сочинения М. Лермонтова с примечаниями А. Блока. 36. Потомки майя, у которых на мильялах (кукурузных полях) работают в основном мужчины, а в садах — женщины. 37. Новозеландец, один из первых двух людей, спавших на высоте 8500 метров. 39. Божественный дар, озаряющий жизнь великих людей. 42. Месяц, когда клесты выводят птенцов — семена ели в это время самые питательные. 43. Красный предмет одежды, каким Т. Готье на спектаклях по пьесе В. Гюго «Эрнани» зпатировал публику. 44. Форма клавишной пьесы Ф. Куперена «Жнецы». 45. Жители европейского города, на месте которого был военный лагерь, где умер знаменитый философ Марк Аврелий. 46. Вор-карманник.

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Голубятня. 10. Разведка. 11. Символизм. 12. Бернулли. 13. ...казнь... 14. Ямб. 17. Ильин. 18. ...сват. 19. ...хищения... 21. Уза. 23. Флейта. 26. Цори. 27. Юлия. 28. Лоррен. 29. ...Рук. 34. Инженер. 35. Зюсс. 36. Верес. 39. Йен. 40. Гинья. 41. Вдовушка. 43. Дифракция. 44. Тласкала. 45. Хризопраз.

По вертикали:

2. Ожидание. 3. Урванцев. 4. Ясли. 5. Низами. 6. Жакерия. 7. Шванк. 8. Эдельвейс. 9. Магистрат. 15. Блюз. 16. Пилон. 20. Тля. 21. Уир. 22. Аюк. 23. Финны. 24. Елизавета. 25. Аристофан. 26. Цех. 30. Урей. 31. Перископ. 32. Чечевица. 33. Зеркало. 37. Сениор. 38. Щучка. 42. Триз.

Шахматная эпиграмма

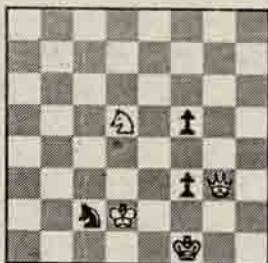

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных задач-миниатюр нашего годового конкурса. Напоминаем, что миниатюрами называются задачи, в которых количество фигур не превышает семи.

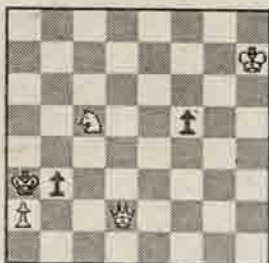
Как читатели могли уже заметить, некоторые авторы задач довольно часто «прорываются» на страницы журнала. Этим они обязаны как творческой активности, так и высокой конкурентоспособности своих произведений. В сегодняшней публикации есть немало и новых имен, которые, надеемся, в будущем станут столь же привычными для наших читателей.

76. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск Одесской обл.

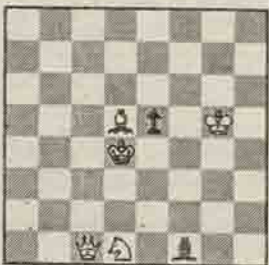
Мат в 2 хода

77. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

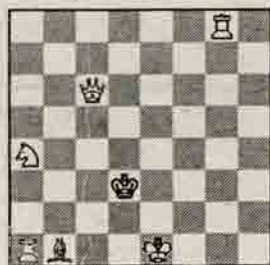
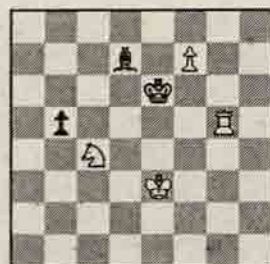
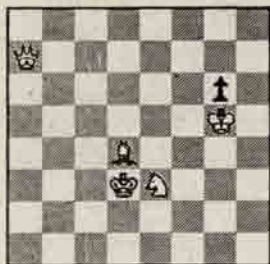
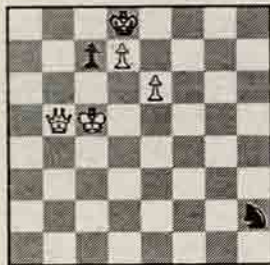
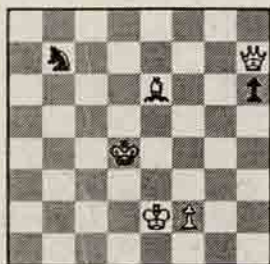

Мат в 2 хода

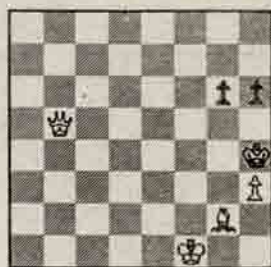
78. В. ПИЛЬЧЕНКО
г. Сухой Лог
Екатеринбургской обл.

Мат в 2 хода

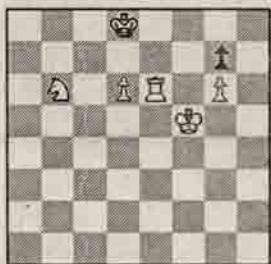
79. С. ЦЫРУЛИК*с. Озераны Гродненской обл.***Мат в 2 хода****80. В. СОЛДАТОВ***Запорожье***Мат в 2 хода****81. Н. ЗИНОВЬЕВ***г. Усть-Каменогорск***Мат в 3 хода****82. В. ГРЕБЕШКОВ***п. Середка Пековской обл.***Мат в 3 хода****83. В. КОЖАКИН***Магадан***Мат в 3 хода****84. В. ИВАНОВ***п. Повенец, Карелия***Мат в 3 хода**

85. О. САКС
п. Талая Мгаданской обл.

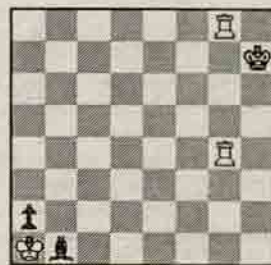
Мат в 3 хода

86. Е. БЕЛЯЕВ
Москва

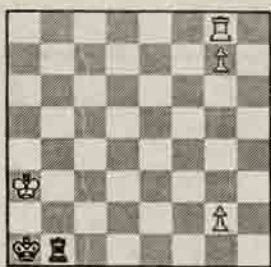
Мат в 3 хода

87. М. ЖИЦ
Калуга

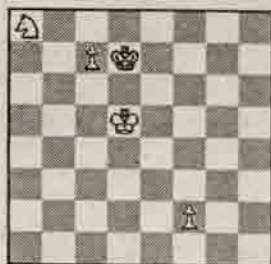
Мат в 4 хода

88. И. ЗАМОТАЕВ, Владивосток
В. КОВАЛЕНКО, г. Большой Камень

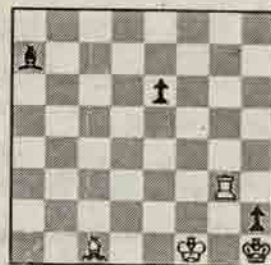
Мат в 5 ходов

89. С. ЗАХАРОВ
Санкт-Петербург

Мат в 7 ходов

90. Ю. ДОРОХОВ и В. ЩЕРБИНА
Донецк

Мат в 7 ходов

Игорь НОВИКОВ

Его ранние работы просты и непосредственны. Индустриальные пейзажи, незатейливые деревенские сценки, ничем не примечательные дома и домишки... Обыденная жизнь. Но странно, достаточно какого-нибудь штриха — вспыхнувшего луча солнца или вырвавшейся из-за туч сини неба, чтобы у зрителей появилось ощущение радости.

Перед Игорем Новиковым не стоял вопрос в выборе профессии. Он родился в семье художника. В доме его царил особый «дух искусства», прочно устоявшийся специфический запах красок. По выходным — обязательная «вылазка» за город, на этюды... Казалось, сама судьба предопределила его жизненный путь. Окончив Кишиневское художественное училище (семья жила тогда в Молда-

вии). Игорь продолжил учебу в Московском художественном институте имени Сурикова. Здесь впервые у него возникли проблемы. Он противился писать по правилам. Собственно художник тем и отличается от ремесленника, что не признает никаких канонов, догматов. Не сдерживает внутреннюю свободу. За своеобразное видение мира Игорь дважды рисковал остаться за стенами института. Но спасибо некоторым педагогам — отстояли.

Окончание института совпало с грандиозными переменами в нашей стране. Ослабление внутренней цензуры дало жизнь целому поколению новых имен, молодежные выставки разрушали застойные стереотипы. Проходили и ретроспективные выставки мастеров искусства XX века, ранее негласно запрещенных цензурой. — Малевича, Шагала, Филонова, Кандинского. И на холстах молодого художника возникли сюжеты, в точности повторяющие композиции Шагала. Однако персонажи Новикова не обладали индивидуальностью, а присутствовали скорее в виде статичных фигур, создающих напряженную отчужденность.

Постепенно Игорь переходил от наивных жанровых сценок деревенской жизни к сложным метафорическим образам, когда сама композиция дает нужный импульс восприятию и поиску истины.

Среди его работ нет ни одной случайной, сделанной на потребу моде или заказчику. Все, что появляется на холсте, выстрадано им.

Тревога и напряженность сложного современного мира оказывают воздействие на душу и образ мысли каждого человека. Часто в произведениях Игоря Новикова появляются странные, нелепые существа, лишенные лиц. Они пристально смотрят на безлюдный го-

род, в котором действуют свои вневременные законы. «Духи» (безголовые существа, лишенные индивидуальности) то парят над храмом, то беспомощно зависают в воздухе, бесплотные и бессильные. Что несут они в себе? Мир и спасение? Или неприятие и разрушение? Способны ли понять они, что нам дорог этот город с его храмом, как дороги души умерших близких нам людей. Как созвучно настроение этих картин состоянию современного человека, стоящего перед лицом надвигающейся тревожной действительности. Вживаясь в мир проникнутых мистицизмом образов Игоря Новикова, невольно становишься соучастником событий, в нем происходящих.

Сейчас можно сказать, что творческая судьба Игоря Новикова сложилась удачно. Он участник многочисленных выставок, проходивших в нашей стране и за рубежом. Его работы приобретают коллекционеры Австрии, Германии, Нидерландов, США, Финляндии, Польши, Швейцарии, Японии.

В мастерской Игоря царит атмосфера добра. Добро исходит от его картин, которые он с любовью и гордостью показывает всем, кто сюда приходит. И вы слышите язык его произведений, идущий от ума и души.

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВА

Пришелец.

Ночь в Успенъ день.

Осенний день.

Разговор.

Война.

ИНДЕКС 70820

Фредди МЕРКЮРИ

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: